Всемирная история

Елена БРАУН

РИЧАРД III И ЕГО ВРЕМЯ

РОКОВОЙ КОРОЛЬ ЭПОХИ ВОЙН РОЗ

Елена БРАУН

РИЧАРД III И ЕГО ВРЕМЯ

Елена БРАУН

РИЧАРД III И ЕГО ВРЕМЯ

Роковой король эпохи Войн Роз

Москва
«Вече»

УДК 93/94
ББК 63.3(0)4
Б87

Scan By Vitalius & Kali

Браун, Е.

Б87 Ричард III и его время. Роковой король эпохи Войн Роз / Елена Браун. — М. : Вече, 2016. — 432 с. : ил. — (Всемирная история).

ISBN 978-5-4444-3971-5

Знак информационной продукции **12+**

Ричард III (1452—1485), пожалуй, самый известный и самый загадочный король Средневековья. Он захватил трон, отстранив от власти собственных племянников, но современники не видели в его действиях ничего особенного; однако, уже через несколько десятилетий Ричарда III стали считать злодеем и предателем. Шекспир описал его как монстра, «урода, горбатого и телом, и душой», а уже в начале XVII в. у Ричарда III появились первые защитники. Историки спорят до сих пор – одни провозглашают его образцом добродетели, другие – двуличным выскочкой и убийцей. Каким Ричард III был на самом деле? Почему у него настолько скверная репутация? Ответы попытаемся отыскать в этой книге.

УДК 93/94
ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-4444-3971-5

© Браун Е., 2016
© ООО «Издательство «Вече», 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ричард III Йорк — личность поистине уникальная. Несмотря на то что он правил Англией всего два года (с 1483 по 1485-й), его царствование стало для историков буквально яблоком раздора. К настоящему моменту «великий спор» о Ричарде III длится почти 500 лет, но дискуссия все еще продолжается. В XIX—XX вв. исследователи до хрипоты и личных обид спорили о том, виновен ли Ричард в убийстве своих племянников, травил ли он жену, планировал ли жениться на собственной племяннице и т.д. и т.п. Дело доходило даже до открытых ссор, маститые историки в буквальном смысле переставали здороваться друг с другом. С течением времени страсти несколько утихли, аргументы стали менее эмоциональными, однако по-прежнему существуют ричардианцы и антиричардианцы, по-прежнему одни провозглашают Ричарда III великодушным правителем, которого погубили собственные отвага и благородство, а другие — кровавым тираном.

Разумеется, современные историки знают о Ричарде III намного больше, чем ученые XVIII—XIX вв. За время дискуссии защитники Ричарда сумели доказать несостоятельность большинства предъявлявшихся ему обвинений, но им не удалось ни оправдать совершенный им государственный переворот, ни выяснить судьбу племянников Ричарда III — знаменитых «принцев в Тауэре». Казалось бы, здесь и следовало поставить точку, перестать спорить и решить, что истина, как это обычно бывает, находится где-то посередине. Ричард III не был ужасным тираном, но и ангелом он тоже не был; его действия не вписываются в современные представления о морали, но не выходят за рамки типичного для XV в. уровня жестокости. Однако остановиться

на этом «среднем» уровне и описать царствование Ричарда III «без гнева и пристрастия» почему-то не получается. Каждый исследователь, взявшийся за создание биографии этого короля, либо начинает говорить об «аморализме Ричарда III» и «кровавом государственном перевороте» 1483 г., либо ревностно становится на его защиту. Наверное, именно в этом и кроется секрет обаяния последнего из Йорков — к нему невозможно остаться равнодушным.

Стоит отметить, что массовое сознание неравнодушно к Ричарду III несколько по-другому. О Ричарде Глостере знают все или почти все сколько-нибудь образованные люди, однако «расхожий» образ этого монарха не выходит за рамки одноименной трагедии Шекспира. Само имя Ричарда III вызывает в памяти освещенные факелами готические своды, интриги и тайные убийства, предательства и кровавые усобицы.

Достижения защитников Ричарда III известны в основном профессионалам и немногим любителям истории, для большинства он по-прежнему остается «шекспировским злодеем». Безусловно, сейчас мало кто допускает, что исторический Ричард III был в точности таким, каким его описал великий драматург, есть же, в конце концов, сценические условности, жанровое своеобразие литературного произведения. Но то, что настоящий Ричард III почти совершенно не походил на своего сценического двойника... для большинства людей эта мысль кажется кощунством и посягательством на высшие авторитеты.

В студенческие годы автору довелось столкнуться именно с таким восприятием проблемы. Через несколько дней после сдачи статьи о коронации Ричарда III в университетский сборник раздался звонок разгневанного научного редактора. Сотрудница издательства просто не могла поверить, что какая-то студентка всерьез утверждает, будто Ричард III имел вполне приятную внешность. В это время останки Ричарда III еще не были найдены, а ссылки на хроники и свидетельства очевидцев показались редактору откровенно смехотворными. В финале нашей беседы

сотрудница издательства с нескрываемым презрением осведомилась: «Вы что, даже Шекспира не читали?!» Именно после этих слов у автора впервые появилась самонадеянная мысль написать биографию Ричарда III. С тех пор прошло много лет, однако создание биографии последнего короля из династии Йорков по-прежнему представляется делом, требующим определенной смелости.

Главное затруднение состоит в том, что Ричард III отнюдь не обделен вниманием историков. В британской и американской историографии существует несколько фундаментальных, по-хорошему дотошных биографий этого монарха. Более того, царствование Ричарда III рассматривается почти в каждой работе, посвященной политической истории Англии второй половины XV в., а таких работ не одна сотня. О последнем короле из династии Йорков писали немцы, французы, поляки и даже японцы. Активно действует международное «Общество Ричарда III», проводятся регулярные конференции, выходит научный журнал «Ричардианец».

В России ситуация несколько хуже. Из произведений, более или менее близких к XV в., русскоязычному читателю доступны всего два — одноименная трагедия Шекспира и крайне тенденциозная «История Ричарда III» Томаса Мора. Научная историография также выглядит не слишком впечатляюще. Ричарду III посвящена шестая глава классической монографии М.А. Барга «Шекспир и история». Его правление освещается в нескольких книгах о Войнах Роз. Не так давно на русский язык была переведена книга Питера Хеммонда «Ричард III и битва при Босворте». Вскоре в серии ЖЗЛ должна появиться книга Вадима Устинова.

И все же еще одно исследование о жизни последнего монарха из династии Йорков имеет смысл. Как правило, историки пишут именно о короле. В среднестатистической биографии из 320 страниц Ричарду Глостеру посвящено страниц пятьдесят, все остальное — подробнейший рассказ о правлении Ричарда III.

На деле соотношение было обратным — Ричард захватил трон в 30 лет и правил всего два года. Эта книга не о короле, а о человеке. Она представляет собой попытку воссоздать жизненный путь Ричарда III, проследить его необычную, в полном смысле слова трагическую судьбу и показать, как и почему король, пользовавшийся вполне рядовыми для XV столетия политическими методами, постепенно был превращен в монстра.

В образе Ричарда III история и драма, факты и мифы переплелись столь причудливо, что начинать лучше именно с мифа. Прежде чем обратиться к жизни настоящего Ричарда III, попытаемся вглядеться в черты той гротескной маски, которую мы привыкли принимать за его настоящее лицо. Может быть, мы рассмотрели ее недостаточно внимательно? Может быть, и шекспировский Ричард окажется не тем злым, но, в сущности, очень несчастным человеком, которого мы видим на современных театральных подмостках?

Глава 1
«УРОД, ГОРБАТЫЙ ТЕЛОМ И ДУШОЙ»[1]. РИЧАРД III В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ШЕКСПИРА

Сценический Ричард III — персонаж хорошо известный и, если можно так выразиться, вполне доступный. Для того чтобы познакомиться с ним, не нужно идти в библиотеку за специальной литературой или разбираться в документах XV в. — вполне достаточно взять с полки томик Шекспира или купить билет на одну из современных постановок одноименной трагедии. Однако именно эта простота и создает главное затруднение, ведь тот Ричард III, которого мы можем увидеть на театральной сцене, имеет не так уж много общего с персонажем классической шекспировской трагедии.

Театр — это живое и постоянно меняющееся искусство, он должен говорить со зрителем о том, что интересно и важно именно сейчас и, разумеется, на понятном ему языке. Со времен Шекспира изменились не только декорации, но и трактовка персонажей. Современные постановки Ричарда III показывают не преступления этого монарха (нынешнего зрителя «кровавыми деяниями» удивить очень непросто), а развитие его личности. Актеры пытаются выяснить, почему Ричард Глостер стал убийцей и тираном, ищут объяснения в его физических недостатках, тяжелом детстве и непонимании окружающих[2]. В результате

[1] Так Ричарда III называет один из героев драмы «Генрих VI» — лорд Клиффорд.

[2] Именно такого, по-своему несчастного и страдающего, Ричарда III играет Константин Райкин на сцене «Сатирикона».

«современный» Ричард III вызывает не осуждение, а жалость; зритель понимает, что это был несчастный человек, с детства лишенный любви и потому сам не способный испытывать добрые чувства.

В «психологической» версии Ричарда III его действия — всего лишь отражение душевных порывов, поэтому в памяти остается лишь самая общая картина: Ричард Глостер был горбатым уродом, он совершил государственный переворот, убил своих малолетних племянников и совершил еще несколько более мелких преступлений, каких, не столь уж важно.

Для зрителей XVI в., и прежде всего для самого Шекспира, все выглядело совершенно иначе. Ричард III был не абстрактным злодеем, жившим в незапамятные времена; все отлично знали, что этого ужасного тирана сверг с престола дедушка ныне царствующей королевы Елизаветы. В конце XVI в. пьеса о Ричарде III была, наверное, так же актуальна, как для современного российского зрителя постановки о Сталине или Хрущеве. Единственная и очень существенная разница заключалась в том, что никакой разноголосицы в оценке правления Ричарда III во времена Шекспира не было и быть не могло — власти следили за этим очень жестко.

К тому моменту, когда Шекспир начал создавать свои пьесы, миф о Ричарде III был уже полностью сформирован. Придворным историкам Тюдоров понадобилось меньше пятидесяти лет, чтобы превратить обычного, в сущности, короля в некий отрицательный эталон. Эта интереснейшая трансформация человека в монстра будет подробно проанализирована в заключительных главах, а пока имеет смысл просто принять тюдоровский миф как данность. На некоторое время выведем «пропагандистский» образ Ричарда III из зоны критики и не будем обращать внимания на многочисленные исторические несоответствия.

Итак, историки первой половины XVI в. «установили», что последний король из династии Йорков был тираном, совершил множество преступлений и, наконец, отличался удивительным

уродством. Фактически это был готовый материал для драматургов — тот самый идеальный злодей, наличие которого так украшает любое литературное произведение.

Известно, что Шекспир не был профессиональным историком, его знаменитые «Исторические хроники» — это пьесы, в которых воспроизводились всем известные исторические факты во всей известной последовательности. Произведения Шекспира пользовались бешеной популярностью не потому, что он по-своему интерпретировал историю Англии, совсем наоборот. Огромное большинство шекспироведов полагают, что у драматурга не было собственных, оригинальных исторических воззрений. И тем не менее многих английских королей мы представляем именно такими, какими их описал Шекспир. Гениальному драматургу удалось нечто гораздо более важное, чем открытие нескольких новых фактов — он вдохнул жизнь в сухие строки хроник и исторических трудов. Созданные им образы Генриха V, Генриха VI, Ричарда III внутренне логичны и доведены до драматического совершенства, это почти живые люди.

В случае Ричарда III имеет смысл сделать еще одно уточнение — шекспировский Ричард Глостер действительно почти как живой и... почти как человек. Дело в том, что описанный Шекспиром злодей человеком не был, а был ни больше ни меньше как квинтэссенцией вселенского зла, потусторонним созданием, посланным в мир для того, чтобы Англия познала все ужасы тирании и гражданской войны.

Такое утверждение вызывает законное недоверие. Одно дело — злодей и тиран, враг царствующей династии, и совсем другое — исчадие Ада. Для того чтобы разобраться в этом вопросе, попробуем, опираясь на материалы трагедий «Генрих VI» и «Ричард III», восстановить жизненный путь шекспировского Ричарда Глостера.

Итак, все началось с того, что в 1452 г. у благородных и достойных родителей — герцога Ричарда Йорка и его супруги — родился третий ребенок. Шекспир описал рождение Ричарда

Глостера так, чтобы у зрителей не осталось ни малейших сомнений — этому созданию уготована самая ужасная судьба. Появление Ричарда на свет сопровождалось множеством зловещих предзнаменований:

Когда рождался ты, сова кричала,
Безвременье вещая, плакал филин,
Псы выли, ураган крушил деревья,
Спустился на трубу зловещий ворон,
И хор сорок нестройно стрекотал.

Однако знамениями дело не ограничилось — шекспировский Ричард Глостер появился на свет недоношенным и к тому же «вперед ногами». На взгляд современного человека, эти обстоятельства настолько банальны, что попросту не заслуживают отдельного упоминания. Во времена Шекспира все обстояло иначе. Преждевременные роды и неправильное положение плода рассматривались как нарушение сложившегося, Богом данного порядка вещей. В Средние века и в раннее Новое время все, что выходило за привычные рамки, объясняли вмешательством сверхъестественных сил. Если речь шла о чем-то благом, то говорили о Божьей воле или об ангелах. Все злое, включая болезни, неурожаи, и в том числе появление недоношенных, т.е. нежизнеспособных, детей, объясняли происками Сатаны.

Рождение ногами вперед — также весьма зловещий знак, предвещающий ребенку трудную, несчастливую жизнь. В XVI в. в истинность этой «приметы» верили даже образованные люди. Сами роды Шекспир описывает как очень тяжелые: «Мать твоя... страдала больше, чем матери другие...» По-видимому, эта деталь была призвана подчеркнуть общую неестественность, неправильность появления на свет будущего великого злодея.

Но и это еще далеко не все. Родившийся «до срока» младенец был таков, что возникали серьезные сомнения в его принадлежности к человеческому роду. Вместо обычного ребенка на свет

появился «бесформенный, уродливый комок… с зубами». При этом Шекспир сразу же уточняет, что зубы — это не просто зловещая деталь, это знак: «С зубами ты родился в знак того, что в мир пришел, чтобы терзать людей».

В совокупности картина создается жуткая, до боли напоминающая завязку фильма ужасов: мрачный средневековый замок, стены которого содрогаются под порывами бури, тяжелые роды, и вот, под завывание собак и крики воронья, на свет появляется уродливое существо, которое и младенцем-то не назовешь.

К тому же это существо ведет себя так, как нормальному ребенку не положено — оно сразу же начинает есть твердую пищу: «Через два часа после рожденья мог корку грызть…» Логично было бы предположить, что такой зубастый и прожорливый младенец должен быстро расти, но получается как раз наоборот. Устами матери Ричарда III Шекспир утверждает, что «в младенчестве он был такой заморыш, так плохо рос…».

Еще одной несообразностью Ричарда-младенца являлось его поведение. Шекспир не вдается в детали, он отмечает, что ребенком тот был «злым и своенравным». В данном случае речь явно идет о чем-то большем, чем детские шалости или сложный характер. В беседе с сыном мать Ричарда горестно восклицает: «Ты вышел в мир и, как Бог свят, мир для меня преобразился в Ад…» Затем она просит сына: «Припомни-ка хотя единый час, когда бы от тебя я знала радость». На это Ричард честно отвечает: «Не помню».

Пытаясь представить себе Ричарда III в раннем детстве таким, как его описал Шекспир, мы видим необычайно уродливое, злобное, прожорливое и в то же время хилое существо, которое самим фактом своего существования отравляет жизнь матери. Любопытно, что редкий по силе эмоциональный эффект достигается без всякого привлечения новых фактов. Просто то, что историки XVI в. осторожно называли слухами и домыслами (рождение Ричарда с волосами и зубами, зловещие знамения

и прочее)[1], Шекспир передает как непреложную истину и, как правило, гиперболизирует. Созданный такими средствами облик Ричарда-младенца кажется настолько гротескным, что невольно заставляет искать какие-то сказочные, фольклорные параллели.

На первый взгляд, мысль об использовании элементов народной демонологии в образе Ричарда III может показаться излишне смелой, однако не стоит забывать о том, что именно в XVI столетии антиведовская истерия в Европе достигла своего пика. В Англии, Франции и других станах люди верили, что духи зла и их слуги ежеминутно вмешиваются в жизнь истинных христиан; сотни женщин и мужчин сжигали на кострах по самым абсурдным обвинениям. Происками ведьм объясняли эпидемии, гибель посевов и даже войны. Для того чтобы понять, каких масштабов во времена Шекспира достигал страх перед ведьмами, достаточно привести несколько строк из демонологического трактата Тиффорда, вышедшего в свет в 1593 г., т.е. фактически одновременно с «Ричардом III». Один из героев этого построенного в форме диалогов сочинения говорит: «Когда я выхожу в сад, я пугаюсь, поскольку все время вижу зайца, который, как подсказывает мне мое сознание, является ведьмой или каким-то ведьминым духом — так пристально он смотрит на меня. Иногда я вижу мерзкую ласку, пробегающую через мой двор, а иногда в амбаре мне попадается большой облезлый кот, который мне также подозрителен».

Нелишним будет подчеркнуть, что массовые преследования ведьм в Англии начались как раз во времена Шекспира. В 1563 г. был принят закон против колдовства, за которым последовало множество судебных процессов. В то самое время, когда Шекспир писал свои «Исторические хроники», людей сжигали на кострах за то, что они якобы кормили демонов собственной кровью, колдовством уничтожали посевы, собирались на

[1] Например, Томас Мор отмечает: «люди говорят», будто Ричард III родился с зубами во рту, и, возможно, эти люди «по злобе болтают лишнего».

шабаш, наводили порчу и вступали в сексуальные отношения с Дьяволом. Англичане были уверены, что все эти преступления совершаются на самом деле, такой же неопровержимой реальностью для них было и существование персонажей народной и ученой демонологии.

Шекспир, разумеется, не мог остаться вне представлений эпохи, напротив, он достаточно широко использовал фольклорные демонические образы. В качестве примера можно привести хоты бы хрестоматийных ведьм из «Макбета». Любопытно, что макбетовские ведьмы обладают полным набором фольклорных черт — они летают по воздуху, наводят порчу на людей и животных, варят зелья и предсказывают будущее. Знаменитая «тень отца Гамлета» также отсылает нас к миру грез. Изрядная доза мистики присутствует и в драмах, посвященных Войнам Роз — герцогиня Глостер занимается вызыванием духов; несчастья героев, как правило, объясняются тем, что кто-то наслал на них проклятие, персонажи пророчествуют, видят вещие сны и т.п.

Череду примеров можно было бы продолжать довольно долго, главное, что наличие фольклорных мотивов в произведениях Шекспира позволяет предположить — драматург вполне мог придать Ричарду-младенцу сходство с неким сказочным демоническим персонажем. И такой персонаж действительно есть — это так называемый ребенок-подменыш, т.е. существо, которым черти или феи заменили настоящего человеческого младенца. Подменыш из британских легенд обычно отличается каким-то уродством, очень часто это горб на спине или сухая рука (оба эти элемента присутствуют в облике Ричарда III). Подменыш ведет себя агрессивно, он постоянно кричит, не дает родителям ни минуты покоя и непрерывно требует пищи. Однако человеческая еда не идет впрок дьявольскому созданию, он постоянно болеет и почти не растет. Наконец, в первые же дни после рождения у подменыша вырастают все зубы (Ричард уже родился с зубами).

Разумеется, в данном случае речь идет именно о сходстве, а не о тождестве. Шекспировский Ричард III всего лишь похож на подменыша, но в XVI в. такие намеки вещь вовсе не безобидная и, тем более, не случайная. Шекспир ясно говорит своим зрителям — в Ричарде-ребенке было что-то дьявольское, это не нормальный младенец, а выходец из потустороннего мира.

Детство и юность Ричарда III в «Исторических хрониках» попросту отсутствуют, если не считать короткой фразы матери будущего короля: «Ребенком ты был злым и своенравным, а в юности — бесстрашным, дерзким, наглым». Впервые Ричард III появляется на сцене в конце второй части «Генриха VI». Описанные в ней события относятся к 1455 г. Несмотря на то что историческому Ричарду III в то время было всего 3 года, шекспировский персонаж выглядит вполне взрослым — он на равных участвует и в битве на мечах, и в словесных перепалках.

При чтении «Генриха VI» сразу же обращает на себя внимание то, что Ричард показан в драме очень статично. Исходный текст Шекспира мало способствует современным психологическим трактовкам — герой не развивается, зрители с самого начала знают, что перед ними злодей, убийца и властолюбец. Ричард едва успевает произнести первые две реплики, как его обзывают «кучей злобы», «гнусным недоноском», «уродом, горбатым телом и душой». В дальнейшем ситуация остается стабильной — Ричарда ругают гораздо чаще и жестче, чем других персонажей. Тематика оскорблений довольно однообразна — в огромном большинстве случаев они касаются внешности Ричарда III.

Шекспировский Ричард Глостер действительно дает повод для таких насмешек — в его облике нет ни одной привлекательной или хотя бы обычной черты — все искажено и изломано. Даже простое перечисление физических недостатков Ричарда впечатляет — это огромный горб, кривые плечи, высохшая левая рука, необычайно малый рост, хромота и, наконец, злое, уродливое

лицо. В первой же сцене трагедии «Ричард III» ее главный герой дает себе поистине убийственную характеристику:

Я, слепленный так грубо, что уж где мне
Пленять распутных и жеманных нимф;
Я — у кого ни роста, ни осанки,
Кому взамен мошенница природа
Всучила хромоту и кривобокость;
Я, сделанный небрежно, кое-как
И в мир живых отправленный до срока
Таким уродливым, таким увечным,
Что лают псы, когда я прохожу.

В современном человеке такая картина вызывает сочувствие, мы предполагаем, что перед нами несчастный беспомощный инвалид, жалующийся на свою судьбу. Однако весь сюжет «Генриха VI» и «Ричарда III» показывает, что Ричард вовсе не беспомощен, наоборот, перед нами на редкость активный, испорченный, беспринципный и опасный человек. Очевидно, что, описывая внешность Ричарда III, Шекспир рассчитывал на принципиально иной художественный эффект.

Для зрителя XVI столетия увечья Ричарда — вовсе не повод для сострадания, это некое порочное клеймо. В те времена тело воспринималось как зеркало души. Телесная красота считалась символом душевного благородства, а любой недостаток обозначал испорченный характер. В русском языке до сих пор сохранилось расхожее выражение: «Бог знает, кого метит», — эта фраза как нельзя лучше выражает отношение к людям с нестандартной внешностью в Средневековье и раннее Новое время.

Миф о том, что Ричард III якобы был уродом, придумали именно для того, чтобы сделать вымышленные преступления этого монарха более достоверными. У Шекспира уродство Ричарда доведено до немыслимых, нечеловеческих пределов и выступает как зримый признак злобной, искалеченной души:

А ты не вышел ни в отца, ни в мать,
Но безобразный, мерзостный урод
Судьбой отмечен, чтоб тебя бежали,
Как ядовитых ящериц иль жаб...

Стоит подчеркнуть, что перед нами не просто описание отталкивающей внешности. В XVI в. жабы и ящерицы считались нечистыми существами. Жаба — классическая фигура возрожденческой демонологии, с этими животными связан целый пласт верований. Считалось, что ведьмы держат ручных жаб и кормят их собственной кровью, что жабы помогают ведьмам в колдовстве, что части тела жаб имеют сильные магические свойства. Для нас наиболее интересно то, что способность превращаться в жаб приписывалась ведьмам и колдунам, черти также очень охотно принимали этот облик. Иными словами, во времена Шекспира сравнение с жабой было фактически равнозначно обвинению в связи с нечистой силой.

Внешность шекспировского Ричарда III наводит на мысль о чем-то нечеловеческом по еще одной причине. Банальная логика подсказывает, что горбатый, кривобокий, хромой мужчина с высохшей левой рукой должен иметь весьма ограниченные физические возможности. Выражаясь медицинским языком, это инвалид как минимум второй группы. Он конечно же может участвовать в политической жизни, плести интриги, отдавать приказы об убийствах, но сражаться и убивать он, скорее всего, не способен. Однако и в «Генрихе VI» и в «Ричарде III», Ричард Глостер расправляется со своими жертвами собственноручно. Да что там убийства, шекспировский Ричард участвовал во всех сражениях Войн Роз и, что самое интересное, показал себя отменным воином. Например, о битве при Босворте Шекспир пишет:

Нечеловеческие чудеса
Творит король, опасность презирая.
Он потерял коня, он бьется пешим,
В пасть к смерти рвется...

Еще раз подчеркнем: «чудеса» с мечом в руках творит тот, кто по всем законам физики и передвигаться-то должен был с трудом. Для человека это совершенно невозможно, но если допустить, что шекспировский Ричард — существо сверхъестественное, все становится на свои места. В XVI столетии даже дети знали, что «вся земля преисполнена демонами, и что демоны эти принимают необычайно уродливый, гротескный, иногда даже абсурдный, но, как правило, человекообразный облик[1]. Ученые демонологии трактовали уродство демонов как символ их злобы и неупорядоченности, нестабильности самой демонической природы. Народная традиция просто констатировала факт — если черти прикидываются людьми, их можно узнать по уродству (или в чрезвычайно редких случаях по неземной красоте). При этом сила демонического существа совершенно не зависит от формы его тела. Вполне вероятно, что, подчеркивая увечность Ричарда III, так очевидно не сочетающуюся с его воинскими подвигами, Шекспир намекал, что Ричард — это не просто тиран и убийца, это почти что демон, посланный на землю.

Собственно, в третьей части «Генриха VI» Ричард прямо заявляет о том, что не считает себя обычным человеком:

...Я не знаю
Ни жалости, ни страха, ни любви...
Раз небо мне дало такое тело,
Пусть Ад и дух мой также искривит...
Нет братьев у меня — не схож я с ними.
И пусть любовь... живет в сердцах людей
Похожих друг на друга, — не во мне.
Один я.

Бесспорно, в этих словах звучит отчаяние юноши, чья внешность настолько ужасна, что он чувствует себя изгоем. Однако

[1] Изображения демонов, выполненные в позднее Средневековье и раннее Новое время, зачастую показывают совершенно фантастических существ, например, с глазами и ртами на коленях и локтях.

в них есть и прямое обращение к силам зла, и добровольное, сознательное отречение от семьи и всего рода людского. В нынешнем толерантном обществе такими заявлениями никого не удивишь. Во времена Шекспира всем было ясно, что, обращаясь к Аду и отрекаясь от всего человеческого, Ричард попросту повторяется — нормальная жизнь в Европе была возможна только внутри христианского сообщества. Вне семьи верующих находились только слуги Дьявола, уничтожение которых являлось святой обязанностью каждого христианина.

Представим, что в конце XVI в. в Лондоне, поблизости от театра «Глобус», в котором Шекспир ставил свои пьесы, жил некий мистер Смит с внешностью Ричарда III и необычайно скверным характером. И вот однажды соседи случайно услышали, как он произносит нечто подобное. Дальнейшая судьба мистера Смита была бы трагической. На него донесли бы немедленно, приписав его колдовству все несчастья последних лет (сосед мистера Смита сломал ногу, у соседки мистера Смита случился выкидыш, а у других соседей все время болеют дети, урожай в этом году плохой и т.д.). Мистера Смита ждали бы тюрьма, пытки и, вполне вероятно, мучительная казнь (в последние годы правления Елизаветы на костер отправляли более 40 % арестованных по обвинению в колдовстве).

Стоит отметить, что не только сам Ричард III, но и другие персонажи «Исторических хроник» противопоставляют его человеческому роду. Например, будущая супруга Ричарда — Анна Невиль — прямо называет его Сатаной. Когда Ричард запугивает слуг, она восклицает:

> Как! Вы дрожите? Страх вас обуял?
> Увы! Не порицаю вас: вы — люди,
> Слепит глаза людей вид Сатаны.

Такие высказывания повторяются постоянно на протяжении всего действия. Ричарда едва ли не в каждой сцене называют

«Дьяволом», «Сатаной», «гнусным исчадьем Ада», «демоном», «нечистым духом», «василиском», «адским псом» и т.д. Шекспир буквально вдалбливает в голову зрителей устойчивую смысловую связку «Ричард Глостер = Дьявол». Думается, современники Шекспира выходили из театра вполне убежденными. Тем более что за несчастьями, которые обычно происходят вокруг тех, кто связан с нечистой силой, дело не стало. Шекспир блестяще показывает, что все кровавые драмы эпохи Войн Роз происходили при самом непосредственном участии Ричарда III.

Шекспировский Ричард Глостер начал свою «противоправную деятельность» с того, что подстегивал честолюбивые устремления отца и брата, толкал их к продолжению гражданской войны. По мнению Шекспира, именно Ричард убедил своего отца Ричарда Йорка свергнуть с престола «святого» короля Генриха VI Ланкастера.

Шекспир сообщает, что Ричард Йорк, который действительно имел больше прав на корону, чем царствовавший Генрих VI, предъявил права на престол и выступил против короля с оружием в руках. Но после того как Парламент признал Йорка наследником короны, его честолюбие было удовлетворено, и он поклялся верно служить Генриху VI. Гражданская война, казалось, прекратилась, и вот в этот-то момент сыновья и сторонники начали активно убеждать герцога Йорка добиться не призрачного права на наследование, а самой короны. Шекспир вкладывает решающие аргументы именно в уста Ричарда Глостера:

Ведь... Генрих незаконно трон присвоил...
Итак, к оружию! Отец, подумай,
Как сладко на челе носить корону...
...Не успокоюсь
Пока цветок свой белый[1] не окрашу
Холодной кровью Генрихова сердца.

[1] Имеется в виду белая роза, считавшаяся геральдической эмблемой дома Йорков.

Эти слова могли бы стать девизом шекспировского Ричарда III — единственными чувствами, которые он способен испытывать, стали чудовищное властолюбие и жажда отомстить тем, кто стоит между ним и троном.

Итак, если верить Шекспиру, новый виток кровопролитной гражданской войны был начат во многом из-за подстрекательств Ричарда. Результаты его вмешательства не заставили себя долго ждать — в первой же битве погибает младший брат Ричарда — Рэтленд, которого Шекспир представляет еще ребенком, затем победившие сторонники Генриха VI казнят Ричарда Йорка.

Теперь сыновья Йорка начинают мстить за отца, причем первым о мести заговаривает именно Ричард: «Отмщу за смерть твою или умру… Должны мы… мстительной рукою начертать на шлемах вражеских молитвы наши». Мстительность Ричарда буквально не знает границ, уже над трупом человека, убившего его отца и брата, он восклицает:

Он, значит, мертв. Клянусь я, будь возможно
Ценой руки вернуть его мне к жизни
На два часа, чтоб насмеяться вволю,
Одной рукой отсек бы я другую…

Битвы следуют за битвами; чтобы подчеркнуть жуткий, братоубийственный характер Войн Роз, Шекспир вводит двух эпизодических персонажей — сына, убившего отца, и отца, убившего своего сына.

Любопытно, что в разгаре гражданской войны, когда его старший брат Эдуард IV только утверждается на престоле, отвоеванном у Генриха VI, Ричард уже планирует захват власти. Фактически его план состоит в том, чтобы погубить всех, кто мешает ему стать королем. Готовящемуся вступить в брак Эдуарду IV Ричард желает, чтобы «не произошло от чресл его надежной ветви», и тут же сетует:

Все ж между мною и желаньем сердца, —
Коль даже сгинет линия прямая
Распутного Эдварда, — встанет Кларенс[1],
Иль Генрих[2] с сыном юным Эдуардом...
Стоят меж мной и троном много жизней...
Что ж, я могу с улыбкой убивать...
Ужели так венца не получу?
Будь вдвое дальше он, его схвачу!

Сам Ричард объясняет желание властвовать тем, что других радостей в жизни у такого, как он, попросту нет:

Таков ли я, чтобы меня любили?
О, дикий бред — питать такую мысль!
Но раз иной нет радости мне в мире,
Как притеснять, повелевать, царить
Над теми, кто красивее меня, —
Пусть о венце мечта мне будет небом.
Всю жизнь мне будет мир казаться Адом,
Пока над этим туловищем гадким
Не увенчает голову корона.

Вроде бы в этом монологе Ричард показывает себя не монстром, а именно тем несчастным человеком с изломанной психикой, которого можно увидеть в современных постановках трагедии. Запомним эту реплику Ричарда и вернемся к ней чуть позже, когда в него неожиданно влюбится красавица Анна Невиль.

Итак, Ричард решает пробиваться к трону. Очень скоро судьба предоставляет ему такую возможность. Гражданская война возобновляется, и Ричард начинает устранять одного соперника за другим. Первой жертвой его мстительности оказывается юный

[1] Речь идет о втором по старшинству сыне Ричарда Йорка — Джордже, герцоге Кларенсе.

[2] Король Генрих VI Ланкастер.

принц Эдуард Ланкастер, которого Ричард убивает после победы Йорков при Тьюксберри. Правда, в этом убийстве у Ричарда есть соучастники — несчастного принца закалывают все три сына Ричарда Йорка. Впрочем, Глостер все равно идет дальше своих братьев. Когда убитая горем мать принца Эдуарда — королева Маргарита — просит убить и ее, Ричард пытается оказать ей эту сомнительную «услугу». Его руку буквально в последний момент перехватывает старший брат. Слова, которыми королева Маргарита просит о смерти, весьма показательны:

Где ж дьявольский мясник?
Где богомерзкий Ричард? Ричард, где ты?
Как милостыню ты творишь убийство,
Не прогоняешь ты просящих крови.

Нельзя не отметить, что к этому моменту Ричард, во всяком случае на сцене, еще не сделал ничего, чтобы заслужить такую характеристику. Он всего лишь сражался в битвах, как и многие другие аристократы. Да, он убил сына Маргариты, но удары наносили и герцог Кларенс, и Эдуард IV. Между тем, когда королева обращается к Эдуарду и Кларенсу с просьбой прекратить ее страдания, она вообще не употребляет бранных выражений. Королева просит Эдуарда: «Сюда ударь, убийце я прощу», тот отказывается, и королева умоляет: «Исполни, добрый Кларенс, милый Кларенс!» Ненависть Маргариты Анжуйской именно к Ричарду кажется абсолютно немотивированной и нелогичной. Возможно, Шекспир хотел подчеркнуть — Ричард Глостер — злодей настолько высокой пробы, что вызывает инстинктивное отвращение; может быть, драматург намекал на некие неизвестные зрителям прошлые преступления Ричарда; а может быть, отношение окружающих к Ричарду Глостеру — это своего рода «аванс» за будущие злодейства.

Первое, выражаясь современным юридическим языком, умышленное убийство шекспировский Ричард III совершает

сразу же после расправы с принцем Эдуардом Ланкастером. Он по собственной инициативе отправляется в Тауэр, чтобы покончить с низложенным королем Генрихом VI — последним, кто мешает безбедному существованию новой династии Йорков.

Сцена убийства Генриха VI — безусловно, одна из лучших в одноименной трагедии. В ней использована целая «обойма» не новых, но безотказно работающих ролевых клише:

Злодей, на чьих руках еще не высохла кровь сына, убивает безутешного отца.

Молодой преступник расправляется с человеком старым и немощным.

Великий грешник является в темницу святого, и тот пророчествует перед мученической кончиной.

На человека XVI в., да и на современного читателя, именно последняя, мистическая линия производит самое глубокое впечатление. Вместо того чтобы стать пассивной жертвой, Генрих VI окончательно расставляет смысловые акценты. В первой же реплике низложенного короля Ричард Глостер прямо уподобляется черту:

> Да, добрый лорд... «Милорд» сказать бы надо.
> Льстить грех, а словом «добрый» я польстил.
> Ведь «Добрый Глостер» или «Добрый Дьявол» —
> Одно и то же и равно нелепо.

Дальше — больше. Обменявшись с Ричардом несколькими фразами, Генрих VI впадает в пророческий экстаз, и зрителям становятся известны поистине ужасные вещи — низложенный король говорит о зловещих предзнаменованиях, сопровождавших рождение Ричарда, о сверхъестественных подробностях его появления на свет и предрекает чудовищные беды, которые этот человек принесет Англии:

И я пророчу: много тысяч тех,
Кто и крупицы страха моего
Теперь не знают, — много скорбных старцев,
И вдов, и горько плачущих сирот,
Отцов, лишенных сыновей любимых,
Жен, о мужьях рыдающих, детей,
Скорбящих о родителей кончине, —
Час твоего рожденья проклянут...

Предсказание пугает даже самого Ричарда, и тот спешит убить старика:

Умри, пророк, своей не кончив речи!
Мне суждено и это было также...
В Ад, в Ад ступай и расскажи, что я
Тебя послал туда...

Стоит отметить, что именно над телом Генриха VI Ричард отрекается от всего человеческого и заявляет о намерении уничтожить своих братьев, чтобы добиться трона.

Следующим звеном в цепи беззаконий, совершенных сценическим Ричардом III, становится его женитьба на дочери покойного Создателя Королей Уорвика[1] — Анне Невиль. Шекспир практически не дает зрителям пояснений, отмечая, что этот брак был нужен Ричарду для захвата власти. В XVI в. такие пояснения и не требовались — все знали, что знаменитый Создатель Королей оставил своим дочерям огромное наследство. Немаловажное по-

[1] Граф Уорвик был прозван Создателем Королей за то, что фактически посадил на трон нескольких английских королей — в конце 50-х гг. XV в. при поддержке Уорвика право на корону получил Ричард Йорк. Сын Ричарда Йорка — Эдуард IV — стал королем Англии при самом деятельном участи Уорвика. Наконец, в 1470 г. всемогущий граф поссорился с Эдуардом IV, бежал во Францию, вернулся оттуда с армией и восстановил на престоле Генриха VI Ланкастера.

литическое значение имело и то обстоятельство, что Анна Невиль была вдовой принца Эдуарда Ланкастера. Добиваясь этого брака, Ричард показывает себя законченным циником, ведь он совсем недавно убил мужа и свекра своей невесты. Однако, с его точки зрения, это только делало ситуацию пикантнее:

Придется в жены взять
Мне младшую дочь Уорвика. Я, правда,
Убил ее супруга и отца...
Ха! Тем полней ей возмещу потерю,
Став для нее супругом и отцом.

Современный зритель, узнав о намерении Ричарда жениться на Анне Невиль, скорее всего, предположит, что герцог Глостер попросту принудит женщину к браку. В самом деле, разве урод и злодей может по-хорошему уговорить выйти за него красавицу, мужа которой он буквально пару дней назад отправил на небеса? Чтобы еще больше затруднить его задачу, Шекспир заставляет Ричарда объясняться с предполагаемой невестой над гробом Генриха VI. Естественно, та начинает с проклятия убийце, плюет ему в лицо, но потом происходит нечто совершенно невероятное — уже к концу сцены Анна влюбляется в Ричарда III и принимает его кольцо в знак помолвки.

Такой поворот событий кажется абсолютно немыслимым, но Ричард с редким, поистине дьявольским красноречием уверяет Анну, что все убийства совершил только из безумной любви к ней:

...Возьми вот этот острый меч,
Пронзи им эту преданную грудь,
Исторгни душу, полную тобой,
Смотри, я жду смертельного удара,
О Смерти на коленях я молю.
Чего ты ждешь? Я Генриха убил,

Но виновата в том твоя краса.
Не медли же! Я заколол Эдуарда,
Но твой небесный лик тому виной.
Меч подними иль подними меня!

Покоренная столь страстными признаниями, Анна уступает.

А теперь вернемся к современной «психологической» трактовке образа Ричарда III. Если Ричард действительно глубоко страдал от недостатка любви, от того, что его уродство не дает ему жить нормальной человеческой жизнью, то после объяснения с Анной Невиль должен был наступить благотворный перелом. Действительно, свершилось чудо — Ричард любим, несмотря на все физические и душевные недостатки, несмотря на все преступления. Причем влюбляется в него не дурнушка или простолюдинка, а самая завидная невеста Англии — женщина молодая, красивая, знатная и богатая. Впереди счастливый брак, который должен хотя бы немного смягчить характер злодея. У Ричарда есть все основания для радости и гордости. И он действительно радуется… собственной изворотливости и гордится… самим собой:

Кто женщину вот этак обольщал?
Кто женщиной овладевал вот этак?..
Против меня — Бог, совесть, этот труп,
Со мною — ни ходатая, ни друга,
Один лишь Дьявол разве да притворство;
И вопреки всему — она моя!..
Нет, герцогство поставлю против пенса,
Что я досель не знал себе цены!

Ричард ни на секунду не теряет самоиронии. Он, конечно, обрадован и даже слегка увлечен, но не более того: «Она — моя, хоть скоро мне наскучит». Герцог почти презирает свою невесту за столь быструю перемену чувств. И очень быстро брак превращается в ад. Анна горько жалеет, что поддалась искушению, но уже ничего нельзя изменить.

Безусловно, поведение Ричарда говорит о черствости, о неспособности любить. Однако во времена Шекспира столь неправдоподобно быстрое обольщение Анны Невиль вполне могло восприниматься как лишнее доказательство дьявольской природы ее жениха. Ричард действует как классический демон-искуситель. И то, что он не выполняет ни одного из своих обещаний, только усиливает сходство. Лживость Дьявола была, можно сказать, азбучной истиной демонологии; все знали, что Сатана никогда не помогает своим сторонникам, а если и помогает, его участие всегда оборачивается катастрофой.

Именно таков шекспировский Ричард — все, к чему он прикасается, превращается в прах. Едва добившись благосклонности Анны Невиль, Ричард с удвоенной энергией готовит гибель своего родного брата — герцога Кларенса. Глостер действует с редким лицемерием — он уверяет Кларенса в своей любви, громко возмущается его арестом, грозится отомстить за страдания брата и выжидает. В конце концов, удобный момент наступает — король Эдуард отдает приказ о казни Кларенса, но сразу же отменяет свое жестокое распоряжение. Готовый к такому развитию событий Ричард Глостер задерживает приказ о помиловании, а чтобы казнь состоялась немедленно, он подсылает к брату наемных убийц. Интрига разыгрывается с таким удивительным искусством, что Кларенс до последнего мгновения не верит, что убийцы действуют по приказанию его младшего брата. Даже поставленный перед фактом, он восклицает:

> Неправда! Нет! Он так меня жалел,
> Сжимал в объятьях и, рыдая, клялся
> Любой ценою вызволить меня.

Заблуждается не только Кларенс — все верят в то, что Глостер непричастен к этому преступлению, тем более что он громче всех сокрушается о гибели брата и требует отмщения.

Ричард Глостер успевает как раз вовремя — почти сразу же после убийства Кларенса умирает и «добрый король Эдуард IV». Ричард становится лордом-протектором, теперь между ним и троном стоят только два сына короля Эдуарда — мальчики 11 и 13 лет.

Государственный переворот Ричард III совершает не менее искусно, чем устранение Кларенса. Он виртуозно ведет двойную игру. Для начала он арестовывает и казнит родственников королевы, но заявляет, что это делается для блага принцев, на которых осужденные дурно влияли. Затем Ричард собирает Королевский Совет, якобы чтобы назначить день коронации Эдуарда V, и именно на этом совете велит арестовать всех придворных, которые сохранили верность молодому королю. Шекспир доводит ситуацию почти до абсурда — участники злополучного Совета будто бы не подозревают о двуличии герцога Глостера. Например, лорд Гастингс, которого Ричард велит казнить в тот же день, уверен не только в дружбе герцога, но и в его безупречной честности:

Как нынче весел герцог, как приветлив!
Он меньше всех людей в крещеном мире
Любовь и ненависть таить способен.
Что в сердце у него — то на лице.

Для того чтобы оправдать аресты и казнь лорда Гастингса, Ричард III буквально ставит ситуацию с ног на голову. Он призывает мэра Лондона и объявляет, что был составлен заговор против жизни протектора и ему едва удалось спастись. Шекспировский Ричард III доходит до такого лицемерия, что напоказ «скорбит» о вынужденном решении казнить лорда Гастингса:

Как я его любил! Слез не унять!
Я мнил, что в целом христианском мире
Нет существа беззлобнее, чем он…
Под маской добродетели искусно

Скрывал свою порочность он...
Его казнить мы вынуждены были,
Дабы спасти страну, спасти себя.

Только устранив всех возможных противников, Ричард наконец заявляет о своих претензиях на корону, но даже это заявление превращается в целую интригу. Сначала соратник Ричарда герцог Бэкингем появляется в ратуше и объявляет брак покойного Эдуарда IV недействительным, а его детей незаконнорожденными. Затем следует еще более шокирующее обвинение, затрагивающее честь матери Ричарда — сам Эдуард IV якобы также был бастардом. Шекспир блестяще описывает потрясенное молчание жителей Лондона и то, как подручные Бэкингема нарушают эту немую сцену криками: «Да здравствует король английский Ричард!»

Следующий акт политического фарса разыгрывается, когда мэр и олдермены Лондона в сопровождении ближайших соратников Ричарда приходят к нему, чтобы просить принять корону. Ричард Глостер выказывает подлинный актерский талант — он появляется на галерее своего дворца с молитвенником в руке, в сопровождении епископов, и, разумеется, придает лицу самое благочестивое выражение. Он делает вид, что не знает ни о «незаконности» детей Эдуарда IV, ни о своих «неопровержимых» правах на престол. Внешне ситуация выглядит почти безупречно — не Ричард захватывает власть; мэр Лондона и представители дворянства долго, почти униженно умоляют его взойти на трон.

Итак, мечты сбылись — Ричард III теперь законный король Англии. Казалось бы, он может перевести дух и насладиться властью, за которую пришлось так долго бороться. Все вновь оказывается совсем иначе. От супруги нового короля — Анны Невиль — зрители узнают, что его душа неспокойна, закоренелого злодея беспрестанно мучают ночные кошмары. Однако он не останавливается и непосредственно в день коронации

планирует свои самые жестокие и безнравственные преступления — приказывает отравить жену и планирует вступить в новый брак с родной племянницей — дочерью Эдуарда IV принцессой Елизаветой.

Свадьба Ричарда и Елизаветы казалась невозможной прежде всего потому, что «жених» совсем недавно отправил на плаху родственников «невесты», буквально несколько дней назад объявил саму Елизавету, ее братьев и сестер незаконнорожденными, а потом отнял трон у младшего брата своей «нареченной». Однако главным препятствием должен был стать кровосмесительный характер союза. Конечно, в королевских семьях «родственные» свадьбы не были редкостью. Католическая церковь их запрещала, но получить разрешение на брак с двоюродной сестрой или двоюродной племянницей было вполне реально. Но женитьба на родной племяннице вряд ли могла получить одобрение церкви.

Второе преступление, задуманное Ричардом III в день коронации, было еще хуже. Едва сев на трон, Ричард начинает планировать убийство сыновей Эдуарда IV. Стоит подчеркнуть, что средневековое сознание не знало греха более тяжкого, чем детоубийство. Хуже этого могло быть только отречение от Бога. Но шекспировский Ричард III уже давно обращается не к Богу, а к Сатане, поэтому и смерть племянников рассматривает «функционально» — как эффективное средство укрепления собственной власти. Его шкала ценностей настолько перевернута, что Ричард приказывает «устранить» принцев своему верному соратнику — герцогу Бэкингему. Ричард III как бы забывает, что отдает приказ об убийстве человеку, в жилах которого течет королевская кровь[1], одному из богатейших магнатов Англии. Задание не просто чудовищно, оно явно не по чину. Бэкингем приходит в ужас и просит время на размышление, но при дворе Ричарда для него уже все кончено, герцогу приходится бежать.

[1] Герцог Бэкингем был одним из многочисленных потомков английского короля Эдуарда III.

Тем временем Ричард III находит некоего Тирелла — беспринципного дворянина, страстно желающего выслужиться, и тот нанимает двух головорезов. Любопытно, что даже Тирелл — человек без чести и совести — не может говорить о смерти мальчиков без содрогания:

Такой постыдной богомерзкой бойней
Страна себя пятнает в первый раз.
...На что уж оба этих молодца
Кровавые собаки, мясники,
И то до слез растаяли, раскисли...
Слов лишась
От угрызений совести.

Большего совершить уже невозможно, даже Тирелл называет своего нанимателя «кровавым королем». Народ Англии ужасается невиданным преступлениям «богомерзкого тирана», «в... королевстве стон стоит и плач». И вот наконец появляется надежда на лучшее — Бэкингем поднимает восстание, а из Франции уже спешит избавитель — будущий король Генрих VII.

Последние дни шекспировского Ричарда III вызывают жалость. Ненавидимый всеми король отправляется на войну, окруженный только выскочками и сообщниками своих преступлений, «его друзья из страха в дружбе с ним», и даже родная мать шлет ему вслед проклятие:

Молюсь теперь я за твоих врагов...
Ты любишь кровь, в крови и утони,
Во сраме жил, кончай во сраме дни!

Ричард III еще успевает подавить восстание Бэкингема и казнить своего бывшего соратника, но гибель короля предрешена. Проклятие матери сбывается — в ночь перед последней битвой к тирану приходят призраки всех тех, кого он погубил. Принц

Эдуард Ланкастер, король Генрих VI, герцог Кларенс, казненные родственники королевы Елизаветы, лорд Гастингс, сыновья Эдуарда IV, Анна Невиль и Бэкингем кружат вокруг него и предрекают одно и то же: «Отчаяние и смерть!» Ричард просыпается в холодном поту и наконец ощущает запоздалые муки совести:

Я клятвы нарушал — какие клятвы!
Я убивал — кого я убивал!
И все грехи — ужасные грехи!
Отчаянье — никто меня не любит.
Умру, не пожалеет ни один.
И в ком бы мог я встреть жалость, если
Во мне самом нет жалости к себе?

Эта сцена — единственная, в которой Ричард испытывает душевную слабость, и единственная, в которой он не потусторонний монстр, а просто человек, которого ужасают собственные злодеяния. Однако человеческие чувства просыпаются в шекспировском Ричарде всего на несколько минут, очень скоро он восклицает:

Нет, не смутить наш дух пустыми снами!
Ведь совесть — вздор, о ней твердят лишь трусы,
Стращая тех, кто смел и кто силен,
Кулак — нам совесть, меч — вот наш закон!

Шекспировский Ричард III героически бьется в своей последней битве. Даже когда его войска начинают отступать, он отказывается бежать и кричит знаменитое: «Корону за коня!» Но его личная храбрость уже ничего не решает, в единоборство с Ричардом вступает Генрих Тюдор. Исход этой схватки известен заранее — еще святой король Генрих VI предсказал, что Тюдору суждено стать королем Англии; те же духи, которые перед битвой желали Ричарду III смерти, приходили и к Генриху VII и пред-

сказывали его победу. В драме Шекспира все просто и символично — самого ужасного тирана в истории Англии собственноручно убивает основатель новой династии. Деспот повержен, вся страна ликует, Генрих Тюдор прощает всех сторонников Ричарда и призывает забыть о прошлом:

Нет больше распрей, кончена вражда,
Да будет мир на долгие года!

«Исторические хроники» Шекспира заканчиваются на такой мажорной ноте, что происходящее кажется нереальным. Дело вовсе не в том, что история вообще не кончается, а в том, что на самом деле все было не совсем так... или совсем не так.

Для того чтобы усомниться в реальности описанного Шекспиром, достаточно просто попристальнее взглянуть на биографические «факты» главного злодея английской истории. Итак:

Ричард появился на свет вперед ногами под аккомпанемент целой серии ужасных знамений.

Младенец был горбат, имел кривые плечи, ноги неравной длины, высохшую левую руку, малый рост и слабое здоровье. От других новорожденных его отличало также наличие вполне сформировавшихся зубов.

Ричард был не обычным человеком, а каким-то дьявольским созданием — уродливым, необычайно прожорливым, удивительно злым и двуличным. Не случайно многие испытывали к нему инстинктивное отвращение.

Едва ли не с раннего детства Ричард буквально бредил властью и желал получить английский трон любой ценой.

Ричард стал идейным вдохновителем Войн Роз, убедив своего отца сместить с престола святого короля Генриха VI Ланкастера.

Он участвовал во всех битвах Войн Роз и показал себя умелым, но исключительно жестоким воином.

После битвы при Тьюксберри Ричард Глостер заколол принца Эдуарда Ланкастера и пытался убить его мать королеву Маргариту.

Сразу же после этого сражения он с особой жестокостью убил старого беззащитного короля Генриха VI — на теле покойного нашли множество ножевых ранений.

Прямо над гробом Генриха VI Ричард обольстил невестку покойного — Анну Невиль, на которой хотел жениться по политическим и корыстным мотивам.

Ричард организовал убийство своего старшего брата — Джорджа Кларенса.

После смерти короля Эдуарда IV Ричард велел арестовать и казнить родственников королевы и наиболее лояльных придворных.

Ричард Глостер незаконно узурпировал английский трон.

Он посадил в Тауэр, объявил незаконнорожденными, а затем приказал убить детей своего брата короля Эдуарда IV.

Ричард III приказал отравить свою жену Анну Невиль и планировал жениться на родной племяннице — сестре убитых им мальчиков.

Шекспировский Ричард лишил своего доверия герцога Бэкингема за то, что тот отказался осуществить убийство принцев. Герцог был вынужден бежать и поднять мятеж.

Вся Англия устала от преступлений «кровавого тирана Ричарда» и с радостью приветствовала своего избавителя — благородного Генриха Тюдора.

Беспристрастный наблюдатель не может не отметить, что нарисованный Шекспиром образ — это откровенный гротеск. Даже если опустить фантастические детали и эмоциональные оценки, оказывается, что Ричард III виновен во всех беззакониях эпохи Войн Роз, он главный двигатель и почти что олицетворение этого конфликта. Шекспировский Ричард умудрился принять деятельное участие во всех политических преступлениях 50— 80-х гг. XV в., причем большая часть политической элиты

до последнего момента не догадывалась, что он стремился узурпировать трон.

Сомнения вызывает прежде всего та исключительная, нечеловеческая ловкость, с которой герой Шекспира обделывает свои дела — он обладает преступной, по меркам эпохи, внешностью, скверным характером, он постоянно интригует и убивает, а английские лорды смотрят на его действия с почти детским изумлением и понимают, кто он такой, только после убийства принцев. Злоба, черствость, двуличие и властолюбие шекспировского Ричарда III также абсолютно неправдоподобны. Шекспир создал гиперболизированный образ гениального злодея, который громоздит одно преступление на другое до тех пор, пока его не настигает Божья кара. Однако реальный король попросту не мог быть таким, каким он описан в «Исторических хрониках».

Сейчас мы с вами находимся именно в той точке, с которой начиналось движение ричардианцев. Историки и просто энтузиасты XVII—XIX вв. отталкивались именно от этой посылки — обрисованный Шекспиром монстр слишком ужасен для того, чтобы существовать в действительности. А теперь давайте разбираться с самого начала. Итак, настоящий Ричард родился...

Глава 2
РИЧАРД ЙОРК И ЕГО СУПРУГА СЕСИЛИЯ (1415—1452)

Будущий король Ричард III родился 2 октября 1452 г. в Нортгемптоншире. Он был двенадцатым из тринадцати детей, которых Сесилия Невиль подарила своему мужу — всемогущему герцогу Ричарду Йорку. Современному человеку мысль о том, что владетельная герцогиня может родить тринадцать сыновей и дочерей, кажется по меньшей мере странной, однако для XV столетия в этом не было ничего необычного. Как правило, женщины рожали столько, сколько позволяла природа. Появление одиннадцатого ребенка не было чем-то выдающимся, но красноречиво

свидетельствовало о двух вещах — крепком здоровье матери и не менее крепком браке. К 1452 г. Ричард Йорк и его супруга были женаты уже более 13 лет, и тем не менее их отношения оставались достаточно пылкими.

Родители Ричарда III познакомились за 37 лет до его рождения — в 1415 г. В тот год английский король Генрих V решил возобновить Столетнюю войну с Францией и одержал блестящую победу в знаменитой битве при Азенкуре. Одним из частных результатов этого великого сражения стало то, что отец Ричарда III — четырехлетний Ричард Йорк остался круглым сиротой. Под Азенкуром погиб его последний близкий родственник — дядя по отцовской линии. Несчастье мальчика отчасти компенсировалось богатым наследством — дядя оставил ему титул герцога Йорка и огромные земельные владения на Севере Англии. В соответствии с обычаями того времени Ричарду быстро подыскали опекуна. Заботу о воспитании сироты взял на себя его дальний родич — Ральф Невиль, у которого недавно родилась дочь Сесилия, впоследствии ставшая женой Ричарда Йорка и матерью героя этой книги.

Все детство и юность Ричард и Сесилия провели в замке Ральфа Невиля на севере Англии. Романтически настроенные историки полагают, что их любовь началась едва ли не в детской. Этот вариант нельзя исключать, но сохранившиеся документальные свидетельства настолько скудны, что оставляют место для любых предположений. Вполне вероятно, что Сесилия и Ричард действительно присматривались друг к другу. Дело в том, что в Средние века в знатных семьях было принято отправлять мальчиков на воспитание к друзьям или дальним родственникам; предполагалось, что это даст молодым людям необходимый жизненный опыт и одновременно позволит укрепить связи между дворянскими кланами. Как правило, юноши на всю жизнь сохраняли теплые отношения с бывшими воспитателями, очень часто союз семей закреплялся браком.

Возможно, Ральф Невиль с самого начала планировал выдать дочь за богатого и знатного воспитанника, однако в действительности свадьбу сыграли гораздо позже — в 1438 г., когда жениху было уже 27 лет и он совершенно не зависел от бывшего опекуна. В Средние века люди взрослели рано, и в двадцать семь Ричард Йорк считался зрелым мужчиной. Он действительно успел многое повидать.

Началом самостоятельной жизни Ричарда Йорка можно считать его участие в путешествии девятилетнего Генриха VI во Францию в 1430—1431 гг. В 1432 г. по достижении полного совершеннолетия[1] Ричард Йорк вступил во владение своими землями. Он стал, пожалуй, самым богатым человеком в Англии. Напомним, что смерть дяди по отцу принесла Ричарду герцогский титул и громадные земельные владения в Йоркшире. В 1425 г., после смети дяди по матери, Ричард Йорк унаследовал земли Мортимеров — графство Марч и графство Ольстер.

На протяжении следующих двух десятков лет карьера герцога Йорка складывалась вполне успешно. В силу своего происхождения он стал одним из членов Королевского совета, в котором, впрочем, не играл заметной роли. В 1433 г. Ричард Йорк был посвящен в рыцари ордена Подвязки, а в 1436-м занял пост генерал-лейтенанта Нормандии. Эта должность оказалась не только доходной, но и весьма хлопотной.

Для Англии 30—50-е гг. XV в. были самым неприятным периодом Столетней войны. Англичане постепенно теряли земли во Франции, завоеванные в предыдущие годы. Нельзя сказать, что это было время сплошных неудач, но все затеи англичан на континенте, что называется, выходили боком. В 1430 г. англо-бургундским войскам удалось захватить в плен Жанну д'Арк, но инквизиционный процесс против нее шел не слишком успешно, убедительных доказательств связи Жанны с нечистой силой найти не удалось, а мужественное поведение Девы во время суда

[1] По законам того времени полное совершеннолетие наступало в 21 год.

и казни лишь подтвердило ее репутацию святой. Коронация юного Генриха VI в соборе Парижской Богоматери, задуманная как альтернатива коронации Карла VII, также не принесла политических дивидендов, так как ее провели с нарушением устоявшихся правил (в Париже, а не в Реймсе и без применения специального священного елея). Военные успехи были под стать политическим — англичане не смогли противостоять избранной Карлом VII партизанской тактике.

В результате площадь земель, подконтрольных Англии, неуклонно сокращалась. К 1436 г. почти вся Нормандия была охвачена восстанием. Ситуация осложнялась тем, что главный союзник англичан — герцог Бургундский — в 1435 г. перешел на сторону Франции и начал осаду одного из важнейших «английских» городов на континенте — Кале. Существовал также ряд серьезных внутриполитических проблем — политическая нестабильность, трудности со сбором налогов, наконец, нехватка денег и солдат.

Однако все эти объективные соображения англичан попросту не интересовали. Со времен Эдуарда III английская армия неизменно одерживала победы, все прекрасно помнили триумфальный французский поход Генриха V, помнили договор в Труа 1420 г., по которому Генрих V становился регентом Франции. Большинство жителей Англии свято верили, что юному Генриху VI суждено продолжить славные завоевания его отца, а новые победы — это лишь вопрос времени и, возможно, смены командования.

В этой ситуации молодой и решительный Ричард Йорк казался почти идеальным военачальником. Для борьбы с партизанским движением он прибег к тактике выжженной земли, жестко подавил антианглийские выступления, ему даже удалось захватить несколько французских городов. И тем не менее главная цель не была достигнута — добиться решительного перелома в войне не удалось. Дабы оправдать свое бессилие, Ричард Йорк объявил, что во всем виновато плохое снабжение, из Англии присылают слишком мало подкреплений. К 1438 г. герцог Йорк отчасти разо-

чаровался в войне на континенте и проводил в Англии больше времени, чем во Франции.

Именно в этот период он наконец решил вступить в брак. По меркам эпохи это был довольно поздний союз — Ричарду Йорку исполнилось 27 лет, Сесилии Невиль — около 24. Обычно юношей и девушек из благородных семей сговаривали в раннем детстве, а настоящую свадьбу играли в подростковом возрасте. Возможно, Ричард Йорк не торопился с женитьбой, так как у него не было близких родственников, которые могли бы «надавить» на него в этом отношении. Впрочем, богатый мужчина в Средние века считался завидным женихом как минимум до 40 лет.

Для женщин ситуация складывалась менее благоприятно. 16—17 лет считались оптимальным возрастом для появления первого ребенка, но встречались и более ранние роды. Например, Маргарет Бофор родила будущего Генриха VII всего в 14 лет, и это вовсе не казалось современникам странным или неправильным. Долгое девичество, напротив, воспринималось негативно. 24-летняя Сесилия Невиль была признанной красавицей, носила весьма лестное прозвище «розы», обладала завидным приданым, но тем не менее считалась слегка перезрелой невестой. Так, в знаменитых «Кентерберийских рассказах» Чосера можно найти следующее суждение:

Смаку нет в той женщине,
Которой двадцать лет
Уж минуло...

Выбирая невесту, Ричард Йорк, как практически все люди того времени, руководствовался в первую очередь материальными интересами, что вовсе не исключало существования иных, более понятных современному человеку мотивов. В любом случае брак Ричарда Йорка и Сесилии Невиль оказался на удивление удачным.

Лучшим доказательством этого служит тот факт, что супруги практически не расставались, Сесилия повсюду следовала за своим мужем. Безусловно, идеальная жена должна была вести себя именно так, однако на практике немало женщин оставалось дома, контролируя положение дел в имениях и воспитание наследников. География рождений детей Ричарда и Сесилии Йорк может служить своеобразной летописью супружеской преданности. Первые два ребенка (Анна и Генрих) появились на свет в Англии в 1439 и 1441 гг. В 1442 г. Сесилия последовала за своим супругом во Францию. Эдуард (будущий король Эдуард IV), Эдмунд и Елизавета появились на свет в Руане. В 1446, 1447 и 1448 гг. в Англии родилось еще трое детей — Маргарита, Уильям и Джон. В 1449 г. Ричард Йорк был назначен наместником Ирландии, там увидел свет Джордж, будущий герцог Кларенс. После возвращения в Англию, в 1450 г. родился Томас, в 1452 г. — Ричард (будущий Ричард III), а в 1455 г. — Анна.

Между тем карьера отца семейства начала давать сбои. В 1439 г. Англия и Франция приступили к переговорам о мире. С этого момента Ричард Йорк, имевший репутацию последовательного сторонника продолжения войны, оказался в оппозиции. Он по-прежнему настаивал на усилении гарнизонов и получении новых средств, так как это соответствовало его личным убеждениям, приносило широкую общественную поддержку и, наконец, позволяло увеличивать собственные доходы.

Необходимо подчеркнуть, что Ричард Йорк вовсе не был злодеем, цинично наживавшимся на национальных интересах, его действия невозможно оценивать по современным моральным критериям. В XV в. любая государственная должность служила прежде всего источником личного обогащения. Все без исключения чиновники того времени действовали в первую очередь в личных интересах, и если бы Ричард Йорк нарушил это правило, его сочли бы сумасшедшим, неспособным к государственной деятельности. Итак, постоянно требовавший подкреплений и новых военных действий Ричард Йорк превратился в очень

неудобного персонажа. Английское правительство начало отдавать предпочтение более лояльному капитану Гиени герцогу Сомерсету. Сомерсет не одержал ни одной заметной победы, не пользовался популярностью в Англии, но его равнодушие к войне в данной ситуации превратилось в существенное преимущество. В итоге в 1445 г. Ричард Йорк потерял пост генерал-лейтенанта Нормандии и вынужден был вернуться в Англию.

Сохранившиеся источники говорят о том, что Ричард Йорк был человеком спокойным, может быть даже инертным, но потеря столь хлебной должности не могла его не разозлить. К тому же обстоятельства складывались так, что ему попросту пришлось включиться в политическую борьбу. Герцог Йорк вернулся в страну, в которой вновь начиналась борьба за регентство.

«Первый раунд» этого конфликта состоялся в 1420—1430 гг., когда за фактическое управление страной при малолетнем Генрихе VI боролись его дяди — Хемфри, герцог Глостер и Джон, герцог Бедфорд. К несчастью для Англии, по мере того как юный король подрастал, становилось ясно, что он не унаследовал политических и военных талантов своего отца, более того, оказался абсолютно неспособен к управлению государством. С раннего детства Генрих был слабым и нелюдимым ребенком. С возрастом в нем все ярче проступали черты душевной болезни, унаследованной от деда по материнской линии — короля Франции Карла VI Безумного.

Карл VI (1368—1380—1422) был сумасшедшим в самом прямом, клиническом смысле этого слова. Властелин Франции сошел с ума в возрасте 24 лет. Во время одной из военных экспедиций рассудок Карла VI помутился, и он внезапно набросился с мечом на своих спутников, приняв их то ли за врагов, то ли за чертей. Вплоть до самой смерти король переживал постоянно повторяющиеся приступы безумия, во время которых он воображал себя стеклянным сосудом. Чтобы его случайно не разбили, Карл VI облачался в доспехи и запрещал придворным и врачам приближаться к себе.

Болезнь Генриха VI выражалась менее бурно — король был до абсурда благочестив, по-детски простодушен и инфантилен. Он проводил многие часы в молитвах, погружался в душеспасительные размышления в самых неподходящих местах, и придворным не раз приходилось подхватывать корону, падавшую с монаршей головы. Генрих VI также категорически противился любому кровопролитию, доходя в своем милосердии до нелепости. В качестве примера достаточно привести следующий показательный случай, описанный современником короля Блэкменом. Однажды Генрих VI увидел подвешенные на воротах Лондона останки человека, казненного за государственную измену. По обычаю того времени, преступник был повешен, снят с виселицы еще живым, утоплен, а затем четвертован. Король был настолько далек от жизни, что не понял, на что он смотрит. Придворные пояснили, что это труп преступника, повешенного за измену королю. Услышав это, Генрих в ужасе вскричал: «Уберите это! Я никогда не хотел, чтобы кто-то из христиан был так жестоко наказан!»

Первый приступ помешательства, во время которого Генрих VI перестал осознавать окружающую реальность, случился в августе 1453 г., но и до этого момента душевные качества молодого короля делали его простой игрушкой в руках придворных. Еще в 20—30-е гг. XV в. во время борьбы герцогов Бедфорда и Глостера при дворе сформировались две группировки, которые современники называли «партиями». Сторонников Бедфорда можно условно обозначить как «придворную партию», так как именно Бедфорд в конечном итоге был назначен регентом, а его соратники заняли большую часть придворных должностей. Наиболее заметными членами «придворной партии» были канцлер Англии епископ Бофор и Уильям де ла Поль граф Саффолк. После смерти Бедфорда в 1435 г. именно они стали править Англией.

Если Бофору и Саффолку удалось завоевать симпатии придворных и короля, то Хемфри Глостер был очень популярен среди лондонцев, которые прозвали его «добрым герцогом Хемфри». Народная любовь к герцогу Глостеру была вызвана в первую

очередь его резкими антифранцузскими высказываниями. В то время как «придворная партия» все больше склонялась к мысли о мире, герцог Глостер при полном одобрении большинства англичан призывал продолжить дело Генриха V и во что бы то ни стало покорить Францию. Еще одной причиной популярности Хемфри Глостера были его изысканные увлечения. Герцог покровительствовал ученым, писателям и поэтам, увлекался изучением античной философии и литературы, наконец, он собрал огромную по тем временам библиотеку и передал ее в дар Оксфордскому университету. Одним из сторонников Хемфри Глостера был молодой Ричард Йорк.

В 1444 г., когда Ричард Йорк еще находился во Франции, в политической борьбе в Англии произошел решительный перелом. «Придворная партия» смогла наконец добиться заключения англо-французского перемирия на два года. Как отмечает Н.И. Басовская, этот договор был выгоден прежде всего французскому королю, который использовал мирную передышку для реорганизации армии и подготовки к более решительным военным действиям. «Придворная партия», разумеется, рассчитывала на совершенно иное развитие событий. В планы Бофора и Саффолка входило подписание полномасштабного мирного договора на условиях сохранения английских Нормандии и Аквитании.

Закрепить предполагаемый мирный договор должен был династический брак между Генрихом VI и племянницей французского короля — пятнадцатилетней красавицей Маргаритой Анжуйской. Инициатором брака Генриха VI был граф Саффолк, который лично ездил во Францию за королевской невестой. Помимо прочего, лидеры «придворной партии» надеялись, что живой и деятельный характер Маргариты поможет хоть немного расшевелить ее безвольного жениха. Однако и в этом Бофор и Саффолк просчитались. Состояние здоровья Генриха VI после свадьбы не улучшилось, а союз с француженкой был воспринят большинством англичан едва ли не как оскорбление. Молодая королева действительно попыталась убедить своего дядю за-

ключить мирный договор с Англией. Не без ее влияния в 1445 г. в Англию прибыло французское посольство. Тогда же непримиримый сторонник продолжения войны с Францией Ричард Йорк был лишен поста генерал-лейтенанта Нормандии. По большому счету, политика «придворной партии» была вполне логичной, однако общественное мнение восприняло все это как предательство интересов Англии.

В сложившейся ситуации отстранение Ричарда Йорка от участия в войне было крупной политической ошибкой — он вернулся на родину как герой и немедленно развернул пропагандистскую кампанию, обвиняя Саффолка и королеву Маргариту в том, что они «продают» Нормандию французам. Это было тем проще сделать, что переговоры о мире провалились — их итогом стало всего лишь продление перемирия.

Вскоре у сторонников Хемфри Глостера появился еще один повод для обвинений. Почти сразу же после приезда Маргариты Анжуйской в Англию поползли слухи, что молодая королева излишне благоволит к графу Саффолку. Возможно, сплетня соответствовала истине. Брак Маргариты и Генриха VI являл собой совершенно бесперспективное сочетание огня и кислого молока. Королева слыла одной из первых красавиц Англии — современники восхищались ее золотистыми волосами, выразительными глазами, прекрасным цветом лица и изящной фигурой. Она сочиняла неплохие стихи, прелестно пела и отлично одевалась. К этому следует добавить жесткий, неженский ум, образованность и редкую силу характера. По иронии судьбы мужем этой восхитительной женщины стал человек робкий, недалекий, откровенно странный и чудовищно нелепо одетый. Никакой этикет не мог удержать придворных от насмешек над мешковатыми камзолами и бесформенными, растоптанными ботинками короля.

В том, что Генрих VI обожал свою жену, нет ничего удивительного, но королева вряд ли отвечала ему взаимностью. Некоторые британские историки полагают, что Маргарита Анжуйская покровительствовала лорду Саффолку, так сказать, издалека.

Точных данных на этот счет нет, но совокупность косвенных доказательств выглядит весьма внушительно. Помимо устойчивых слухов необходимо учитывать довольно свободные нравы, царившие при дворе отца Маргариты — Рене Анжуйского, и сомнительные мужские качества Генриха VI. К тому же граф Саффолк был полной противоположностью несчастного короля — неплохой полководец и знаменитый турнирный боец, он был способен при случае щегольнуть изысканным французским мадригалом. Современный человек вряд ли сможет, не кривя душой, осудить шестнадцатилетнюю девушку, которую по политическим соображениям выдали замуж за душевнобольного. Мораль XV в. была куда строже — опозоренный муж мог безнаказанно убить неверную жену. К счастью для Маргариты, Генрих VI оказался очень покладистым супругом — он полностью доверял своей жене, а неприятные слухи попросту пропускал мимо ушей.

Разумеется, сторонники Хемфри Глостера и Ричарда Йорка это доверие не разделяли. Они без обиняков говорили все, что думали об «истинных» причинах успеха Уильяма Саффолка и нравственности королевы. Ответные действия «придворной партии» были весьма жесткими — Ричард Йорк был исключен из Королевского совета. Более того, в 1447 г. Хемфри Глостер был арестован и помещен в Тауэр под откровенно надуманным предлогом — дядю короля обвинили в государственной измене. Через несколько дней герцог Глостер был найден в своей камере мертвым. Историки спорят, было ли это убийство, или смерть пятидесятисемилетнего аристократа имела естественные причины. Жители Лондона высказались куда более определенно — горожане открыто обвиняли в смерти «доброго герцога Хемфри» Саффолка и Маргариту Анжуйскую.

В том же 1447 г. скончался кардинал Бофор. Лидером «придворной партии» и почти что правителем королевства стал граф Саффолк. Как любой другой временщик, он стремился упрочить свое положение, получив как можно больше должностей и земельных пожалований. Королевская чета с охотой шла на-

встречу всем его требованиям — Саффолк был назначен лордом-камергером и адмиралом Англии, возведен в герцогское достоинство, к нему перешло управление несколькими королевскими замками и манорами.

Стоит отметить, что «пирог», который делили между собой влиятельные лорды, вовсе не был бесконечным. Чем больше доставалось герцогу Саффолку и его сторонникам, тем сильнее становилась критика оппозиции. После смерти Хемфри Глостера лидером оппозиционеров сделался Ричард Йорк. По праву рождения герцог Йорк должен был стать одним из ближайших советников короля. Между тем на 1447 г. он не только не имел значимых придворных должностей, но даже не входил в Королевский совет. Именно вопиющая несправедливость сложившейся ситуации вынудила Йорка взять на себя роль главы «партии войны» и приступить к активным действиям. Немаловажную роль в данном случае играли и финансовые соображения.

Дело в том, что на закате Средневековья жизнь английского аристократа была вовсе не беспечальной. С одной стороны, появилась мода на роскошный, почти разорительный образ жизни. Одежда лорда обязательно должна была блистать золотом, серебром и драгоценными камнями, замки принято было обставлять изысканной мебелью и украшать дорогими безделушками. Мода требовала содержать целый штат трубадуров, устраивать грандиозные празднества и пиры, где можно было увидеть и миниатюрные города из выпечки, и жареных птиц, вновь одетых в перья, и даже пироги, внутри которых играл небольшой оркестр. При этом существенно сократить расходы было невозможно — тратить меньше, чем другие магнаты, считалось величайшим позором.

С другой стороны, доходность крупных дворянских имений непрерывно падала, и даже самый богатый человек Англии — Ричард Йорк — не мог жить по средствам. Единственным способом как-то свести концы с концами были государственные должности, открывавшие широкий простор для узаконенной коррупции. По-

теряв дополнительный источник доходов, герцог Йорк оказался в весьма затруднительном финансовом положении.

К несчастью для «придворной партии», обиженным почувствовал себя не только Ричард Йорк, но и его многочисленные сторонники. Если бы в «партию» Йорка входили только он сам, его ближайшие родственники и несколько друзей, это объединение можно было бы считать вполне безобидным. На деле к йоркистам могла причислить себя как минимум четверть английского дворянства.

В XV столетии в Англии существовала система социальных связей, внешне напоминающая древнеримскую клиентелу. На смену традиционным феодальным отношениям, в которых сеньор мог рассчитывать только на своих непосредственных вассалов, пришла более сложная структура. Магнаты охотно покровительствовали дворянам, не связанным с ними вассальными обязательствами, причем это покровительство могло выражаться в любой форме — от классического пожалования земель за службу до денежных субсидий и юридической поддержки. В англоязычной историографии эту систему именуют бастардным феодализмом (the bastard feodalism), русскоязычные исследователи традиционно используют несколько саркастическую, но тем не менее емкую формулировку — «феодализм ублюдочный».

В существовании этой системы были заинтересованы все слои дворянства. Как уже отмечалось выше, борьба за придворные должности для магнатов была вопросом финансового выживания. Чтобы увеличить свое политическое влияние, аристократы, естественно, нуждались в сторонниках. Они формировали так называемые ливрейные дружины, в которые входили зависимые от них люди, слуги и, наконец, вооруженные наемники. Но главной основой могущества любого лорда была поддержка части дворянства. В ответ магнат использовал свою близость к королю и должностное положение для «решения» проблем своих подопечных.

Между тем проблем в жизнь английского дворянина хватало. Земельные отношения в этот период были крайне запутанными, и почти каждая дворянская семья вела одну или несколько земельных тяжб. Официальное, королевское правосудие очень часто оказывалось неэффективным, поэтому семья вынуждена была искать обходные пути. Прежде всего, дворяне пытались найти союзников, то есть семьи, имеющие сходные земельные интересы. Девизом джентри XV в. вполне могла бы стать расхожая фраза «враг моего врага — мой друг». В начале любого конфликта джентри стремились узнать, кому еще насолил, например, Джон Смит, и нельзя ли объединиться, чтобы мстить г-ну Смиту совместно. К разбирательству подключались родственники с обеих сторон и те, кто помогали этим родственникам в других конфликтах. В результате в каждом графстве складывались неформальные объединения, члены которых поддерживали друг друга и в юридических процессах, и в нередких в то время силовых акциях. В середине XV в. дворянская группировка вполне могла силой занять или разграбить спорные земли; ограбить и избить «оппонента», захватить его в плен и держать на хлебе и воде, вынуждая подписать письменный отказ от спорной собственности, разогнать арендаторов и т.п. Все эти вещи были повседневной реальностью, поэтому выжить вне системы дворянских союзов было абсолютно невозможно. Также невозможно было пресечь беззакония, поскольку каждая группировка имела влиятельного покровителя среди лордов.

Лорды, в свою очередь, объединялись в группы, сцементированные родственными, имущественными и политическими интересами. После смерти Хемфри Глостера Ричард Йорк в силу разветвленных родственных связей, военных и политических заслуг оказался главой такого клана, поэтому задевать его было очень опасно. Герцог Йорк лишился придворных должностей, а его «партия» лишилась доступа «наверх». В результате были ущемлены интересы заметной части дворянства. «Придворная партия» не могла не понимать, что «ответ» неизбежен.

Политические страсти накалялись, чему способствовала ситуация во Франции. В 1448 г. английские гарнизоны, не получавшие достаточной материальной поддержки, были вынуждены оставить Мен. В Англии начали поговаривать, что Саффолк и королева Маргарита попросту продали эту часть английских владений французам. Популярность Ричарда Йорка стремительно росла, поэтому его попытались удалить из Англии. В 1449 г. он был назначен вице-королем Ирландии и отбыл в то, что все единодушно именовали почетной ссылкой.

По замыслу Маргариты и Саффолка, их противник не должен был добраться в Ирландию живым. В графстве Чешир на него было устроено покушение. По счастью, Ричард Йорк путешествовал именно так, как положено человеку его ранга — в сопровождении большой, вооруженной до зубов свиты. Нападение было отбито. Планы «придворной партии» нарушило и еще одно обстоятельство. Ричард Йорк оказался необычайно способным управленцем. Он смог навести порядок в английской части Ирландии и приобрести любовь местных жителей. Герцог Йорк оставил о себе настолько добрую память, что даже в 90-х гг. XV в. ирландцы горячо поддерживали его потомков.

В конце 1449 г. на «придворную партию» обрушился новый удар судьбы. Король Франции Карл VII возобновил военные действия. При горячей поддержке местного населения французские войска начали отвоевывать Нормандию. Королевское окружение срочно сформировало трехтысячную армию, но вместо ожидаемой победы последовало первое в истории Столетней войны сокрушительное поражение. 10 апреля 1450 г. английские войска были наголову разбиты в сражении при Форминьи. Последний английский гарнизон в Нормандии капитулировал в августе 1450 г.

Англичане восприняли это событие как общенациональную катастрофу. Верить в то, что потеря Нормандии вызвана объективными причинами, никто не хотел, поэтому на свет была извлечена проверенная веками формулировка — во всем виноваты

дурные советники короля и француженка-королева. В январе 1450 г. Палата Общин потребовала отставки герцога Саффолка. Генрих VI, считавший Саффолка своим лучшим другом, был вынужден санкционировать его арест. Герцога приговорили к пятилетнему изгнанию. 1 мая 1450 г. Саффолк покинул Англию. Ненависть лондонцев к нему была так велика, что после известия об отплытии герцога Саффолка около 2000 жителей столицы отправились за ним, чтобы отомстить за «продажу» Нормандии. Корабль герцога перехватили близ Дувра. Фаворит королевы был обезглавлен ржавым, тупым мечом. Легенда гласит, что голова герцога была отрублена только после шестого удара.

Теперь главой «придворной партии» стал герцог Сомерсет, ранее бесславно командовавший английскими войсками во Франции. Вскоре англичане стали поговаривать, что Эдмунд Сомерсет «унаследовал» также и благосклонность королевы Маргариты. Как и в случае с Саффолком, прямых доказательств существования любовной связи между Маргаритой Анжуйской и Эдмундом Сомерсетом не существует.

Как бы то ни было, положение дел на континенте продолжало ухудшаться. Убийство Саффолка, разумеется, нисколько не повлияло на ход военных действий. Крайне сложная экономическая ситуация, рост цен, повышение налогов, коррупция местных органов власти и ненависть, которую большинство англичан питало к «дурным советникам короля», привели к социальному взрыву. В мае 1450 г. в Англии начался бунт. Как сообщает Лондонская хроника, «общины Кента восстали, и пришли в ярость в июне… их предводителем был Джек Кэд». Стоит отметить, что мистер Кэд провозгласил себя ни много ни мало двоюродным братом герцога Йоркского. Восставшие требовали казнить неугодных чиновников, понизить налоги и вернуть Ричарда Йорка в число королевских советников.

Этот факт красноречиво свидетельствует о популярности герцога Йоркского. Очевидно, в 1450 г. его воспринимали как человека, который способен наконец наказать виновников по-

ражения во Франции и навести порядок в королевстве. На деле Йорк был не хуже и не лучше лордов «придворной партии» — все различие между ними заключалось в том, что герцог удачно эксплуатировал две чрезвычайно популярные в обществе идеи: продолжение Столетней войны и отстранение от власти «плохих советников» короля.

Необходимо подчеркнуть, что к началу бунта герцог Йорк не имел никакого отношения. Вероятно, он, также как большинство англичан, рассматривал восстание Кэда как опасную смуту. Вполне типичным было суждение лондонского хрониста: «Джек Кэд и его люди выдвинули множество требований и говорили, что общины Кента сильно обижены, но главной целью кентцев был грабеж».

Тем не менее не воспользоваться такой возможностью было бы глупо. Узнав, что восставшие требуют его возвращения и что это требование привлекает к ним новых сторонников, герцог оставил свой пост и отправился в Англию. Разумеется, это было прямым неповиновением воле короля. Впрочем, Ричард Йорк мог оправдать себя тем, что пренебрег не королевским приказом, а указаниями монарших советников.

В 1450 г. Генриху VI исполнилось 29 лет, но он по-прежнему был не в состоянии вести государственные дела. Когда историки, вслед за хронистами, отмечают, что Генрих VI издал такой-то указ или принял такое-то решение, они, как правило, грешат против истины. Реальная роль короля сводилась к подписанию бумаг. В тех редких случаях, когда Генрих VI отвлекался от благочестивых размышлений и действительно предпринимал какие-то действия, результаты бывали трагическими. Так, когда участники восстания Джека Кэда нанесли поражение королевским войскам и двигались к Лондону, Генрих VI заявил, что слышать не хочет о возможности новых военных действий, и... отправился «подышать сельским воздухом» в замок Кенилворт. Власти Лондона и оставшиеся в городе королевские чиновники могли обороняться как им заблагорассудится, короля эти проблемы более не каса-

лись. Восстание Кэда и несколько последовавших за ним более мелких выступлений были подавлены без всякого участия главы государства.

Если сам Генрих VI не проявлял заинтересованности в государственных делах, то «придворная партия» демонстрировала завидную активность. По дороге из Ирландии герцогу Йорку снова пришлось столкнуться с отрядами, которые должны были предотвратить его появление в Лондоне. Убить или хотя бы задержать герцога Йорка не удалось. 20 сентября 1450 г. он появился в Виндзоре в сопровождении четырехтысячного отряда и предъявил Генриху VI свой «билль», в котором требовал наказания виновников потери Нормандии (прежде всего герцога Сомерсета) как государственных изменников и возвращения своего законного места в Королевском совете. В тот момент Йорк пользовался настолько широкой общественной поддержкой, что мог не просить, а именно требовать. Современники отмечали, что герцог Йорк «хочет того же, чего хотят и общины, и все, что он хочет — справедливо».

Пользуясь случаем, Йорк также осведомился, почему на его пути были расставлены засады. На это король с редким простодушием ответил — ему сказали, что у герцога дурные намерения, но теперь он убедился, что это не так. Далее Генрих VI торжественно провозгласил Ричарда Йорка «своим верным вассалом и добрым кузеном» и заверил, что он всегда хотел, чтобы государство управлялось правильно.

В ожидании дальнейшего развития событий герцог Йорк отправился в свой замок Фотерингей и начал собирать сторонников. На этот раз речь шла не о съезде единомышленников, а почти что о создании армии. Каждый из лордов приезжал в Фотерингей во главе большого вооруженного отряда. На заседания Парламента в октябре 1450 г. магнаты явились в сопровождении вооруженных дубинами свит. Поскольку в здание Парламента запрещалось проносить более серьезное оружие, этим дело пока и ограничилось. Начались столкновения на улицах Лондона. Йоркисты требовали

суда над Сомерсетом, и король оказался вынужденным согласиться на его арест. Казалось, что Йорк будет восстановлен в своих правах. Однако в начале декабря ситуация снова изменилась. По просьбе королевы Сомерсет был освобожден, назначен капитаном Кале и смотрителем королевского хозяйства. Единственное, чего удалось добиться йоркистам — это временного удаления Сомерсета из Англии — герцог отправился во вверенный его попечению «английский» порт на континенте.

Весной 1451 г. сторонники герцога Йорка еще раз попытались взять реванш — на заседании Палаты Общин депутат от Бристоля Томас Юнг предложил объявить Ричарда Йорка наследником престола. Ричард Йорк действительно имел право унаследовать корону — он был потомком короля Эдуарда III и по отцовской, и материнской линиям (см. династическую таблицу). Если бы Генрих VI умер бездетным, Ричард Йорк оказывался бы одним из трех возможных кандидатов на престол. Вторым был фаворит королевы герцог Сомерсет, третьим — племянница Сомерсета Маргарита Бофор, которая впоследствии стала матерью Генриха VII Тюдора.

В данном случае важны были не столько теоретические права Ричарда Йорка, сколько сам факт обсуждения вопроса о наследовании тридцатилетнему мужчине, который теоретически мог дождаться рождения собственных детей. Однако король проводил все больше времени в молитвах и медитациях. По Лондону поползли слухи, что Генрих VI утратил способность к деторождению, и оппозиция ловко использовала общественное мнение. Большинство депутатов Палаты Общин высказались в поддержку Ричарда Йорка.

Необходимо учесть, что официальное признание герцога Йорка наследником повлекло бы за собой передачу должностей и полномочий, находившихся в руках лордов «придворной партии». Ни королева, ни король никогда бы на это ни согласились. Предложение Томаса Юнга было отвергнуто Палатой Лордов, Генрих VI подписал распоряжение о роспуске Парламента, а сам

Юнг оказался в Тауэре. Ричард Йорк был вынужден удалиться в свои владения в Уэльсе, где мог чувствовать себя в полной безопасности.

Временная победа «придворной партии» не улучшила политической обстановки. К августу 1451 г. Англия потеряла лучшую часть своих французских владений — Аквитанию, под властью британского монарха остался только порт Кале и его окрестности. За ведение войны во Франции по-прежнему отвечал герцог Сомерсет, и англичане окончательно убедились, что фаворит королевы в сговоре с французами.

Неудивительно, что в начале января 1452 г. Ричард Йорк направил королю новое послание, в котором требовал ареста предателя Сомерсета и перераспределения придворных должностей. На письмо даже не ответили. Тем временем финансовое положение герцога Йорка продолжало ухудшаться. У него появились значительные долги. Подталкиваемый этим немаловажным обстоятельством, Йорк начал собирать армию.

Напомним, что вооруженный отряд был у каждого сколько-нибудь влиятельного дворянина. В экстренных случаях, как, например, в 1452 г., число солдат можно было легко пополнить за счет наемников. В Англии середины XV в. солдаты стоили дешево, так как «предложение» намного превышало «спрос». Чем больше земель отвоевывали французы, тем больше наемников возвращалось на родину. Стоит отметить, что наемный отряд XV в. мало напоминал современное войсковое соединение — у солдат не было ни формы, ни единообразного оружия, ни, что гораздо важнее, твердой дисциплины. Даже хорошо организованная армия во время военных действий жила за счет грабежа местного населения. Неудивительно, что, вернувшись в Англию, солдаты Столетней войны предпочитали не осваивать новые мирные профессии, а заниматься привычным делом, то есть грабежом. По стране бродили настоящие банды, готовые пойти на службу к любому, кто им заплатит.

В феврале в распоряжении Ричарда Йорка оказалось целое войско. Он двинулся к Лондону, но власти столицы отказались впустить в город противников короля. Естественно, сторонники королевы и Сомерсета тоже не теряли времени даром, они собирали свою армию. Под номинальным командованием Генриха VI королевские войска выдвинулись из Лондона и встали лагерем около Блэкхета, который сейчас является одним из юго-восточных пригородов столицы Великобритании. Вскоре напротив них выстроились силы йоркистов. Однако вместо сражения начались переговоры. Моральные принципы Генриха VI, весьма далекие от общих представлений эпохи, не позволяли согласиться на пролитие христианской крови. Король предпочел пойти на уступки. Он поклялся, что «герцог Сомерсет ответит за свои действия по тем обвинениям, которые против него выдвинет герцог Йорк».

По-видимому, герцог Йорк не представлял, как далеко зашло душевное расстройство Генриха VI и какое влияние имеют на него просьбы королевы Маргариты. Полагаясь на клятву монарха, Ричард Йорк распустил свою армию и предстал перед королем почти без охраны. Можно представить, какое разочарование постигло герцога Йорка, когда среди сановников, окружавших душевнобольного монарха, он заметил ненавистного Сомерсета — королева упросила супруга не предпринимать ничего против ее любимца. Победа йоркистов обернулась поражением, а потом и унижением — 10 марта 1452 г. в соборе Святого Павла герцог Йорк торжественно поклялся, что не будет более собирать войска и подчинится любым приказаниям короля. Свидетели церемонии отмечали, что Генрих VI был в приподнятом настроении. Короля никак нельзя заподозрить в коварстве, возможно, в простоте душевной Генрих VI полагал, что ему удалось всех помирить.

Несмотря на то что войска короля и Ричарда Йорка так и не вступили в сражение, противостояние близ Блэкхета можно считать началом Войн Роз. Сам факт набора двух армий, пусть даже не вступивших в сражение, явился шоком для современников. Теперь военные действия могли развернуться не за морем,

а, может быть, совсем рядом с их домом. И военные действия действительно начались. Дворянские группировки в графствах восприняли противостояние йоркистов и сторонников короля как официальное разрешение на насилие. Вернувшиеся из Блэкхета отряды принялись расправляться со своими врагами. Например, графство Норфолк терроризировала настоящая банда под предводительством шерифа. Они убивали даже на пороге церкви, захватывали заложников, грабили дома и т.д. и т.п.

После унизительной мартовской церемонии Ричард Йорк удалился в свою любимую резиденцию — замок Фотерингей. Новое выступление йоркистов отсрочили известия из Франции. В августе 1452 г. в Лондон прибыли посланцы из столицы Аквитании — Бордо. Они обещали поддержать англичан, если те решат вернуть свои земли. На деле вернуть Аквитанию было невозможно — английская экономика находилась в плачевном состоянии, а армия намного уступала войскам французского короля. Тем не менее в стране начался экстренный сбор средств. Как отметила Н.И. Басовская, всплеск военной активности англичан в 1452—1453 гг. целесообразно рассматривать не в рамках Столетней войны, а в рамках начинавшихся Войн Роз. Победа принесла бы йоркистам огромные политические дивиденды, проигрыш позволил бы еще жестче критиковать фаворитов короля. К октябрю 1452 г. армия для «освобождения» Аквитании была полностью сформирована.

Глава 3
В БЕЗОПАСНОСТИ В ЗАМКЕ ФОТЕРИНГЕЙ (1452—1459)

В те дни, когда английские солдаты готовились отплыть во Францию, в семье герцога Йорка произошло важное событие. 2 октября 1452 г. на свет появился пятый сын Ричарда и Сесилии Йорк — будущий Ричард III. Источники не сообщают никаких

подробностей, но, по-видимому, все прошло в соответствии с обычаем.

В середине XV в. роды, как ни странно, были мероприятием публичным. В знатных семьях появление наследника и вовсе превращалось в сложный церемониал. Обычно для этого предназначалось специальное помещение. Например, наследник семьи Тюдоров обязательно должен был увидеть свет в главной башне замка Пемброк. Ричард родился в замке Фотерингей — любимой резиденции Ричарда Йорка. Фундамент замка был заложен еще в XII в. К началу XIV столетия он почти совершенно разрушился. Руины, стратегически выгодно расположенные на северном берегу реки Нен, король Эдуард III подарил своему пятому сыну Эдмунду Ленгли, основателю рода Йорков. При Эдмунде, первом герцоге Йорке, замок был отстроен и укреплен. К сожалению, до наших дней этот замок не сохранился. Дело в том, что в 1587 г. в нем состоялись суд над Марией Стюарт и ее казнь. Сын Марии — английский король Яков VI отдал приказ разрушить Фотерингей до основания. Современные туристы могут увидеть только прелестную деревушку Фотерингей и зеленый холм, на котором раньше стоял замок.

В соответствии с местным преданием Ричард III родился в той самой зале, где впоследствии отрубили голову Марии Стюарт, но имеет ли эта легенда отношение к истине, неясно. В любом случае по обычаю XV в. для появления нового отпрыска рода Йорков было отведено большое, богато украшенное помещение, в центре которого располагалась кровать с балдахином. Роженицу поместили в этот покой заблаговременно, примерно за две недели до ожидаемого события.

Любопытно, что при рождении наследника рода Йорков присутствовали не только акушерки и служанки. Кроме них в комнате находились и совершенно бесполезные с точки зрения современного человека персонажи — камеристки, приживалки, с десяток придворных дам герцогини Сесилии и, возможно, кто-то из ее близких родственниц. Все эти дамы при необходимости мог-

ли подтвердить, что ребенок появился на свет как положено, не был подменен и, следовательно, является законным наследником Йорков.

Присутствие отца при нормальном течении родов исключалось. Однако вскоре после появления младенца на свет Ричард Йорк навестил свою супругу, поздравил ее и взглянул на сына. Этот обязательный визит можно рассматривать не только как выражение естественных супружеских и родительских чувств, главной его целью было формальное признание ребенка. После этого младенца унесли в детскую, где ему надлежало находиться в течение первых трех лет жизни.

Ричард родился в очень сложный момент — в стране начиналась гражданская война, а будущее его отца было весьма неопределенным. Из-за переживаний матери, сочувствовавшей несчастьям супруга, а может быть, в силу других, неизвестных причин он родился слабым и болезненным. Врачи не были уверены в том, что ребенок выживет.

Напомним, что будущий Ричард III был двенадцатым ребенком Ричарда и Сесилии Йорк. Но если считать только выживших на 1452 г. детей, то Ричард оказывается седьмым. К сожалению, высокая детская смертность была также характерна для Средневековья, как и высокая рождаемость. Уровень развития медицины оставлял желать много лучшего. При почти полном отсутствии лекарств и зачастую абсурдных методах лечения[1] любая инфекция могла обернуться тяжелейшими осложнениями. Специалисты подсчитали, что в среднем в младенчестве умирало 50 % детей. История семьи Ричарда III подтверждает справедливость этой печальной статистики. Три старших брата Ричарда — Генрих, Уильям и Джон — умерли еще до его рождения. Томас, который был младше Ричарда на два года, не дожил до пяти лет.

Однако с точки зрения современного человека и семь детей — это очень много. Логичным было бы предположить, что детство

[1] Например, универсальным средством от любой болезни считалось кровопускание.

Ричарда, проведенное в компании родителей, четырех братьев, трех сестер и множества слуг, было как минимум нескучным. На деле все обстояло несколько иначе. Прежде всего, из круга тех, с кем Ричард часто общался в детские годы, следует исключить родителей.

В Средние века представление о правильном воспитании детей было абсолютно иным, чем в наши дни. В первые два-три года жизни ребенок воспринимался как некое забавное, но неразумное существо, к которому не стоит слишком привязываться, потому что оно может умереть в любой момент. Считалось, что такой ребенок еще слишком мал, чтобы его воспитывать, ему требуется в основном примитивная физическая забота.

Стоит отметить, что знатные родители в XV в. были полностью избавлены от всех житейских неприятностей, связанных с повседневным уходом за младенцем. Даже будущих наследников престола полностью вверяли попечению кормилиц и многочисленных нянек. Леди никогда не кормили детей грудью, и нам неизвестно о том, чтобы Сесилия Йорк отступала от этого правила — подобный поступок был совершенно несовместим с ее высоким положением, его сочли бы какой-то непристойной выходкой. Не менее странным показалось бы намерение герцогини самой поухаживать за ребенком. Роль знатной матери была чисто декоративной. В течение нескольких недель после родов герцогиня Сесилия, по обычаю, возлежала на пышно убранной постели в родильном покое. Красиво спеленатого младенца ей приносили всего на несколько минут в день. Мать говорила приличествующие случаю слова, придворные дамы умиленно вздыхали, церемония заканчивалась, и маленький Ричард снова оказывался в своей колыбели в детской комнате.

Необходимо подчеркнуть, что подобная церемонность в обращении вовсе не говорила об отсутствии родительской любви. Детей в Средние века любили и баловали ничуть не меньше, чем в наши дни, просто формы проявления этой любви были несколько иными. Любовь выражалась в подборе кормилиц и в

контролировании их деятельности для обеспечения физического комфорта младенца. После того как заканчивался обязательный срок пребывания в постели, мать могла время от времени заглядывать в детскую, но более приличным считалось потребовать, чтобы ребенка приносили к ней. Вероятно, Ричарда целовали, немного играли с ним и отсылали обратно.

Если мать мало виделась с сыном, то говорить о сколько-нибудь заметной роли отца и вовсе не приходится. Дело здесь не только в том, что Ричард Йорк с головой погрузился в политическую борьбу. Даже когда он находился в замке Фотерингей, его участие в жизни сына ограничивалось короткими, почти формальными визитами.

Через несколько месяцев после рождения будущего Ричарда III его родители на время уехали из замка Фотерингей, чтобы посетить другие земли, принадлежавшие Ричарду Йорку. Такого рода перемещения были абсолютной необходимостью для каждого магната. Только личный контроль мог обеспечить хотя бы относительную честность многочисленных управляющих и лояльность местных дворян. Кроме того, наличие целой армии слуг, зависимых людей и придворных создавало продовольственную проблему. Дороги были плохими и небезопасными, свозить продукты в один-единственный замок оказывалось невыгодно — гораздо проще было перемещаться из манора в манор, постепенно «перерабатывая» накопленные на местах запасы. Маленькие дети, как правило, не участвовали в этих постоянных перемещениях. Они жили в центральной резиденции, куда родители заезжали на несколько месяцев в году, чтобы решить накопившиеся дела и повидать своих домочадцев. По-видимому, раннее детство Ричарда прошло в обществе слуг.

Будущий Ричард III, как и любой другой ребенок, считался младенцем до трех лет. До этого возраста его кормили грудью и укладывали спать в колыбель. Любопытно, что в Средние века ребенок до трех лет воспринимался как существо практически лишенное половой принадлежности — и мальчиков, и девочек

одевали и стригли одинаково, они играли в одни и те же игрушки; внешне маленького Ричарда нельзя было отличить от девочки того же же возраста.

Поскольку все были уверены, что маленькие дети почти не понимают поступков и речей взрослых, в выражениях и средствах воспитания не стеснялись. В XV в. никому бы и в голову не пришло, что при детях нельзя употреблять бранные слова или обсуждать откровенные темы — все это делалось без малейшего стеснения. Шлепки и подзатыльники считались до смешного малым наказанием. Ребенок должен был подчиняться воле взрослых, а если он этого не делал, например мешал купать себя или отказывался есть, его попросту связывали, разумеется, для его же пользы. Никто не обращал внимания ни на детский плач, ни на мелкие недомогания (они считались естественными).

Помимо кормилиц и служанок компанию Ричарду должны были бы составлять его многочисленные братья и сестры. Однако это было не совсем так. Прежде всего, далеко не все дети жили вместе с родителями. Напомним, что примерно в 7 лет мальчиков отправляли на воспитания к родственникам или друзьям. Считалось, что только так ребенок может получить необходимые практические знания и научиться вести себя в обществе. К 1452 г. в замке Фотерингей жили всего трое детей. Маргарита, родившаяся в 1446-м, была старше Ричарда на шесть лет и слишком взрослой для того, чтобы делить с ним развлечения. Гораздо ближе по возрасту был Джордж, будущий герцог Кларенс, его с Ричардом разделяли три года. Почти ровесником будущего короля был Томас, появившийся на свет в 1450 г. Известно, что Томас умер до 1455 г., но был ли он достаточно здоров для того, чтобы участвовать в детских забавах, неясно.

Собственно, и сам Ричард вряд ли много времени проводил за играми. Он был очень хилым и болезненным ребенком. В метрических записях Йорков, сделанных между 1455 и 1460 гг., присутствует весьма циничная, на взгляд современного человека, фраза: «Ричард все еще жив». Возможно, эта запись была сделана

во время тяжелой болезни, но более вероятно, что она говорит о постоянных недомоганиях, которые заставляли врачей предполагать самое худшее.

Пока маленький Ричард учился ходить и говорить, за стенами его родного замка становилось все более неспокойно. Готовившаяся в момент его появления на свет экспедиция во Францию оказалась не вполне успешной. Англичанам действительно удалось вернуть Бордо и ряд других крепостей, но уже в июле 1453 г. они потерпели сокрушительное поражение. Английский гарнизон укрылся за стенами столицы Аквитании, для снятия осады нужна была новая компания, однако денег на войну не было.

К тому же 13 октября 1453 г. в Англии произошло событие, на фоне которого любые известия из Франции казались второстепенными: у Генриха VI наконец родился наследник — принц Эдуард. Для сторонников герцога Йорка эта новость была скорее печальной. Самим фактом своего рождения Эдуард Ланкастер ставил крест на честолюбивых планах герцога Йорка унаследовать корону. Возможно, поэтому йоркисты всячески поддерживали слухи о том, что Эдуард не является сыном короля. Принца фактически открыто называли ребенком королевы от ее фаворита — герцога Сомерсета. К чести Ричарда Йорка необходимо отметить, что он не поддерживал эти толки и без колебаний присягнул принцу Эдуарду на верность.

Скорее всего, кормилицы, няньки и служанки, ухаживавшие за детьми Ричарда Йорка, были менее сдержанны. Годовалый Ричард должен был слышать, как они обсуждают эту животрепещущую тему, но вряд ли понимал, о чем речь.

Итак, слухи о незаконном происхождении наследника престола не имели заметных последствий. Тем не менее всего через несколько дней после рождения Эдуарда Ланкастера политическая ситуация обострилась до предела. Как обычно, катализатором недовольства послужили новости из Франции. 19 октября оттуда пришло известие о капитуляции Бордо. Аквитания была потеряна, но англичане не допускали даже мысли о реальном

военном превосходстве французов, в Лондоне вновь заговорили о предательстве. Мишенью этих обвинений, как обычно, стали королева и герцог Сомерсет.

Ричард Йорк громогласно требовал ареста королевского фаворита, но к королю никого не пускали. Когда в ноябре эта «блокада» наконец была прорвана, выяснились поистине ужасные вещи. Оказалось, что еще в августе 1453 г. Генрих VI полностью потерял рассудок. Монарх никого не узнавал, никак не реагировал на действия окружающих; его приходилось насильно кормить и переносить с места на место. Королеве и лордам «придворной партии» на протяжении нескольких месяцев удавалось скрывать безумие Генриха VI. Цель этих манипуляций была ясна всем — королева и ее окружение не желали делиться властью.

Как только правда выплыла наружу, Ричард Йорк потребовал созвать Королевский совет, чтобы решить главный на тот момент вопрос — кто будет опекуном душевнобольного короля и регентом королевства. Напомним, что причиной политического доминирования «придворной партии» была личная благосклонность Генриха VI. Теперь же король, что называется, вышел из игры, и ситуация в корне изменилась. Стойкая неприязнь, которую значительная часть англичан питала к герцогу Сомерсету, королеве Маргарите и другим участникам «придворной партии», делала их положение крайне затруднительным. В Палате Общин сторонники Ричарда Йорка составляли подавляющее большинство, под их давлением многие члены Королевского совета изменили свою позицию. В результате в 1453 г. Совет принял решение об аресте герцога Сомерсета, которого англичане считали главным виновником военных и политических неудач последних лет.

После того как Сомерсет был помещен в Тауэр, «придворная партия» оказалась обезглавленной. Среди сторонников Генриха VI не было никого, чье влияние было бы сопоставимо с политическим весом королевского фаворита. Единственным исключением являлась королева Маргарита. К 1453 г. Маргарита Анжуйская уже не была той шестнадцатилетней девочкой, кото-

рая прибыла в Англию, чтобы выйти замуж за человека, которого она никогда не видела. К этому времени королеве исполнилось 24 года, за восемь лет пребывания на престоле она приобрела недурной политический опыт, рождение наследника снимало с нее позорное клеймо бесплодия, и, наконец, с августа до ноября 1453 г. Маргарита и ее окружение полностью контролировали управление страной. Все знали, что королева умна, решительна и обладает поистине железной волей. То обстоятельство, что Маргарита возглавила клан Ланкастеров, казалось современникам естественным.

Однако королева пошла гораздо дальше после того как Совет поставил вопрос о регентстве, Маргарита Анжуйская заявила, что сама желает стать опекуном больного супруга. В принципе передача власти женщине не была невозможной: так, всего через семь лет после описанных событий вдова Джеймса II, короля Шотландии, стала регентшей при своем девятилетнем сыне. Тем не менее Королевский совет даже не стал рассматривать вопрос о регентстве Маргариты. Очевидно, дело было не в ее воле. По-видимому, сановники руководствовались двумя мотивами: прежде всего, Маргарита была не слишком популярна, к тому же, по понятиям XV в., недавно родившей женщине следовало не заниматься политикой, а заботиться о сыне и молиться о выздоровлении мужа; свою роль сыграло и растущее могущество герцога Йорка.

Именно Ричард Йорк в начале 1454 г. был назначен Парламентом Протектором и Защитником королевства. Его годовалый сын вряд ли понимал, кто такой протектор. И все же во время очередного визита герцога в замок Фотерингей Ричард не мог не увидеть, что отец и мать довольны. Зимой 1454 г. в Фотерингее веселились и праздновали. Ричард конечно же не мог полноценно участвовать в торжествах, но по вечерам его на несколько минут выводили в большую залу. В жизни мальчика это были самые яркие моменты.

Конечно, Ричард не так уж часто видел родителей. Большую часть времени герцог Йорк проводил в Лондоне. Став регентом, он не сделал ничего, что могло бы навредить интересам наследника престола, напротив, сын Маргариты Анжуйской Эдуард был торжественно провозглашен принцем Уэльским, и английское дворянство присягнуло ему на верность. Судя по действиям Ричарда Йорка, в 1454 г. он стремился к малому — занять то положение в обществе, которое принадлежало ему по праву рождения. Единственным значимым следствием регентства Йорка стало перераспределение придворных должностей, т.е. усиление политического и финансового влияния йоркистов. Сторонники Ланкастеров, наоборот, лишились возможности процветать за счет узаконенной коррупции.

Новый баланс сил был нарушен на Рождество 1454 г. — Генрих VI неожиданно пришел в себя. Вполне вероятно, что у сторонников Йорка это радостное для королевства событие вызвало чувство глубокого разочарования. По свидетельству современников, одним из первых действий короля стало признание принца Эдуарда, но даже это не положило конец сплетням, имевшим долгую историю и поистине общеевропейский резонанс. Так, в 1461г. Проспер Камулио, посол Милана при французском дворе, воспроизвел эти слухи в письме к герцогу Милана Франческо Сфорца. Генрих VI якобы однажды сказал, что Эдуард, должно быть, родился от Святого Духа.

Как бы то ни было, регентство Ричарда Йорка закончилось. Выздоровевший король, разумеется, отменил все недавние назначения. Хлебных должностей лишились не только сторонники герцога Йорка — сам он также перестал получать приглашения на заседания Королевского совета. Более того, в мае 1454 г. «придворная партия» решила созвать Большой совет королевства, на котором Ричард Йорк должен был ответить за свои действия в период регентства. Логическим результатом работы этого совета стало бы решение об аресте герцога Йорка.

Узнав, что его вызывают на суд, Ричард Йорк вновь начал собирать войска. Чтобы как-то оправдать свои действия, он издал манифест — формально адресатом был Генрих VI, но копии документа были разосланы по всей стране. В этом документе герцог Йорк почтительнейше уверял короля в своей преданности и подчеркивал, что он хочет всего лишь устранить «дурных советников... которые пытаются лишить нас вашего благородного общества и вашей благосклонности; а упомянутая благосклонность является для нас единственной радостью и утешением». Недовольство «придворной партией» было так велико, что значительная часть англичан сочла аргументы Ричарда Йорка вполне справедливыми. Хронисты писали: «Из-за того, что король не сдержал свои прежние обещания удалить от себя герцога Сомерсета, но показывал к нему такую же любовь, как и до этого, влиятельные лорды, а также общины взволновались. По этой причине герцог Йорк, герцоги Уорвик и Солсбери со многими джентльменами и обіцинниками пришли для того, чтобы удалить означенного герцога Сомерсета и других от короля». Ответа на свое письмо Ричард Йорк так и не дождался. «Придворная партия» решила также прибегнуть к силе. К середине мая обе стороны были готовы к началу полномасштабных военных действий.

Первое сражение Войн Роз состоялось 21 мая 1455 г. на улицах маленького городка Сент-Олбанс, расположенного к северу от Лондона. Битва, больше напоминавшая уличную схватку, длилась не более получаса. Сторонники Генриха VI забаррикадировались на двух главных улицах городка. Йоркисты безуспешно пытались штурмовать баррикады, пока граф Уорвик не додумался провести солдат огородами и напасть на королевский отряд с флангов. Итогом этого обходного маневра стало паническое бегство сторонников короля. Триумф йоркистов стал еще более впечатляющим, когда выяснилось, что в сражении был убит ненавистный герцог Сомерсет.

Граф Уорвик, впоследствии прозванный Создателем Королей, бесспорно, стал героем дня; антигероем можно смело назвать

Генриха VI. Перед началом битвы монарх приободрился и даже грозился «покарать изменников», но при первых же звуках сражения он полностью утратил связь с реальностью. Генрих VI не просто не пытался никого «карать» — он неподвижно стоял под королевским знаменем и с благожелательным любопытством смотрел по сторонам. Король не сдвинулся с места, даже получив легкое ранение в шею. В конце концов, кто-то сердобольно завел монарха в ближайший дом, чтобы его ненароком не покалечили.

В тот момент младшему сыну герцога Йорка исполнилось два с половиной года. Скорее всего, новость о победе при Сент-Олбансе детям сообщили в торжественной обстановке. Ричарду, Джорджу и Маргарите позволили покинуть детскую и спуститься в большой зал, чтобы послушать, как читают и перечитывают письмо их отца. Конечно, Ричард не понял всего, но главное он должен был уяснить — его дорогой отец сразился с плохими людьми, лишавшими его королевской милости, и победил. Теперь он станет влиятельнее и богаче, а в Фотерингее будут новые праздники.

Выиграв битву при Сент-Олбансе, Ричард Йорк занялся тем, ради чего и затевалось сражение — раздачей придворных должностей. Родственник и виднейший соратник герцога Йорка граф Уорик получил весьма доходный пост капитана Кале, другие тоже не были забыты. Собравшийся вскоре Парламент посмертно осудил герцога Сомерсета, всем остальным лордам «придворной партии» была объявлена амнистия. Поведение Генриха VI во время сражения исчерпывающе доказывало его недееспособность — король был передан под опеку своей жене.

Необходимость опеки над королем стала еще более очевидной осенью 1455 г., когда у Генриха VI случился второй приступ безумия — он снова впал в прострацию и перестал узнавать окружающих. С согласия Парламента Ричард Йорк был вновь назначен протектором королевства. На этот раз Генрих VI пришел в себя гораздо быстрее — в феврале 1456 г. ему стало заметно

лучше. В данном случае имеет смысл говорить именно об улучшении, а не о выздоровлении, даже если принять за условную норму состояние до 1452 г. После второго приступа безумия Генрих VI стал еще более слабовольным, еще более управляемым, чем раньше. Несмотря на то что король совершал требуемые от него публичные жесты, например, появлялся в Парламенте, всем было ясно, что он утратил даже видимость самостоятельности. Генрих VI поминутно обращался к королеве и придворным, прося их «мудрого совета», и всеми силами уклонялся от принятия сколько-нибудь важных решений.

К 1456 г. именно Маргарита Анжуйская была истинной повелительницей Англии. Действуя от имени безумного супруга, Маргарита начала постепенно смещать с должностей сторонников Йорка. К концу сентября 1456 г. королева уже полностью контролировала правительство. Ричард Йорк был вынужден вновь удалиться в свои владения. Любопытно, что сам король, по-видимому, жаждал мира и пытался задобрить непокорного вассала — от имени Генриха VI герцогу Йорку был пожалован полный контроль над золотыми и серебряными рудниками в Девоне и Корнуолле на целых двадцать лет. Однако этим дарам недоставало последовательности. В марте 1457 г. по инициативе королевы Ричард Йорк опять был назначен вице-королем Ирландии. Напомним, что эта должность была равнозначна ссылке. Однако ситуация в стране уже вышла из-под контроля «придворной партии». Герцог Йорк попросту отказался уезжать, при этом заставить его отправиться в Ирландию или наказать было абсолютно невозможно.

Младший сын герцога Йорка мог знать об этих событиях только в самых общих чертах. Внутренние, домашние дела на тот момент были гораздо важнее непонятных политических новостей. В 1455 г. Сесилия Йорк родила своего последнего ребенка. Девочку назвали Урсулой, но малышка умерла, не достигнув двухлетнего возраста.

Сам Ричард, хотя и оставался слабым и болезненным, благополучно перешагнул в следующий возрастной рубеж. По обычаю

того времени, в три-четыре года ребенок переставал считаться младенцем, т.е. нуждающимся только в физической заботе существом неопределенного рода, у него появлялся пол. Четко установленной даты этой перемены не было, все зависело от физического развития ребенка. Поскольку Ричард не отличался крепким здоровьем, этот срок можно смело отодвинуть к четырем годам.

Итак, примерно в четыре года Ричард получил новую одежду, предназначенную именно для мальчиков. На взгляд современного человека, костюм был крайне неудобным и совершенно не подходил для ребенка. Ричарда облачили в рубашку, штаны, и, как ни странно, в длинное верхнее платье, застегивающееся спереди. Этот наряд чем-то напоминал профессорскую или судейскую мантию и явно не способствовал свободе движений. Однако в Средние века заботились не о комфорте, а о традициях. По мнению историков костюма, до середины XX в. детская одежда копировала наряды взрослых прошлых эпох. Мужчины носили длиннополые одеяния до XIII столетия, мальчики — до XVIII в.

Разумеется, одеждой перемены не ограничились. Гораздо важнее было то, что у Ричарда появились именно мальчишеские игрушки. До 4 лет все дети играли в куклы, лошадки, игрушечные домики и т.п. После наступления этого знакового возраста мальчикам дарили первое игрушечное оружие, пока еще декоративный шлем, а иногда и кирасу. Кроме того, с четырех лет детей начинали допускать к играм взрослых. С этого времени маленький Ричард мог приступить к освоению одного из наиболее статусных развлечений Средневековья, считавшегося почти что искусством — его начали учить играть в шахматы. Не менее престижной считалась игра в мяч (средневековый аналог тенниса), но это развлечение подразумевало большие физические нагрузки, и слабый ребенок не мог добиться существенных успехов. Взрослыми также считались игры в прятки и жмурки, в слова и в «говорящие картины» (когда один из играющих пы-

тался изобразить какое-то слово, а остальные отгадывали, что он имел в виду). Как только Ричард стал достаточно большим, чтобы сесть на пони, начались первые уроки верховой езды.

Выход из младенческого статуса открывал еще одну приятную возможность — свободу передвижения по замку. В Средние века с детьми не особенно церемонились, но, с другой стороны, их ниоткуда не прогоняли. Считалось, что ребенок все равно недостаточно разумен и не понимает истины того, что видит. При желании Ричард вполне мог стать свидетелем ссоры между слугами, пирушки солдат, да, собственно, любого события, которое происходило под сводами Фотерингея до заката солнца, когда ему следовало отправляться спать.

Замок Фотерингей, в котором Ричард появился на свет и провел детские годы, был довольно большим и гарантировал множество интересных открытий. Напомним, Фотерингей стоял на берегу реки Нен. С противоположной от реки стороны замок окружал двойной ров, через который был перекинут подъемный мост. В окружении мощных башен и стен располагались складские и хозяйственные помещения и, разумеется, жилое крыло, традиционно примыкающее к самой большой и лучше всего укрепленной башне — донжону.

Мы привыкли воспринимать замок как символ средневековой цивилизации, и даже для тех, кто знаком с историей периода, он неизменно ассоциируется с роскошью и комфортом. Между тем в XV столетии замки строились в первую очередь как оборонительные сооружения. По нынешним меркам, это было неудобное и нездоровое жилье. Прежде всего, отапливались далеко не все комнаты. Камины горели в главной зале, где ели и проводили большую часть дневного времени, в детской, а также в спальне хозяев. В остальных помещениях стояла почти уличная температура. Окна с тяжелыми свинцовыми переплетами были дорогим удовольствием, их ставили только в жилых покоях, но даже они не гарантировали отсутствие сквозняков. Полы уже не устилали соломой, как в XIII в., а выкладывали каменной плиткой, краси-

вой, но очень холодной. Собственно, зимой в замке было тепло только в кресле перед камином, но и этот уютный образ следует слегка подкорректировать — кресла в XV в. вырезали из дерева, на сиденье клали мягкую подушку, но спинка оставалась довольно жесткой, а камины зачастую дымили. Картину довершало почти полное отсутствие предметов интерьера.

Напомним, что на исходе Средневековья аристократы кочевали из манора[1] в манор. Сундуки с одеждой, ковры, занавеси, подсвечники, постельное белье и даже перины с подушками возили с собой. Когда родители Ричарда пребывали в замок Фотерингей, их сопровождал грандиозный обоз. После приезда вещи распаковывались, и на время пребывания хозяев замок приобретал жилой вид.

Вместе с герцогом и герцогиней Йоркскими в Фотерингей прибывали герольды, многочисленные слуги, менестрели, вооруженная охрана и дворяне, входившие в их свиту. Вероятно, почти каждый день Ричард и Сесилия Йорк принимали окрестных дворян, устраивались охоты, празднества, пиры и небольшие рыцарские турниры, вечерами перед гостями выступали жонглеры, акробаты и менестрели.

Скорее всего, приезд родителей для Ричарда, его брата Джорджа и сестры Маргариты был настоящим праздником. Однако максимум через пару месяцев герцог и герцогиня уезжали, чтобы навестить другие владения. Яркие гобелены и шторы, изящные кресла и дорогие безделушки исчезали, Фотерингей вновь становился пустым и почти безлюдным. Дети оставались с няньками, воспитателями и охраной. Большую часть дня они проводили в играх. Десятилетняя Маргарита, по меркам XV в., была почти взрослой девушкой. Ей следовало присматривать за младшими братьями, а также учиться шить, вышивать и контролировать хозяйство замка, что требовало немалых усилий. Джордж, который был на три года старше Ричарда, уже считался подростком. В семь лет его начали более серьезно обучать верховой езде и об-

[1] *Манор* — английское название поместья.

ращению с оружием. Возможно, начались также первые уроки грамоты. Ричард, как самый младший, был свободен от обязанностей, за исключением еды и сна. Его мир ограничивался замком Фотерингей, но и туда долетали тревожные известия о новых столкновениях сторонников Йорков и Ланкастеров.

В августе 1457 г. всю страну буквально потрясло известие о том, что французы высадились в Англии и сожгли город Сэндвич. Ужас ситуации заключался не только в самом факте нападения на один из важнейших портов королевства, в Лондоне фактически открыто говорили, что грабительский рейд был организован Маргаритой Анжуйской. Современники не находили этому другого объяснения, кроме дьявольского характера королевы, и весь Лондон распевал куплеты, в которых бранные выражения перемежались самыми дикими обвинениями. Например, говорили, что принц Эдуард даже не бастард, он подкидыш, в жилах которого нет ни капли королевской крови. В данном случае возмущение англичан было обоснованным — причиной нападений на Сэндвич стали политические ошибки королевы. Маргарита Анжуйская попыталась руками французов устранить слишком популярного и влиятельного лорда Уорвика, но ситуация вышла из-под контроля.

Дело в том, что Уорвик был единственным йоркистом, которого не коснулись кадровые перемещения 1456 г. Скорее всего, его пребывание на посту капитана Кале (т.е. вне Англии) устраивало королеву — это позволяло держать опасного противника подальше от двора. Однако вскоре «придворной партии» стало известно, что даже на континенте Уорвик продолжал активную политическую деятельность. Во время его интендантства Кале стал использоваться как база для сбора войск йоркистов. Чтобы избежать возможного вторжения, Маргарита обратилась за помощью к своему дяде — французскому королю Карлу VII. Властелин Франции откликнулся на удивление быстро — французам Уорвик мешал так же сильно, как династии Ланкастеров. Граф

был талантливым полководцем, и его смелые рейды держали войска Карла VII в постоянном напряжении.

Итак, в ответ на просьбу Маргариты Анжуйской Карл VII приказал сформировать специальную эскадру под командованием известного полководца и друга королевы Пьера де Брезе. По иронии судьбы, французский флот сделал совсем не то, что от него требовалось. Не обнаружив в Ла-Манше кораблей Уорвика, французы организовали грабительский рейд по побережью графства Кент. В результате «француженка Маргарита» стала еще более непопулярной, а йоркисты, ратовавшие за продолжение Столетней войны, набрали политические очки.

Для того чтобы понять действия королевы, необходимо принять во внимание следующее обстоятельство — политическое развитие регионов Европы на закате Средневековья было крайне неравномерным. Если в Англии, во многом благодаря Столетней войне, уже почти сформировалось представление о том, что такое нация и национальные интересы, семья Маргариты Анжуйской все еще жила в феодальной эпохе. Ее отец — Рене Анжуйский — обладал целым букетом нереализованных титулов и прав; при удачном стечении обстоятельств в его руках могли бы оказаться столь несхожие земли, как Лотарингия и Неаполитанское королевство. На деле Рене провел большую часть жизни в Провансе. В промежутках между попытками отвоевать очередное «принадлежащее ему по праву» графство или герцогство «король Рене» слушал песни трубадуров, участвовал в рыцарских турнирах и вряд ли вообще представлял, что у населения той же Лотарингии могут быть какие-то свои интересы, свой взгляд на политику.

Для англичан Маргарита Анжуйская всегда оставалась иностранкой именно потому, что не учитывала специфики страны, которой ей довелось управлять. В борьбе с политическими противниками королева прибегала к традиционным для средневековой монархии методам — заключению союзов с другими державами, помощи родственников и т.п. Маргарита не желала видеть,

что в Англии XV в. общественное мнение превратилось в силу, с которой нельзя было не считаться.

После грабительского рейда Пьера де Брезе Уорвик превратился в национального героя — в ответ на разграбление Сэндвича граф открыл военные действия на море и нанес французам несколько чувствительных поражений. Маргарита оказалась вынуждена назначить Уорвика адмиралом Англии, но в качестве своеобразной компенсации отобрала у него пост капитана Кале. Вернее, королева издала указ о лишении лорда Уорвика этой должности, но сил на исполнение решения у «придворной партии» попросту не хватило. Уорвик во всеуслышание заявил, что получил пост капитана Кале от Парламента, а значит, только Парламент может забрать его обратно. Поскольку в Парламенте большинство составляли сторонники Уорвика, королеве не оставалось ничего другого, как проглотить это оскорбление. Приказ о смещении Уорвика не был отменен, но и попыток силой сместить непокорного лорда королева не предпринимала. Тем временем обстановка в Англии становилась все более напряженной, почти во всех графствах начались усобицы, грозившие перерасти в локальные войны. Например, на Севере королевства кланы Невилей и Перси открыто сражались за спорные земли.

Генрих VI конечно же всеми силами стремился восстановить мир, но его усилия не давали заметных результатов. Так, в начале 1458 г. по настоянию короля между лидерами Йоркистов и сторонниками Ланкастеров были начаты переговоры. Казалось бы благая затея вылилась в фарс — такие вопросы, как перераспределение придворных должностей, урегулирование земельных конфликтов и роспуск вооруженных отрядов, вообще не обсуждались. Генрих VI повел речь о необходимости личного примирения лордов. Под давлением короля Йорк, Уорвик и Солсбери согласились построить часовню в честь павших в битве при Сент-Олбансе, а также выплатить денежные компенсации наследникам Сомерсета и других лордов «придворной партии», убитых

в этом сражении. Нужно было обладать наивностью Генриха VI, помноженной на душевное расстройство, чтобы поверить, будто на этом конфликт исчерпан.

25 марта соглашение было скреплено впечатляющей религиозной церемонией. Через центр Лондона в собор Святого Павла проследовала пешая процессия «бывших» врагов. По свидетельству современников, Генрих VI выглядел абсолютно счастливым. За королем шествовала пара поистине курьезная — Ричард Йорк и Маргарита Анжуйская. Как и прочие участники церемонии, Йорк с королевой трогательно держались за руки и вымученно улыбались. Перед алтарем все торжественно поклялись забыть прошлые разногласия и стать добрыми друзьями. Народ восторженно приветствовал «восстановление доброго согласия». Конечно, для людей XV в. даже вынужденная клятва не была пустым звуком, однако церемония в соборе Святого Павла никоим образом не решала главную проблему: кто — Ричард или Маргарита — будет управлять Англией от имени Генриха VI или даже вместо него.

Более мелкие конфликты также не были разрешены. Уорвик вернулся в Кале несмотря на то, что формально его должность уже более полугода занимал герцог Сомерсет. Фактически Кале превратился в независимую от правительства базу йоркистов. В мае 1458 г. Уорвику удалось нанести поражение соединенному франко-кастильскому флоту, что превратило его в настоящего национального героя. Раздражение королевы было так велико, что в ноябре 1458 г. на Уорвика было совершено покушение. Попытка не удалась, но еще более обострила непростую политическую ситуацию.

В этот момент Ричарду было шесть лет. Он уже гораздо лучше понимал, что происходит в Англии. Взрослые, не стесняясь, говорили при нем о политике. Скорее всего, Ричард сочувствовал неудачам отца и учился ненавидеть его противников. Мальчик жил в жестокое время. В XV столетии было принято молиться не

только о здоровье и благополучии своих родных, но и об унижениях и несчастьях врагов. Возможно, и Ричард обращался к небу с похожими просьбами.

Глава 4
ДИТЯ ВОЙНЫ
(1459–1461)

Весной 1459 г., когда Ричарду было шесть с половиной лет, и йоркисты, и сторонники Ланкастеров начали открыто собирать войска. Любопытно, что обе стороны почти открыто говорили о необходимости смещения Генриха VI. Маргарита Анжуйская надеялась убедить короля отречься от престола в пользу сына и стать регентшей. Ричард Йорк планировал заявить о своих правах на корону и занять трон «по праву наследования».

На этот раз борьба за власть повлияла на жизнь маленького Ричарда самым непосредственным образом. Намерения йоркистов и сторонников династии Ланкастеров были настолько серьезными, что Ричард Йорк не решился оставлять своих младших детей в замке Фотерингей, который охраняло всего несколько десятков солдат.

Весной 1459 г. Ричард и Джордж в сопровождении сильной охраны были переправлены в прекрасно укрепленный замок Ладлоу в Шропшире вблизи границы с Уэльсом. По-видимому, только в Ладлоу Ричард как следует познакомился со своими старшими братьями — семнадцатилетним Эдуардом графом Марчем (будущим королем Эдуардом IV) и шестнадцатилетним Эдмундом. Оба они уже были опоясанными рыцарями и считались даже не юношами, а молодыми мужчинами. До этого момента Ричард, скорее всего, знал братьев только понаслышке, во всяком случае, документальных подтверждений того, что он видел Эдуарда и Эдмунда до 1459 г. не существует.

На современный взгляд ситуация кажется довольно дикой, однако в Средние века в ней не было ничего необычного. Роди-

тели и дети или старшие и младшие братья могли не встречаться годами. Они конечно же состояли в переписке; в каждом письме дети через воспитателей просили «дать им ежедневное благословение, которое составляет их единственную радость и утешение». Родители, разумеется, удовлетворяли их просьбу, осведомлялись о здоровье и материальном благополучии, но этим дело, как правило, и заканчивалось. В Средние века полагали, что истинная привязанность может существовать только между взрослыми людьми, поэтому родители нередко начинали нормально общаться с детьми только после их совершеннолетия.

Итак, в Ладлоу Ричард познакомился со старшими братьями и сам подошел к знаковому для средневекового ребенка возрасту — семи годам. После семи лет ребенок уже воспринимался как взрослый с некоторыми физическими ограничениями, которые не позволяют ему вести полноценную жизнь. В семь лет Ричард получил одежду, мало чем отличавшуюся от костюмов его отца и братьев, а также право участвовать во всех играх и развлечениях взрослых, которые были ему по силам. Тогда же должно было начаться обучение рыцарским доблестям, чтению и письму. Вполне вероятно, что к изучению указанных предметов Ричард приступил несколько позже. События развивались так стремительно, что у герцога и герцогини Йоркских вряд ли оставалось достаточно времени, чтобы заниматься делами младшего сына.

Шли последние приготовления к войне. Королева рассылала по стране приказы об аресте йоркистов. В том числе был выписан ордер на арест Ричарда Невиля, второго графа Солсбери, который во главе целой армии двигался на соединение с войсками Ричарда Йорка в Ладлоу. 23 сентября 1459 г., т.е. буквально за неделю до того, как маленький Ричард должен был отпраздновать свой седьмой день рождения, один из соратников королевы Маргариты — лорд Одли — попытался воспрепятствовать продвижению сил Солсбери и взять непокорного графа под стражу. Однако в сражении при Блор-Хите его войско было разгромлено, а Солсбери благополучно достиг резиденции Ричарда Йорка.

Младший сын герцога радовался и праздновал победу вместе со всеми. Несколько дней спустя в Ладлоу из Кале прибыл знаменитый Уорвик. Маленький Ричард, скорее всего, уже немало слышал о могущественном союзнике своего отца; теперь он мог увидеть лорда Уорвика своими глазами. В эти дни взрослые были очень заняты, дни Ричарда также стали куда более насыщенными. Из тихого Фотерингея он попал в место, где жизнь буквально кипела. Почти каждый день прибывали новые отряды. Можно было знакомиться с новыми людьми, смотреть, как простые наемники тренируются стрелять из лука, а рыцари совершенствуют навыки конного и пешего боя. Можно было слушать разговоры солдат и воинственные песни менестрелей. Наконец, можно было попытаться проникнуть в комнату, где герцог Йорк и его приближенные держали военный совет.

Совещания действительно устраивались нередко, ведь, несмотря на подкрепления, в распоряжении Ричарда Йорка оказалось гораздо меньше войск, чем у сторонников Ланкастеров. Возможно, рыцари и джентри сочли выступление йоркистов недостаточно мотивированным, а может быть, они просто выжидали, чтобы присоединиться к победившей стороне. Эта война вовсе не была битвой за идею, речь всегда и при всех обстоятельствах шла только о перераспределении власти и вытекающих из этого материальных выгодах. Неудивительно, что, узнав о существенном численном преимуществе королевских войск, многие йоркисты предпочли, не привлекая лишнего внимания, разойтись по домам. К тому же в начале октября королева издала прокламацию, в которой обещалось помилование всем, кто сложит оружие.

12 октября королевские войска подошли к Ладлоу. В ночь накануне сражения из лагеря йоркистов началось просто-таки повальное бегство. Одним из предателей стал Эндрю Трол́лоп — капитан гарнизона Кале, — прекрасно осведомленный обо всех планах Ричарда Йорка. После ночного совещания Йорк, его взрослые сыновья, Уорвик и Солсбери приняли решение бежать.

Еще до рассвета они покинули Ладлоу. Ричард Йорк и его сын Эдмунд отправились в Ирландию, Солсбери, Уорвик и Эдуард Йорк вернулись в Кале. Оставшаяся без предводителей армия попросту разбежалась.

Наутро королевские войска вошли в никем не охраняемый городок Ладлоу. Там они обнаружили герцогиню Сесилию Йорк и ее младших сыновей — семилетнего Ричарда и десятилетнего Джорджа. В «Хронике царствования... Генриха VI» говорится, что «с благородной герцогиней обошлись грубо и бесчеловечно». По всей видимости, это означает, с Сесилией Йорк и ее детьми поступили как с обычными пленниками, т.е. без всяких церемоний погрузили на повозку и отправили в военный лагерь Ланкастеров. Вероятно, семье Ричарда Йорка пришлось сносить насмешки, но речь никак не может идти о связывании или ином физическом воздействии — по отношению к благородной даме или маленьким детям это было бы чем-то немыслимым. Собственно, герцог Йорк мог решиться оставить жену и детей в Ладлоу только потому, что им не грозила никакая серьезная опасность.

Тем не менее можно с полной уверенностью утверждать, что семилетний Ричард получил серьезную моральную травму. Отец, братья и даже большинство слуг бежали, оставив его на милость врагов в охваченном паникой городе. Маленький Ричард должен был видеть, как оскорбляют его мать, как солдаты врываются в дома, убивают мужчин и прямо на улицах насилуют женщин. По свидетельству современников, «Ладлоу был разграблен так, что остались только голые стены».

Через пару дней семью герцога Йорка препроводили в Ковентри, где собрался «Парламент», делегаты которого фактически не выбирались, а назначались из числа сторонников Ланкастеров. Герцогиня Йорк и ее младшие дети оказались пленниками, точнее заложниками королевы. Семилетний Ричард не мог не узнать, что решением Парламента его отец, старшие братья, граф Уорвик и другие видные йоркисты признаны виновными в государственной измене и приговорены к смерти. Ему также

стало известно, что все земли, принадлежавшие роду Йорков, конфискованы в пользу короны. Генрих VI милостиво выделил герцогине Йоркской ежегодную пенсию в 1000 марок, на которую ей надлежало жить и воспитывать младших сыновей. По сравнению с прошлой роскошью это была нищета.

Рассуждать о справедливости или несправедливости этой кары в данном случае было бы совершенно неуместно. Как любой ребенок, Ричард, скорее всего, безоговорочно принял сторону своего отца. Мальчик, очевидно не разбиравшийся в политических хитросплетениях, мог воспринимать эти события только как жестокий удар судьбы. Полное отсутствие данных не позволяет судить о том, насколько стойко герцогиня и ее дети переживали свалившееся на них несчастье. Впрочем, молчание источников дает основание предполагать, что семья Ричарда Йорка вела себя достойно, проявляя приличествующую случаю сдержанность в выражении эмоций.

До середины декабря Сесилия Йорк и ее дети содержались в замке Вигмор. Их заключение вовсе не было ужасным. Во времена Войн Роз благородным узникам не грозили ни сырые казематы, ни, тем более, пытки и оковы. Разумеется, герцогиня и ее младшие отпрыски были лишены свободы передвижения, однако в распоряжении семьи было несколько слуг, они питались не роскошно, но сытно и испытывали скорее психологический, чем физический дискомфорт.

Незадолго до Рождества 1459 г. в судьбе Ричарда наметился благотворный перелом — Сесилию Йорк вместе с детьми передали под опеку ее собственной сестры герцогини Бэкингем. Бэкингем был сторонником Ланкастеров, неудивительно, что в его владениях семью Ричарда Йорка приняли очень холодно. Тем не менее Сесилия и ее сыновья пользовались почти полной свободой и вели образ жизни, соответствующий их статусу. Неизмеримо больше, чем недружелюбный прием родных Ричарда Йорка, должно было беспокоить полное отсутствие вестей о судьбе главы семьи, Эдмунде и Эдуарде.

На самом деле причин для волнений не было. Ричард Йорк и его сын Эдмунд благополучно достигли Ирландии, где их встретили едва ли не с восторгом. Королевские приказы, предписывавшие арестовать Ричарда Йорка, до Ирландии доходили, но толку от них не было никакого; напротив, к мятежному магнату отовсюду стекались войска. Более того, дублинский Парламент официально провозгласил герцога Йорка вице-королем Ирландии. Старший брат Ричарда — Эдуард Марч также находился в полной безопасности. Вместе с Уорвиком и Солсбери он высадился в Кале, гарнизон которого был полностью на стороне йоркистов.

В начале 1460 г. герцогиня Сесилия, Ричард и Джордж получили утешительные известия о судьбе герцога Йорка и его старших сыновей. Из Кале стали регулярно приходить письма от Эдуарда Марча. Вероятно, в одном из ответных посланий герцогиня сообщила, что в доме Бэкингема ей и детям не слишком рады. Изменить место содержания Сесилии Йорк сторонники ее мужа не смогли, но для сыновей было сделано послабление. Зимой 1460 г. Ричард и Джордж перебрались в дом дальнего родственника Йорков архиепископа Кентерберийского. Судя по всему, в доме епископа мальчикам жилось весьма неплохо — им были рады и, что немаловажно, они чувствовали себя в полной безопасности. Единственным негативным следствием их переселения было то, что в замке высокоученого клирика Ричарда и Джорджа, скорее всего, засадили за книги. По-видимому, именно там семилетний Ричард начал учиться читать и писать.

Тем временем йоркисты снова начали одерживать победы. Лорду Уорвику удалось почти полностью потопить флот Ланкастеров — теперь морской путь для возвращения в Англию был свободен. Весной 1460 г. был согласован план одновременной высадки десанта Уорвика на западном побережье Англии и вторжения войск йоркистов из Ирландии. Как ни странно, Ланкастеры даже не готовились к отражению возможной атаки. Вероятнее

всего, причиной плохого командования была банальная неопытность королевы Маргариты в военном деле.

26 июня 1460 г. герцог Йорк, Уорвик, Солсбери и Эдуард Марч высадились в Сэндвиче. Под их командованием было всего около 2000 солдат, но, по мере продвижения по территории Англии, силы йоркистов росли как снежный ком. Для того чтобы оправдать свои действия, сторонники Ричарда Йорка издали манифест, провозглашавший, что ими движет исключительно забота о благе короля и королевства. «Придворная партия» обвинялась во всех мыслимых и немыслимых преступлениях: притеснении церкви, растрате королевского имущества, попрании законов Англии, но, самое главное, в «позорной потере и продаже земель во Франции и Нормандии, Анжу и Мене, Гаскони и Гиени», а также в союзе с «извечными врагами и противниками англичан — французами».

На этот раз Англия была на стороне йоркистов. Слабость правительства Маргариты Анжуйской, союз королевы с французами, коррупция органов местного управления и королевской администрации, экономический кризис, наконец, душевная болезнь Генриха VI — все эти факторы заставляли видеть в Йорке и Уорвике едва ли не спасителей Англии. 2 июля войска под командованием Уорвика и Эдуарда Марча с триумфом вступили в Лондон — горожане сами открыли им ворота. Лондонцы пошли еще дальше — они осадили Тауэр, в котором укрылись немногочисленные приверженцы Ланкастеров. Оставив часть войск помогать горожанам в этом благом деле, йоркисты двинулись на северо-восток, чтобы сразиться с королевской армией.

10 июля 1460 г. лорд Уорвик и Эдуард Марч одержали блестящую победу в битве при Нортгемптоне. Командующий королевскими войсками — герцог Бэкингем (тот самый, в имении которого все еще находилась под домашним арестом Сесилия Йорк) был убит, находившийся при войске Генрих VI попал в плен. Сражение при Нортгемптоне фактически открыло новый этап Войн Роз. Перед началом боя Уорвик приказал убивать только

лордов и рыцарей; простых солдат, не виновных в начале этой войны, следовало щадить. Это распоряжение как нельзя лучше показывало — прекрасная эпоха рыцарства осталась в прошлом. Война больше не была галантным развлечением благородных воителей, в котором солдаты исполняли роль статистов. «Партии» Йорков и Ланкастеров сражались за вещи, которые сложно назвать возвышенными — за земли и придворные должности. Их борьбу даже сложно назвать соперничеством — это была настоящая грызня за власть.

Главным трофеем, который достался йоркистам в результате битвы при Нортгемптоне конечно же был Генрих VI. Несмотря на очевидную неадекватность, последний король из династии Ланкастеров оставался главой государства. От имени безумного монарха йоркисты провели очередное перераспределение должностей.

Победа Уорвика и Эдуарда Марча не могла не сказаться и на судьбе Ричарда. В начале сентября, когда стало ясно, что положение сторонников герцога Йорка не вызывает опасений, Ричард и Джордж покинули дом епископа Кентерберийского и вновь увиделись со своей матерью. Не позднее 15 сентября 1460 г. Сесилия, Джордж, Ричард и их сестра Маргарита прибыли в Лондон. Они нашли приют в особняке норфолкского дворянина Джона Пастона.

Жизнь в Лондоне не могла не стать для Ричарда настоящим открытием. Дом Пастонов мало походил на уединенные замки герцога Йорка. Конечно же, как любая дворянская усадьба XV в., особняк Пастонов был окружен солидной каменной оградой, за которой скрывались жилое крыло, множество служб (в т.ч. конюшни, зернохранилища, пекарня, кладовые) и даже маленький садик.

Однако для юного Ричарда гораздо более интересным местом должен был казаться небольшой причал, с которого открывался прекрасный вид на запруженную кораблями и лодками Темзу. Дом Пастонов располагался в одном из самых оживленных мест —

на южном берегу реки как раз напротив Тауэра. Сохранилась гравюра 1616 г., изображающая вид на Темзу. Полстолетия для средневекового города — очень немного. Запечатленный Клаасом Виссером пейзаж должен почти полностью соответствовать тому, что видел маленький Ричард. Несомненно, Ричард побывал и на улицах столицы. Понравился ли ему шумный и многолюдный город, неизвестно.

Следующим важным событием для Ричарда стал отъезд матери. В семейном архиве Пастонов сохранился документ, из которого мы знаем, что «герцогиня Йоркская не прожила в этом доме и двух дней, когда она получила весть о высадке моего лорда Йорка в Честере. И уже в следующий вторник мой лорд послал за ней, дабы она приехала к нему в Херифорд, что она и сделала». Ричард, Джордж и Маргарита остались в доме Пастона в Лондоне, но на этот раз не одни, тот же документ сообщает, что «лорд Марч приходил навестить их каждый день». Вероятно, превратности войны только укрепили отношения в семье герцога Йорка, во всяком случае, семнадцатилетний Эдуард считал себя обязанным ежедневно навещать младших братьев и сестру, хотя он вполне мог ограничиться одним-двумя визитами вежливости.

10 октября состоялась долгожданная радостная встреча — Ричард Йорк и старший брат Ричарда Эдмунд герцог Рутленд торжественно въехали в столицу. Эта церемония была организована с размахом и ясно говорила о том, что герцог Йорк решил предъявить права на престол — знамена и флажки на трубах солдат герцога были украшены государственным гербом Англии. Поприветствовав чиновников, которые по обычаю вышли встречать почетного гостя за воротами столицы, Ричард Йорк направился в Вестминстер. Лондонская хроника отмечает, что «перед герцогом Йорком несли его меч… Он вошел в королевский дворец, где также пребывал король, и прошел в палату, где заседал Парламент; там герцог коснулся трона, и потребовал его себе по праву наследования». Восьмилетний Ричард должен был

узнать об этом в тот же день. Скорее всего, он мысленно одобрил действия своего отца, ведь быть сыном короля куда почетнее и приятнее, чем сыном герцога.

Еще раз подчеркнем, Ричард Йорк действительно имел право на корону. Если рассматривать вопрос с формальной точки зрения, его род был старше королевского. И Ричард Йорк, и Генрих VI возводили свою родословную к королю Эдуарду III (1312—1327—1377). Генрих VI был правнуком третьего сына короля Эдуарда. Ричард Йорк по линии отца вел свой род от Эдмунда Йорка, четвертого сына Эдуарда III, зато по линии матери он происходил от Лайонела герцога Кларенса, второго выжившего сына короля Эдуарда. Поскольку английские законы не запрещали передачу трона по женской линии, чисто теоретически Ричард Йорк был прав. Однако для современников ситуация выглядела иначе. Дерзкое заявление герцога Йорка нарушало сложившийся порядок вещей. Кроме того, требуя передать ему корону, Ричард Йорк посягал на авторитет отца Генриха VI — «великого короля-завоевателя» Генриха V. По выражению лондонского хрониста, лорды «пришли в смятение». Даже верный сторонник Йорка граф Уорвик посоветовал тому не торопить события.

И все же игнорировать претензии герцога Йорка было невозможно. Примерно три недели шли обсуждения и согласования. В конце концов Королевский совет с одобрения Парламента решил: Генрих VI должен сохранить трон до конца жизни; Ричард Йорк объявлялся протектором королевства и наследником престола. Права сына Маргариты Анжуйской принца Эдуарда Ланкастера попросту игнорировались. Думается, не последнюю роль в выработке этого компромисса сыграли сомнения законности происхождения принца Эдуарда. Генрих VI безропотно подписал документ, лишавший его сына короны. О его побудительных мотивах можно только догадываться; по свидетельству современников, король не был настолько болен, чтобы вообще не осознавать происходящее. Остаются два варианта. Возможно, Генрих VI желал любой ценой остановить кровопролитие, а мо-

жет быть, он имел основания полагать, что Эдуард Ланкастер не имеет прав на корону Англии.

Итак, внешне победа осталась за йоркистами, тем не менее до окончания конфликта было еще очень далеко. С решением Парламента не согласились ни сторонники Ланкастеров, составлявшие почти половину английского дворянства, ни королева Маргарита. В тот момент Маргарита Анжуйская находилась в Шотландии, где ценой территориальных уступок пыталась получить жизненно необходимую военную помощь. Лорды «придворной партии» тоже не бездействовали — их войска собирались в Йоркшире.

9 декабря во главе сравнительно небольшого отряда навстречу армии Ланкастеров выступили Ричард Йорк, его сын Эдмунд и граф Солсбери. В тот же день Лондон покинул Эдуард Марч — он направился подавлять восстание в Уэльсе, которое подняли сводные братья Генриха VI — Эдмунд и Джаспер Тюдоры. Поддержание порядка в столице легло на плечи графа Уорвика. Под защитой лондонских стен остались также Сесилия Йорк, восьмилетний Ричард, Джордж и Маргарита.

К 20-м числам декабря Ричард Йорк достиг замка Сандал и начал собирать войска. По подсчетам историков, под командованием Ричарда Йорка было от 6000 до 8000 тысяч человек, войско его противников превосходило силы йоркистов более чем в два раза, в нем было около 18 000 солдат. Однако 30 декабря 1460 г., не дождавшись подхода подкрепления, Ричард Йорк неожиданно вышел из замка и принял бой. К сожалению, сохранившиеся источники не дают возможности объяснить этот поступок. По наиболее распространенной версии, герцог Йорк сделал вылазку, чтобы помочь подходившему к замку отряду своих сторонников, но недооценил силы осаждавших. Итог военной авантюры герцога был ужасен — его армия попала в клещи и была полностью разгромлена. В битве при Уэйкфилде погибло более 2000 йоркистов, в том числе сам Ричард Йорк и его восемнадцатилетний сын Эдмунд.

Как и йоркисты, воины королевы Маргариты отпускали простолюдинов и казнили знатных пленников. Большинство захваченных в плен дворян обезглавили сразу же после сражения, остальных умертвили на следующий день. Взаимное ожесточение лордов достигло такого накала, что даже трупы вождей йоркистов подверглись поруганию. Головы Ричарда Йорка, его сына Эдмунда и графа Солсбери были прибиты над воротами города Йорка. На чело герцога Йорка в насмешку водрузили корону из золоченой бумаги.

Известие о гибели отца восьмилетний Ричард получил 5 января 1461 г. Его положение снова круто изменилось — из сына протектора и наследника престола Ричард превратился в сироту, судьбу которого должны были определить новые сражения. Разумеется, образ мыслей человека XV столетия довольно сильно отличался от современного. И все же, мы вполне можем представить, что почувствовал маленький Ричард, когда узнал, что головы его отца и брата красуются на воротах Йорка, а в самом городе вернувшаяся из Шотландии королева пышно празднует победу.

После смерти герцога Йорка главой оппозиционеров стал граф Уорвик. Он немедленно начал собирать новую армию. Тем временем войска королевы Маргариты двигались к столице. Значительную часть воинов составляли выходцы из северных графств и Шотландии. По-видимому, Маргарита Анжуйская решила запугать своих противников — солдаты получили указание грабить все, что подвернется под руку. Этот приказ был выполнен с исключительным энтузиазмом — широкая полоса вдоль маршрута армии Ланкастеров оказалась полностью разгромленной, разорению подверглись даже церкви, из которых выносили деньги, церковную утварь и даже одеяния священников. Убийства клириков также не были редкостью.

В десятых числах февраля в Лондон неожиданно пришли хорошие новости — старшему брату Ричарда — Эдуарду Марчу удалось предотвратить соединение отрядов, собранных в Уэльсе

Оуэном и Джаспером Тюдорами с основной армией Ланкастеров. В сражении у Мортимер-Кросс 10 февраля 1461 г. войска Тюдоров потерпели сокрушительное поражение. Тем не менее до полного разгрома Ланкастеров было еще далеко. Армия королевы Маргариты продолжала двигаться к Лондону; войско Эдуарда Марча следовало за силами Ланкастеров, отставая на несколько дней пути. Вероятно, маленький Ричард с волнением ждал вестей о том, что его любимый брат настиг ненавистную королеву и отомстил за смерть их отца. К сожалению, мальчику было суждено услышать совсем другие новости.

17 февраля вблизи местечка Сент-Олбанс, чуть севернее Лондона, армия королевы столкнулась с небольшим отрядом Уорвика, который выдвинулся навстречу войску Эдуарда Марча. Для Маргариты Анжуйской это была редкая удача — при войске Уорвика находился Генрих VI. После короткого сражения силы йоркистов были разгромлены. Уорвику удалось бежать, а Генрих в качестве живого трофея перекочевал в руки своей супруги. Воссоединение королевского семейства не обошлось без курьеза. Во время битвы йоркисты выпустили Генриха VI из поля зрения. Поначалу все подумали, что король бежал, но вскоре разосланные во все стороны отряды Ланкастеров обнаружили Генриха в миле от места сражения. Напуганный шумом битвы, правитель Англии взобрался на дерево, он смеялся и разговаривал сам с собой. Спустить венценосца на землю стоило немалых трудов.

В каком бы состоянии ни находился король, «обладание» его персоной давало немалые выгоды. Заполучив Генриха, Маргарита Анжуйская смогла официально действовать от имени короны. После второй битвы при Сент-Олбансе армия Ланкастеров продолжила движение на Лондон. Однако войти в столицу не удалось. Рассказы о чудовищном мародерстве армии королевы посеяли в городе настоящую панику. По возможности спрятав все ценное и вооружившись, горожане постановили не открывать ворота.

Разумеется, герцогиня Йорк не надеялась, что лондонцы будут защищаться до последней капли крови. Штурм королев-

ских войск или затяжная осада вполне могли заставить горожан изменить свое решение. Поскольку уровень жестокости постоянно нарастал, Сесилия Йорк решила, что младшим сыновьям будет безопаснее вдали от нее. Как только по столице разнеслась весть о подходе армии Маргариты Анжуйской, маленькие Ричард и Джордж были отосланы в дом некоей Алисы Мартин.

Об этой женщине историки знают удивительно мало. Известно, что к 1460 г. она была вдовой и что дом ее располагался где-то на окраине Лондона. Единственный документ, проливающий свет на эту страницу жизни Ричарда, — это дарственная грамота, подписанная королем Эдуардом IV в 1461 г. В ней указано, что Алиса Мартин получила 100 шиллингов за то, что «хранила и оберегала наших горячо любимых родственников герцогов Кларенса и Глостера [Джорджа и Ричарда] от опасности».

Однако дом госпожи Мартин стал для Ричарда лишь временным прибежищем. Как только представилась возможность, мальчики были посажены на корабль, который спустился вниз по Темзе и направился в Бургундию. Это было их первое путешествие за границу, но, скорее всего, отъезд из Лондона не оставил приятных воспоминаний. В сопровождении нескольких слуг и единственного доверенного лица — сквайра Джона Скелтона — Ричард и Джордж отправлялись в изгнание, так как были слишком малы для того, чтобы сражаться.

Выбор Бургундского герцогства был мудрым решением. В середине XV столетия Бургундия включала в себя не только собственно герцогство и графство Бургундские, но и многие другие территории — Шароле, Невер, Брабант, Артуа, Геннгау, Пикардию, герцогство Люксембург и т.д. Номинально герцоги Бургундии считались вассалами короля Франции, но главной целью их политики в XIV—XV вв. было стремление избавиться от этой зависимости и самим сделаться королями. Современникам эта мечта вовсе не казалась недостижимой, Бургундия была богатой, процветающей страной. Филипп де Коммин отмечал, что земли Бургундии «имели больше права называться землей

обетованной, чем какие-то другие в мире. Они упивались богатством и покоем... И мужчины и женщины тратили значительные суммы на одежду и предметы роскоши; обеды и пиры задавались самые большие и расточительные, какие я только видел... Подданным этого дома казалось, что ни один король... не сумеет взять власть над ними».

До тех пор пока Англия и Франция враждовали, правители Бургундии были естественными союзниками английских королей — все, что ослабляло Францию, в конечном итоге способствовало движению Бургундии к независимости. Однако в начинающихся Войнах Роз Англия разделилась. Если рассматривать вопрос с династической точки зрения, бургундским герцогам следовало бы принять сторону Ланкастеров, с которыми их связывали родственные отношения (супруга правителя Бургундии Филиппа Доброго была внучкой Джона Гонта, родоначальника дома Ланкастеров). Но в данном случае главную роль играли не династические, а политические мотивы. В борьбе с Йорками Маргарита Анжуйская активно пользовалась помощью французского короля. Намечающийся англо-французский союз не оставил Филиппу Доброму (1396—1467) иного выбора, кроме поддержки йоркистов.

Впрочем, поначалу эта поддержка была очень осторожной. Ричарду и Джорджу предоставили неофициальное убежище в Утрехте. Их дальнейшая судьба зависела от того, кто одержит победу в борьбе за английскую корону. Первое время Ричард и Джордж фигурировали в бургундских документах всего лишь как «сироты знатного дома». Ситуация изменилась примерно через полтора месяца. В первые дни апреля 1461 г. до владений Филиппа Доброго дошли известия о новых победах Эдуарда Марча и его коронации под именем Эдуарда IV. Восьмилетний Ричард торжествовал — Эдуард не просто отомстил за отца, он вырвал корону у династии Ланкастеров. Теперь будущее самого Ричарда было обеспечено.

Положение дел в Англии действительно изменилось быстро и кардинально. Напомним, что лондонцы не захотели впустить в город армию Маргариты Анжуйской. Не пожелав вступить в открытый конфликт с Ланкастерами, власти столицы начали длительные переговоры. Через несколько дней к стенам столицы с другой стороны подошли войска Эдуарда Марча и... им позволили войти в город. Более того, 3 марта 1461 г. депутация лордов и горожан торжественно попросила Эдуарда принять королевскую корону. Тот конечно же согласился, и уже 4 марта состоялась наспех организованная церемония коронации.

Причины народной любви к Эдуарду IV вполне очевидны. Прежде всего, это непопулярность Ланкастеров — Генрих VI был неспособен к разумной деятельности, а его жена, по мнению большинства англичан, не раз предавала государственные интересы в угоду фаворитам и своим иностранным родственникам. Бесчинства армии Маргариты Анжуйской окончательно подорвали ее репутацию. Нельзя сбрасывать со счетов и сомнения в законности рождения сына Маргариты — принца Эдуарда Ланкастера. Вторым фактором, способствовавшим успеху Эдуарда IV, было то, что йоркисты блестяще использовали популистские лозунги — продолжение войны во Франции, наказание продажных чиновников и т.д. Наконец, внешность и поведение девятнадцатилетнего Эдуарда Марча как нельзя лучше вписывались в идеал эпохи — «он был юн и прекрасен, как никто другой в его время», отличался высоким ростом, физической силой, рыцарственностью, любил блестящие празднества и пользовался огромным успехом у женщин, к тому же был прост и сердечен в обращении. В эпоху звучных девизов Эдуард выбрал для себя слова «Удовольствие и комфорт», что вовсе не мешало его успехам в сражениях. Эдуарда IV Марч был, что называется, баловнем судьбы, его молодость и оптимизм ярко оттеняли мрачную, отчаянную решимость Маргариты Анжуйской и меланхолию Генриха VI.

Сразу же после коронации Эдуард IV покинул Лондон, чтобы в битве утвердить свое право на престол. Армия королевы ото-

шла на Север, надеясь получить подкрепление из приграничных графств. Решающее сражение состоялось 29 марта 1461 г. близ Таутона. Это была одна из самых кровавых битв в истории Англии. Сеча оказалась настолько жестокой, что передним рядам приходилось время от времени останавливаться, чтобы расчистить завалы из трупов. В итоге с обеих сторон погибло более 20 000 человек. Несмотря на ужасную погоду (над Таутоном разыгралась настоящая снежная буря), Эдуард IV спешился и лично повел своих воинов в атаку. Армия Ланкастеров была разбита, многие вожди «придворной партии» остались на поле боя, другие были взяты в плен и почти сразу же казнены. Королева Маргарита вместе с мужем и сыном бежала к шотландской границе.

30 марта Эдуард IV занял Йорк. Он приказал снять с городских ворот головы своих отца и брата. Останки Ричарда и Эдмунда Йорка с почетом захоронены в Помфрете. Однако место на воротах столицы Севера не осталось пустым — в знак победы йоркистов въезд в Йорк теперь «украшали» головы сторонников Ланкастеров.

В течение нескольких недель Эдуарду IV удалось подчинить себе северные графства. Маргарита Анжуйская и Генрих VI скрылись в Шотландии.

Итак, вести о победах Эдуарда достигли Бургундии в тот момент, когда молодой король находился в Йорке. В этот же день Филипп Добрый окончательно определился с симпатиями и пригласил новоявленных принцев к своему двору.

Маленькие изгнанники словно по волшебству превратились в принцев, которых следовало приветствовать по-королевски. Их путешествие из Утрехта в столицу Бургундии Брюгге вылилось в целую серию торжеств. 9 апреля в сопровождении 23 дворян из свиты Филиппа Доброго мальчики прибыли в город Слейс. Мэр и самые именитые горожане вышли встречать их к воротам, улицы Слейса были богато украшены, а на центральной площади в честь братьев нового короля Англии разыграли представление под аллегорическим названием «торжество добродетелей». Все

это разительно отличалось от томительного ожидания предыдущих дней. Восьмилетний Ричард и его брат Джордж, несомненно, чувствовали себя на гребне успеха.

Празднества в Слейсе растянулись на целую неделю. В Брюгге мальчики прибыли только 18 апреля. Жители Брюгге также устроили в честь «детей Йорка» пышное торжество, а герцог Бургундии простер свою благосклонность до того, что сразу же после приезда посетил мальчиков и «был с ними очень любезен». Вскоре Эдуард IV прислал письмо, в котором выражал желание видеть братьев на своей коронации. Получив множество подарков, Ричард и Джордж были отправлены в Кале в сопровождении почетного эскорта. Вероятно, к этому времени маленький Ричард уже немного освоился в новом статусе и воспринимал эти знаки почтения как должное.

Его возвращение в Англию ничем не напоминало поспешный и опасный отъезд — родина приветствовала принцев торжественными банкетами и празднествами, магистраты городов, через которые они проезжали, наперебой выражали братьям свое почтение, их размещали в королевских резиденциях. И все эти почести выпали на долю Ричарда и Джорджа благодаря успехам их брата — молодого короля Эдуарда IV. Когда речь идет о событиях пятисотлетней давности, психологические реконструкции — крайне неблагодарное занятие. Тем не менее мы вряд ли ошибемся, если предположим, что в глазах Ричарда его брат Эдуард должен был выглядеть настоящим героем.

Первые годы Войн Роз, несомненно, наложили свой отпечаток на характер Ричарда III. Мальчик появился на свет спустя всего несколько месяцев после того, как его отец поднял вооруженный мятеж против короля. Его раннее детство пришлось на годы, когда Англия колебалась между войной и миром. Наконец, не дожив и до девяти лет, Ричард уже изведал все ужасы войны — смерть отца, плен, унижения, изгнание и тревожное ожидание вестей из-за моря. Мы не сможем понять историю последнего короля из династии Йорков, если забудем о том, что он был «сыном

войны». Ричард Глостер попросту не знал другой жизни — о мирной «старой доброй Англии» он, несомненно, слышал, но вряд ли представлял себе, что это такое. Его Англия была страной, в которой постоянно шла жестокая борьба за власть, где головы противников выставляли на городских воротах и где даже дети не могли чувствовать себя в безопасности.

Глава 5
ВОСПИТАННИК ВСЕМОГУЩЕГО УОРВИКА (1461—1464)

Воцарение Эдуарда IV изменило судьбу всех членов его семьи. Разумеется, новый король начал раздавать своим родным земли, титулы и доходные должности. Однако для Ричарда гораздо важнее было принципиальное изменение направления его будущей карьеры. Если бы герой этой книги остался младшим сыном герцога, он почти наверняка стал бы служителем церкви и окончил свои дни в сане епископа или аббата. Эта традиция позволяла не только расширить влияние рода, но и сохранить земли за старшими детьми. В королевских семьях поступали иначе. Вне зависимости от способностей, младшего брата короля ждали государственные, придворные и военные должности.

Первой государственной акцией, в которой Ричард принял участие, стал торжественный въезд нового монарха в Лондон 26 июня 1461 г. Еще за воротами столицы короля встречали мэр и олдермены в алых одеждах и 400 самых именитых горожан в зеленом. Ричард ехал в нескольких шагах позади брата. Он видел, как богато украшены улицы столицы, как восторженно горожане приветствуют нового короля. Вероятно, в этот момент Ричард ощущал радость и гордость. Королевский кортеж торжественно проследовал в Тауэр, где Ричарду были выделены отдельные покои. На следующий день должна была состояться коронация Эдуарда IV, перед которой король посвятил несколько десятков молодых дворян в рыцари ордена Бани.

Традиция посвящения в рыцари накануне коронации существовала еще со времен Вильгельма Завоевателя, однако орден Бани возник позднее, в царствование Генриха IV — первого короля из династии Ланкастеров. Легенда гласит, что этого короля охраняли 36 рыцарей, которые следовали за ним буквально повсюду. Даже когда монарх совершал ритуальное омовение, 36 верных были с ним. Памятуя об этом событии, Генрих IV и учредил орден Бани, первыми рыцарями которого стали, разумеется, те же 36 человек. В середине XV в. принадлежность к ордену Бани стала своеобразным символом монаршей благосклонности. По обычаю, в рыцари этого ордена посвящали молодых дворян, еще не имеющих рыцарского пояса. Накануне коронации Эдуарда IV рыцарями ордена Бани стали 28 человек, в том числе его младшие братья — восьмилетний Ричард и двенадцатилетний Джордж.

Хотя будущий Ричард III еще далеко не достиг возраста мужества, принадлежность к царствующему дому позволяла пренебречь формальностями. Вечером 26 июня Ричард прошел через весьма любопытную церемонию. Эта часть обряда фактически представляла собой публичное омовение. Маленького Ричарда привели в специальную комнату, главным украшением которой служила массивная ванна. Буквально через несколько минут помещение заполнила целая толпа рыцарей и сквайров. Обычай требовал, чтобы они пели и танцевали, «всем своим видом выражая веселье», поэтому Ричарда раздевали с песнями и шутками. Как только мальчик оказался в ванне, главный рыцарь Ордена начал поливать его плечи водой и подробно рассказывать об уставе ордена Бани, а также о правилах рыцарской чести. По окончании этой довольно своеобразной лекции специальное должностное лицо — орденский парикмахер — помог Ричарду одеться и высушить голову. В качестве платы за свои услуги парикмахер получал курьезную с точки зрения современного человека награду — саму ванну. Обычно этот предмет не использовали, а попросту продавали.

В остальном церемония посвящения в рыцари ордена Бани мало отличалась от традиционного обряда. После омовения несколько рыцарей проводили Ричарда в капеллу, где он должен был провести ночь в молитвах и благочестивых размышлениях. Перед рассветом мальчик исповедался, прослушал заутреню и торжественную мессу. Затем его проводили в постель, чтобы он мог поспать хотя бы пару часов.

Утром 27 июня началась последняя, пожалуй, самая торжественная часть посвящения, растянувшаяся на несколько часов. Ричарда разбудили, одели и проводили к выходу. Мальчик оказался во внутреннем дворе Тауэра. Вход в королевские покои находился буквально в нескольких метрах, но ритуал требовал, чтобы это расстояние Ричард проехал на коне. Младшего брата короля сопровождала целая толпа, например, специально назначенный юноша нес перед ним меч и шпоры. Затем Ричарда проводили в залу, где его брат восседал на троне в окружении самых знатных лордов. По команде Эдуарда IV к ногам мальчика прикрепили золоченые рыцарские шпоры. По традиции король слегка ударил Ричарда мечом по плечу, поцеловал и напутствовал словами: «Будь добрым рыцарем». Затем Ричард должен был вернуться в капеллу, чтобы посвятить свой меч церкви. На выходе из храма мальчика поджидал еще один «курьез» — дорогу ему преградил королевский повар, который предупредил, что если Ричард сделает нечто, противоречащее законам рыцарства, он придет, чтобы сорвать шпоры с его ног.

Приняв к сведению грозные слова повара, младший брат короля отправился на торжественный обед, где он не должен был прикасаться ни к воде, ни к пище. Для восьмилетнего ребенка, ничего не евшего с прошлого вечера, это, скорее всего, стало тяжелым испытанием. Затем Ричарда проводили в его комнату и облачили в церемониальный наряд рыцаря Ордена Бани — голубой камзол с белым капюшоном и вышитой белым шелком эмблемой Ордена на плече.

Завершением необычайно насыщенного дня стала торжественная процессия, проследовавшая из Тауэра в Вестминстер. Этот ритуал был неотъемлемой частью коронации всех английских монархов. Эдуард IV проехал по празднично украшенным улицам Лондона в сопровождении придворных, именитых горожан и конечно же рыцарей ордена Бани. Ричард был самым младшим из них и, наверное, волновался больше всех.

На следующее утро 28 июня состоялась коронация Эдуарда IV, днем все пировали, а ближе к вечеру отправились на рыцарский турнир. В эти дни пышные церемонии следовали одна за другой; положение королевского брата обязывало Ричарда присутствовать на каждой из них. Скорее всего, к этому времени восьмилетний мальчик уже устал от бесконечных торжеств. Блестящий, похожий на спектакль церемониал, в котором каждый придворный четко следовал своей роли, по-видимому, оставлял его безучастным. Во всяком случае, повзрослев, Ричард проявлял удивительное для того времени равнодушие к придворным празднествам и даже не участвовал в турнирах.

В XV в., если речь шла об особах королевской крови или аристократах, возраст и физическое состояние зачастую просто не принимались во внимание. Ребенок мог получить не только титул, ношение которого не требовало особых усилий, но и должность, подразумевавшую исполнение множества обременительных обязанностей. Вскоре после своего девятого дня рождения Ричард приобрел и то и другое. 1 ноября 1461 г. он получил титул герцога Глостера, через пару недель стал рыцарем ордена Подвязки, а 13 ноября был назначен ответственным за сбор войск в Вестморленде, Камберленде, Нортумберленде и Йоркшире. Разумеется, на деле Ричард не принимал в формировании армии никакого участия — должность всего лишь обозначала его высокое положение. Помимо Ричарда, этот пост занимал его двенадцатилетний брат Джордж, а также те, кто в действительности контролировал сбор ополчения — лорды Уорвик и Монтегю.

И все же получение рыцарского пояса и первой должности полностью изменило жизнь Ричарда — с этого момента он вошел в мир взрослых. В XV столетии эта резкая перемена происходила со всеми мальчиками 7—8 лет. В случае с Ричардом Глостером политические события позволяют довольно четко провести эту грань — до воцарения Эдуарда IV он, по-видимому, еще воспринимался как ребенок. После восшествия на трон династии Йорков Ричард в одночасье превратился в могущественного герцога Глостера, опоясанного рыцаря, исполняющего свой долг перед короной. Игрушки и детские игры должны были остаться в прошлом, теперь Ричарду надлежало одеваться и вести себя как молодому мужчине. Он также получил право участвовать во всех взрослых играх, развлечениях и занятиях.

Помимо прочего, у юного герцога Глостера появился собственный штат придворных. Не все расходные книги за этот период сохранились; тем не менее мы знаем, что Ричард пользовался услугами четырех пажей (т.е. четырех мальчиков благородного происхождения и примерно одного с ним возраста, которые были скорее его товарищами по играм, чем слугами), двух менестрелей и десятка слуг и служанок.

Это крошечное сообщество функционировало как часть королевского двора. Эдуард IV вовсе не был домоседом. Он постоянно путешествовал и по политическим причинам, и просто для удовольствия. То же самое был вынужден делать и его младший брат. Хозяйственные документы показывают, что вещи, необходимые герцогу Глостеру и его придворным, посылались то в Вестминстер, то в Гринвич, то в Лестер, то в Кентербери. Как уже было отмечено в первой главе, этот полукочевой образ жизни был вполне типичен для аристократов, поэтому вряд ли казался Ричарду странным или неудобным.

Следующим важным событием в жизни юного герцога Глостера стало, выражаясь современным языком, получение практически ориентированного образования. После того как ситуация в королевстве хотя бы относительно стабилизировалась, Эду-

ард IV счел возможным отослать младшего брата на воспитание ко двору самого могущественного и популярного аристократа того времени, своего главного союзника — лорда Уорвика.

Напомним, что в XV столетии мальчики из аристократических семей не помещались в учебные заведения и не воспитывались дома — в возрасте 7—8 лет их отсылали к друзьям или родственникам, дабы они научились хорошим манерам и искусству владения оружием. Считалось, что воспитание в чуждой семье прививает стойкость, позволяет ребенку гораздо лучше усвоить необходимые навыки и способствует приобретению нужных социальных связей. Неудивительно, что между воспитанником и опекуном нередко возникали очень близкие, почти родственные отношения, а его дом начинал восприниматься как родной. Именно это и произошло с будущим Ричардом III. Любимая резиденция Уорвика — замок Мидлхэм — впоследствии стал истинным домом Ричарда, местом, которое он предпочитал всем остальным.

Впервые Ричард увидел Мидлхэм в ноябре 1461 г. К тому времени замок имел уже очень длинную историю. Мидлхэм начал строиться еще во времена Норманнского завоевания, и каждый новый хозяин стремился украсить замок и сделать его еще более неприступным. В XIII в. вокруг донжона возвели мощные стены с несколькими башнями, в замке появилась капелла; в XIV столетии была построена массивная надвратная башня, в XV — появились обширный жилой корпус и каменные службы; тогда же в стенах главного зала были пробиты высокие стрельчатые окна, украшенные изысканными витражами. К сожалению, в наши дни от Мидлхэма остались лишь величественные развалины. Однако мы можем представить, как прекрасен был этот замок во времена Создателя Королей. Мощные стены и квадратные башни; глубокий ров и огромная стрельчатая арка ворот; несколько внутренних двориков; наконец, множество залов и комнат с высокими готическими сводами. Особенно роскошным был главный зал, предназначенный для пиров и торжественных церемоний.

Огромные витражные окна даже в пасмурные дни дробили свет на множество цветных квадратов, ромбов и прямоугольников; стены покрывали яркие росписи и не менее яркие гобелены.

Мидлхэм был не просто одним из замков Уорвика, именно там этот могущественный магнат, как говаривали в те времена, держал свой двор. Дело в том, что в XV в. вокруг каждого аристократа формировался свой собственный двор с пышными церемониями и сложным протоколом. Мидлхэм наполняли не только сторонники и слуги Уорвика, при самом влиятельном магнате Англии кормилось с десяток менестрелей, артистов и даже несколько ученых. Плодом их работы стала, в частности, «удлиненная» родословная всемогущего графа, в соответствии с которой его далеким предком якобы был покинувший разрушенную Трою Эней.

Кроме того, в Мидлхэме постоянно проживала семья Уорвика — его супруга Анна (урожденная графиня Бошам) и две дочери — Изабелла и Анна. В 1461 г. Изабелле исполнилось десять лет, Анне — пять. Впоследствии младшая дочь Уорвика Анна Невиль стала супругой Ричарда. Исторические источники не позволяют судить о том, как складывались отношения Ричарда и Анны в годы, когда будущий король воспитывался в замке Уорвика, и это отсутствие сведений открывает возможность для любых фантазий. С уверенностью можно утверждать только одно: Ричард провел в Мидлхэме три года (с конца 1461 по 1464-й), то есть он оставался там, пока ему не исполнилось двенадцать, а Анне восемь. В столь нежном возрасте их вряд ли могли связывать сколько-нибудь романтические отношения, к тому же до 1472 г. никаких переговоров о браке Ричарда и Анны не велось. Вместе с Ричардом на воспитание Уорвику был передан и его старший брат Джордж, но, по-видимому, братья не так уж много общались.

Вероятно, в то время Ричарда гораздо больше занимало приобщение к самой важной и интересной для средневекового юноши науке — «науке рыцарства». От рыцаря требовались, прежде

всего, храбрость, мужество и прекрасное владение оружием. В XV столетии не меньшее значение имели навыки, не имеющие прямого отношения к ратным подвигам. Истинный рыцарь должен был бегло говорить по-французски, изящно танцевать, ухаживать за дамами, складывать свои или хотя бы с чувством декламировать чужие стихи, и, разумеется, участвовать в придворных церемониях. Все эти умения приобретались не на уроках, а через участие в жизни взрослых и подражание им.

По всей вероятности, обычный день Ричарда был точно таким же, как и у любого юноши, находящегося на воспитании в аристократическом семействе. В XV столетии обитатели замка вставали с рассветом, и не только потому, что так повелось «испокон веку». Искусственное освещение оставляло желать много лучшего. Факелы, свечи и масляные светильники давали скудный, неровный свет, и к тому же использовались весьма умеренно. Только по большим праздникам в главной зале замка бывало «светло как днем».

Современный человек представляет жизнь в рыцарском замке в романтическом ореоле. Однако по нынешним меркам существование Ричарда Глостера было лишено даже элементарного комфорта. Прежде всего, младший брат короля не пользовался никакими привилегиями. Ричард должен был делить комнату со своими ровесниками, двое из которых — Роберт Перси и Френсис Ловелл — впоследствии стали его близкими друзьями. По обычаю того времени, юные пажи спали в одной кровати. Нам это может показаться диким и негигиеничным, но в Средние века мебель стоила очень дорого. Кровать на одного была роскошью, доступной лишь избранным. Все прочие спали по трое, четверо и даже пятеро. Те, кому не хватило места на общем «топчане», укладывались на лавках или сундуках. Уединение, как и комфорт, в принципе не считалось необходимым, и даже самые интимные моменты были буквально выставлены на всеобщее обозрение.

Итак, Ричард поднимался с общей постели примерно в 4—5 часов утра. В каком бы покое замка Мидлхэм не ночевали юные

лорды, камин в лучшем случае топили один раз в сутки — на ночь, поэтому с осени до весны брат короля умывался и одевался в выстуженном помещении, по которому гулял изрядный сквозняк. Затем все родовитые обитатели замка собирались в капелле, чтобы прослушать мессу. Только после этого можно было отправиться на завтрак. Еда была сытной, но, на взгляд современного человека, для завтрака совершенно неподходящей — подавали тушеное со специями мясо, хлеб и... пиво, которое пили все от мала до велика.

После еды Ричарду вместе с другими юношами, воспитывавшимися в Мидлхэме, надлежало приступить к урокам. Ни четкого расписания, ни внятного распределения предметов не существовало. С мальчиками занимался капеллан Невилей, который выбирал дисциплины и темы, ориентируясь исключительно на собственное настроение. Процесс обучения практически не контролировался, но в число обязательных предметов входила латынь (ее обычно забывали сразу же по окончании учебы), французский, право, математика, музыка и чистописание. Все это изучалось довольно поверхностно, хотя к середине XV в. дворянин уже обязан был бегло читать, писать и владеть хотя бы основными знаниями в области права и математики.

Вероятно, гораздо более интересными были уроки, на которых капеллан Невилей знакомил своих учеников с трактатами, посвященными правилам рыцарской чести, описанию турниров и придворных манер, а также с одной из важнейших наук средневекового общества — геральдикой. Каждый рыцарь должен был разбираться в чрезвычайно сложных переплетениях родословных главных дворянских родов.

Около 10 часов утра все обитатели замка собирались в главной зале на обед. Хозяева размещались за небольшим столом под балдахином, все остальные, в строгом соответствии с социальным статусом, усаживались за длинный общий стол. Меню оставалось почти таким же, как за завтраком — мясо (обычно в нескольких видах), хлеб и неизменный эль. Представление о правильном

питании в Средние века было весьма своеобразным, продукты делили не на вкусные и полезные, а на престижные и не престижные. Мясо, естественно, было статусной пищей и составляло основу рациона любого дворянина. Овощи присутствовали только в виде незначительных добавок. Хлеб воспринимался не только как продукт питания, но и как тарелка. Дело в том, что в XV в. на стол обычно ставилось большое общее блюдо с тушеным или жареным мясом, из которого каждый брал по куску. В зависимости от собственных пристрастий, гости могли вытаскивать куски ножом или руками, хлеб же служил для того, чтобы стекавший соус не запачкал одежду. Парадные обеды проходили в более торжественной обстановке, но в обычные дни все вкушали пищу «как в старые добрые времена».

После обеда наступал черед упражнений на свежем воздухе. С помощью слуг Ричард облачался в доспехи и выезжал из замка, чтобы потренироваться в обращении с оружием. Рыцарю следовало в совершенстве владеть мечом, боевым топором и кинжалом. Его обучали как конному, так и пешему бою. Время от времени между воспитанниками устраивались потешные турниры, на которых тем не менее можно было получить настоящую травму. Юные рыцари сражались тупым оружием, но от вывихов и переломов никто не был застрахован. Кроме того, Ричарда обучали верховой езде; он также должен был в совершенстве овладеть приемами соколиной и псовой охоты.

Вернувшись в замок и приведя себя в порядок, юноши отправлялись на ужин — его подавали в 4 часа дня зимой и в 5 летом. Вечер занимало изучение пения, игра на арфе или флейте и, что имело гораздо большее практическое значение, уроки танцев. Эти навыки осваивались не только через скучные занятия — юные рыцари участвовали во всех развлечениях двора. Вечерами обитатели замка танцевали, слушали выступления менестрелей и декламацию стихов. Нередко вслух читали рыцарские романы, отрывки из хроник или рассказы о подвигах античных героев. Не только дети, но и взрослые с большим удовольствием слушали

сказки и то, что можно условно назвать «страшными историями» — рассказы о мистических существах, странных местах и потустороннем мире. Распространенным развлечением были игры, которые сейчас считаются детскими — прятки и жмурки. Более изысканным времяпрепровождением считалась игра в слова — дама называла цветок или какой-то предмет, а кавалер должен был ответить пышным комплиментом в стихах, где, разумеется, упоминалось загаданное слово.

По всей видимости, в годы, проведенные в замке Уорвика, здоровье Ричарда наладилось. Во всяком случае, ни один сохранившийся документ не содержит упоминаний о его серьезных недомоганиях. Быть может, эта перемена была вызвана усиленными физическими упражнениями. Известно, что в более поздние годы Ричард стал одним из лучших воинов королевства, и это превращение не могло не потребовать от него значительных усилий, больших, чем вкладывали в обучение его полностью здоровые сверстники.

Разумеется, Ричард не был обязан все время оставаться в Мидлхэме. В конце 1462 г. он покинул замок, чтобы встретить Рождество в Фотерингее вместе с Эдуардом IV и другими членами королевской семьи. Затем он ненадолго вернулся в Мидлхэм, но уже 30 января вновь приехал в Фотерингей, чтобы присутствовать на грандиозной церемонии, посвященной памяти его отца. Отец Ричарда был убит 30 декабря 1459-го, таким образом, с момента его смерти прошло два года и один месяц. В первый день заупокойных торжеств в часовню замка Фотерингей проследовала длинная вереница вассалов и родственников герцога Йорка, среди которых был и будущий Ричард III. Священники несли резные изображения ангелов, святых и королей. Последнее было особенно важно — таким образом покойный Ричард Йорк символически помещался в число британских монархов. Заупокойную мессу также отслужили с поистине королевским размахом. Любопытно, что дальнейшие торжества носили вполне светский характер. В память о герцоге Йорке были организо-

ваны пиры, празднества и даже небольшой рыцарский турнир. 10-летний Ричард, разумеется, был слишком юн для того, чтобы участвовать в состязаниях рыцарей или танцах, но на пиру ему было отведено почетное место рядом со старшим братом.

По всей видимости, после смерти отца Эдуард IV начал относиться к Ричарду с большой теплотой. В 1462—1463 гг. король даровал младшему брату несколько крупных поместий в графствах Пемброк и Сомерсет. Помимо земель, в 1462 г. 10-летний Ричард получил должность адмирала Англии, Ирландии и Аквитании. Назначение ребенка на столь ответственный пост вовсе не было бессмыслицей. Поступая таким образом, Эдуард IV фактически оставлял этот важный пост за собой. К тому же даже номинальное исполнение обязанностей адмирала давало Ричарду бесценный жизненный опыт.

Впрочем, юный Ричард Глостер очень скоро принял реальное участие в государственных делах. В Средние века дети взрослели гораздо раньше, чем в наши дни, вернее сказать, им приходилось брать на себя несвойственные возрасту обязанности. В феврале 1464 г. Ричард, которому не исполнилось и двенадцати лет, был назначен ответственным за сбор войск в девяти графствах юго-запада Англии. В XV в. такие должности часто делились между двумя-тремя аристократами, но в данном случае разделения не было — сбор ополчения поручили одному Ричарду. Конечно же, у юного герцога Глостера были помощники, выполнявшие большую часть работы. Тем не менее можно с уверенностью утверждать, что февраль 1464-го стал важным рубежом в жизни Ричарда — в 11 с половиной лет его детство закончилось, мальчик стал юношей, достаточно взрослым для того, чтобы собирать войска и участвовать в военных действиях.

Армия, в сборе которой принимал участие Ричард Глостер, должна была подавить восстание сторонников Ланкастеров. Коронация Эдуарда IV вовсе не положила конец междоусобицам. О примирении «партий» не могло быть и речи, ведь первый же Парламент Эдуарда IV объявил полторы сотни человек государ-

ственными изменниками. Теоретически обвинение в государственной измене должно было повлечь за собой конфискацию имущества и смертную казнь, однако в эпоху Войн Роз огромное большинство «изменников» получали королевское прощение; им также возвращалась значительная часть конфискованных поместий. Для реализации этого благоприятного сценария провинившимся следовало тем или иным путем продемонстрировать лояльность по отношению к «партии» победителей. Например, перейти под покровительство кого-то из сторонников Йорков, отправиться на войну во Францию и т.п. Итак, воцарение Эдуарда IV не повлекло за собой массовые казни, но перераспределение придворных должностей существенно ухудшило положение многих лордов.

Любопытно, что в списке осужденных за государственную измену в 1461 г. оказались имена трех последних королей Англии. Генрих IV, Генрих V, Генрих VI, королева Маргарита и принц Эдуард Ланкастер были объявлены «изменниками, узурпаторами и предателями». Поскольку право Эдуарда IV на престол было признано законным, Генрих VI оказался не только «изменником», но и «мятежником», который начал войну против своего законного короля. Как любой мятежный барон, Генрих VI был приговорен к конфискации владений — герцогство Ланкастерское стало собственностью короны. Для большинства англичан все эти обвинения звучали по меньшей мере дико. Неудивительно, что в первые годы своего правления Эдуард IV постоянно вынужден был подавлять восстания приверженцев предыдущей династии.

Напомним, что настоящей главой партии Ланкастеров была королева Маргарита Анжуйская. Опираясь на поддержку Шотландии, Уэльса и своего родственника Людовика IX, в 1462—1464 гг. Маргарита организовала целую серию выступлений против Эдуарда IV. Попытка вторгнуться в Англию из Шотландии летом 1462 г. окончилась неудачей. В октябре того же года началось масштабное восстание на севере Англии, ликвидация которого

была поручена Уорвику. В мае 1463 г. Уорвик вновь вынужден был отправиться на Север для подавления восстания. В этот раз ему удалось захватить в плен Маргариту Анжуйскую и ее сына, однако йоркисты так увлеклись дележом военной добычи, что королеве удалось скрыться. В конце зимы 1464 г. начались восстания в Уэльсе, Чешире, Ланкашире и Нортумберленде.

Итак, в феврале 1464 г. Эдуард IV начал собирать войска для подавления этих выступлений. Обязанности Ричарда Глостера и его помощников заключались в том, чтобы проконтролировать численность и экипировку отрядов, прибывших в ответ на королевский зов. В начале мая Ричард должен был привести свои войска в Лестер, назначенный сборным пунктом для всей королевской армии. Формально функции юного герцога Глостера на этом заканчивались, но он не вернулся в Мидлхэм, а отправился дальше с королевской армией. По меркам эпохи юноша, почти достигший 12 лет, считался достаточно взрослым для того, чтобы начать обучаться военному делу на практике.

Восстание в Нортумберленде было подавлено еще до подхода королевских войск. 25 апреля и 15 мая Джон Невиль лорд Монтегю нанес войскам Ланкастеров серьезные поражения. Победы при Хеджли-Муре и Хексаме фактически положили конец серьезному сопротивлению сторонников Ланкастеров на севере Англии. Своеобразным символом этого послужило одно забавное происшествие. После поражения в битве при Хексаме Генрих VI вынужден был бежать в такой спешке, что потерял свою шляпу. Королевский головной убор подобрали, и лорд Монтегю торжественно передал его Эдуарду IV.

Необходимо подчеркнуть, что чем дольше длилось противостояние Йорков и Ланкастеров, тем более жестоким оно становилось. После победы при Хексаме большая часть знатных пленных сразу же была казнена; еще полтора десятка активных участников восстания казнили чуть позже в Лондоне. 1 июня 1464 г. между Англией и Шотландией был подписан мир. Маргарите Анжуй-

ской пришлось на время отказаться от активных действий — она поселилась во Франции и занялась воспитанием сына.

Взаимное ожесточение было вполне естественным. И Йорки, и Ланкастеры считали правильным и даже необходимым мстить за своих близких. Скорее всего, юный герцог Глостер не был исключением из этого правила. Потеряв отца и побывав в плену, Ричард мог только приветствовать жестокость брата.

В начале июня 1464 г. Ричард Глостер вернулся в Мидлхэм, чтобы продолжить прерванное образование. Если бы события развивались по обычному сценарию, ему следовало бы оставаться в доме Уорвика еще минимум пару лет. Однако между Эдуардом IV и его самым могущественным соратником неожиданно начался конфликт.

Дело в том, что в первые несколько лет своего царствования молодой король занимался государственными делами скорее по необходимости. Эдуарда IV гораздо больше привлекали пышные придворные празднества, охота, рыцарские турниры и, разумеется, бесчисленные любовные похождения. По мнению большинства историков, Эдуард был буквально без ума от женщин, и они платили ему тем же. Таким образом, основное бремя государственных обязанностей ложилось на плечи воспитателя Ричарда — лорда Уорвика. Нельзя сказать, что Уорвик был недоволен таким положением вещей. Именно он фактически посадил Эдуарда IV на трон, и почти полная власть над королевством была вполне логичной платой за эту услугу. Уорвик охотно предоставлял королю возможность участвовать в битвах и помпезных церемониях, а сам занимался текущими государственными делами.

В 1464 г. Уорвик решил устроить брак своего короля. В качестве невесты была выбрана сводная сестра короля Франции Людовика XI — Бонна Савойская. Этот союз был выгоден и Англии, и Франции, так как мог способствовать урегулированию давнего конфликта. Договоренность между Людовиком XI и Уорвиком была достигнута довольно быстро — властелин Франции вир-

туозно использовал два почти безотказных политических приема — лесть и подкуп. Людовик XI публично выражал восхищение мудростью, политическими талантами Уорвика, превозносил его военные успехи и посылал ценные подарки. Дело вроде бы шло к свадьбе, но в сентябре 1464 г. Эдуард IV неожиданно объявил, что уже женат на Елизавете Вудвиль. По-видимому, тайное бракосочетание состоялось летом 1464 г.

Проблема была не только в самом факте, хотя внезапный срыв столь важных переговоров не мог не поставить Уорвика в крайне неловкое положение. Настоящим шоком для современников стало известие о том, что Эдуард тайно женился на вдове с двумя почти взрослыми детьми (мальчиками 11 и 12 лет), которая была старше монарха на 5 лет и к тому же не королевской крови. Стоит отметить, что в роду Вудвилей заключение необычайно выгодных браков стало почти традицией. Отец Елизаветы — Ричард Вудвиль (1405—1469) — был обычным сельским рыцарем, сумевшим сделать карьеру благодаря красоте и личному обаянию. В 1435 г. им пленилась молодая вдова Жанетта де Люксембург. Мезальянс был настолько вопиющим, что Ричард Вудвиль и Жанетта де Люксембург обвенчались тайно. Впрочем, через несколько лет молодожены получили королевское прощение, Ричард Вудвиль стал рыцарем ордена Позвязки, а затем и бароном.

О мотивах заключения брака Эдуарда IV и Елизаветы Вудвиль историки спорят по сей день. Большинство исследователей полагает, что двадцатидвухлетний король попросту потерял голову от любви. По легенде, Эдуард и Елизавета познакомились при весьма романтических обстоятельствах. Первый муж молодой женщины — Джон Грей — погиб в 1457 г., сражаясь на стороне Ланкастеров, и его имения были конфискованы. Елизавета якобы явилась к Эдуарду IV, чтобы лично просить его вернуть земли покойного супруга. Эдуард IV был очарован, но на этот раз его ухаживания оказались безуспешными — леди Грей категорически отказывалась стать любовницей монарха. Не видя другого способа получить желаемое, Эдуард решил жениться.

В реальности Эдуард и Елизавета познакомились в 1461 г. в доме Ричарда Вудвиля. Всего через несколько дней после знакомства отец и старший брат Елизаветы, участвовавшие на стороне Ланкастеров в битве при Таутоне, получили официальное прощение. В остальном легенда кажется вполне правдивой — на протяжении нескольких лет Елизавета отказывалась уступить королевской страсти и в конце концов сумела добиться короны. Эдуард был настолько очарован, что пренебрег и династическими соображениями, и политической целесообразностью.

Ближайшим последствием скандального брака стал конфликт внутри королевской семьи. Мать Эдуарда IV — Сесилия Йорк — была до такой степени возмущена поступком сына, что обмолвилась, будто он был зачат незаконно. Эти слова не следует рассматривать серьезно хотя бы потому, что Ричард Йорк никогда, ни при каких обстоятельствах не выражал сомнений в том, что Эдуард — его сын. В XV в. высказывания такого рода были неотъемлемой частью высокой политики. Например, по договору между Англией и Францией в Труа (1420 г.) дофин Карл (будущий Карл VII) был отстранен от наследования французского престола, так как его мать объявила, что он не был сыном короля. Разумеется, официальных заявлений герцогиня Йорк не делала, но слух о якобы незаконном происхождении Эдуарда IV имел далеко идущие политические последствия.

Как отнесся к этому браку Ричард, точно не известно. В это время герцогу Глостеру было всего двенадцать лет, т.е. он был слишком юн для того, чтобы в полной мере посочувствовать романтическому увлечению брата. Мы также знаем, что Ричард обладал развитым чувством долга. Скорее всего, молодому герцогу Глостеру казалось, что Эдуард совершил ошибку. Вполне возможно, он поспешил возложить всю вину на Елизавету Вудвиль. Ричард не мог не слышать, как приближенные Уорвика обвиняют новую королеву едва ли не во всех смертных грехах. В замке Мидлхэм шептались, что Елизавета не просто обольстила

короля, дело якобы не обошлось без самого черного колдовства. Верил ли Ричард этим слухам, неясно, но его отношения с женой брата всегда оставались довольно натянутыми.

Глава 6
«ВЕРНОСТЬ СВЯЗЫВАЕТ МЕНЯ» (1465—1471)

На судьбу героя этой книги поспешно заключенный брак короля оказал самое непосредственное влияние. Напомним, что именно с обнародования известия о свадьбе Эдуарда IV началось охлаждение между молодым королем и его первым советником — воспитателем Ричарда лордом Уорвиком. Уорвика не устраивал не только сам факт свадьбы, но и то, что молодой король начал раздавать должности, земли и титулы многочисленным родственникам своей супруги. У Елизаветы было пять братьев, семь сестер, наконец, два сына от первого брака, и всех их Эдуард IV обеспечил по-королевски. Король начал с устройства личной жизни новой родни. Самым скандальным стал брачный союз четвертого брата Елизаветы восемнадцатилетнего Джона Вудвиля и пятидесятилетней герцогини Норфолк. Современному человеку может показаться, что это типичная история альфонса. На деле все было совсем не так. Эдуард IV заставил богатую и знатную вдову пойти на унизительный союз, к которому она сама вовсе не была расположена. Родственники герцогини подняли грандиозный скандал, но все было бесполезно — ее имущество перешло в руки молодого супруга.

Помимо выгодных браков, Вудвили получили множество земельных пожалований и придворных должностей. Это был тщательно продуманный шаг — возвышенный Эдуардом IV клан Вудвилей стал верной опорой монарха. Однако привилегии одних неизбежно оборачивались потерями для других. С 1464 г. политическое влияние Уорвика постепенно уменьшалось. Одним из зримых показателей угасания монаршего расположения стало

то, что весной 1465 г. тринадцатилетний герцог Глостер покинул дом Уорвика — брата короля призвали ко двору.

Для юного Ричарда это была разительная перемена. Общество, собиравшееся в замке Мидлхэм, по столичным меркам, было не таким уж многочисленным и слегка старомодным. В Лондоне все обстояло совсем иначе — Эдуард IV любил и умел жить красиво, недаром в качестве девиза король избрал слова «удовольствие и комфорт». Английский двор очень быстро стал одним из самых изысканных в Европе. По приказанию Эдуарда IV из Бургундии, слывшей образцом стиля, выписывались трактаты об организации развлечений, правильном распределении придворных должностей и т.д. В моду вошли масштабные, тщательно организованные церемонии, больше похожие на спектакли, в которых у каждого придворного была своя четко определенная роль. Устраивались роскошные турниры, соколиные и псовые охоты.

Впрочем, в царствование Эдуарда IV придворная жизнь не сводилась к пирам, празднествам и пышным нарядам. Правление этого короля вполне можно назвать зарей английского Ренессанса. В 60-х годах XV в. необычайно возрос престиж интеллектуальных увлечений — уважающему себя аристократу следовало хотя бы делать вид, что он разбирается во французской поэзии, интересуется историей и античной философией. Правилом хорошего тона становятся покровительство ученым и пожертвования на университеты.

Мы не можем с уверенностью судить о том, насколько Ричарду нравилась или не нравилась придворная жизнь. Известно лишь, что в зрелые годы он не проявлял любви ни к пышным церемониям, ни к придворным развлечениям, зато охотно выделял деньги на развитие образования и книгопечатания.

В июле 1466 г. Ричард Глостер стал свидетелем события, которое, казалось бы, означало полную победу Йорков над Ланкастерами. В начале этого месяца в Ланкашире был пойман Генрих VI. К этому моменту Генрих уже мало напоминал короля — это был тяжелобольной человек, выглядевший много старше своих 45 лет.

В поношенном платье, в сопровождении всего двух священников Генрих перемещался между поместьями своих сторонников, пока, наконец, один из них не выдал беглеца властям. В результате Генрих VI был доставлен в Лондон, с помпой провезен по улицам столицы и водворен в Тауэр. Бывшего короля содержали вполне прилично, ведь сам по себе он не представлял никакой опасности. Конечно же к Генриху была приставлена охрана, но в его распоряжении оставили несколько слуг, хорошо кормили и даже разрешали принимать посетителей.

Поимка Генриха VI, бесспорно, стала триумфом йоркистов, однако в 1466 г. в их лагере начались серьезные противоречия. Дело в том, что Эдуард IV постепенно начал отстранять Уорвика от власти. Король больше не нуждался в опеке могущественного сторонника. Для того чтобы укрепить свое положение, Уорвик попытался прибегнуть к испытанному средству привлечения союзников — династическому браку. Дочерей Уорвика без малейшего преувеличения можно было назвать первыми невестами Англии. План лорда заключался в том, чтобы выдать свою старшую дочь Изабеллу за младшего брата Эдуарда IV — Джорджа, герцога Кларенса. Джордж, также как и Ричард, был воспитанником Уорвика, и они находились в наилучших отношениях. К тому же Елизавета Вудвиль пока не родила королю сына, поэтому 16-летний герцог Кларенс считался наследником престола.

Ответ Эдуарда IV ясно показывал, что времена, когда Уорвик фактически управлял Англией, остались в прошлом. Король категорически запретил заключать этот брачный союз. Однако раскол среди йоркистов оказался глубже, чем Эдуард мог предполагать — Кларенс и Уорвик остались друзьями, более того, тайно от короля они продолжали обсуждать детали будущего брака. Возможно, Уорвик хотел заручиться еще и поддержкой Ричарда.

Источники сохранили описание роскошного банкета в доме Невилей, куда Ричард был приглашен осенью 1466 г. Празднество было организовано, чтобы отметить назначение брата

Уорвика — Джорджа Невиля — архиепископом Йоркским. Это был самый настоящий «пир горой», грандиозный даже по меркам XV столетия. 62 повара приготовили 104 волов, 6 диких быков, около 4000 овец, свиней и телят, 500 оленей, 400 лебедей и бессчетное множество других мясных блюд. Все это запивалось морями пива и озерами вина. Среди 13 000 сладких кушаний выделялись два кулинарных шедевра — один стол украшала изготовленная из марципана композиция «Святой Георгий, поражающий дракона», на втором слепленный из сладкого теста Самсон сшибал колонны из леденцов. В Средние века расположение гостей за столом никогда не бывало случайным, поэтому нельзя не обратить внимания на то, что 13-летний Ричард был единственным мужчиной, который удостоился чести сидеть с дамами. Рядом с Ричардом оказались его сестра Елизавета, его тетя графиня Вестморленд, графиня Уорвик и ее дочери — Изабелла и 10-летняя Анна. Все это создавало впечатление тесной семейной группы.

Быть может, Уорвик намекал на возможность заключения брака между Ричардом и Анной. Велись ли такие переговоры в 1466 г., неизвестно. Зато известно, что весной 1467 г. Уорвик и Кларенс втайне от короля обратились к римскому папе, чтобы получить разрешение на брак Кларенса и дочери Уорвика Изабеллы.

Впрочем, намерение выдать замуж свою дочь против воли короля вскоре отошло на второй план. Уорвик и Эдуард IV расходились не только в семейных вопросах, но и в отношении внешней политики. Граф был ярым сторонником заключения союза с Францией, молодой король все больше склонялся к альянсу с Бургундией. Стоит отметить, что в середине 1460-х гг. положение дел на континенте позволяло Англии фактически диктовать свои условия. В начинавшемся конфликте короля Франции Людовика XI и герцога Бургундии Карла Смелого обе стороны желали заручиться поддержкой английского монарха. Неудивительно, что одновременно начали обсуждаться оба варианта.

В начале 1467 г. Уорвик по поручению короля отправился во Францию. Его переговоры с Людовиком XI продвигались вполне успешно и, как ни странно, близко касались будущего Ричарда Глостера. В письме к герцогу Милана Людовик упомянул, что с помощью графа ему удалось заключить тайное соглашение с королем Англии. Эдуард якобы отказывался от претензий на французский трон и обещал выступить на его стороне в конфликте с герцогом Бургундии. Договор намеревались скрепить династическими браками. В частности, Ричард Глостер должен был жениться на второй дочери Людовика XI, в приданое за которой давали Голландию, Зеландию и Брабант (т.е. именно те земли, которые герцоги Бургундии настойчиво пытались присоединить к своим владениям).

В истории взаимоотношений Эдуарда IV и Уорвика была своеобразная ирония. Уорвик уже один раз был поставлен в неловкое положение из-за тайного брака короля. В 1467 г. ситуация повторилась. Уорвик триумфально вернулся в Англию с мирным соглашением на двадцать месяцев и обещанием превратить это соглашение в полномасштабный мирный договор. Эдуард IV обещал подумать. Тем временем английскому королю начали поступать аналогичные предложения от герцога Бургундии. Карл Смелый посватался к сестре Эдуарда IV; он также обещал отменить запрет на ввоз английских тканей и подписать соглашение о дружбе и военной защите.

Весной 1467 г. в Англию прибыло французское посольство. Выслушав дипломатов, Эдуард IV повелел Уорвику отправиться во Францию для окончательного заключения договора. Однако почти сразу же после его отъезда в Лондоне появились бургундские послы, которые также были приняты очень любезно. В качестве приятного дополнения к переговорам был организован грандиозный рыцарский турнир, в котором незаконный сын герцога Бургундии Филиппа Доброго сразился с братом королевы Энтони Вудвилем. Схватка завершилась вничью, а сам турнир был прерван, так как в разгар состязаний пришло известие о смер-

ти Филиппа Доброго; бургундская делегация спешно отбыла на родину.

Хотя состязание английских и бургундских рыцарей так и не было доведено до конца, этот турнир вошел в историю как одно из самых пышных и самых знаменитых светских мероприятий XV столетия. Восторженное описание англо-бургундского турнира можно найти даже в семейном архиве Пастонов, обычно мало интересовавшихся тем, что происходило за пределами их поместий.

Тем более удивительно, что на турнире не было младшего брата короля — герцога Глостера. Конечно же 14-летний Ричард был еще слишком молод для того, чтобы участвовать в схватке с самыми прославленными рыцарями Англии и Бургундии, но он не появился и среди зрителей. Мы вряд ли когда-нибудь узнаем, что на самом деле помешало Ричарду насладиться этим грандиозным зрелищем. Автор одной из наиболее удачных биографий Ричарда III — Поль Кендалл — полагает, что юный герцог Глостер просто-напросто не любил турниров, однако это объяснение кажется несколько натянутым. Вряд ли Ричард мог не терпеть турниров настолько, чтобы пропустить «схватку века». К тому же состязание бургундцев и англичан было не только упражнением в рыцарской доблести, но и важным политическим мероприятием, на котором брат короля обязан был присутствовать. На наш взгляд, гораздо более приемлемым объяснением может быть нездоровье.

Как бы то ни было, политическая ситуация в Англии продолжала накаляться, отношения между королем и Уорвиком портились все больше и больше. Как раз во время пребывания в Англии бургундского посольства брат лорда Уорвика Джордж Невиль архиепископ Йоркский лишился поста лорда-канцлера. Формально Джордж Невиль действительно провинился перед королем — он тайно содействовал получению разрешения на брак Изабеллы Уорвик и герцога Кларенса.

Сам Уорвик вернулся в июне, через несколько дней после отплытия бургундцев. Французские сановники, которых он привез

с собой, были приняты не слишком тепло и удалились через шесть недель, не получив никакого определенного ответа. Фактически Уорвик снова оказался в дураках. Эдуард IV с предельной ясностью дал понять, что в советах графа больше не нуждается. Дело шло к открытому противостоянию, причем молодой король явно переоценил свои силы. Когда Уорвик удалился в свои имения и начал собирать войска, оказалось, что у него множество сторонников. В числе других за лордом Уорвиком последовал брат короля — герцог Кларенс.

Ричард, хотя ему не исполнилось и 15 лет, уже не мог оставаться пассивным зрителем. По меркам эпохи, он уже был в том возрасте, когда дворянину надлежало начинать активно участвовать в политической жизни. К сожалению, источники не сохранили информации о том, как Ричард воспринял размолвку между своим воспитателем и старшим братом. В данном случае исследователи могут полагаться только на последующие действия герцога Глостера — позже, когда дело дошло до открытого противостояния, Ричард, не колеблясь, встал на сторону короля.

В конце 1467 г. произошло несколько локальных вооруженных столкновений между сторонниками Уорвика и Вудвилей. Однако в начале 1468 г. благодаря умелым дипломатическим действиям Эдуарда IV конфликт был если не разрешен, но притушен. В январе король попросил Уорвика о встрече. Поначалу Уорвик отказывался приезжать в Лондон до тех пор, пока монарх не удалит от себя Вудвилей, но потом сменил гнев на милость. При встрече молодой король и всемогущий лорд сделали вид, что между ними ничего не произошло. Уорвик не только вернулся ко двору, но и символически одобрил т.н. бургундский брак. Лорд согласился принять участие в проводах сестры короля в Бургундию.

В XV столетии было принято превращать любое важное событие в праздник. Неудивительно, что проводы принцессы Маргариты вылились в целую серию торжеств. Кортеж принцессы возглавил лично Эдуард IV. Рядом с каретами Маргариты и придворных дам ехали герцоги Кларенс, Глостер и другие кавалеры;

наконец, за ними следовал настоящий поезд из повозок, везущих богатое приданое невесты. Каждый город, через который проезжали путешественники, считал своим долгом устроить им пышную встречу. Празднества нередко длились по нескольку дней, пиры и турниры следовали один за другим, но для Ричарда эта поездка была скорее печальной. Ему предстояло надолго распрощаться с сестрой, в обществе которой он провел все детство.

Напомним, что Ричард, Джордж и Маргарита вместе росли в замке Фотерингей. И хотя у Ричарда было еще две сестры (Анна и Елизавета), их разделяло очень многое. Пожалуй, главную роль играла разница в возрасте. Анна была старше Ричарда на 13 лет. К описываемому моменту ей уже исполнилось 29, и она считалась зрелой женщиной. Елизавета была старше на 8 лет, в 1468 г. ей было 24 года. Стоит отметить, что со старшими сестрами Ричард не только никогда не жил под одной крышей, они даже не были близко знакомы. Анну и Елизавету выдали замуж, еще когда Ричард был ребенком. Даже замужество старших сестер стало еще одним поводом для отчуждения. Дело в том, что мужья Елизаветы и Анны (герцоги Экзетер и Саффолк) были приверженцами Ланкастеров. С точки зрения современного человека, это звучит несколько дико, но, если называть вещи своими именами, летом 1468 г. Ричард распрощался со своей единственной сестрой; остававшиеся в Англии Анна и Елизавета были для него скорее дальними родственницами.

После окончания празднеств братья и лорд Уорвик проводили Маргариту в порт Мегрейт, откуда 23 июня она отплыла в Бургундию. Заключенный по политическим мотивам брак сестры английского короля с Карлом Смелым оказался если не счастливым, то, во всяком случае, удачным. Они были вместе 9 лет (до смерти герцога Бургундии в 1477 г.), и за все это время между супругами не было ни одной по-настоящему крупной ссоры.

Проводив Маргариту, король и его братья спешно вернулись в Лондон, так как в Уэльсе вновь начались волнения. Современные историки полагают, что это выступление было организовано

при поддержке лорда Уорвика и его несостоявшегося зятя — герцога Кларенса. Неизвестно, знал ли об этом Эдуард IV. Если и так, король предпочел пока ничего не замечать — он назначил Уорвика и Кларенса главами комиссии по расследованию и подавлению указанных выступлений.

Обстановка в Уэльсе действительно скоро нормализовалась, но это было недолгое и кажущееся облегчение. Весной 1469 г. вспыхнуло восстание в Йоркшире. Как обычно, для подавления мятежа были собраны войска. В начале июня отряд численностью около 1000 человек выступил на Север под командованием самого короля. Буквально в последний момент Эдуард IV приказал своему младшему брату присоединиться к армии. В тот момент Ричарду было 16 лет, и он еще не принимал участия в сражениях.

Стоит отметить, что в этот раз Ричарду не отводилось сколько-нибудь заметной роли — он не получил никакого официального назначения, у него даже не было большой свиты. Кроме того, уже в начале кампании Ричард оказался в весьма стесненных финансовых обстоятельствах.

Любопытно, что когда отряд короля проезжал через Норвич (в Восточной Англии), судьба еще раз свела Ричарда и знаменитое семейство Пастонов. Напомним, что в 1460 г. после смерти отца Ричард некоторое время жил в лондонском доме Пастонов. На этот раз Пастоны обратились к королю за помощью в почти бесконечной земельной тяжбе, которую они вели в надежде проглотить слишком большой даже для предприимчивого семейства нуворишей кусок — наследство их дальнего родственника, героя Столетней войны Джона Фастольфа. Чудом сохранившийся семейный архив Пастонов зафиксировал все детали этой отчаянной борьбы. Конечно, нам интересны не бесконечные уловки, на которые Пастоны пускались, чтобы одолеть своих могущественных соперников (герцогов Норфолк и Саффолк), а роль, которую в этом противостоянии сыграл молодой Ричард Глостер.

В те годы Пастоны пользовались покровительством клана Вудвилей. Неудивительно, что Джон Пастон попросил родственников королевы походатайствовать за него при дворе. Однако Вудвили отказались помочь «своим людям». Именно в этот момент за дело взялся Ричард Глостер. По всей вероятности, им руководила благодарность за помощь, оказанную его семье в 1460 г.

Ричард настоял, чтобы король поехал с ним в один из спорных маноров — Хеллесден. За несколько недель до этого могущественному герцогу Саффолку надоело ждать мирного разрешения конфликта, и он послал в Хеллесден солдат, которые почти полностью разрушили господский дом. Перед взором Эдуарда IV предстали впечатляюще обугленные руины — факт нарушения королевского мира был налицо. В итоге монарх встал на сторону Пастонов. Он настоял, чтобы спор за наследство Фастольфа разбирался исключительно в суде, более того, герцогу Саффолку было приказано подчиниться судебному решению, даже если оно будет не в его пользу.

Показательно, что именно Ричард Глостер, с которым Пастоны не были связаны никакими формальными отношениями, в итоге оказался для них «добрым лордом». Признательность семейства еще возросла после того, как Ричард взял нескольких сторонников Пастонов к себе на службу.

Это было более чем великодушное решение, ведь к концу июня герцог Глостер испытывал серьезные финансовые затруднения. Скоропалительное участие в походе поглотило все возможные резервы, и Ричард был вынужден начать занимать деньги у своих вассалов. Сохранилось письмо, в котором брат короля просил одолжить ему 100 фунтов до следующей Пасхи.

Тем временем армия Эдуарда IV продвигалась на север, по дороге вбирая в себя новые отряды. В самом конце июня королевские отряды достигли родового гнезда Йорков — замка Фотерингей. Конечно, Фотерингей не мог вместить всех — большая часть отрядов расположилась лагерем под стенами замка. Король и его братья задержались в Фотерингее на неделю в ожидании

пополнений. Вероятно, Ричард был рад еще раз посетить дом своего детства. 5 июля армия двинулась к Стемфорду. Казалось бы, все шло отлично, но именно в этот момент разразилась катастрофа.

В руки Эдуарда IV попала прокламация, выпущенная одним из лидеров восстания в Йоркшире — сводным кузеном Уорвика Робином Редесдейлом. Текст документа не оставлял никаких сомнений в том, что за выступлением стоит сам Уорвик. В соответствии с политической традицией эпохи, против короля не выдвигалось никаких обвинений, зато родственники молодой королевы назывались виновными едва ли не во всех несчастьях и неудачах, постигших Англию в последние годы. Из документа явствовало, что злокозненные Вудвили отвратили сердце короля от его самых преданных вассалов — лорда Уорвика и его приверженцев. Но даже этого им показалось мало — Вудвили якобы поссорили монарха с ближайшими родственниками (имелся в виде герцог Кларенс). В заключение Эдуард IV сравнивался с королями, излишне потакавшими недостойному окружению — Эдуардом II, Ричардом II и Генрихом VI. Намек был более чем зловещий. Эдуард II и Ричард II в свое время стали жертвами баронских восстаний — обоих вынудили отречься от престола, а затем убили. Судьба Генриха VI Ланкастера была немногим лучше — душевнобольной король уже несколько лет томился в Тауэре.

Итак, маски были сорваны. Однако страшна была не сама прокламация, а то, что Робин Редесдейл стремительным маршем двигался на войско Эдуарда IV, и его армия была как минимум втрое больше королевской. Молодому королю и его сторонникам оставалось только спасаться бегством. Эдуард IV, Ричард Глостер и Вудвили покинули свое войско и разъехались в разные части королевства, чтобы собрать армию, способную противостоять силам Уорвика. Король в сопровождении младшего брата направился в Ноттингем. Этот же город был назначен сборным пунктом для всех сторонников Йорков.

Показательно, что даже в этой трагической ситуации король Эдуард не утратил присутствия духа. Он сделал последнюю попытку умиротворить Уорвика. Графу было направлено письмо, составленное в самых теплых выражениях. Эдуард писал, что он «всем сердцем надеется», слухи лгут, и граф по-прежнему остается его верным вассалом. Уорвику предлагалось присоединиться к войску короля.

Дальнейшие события показали, что на этот раз Уорвик не был расположен к компромиссу. В Англии снова началась гражданская война. 6 июля во главе своих сторонников граф Уорвик отплыл в Кале, что в создавшейся ситуации было равнозначно открытому мятежу. Среди тех, кто последовал за графом, был брат короля — герцог Кларенс. Стоит упомянуть, что средний брат короля уже довольно давно превратился для монарха в источник постоянного беспокойства. На протяжении нескольких лет Кларенс не просто был союзником Уорвика; сохранившиеся документы дают основания полагать, что при поддержке всемогущего лорда Джордж сам хотел сделаться королем. Первым шагом к этому должно было стать долгожданное заключение родственного брака. В Кале брат Уорвика архиепископ Йоркский наконец обвенчал Кларенса со старшей дочерью Уорвика Изабеллой. Венчание было обставлено необычайно торжественно, в частности, на церемонии присутствовали пять рыцарей ордена Подвязки. Необходимо подчеркнуть — Ричард не только не последовал за Уорвиком, но и не одобрил сам факт свадьбы.

Разумеется, политическая ситуация была слишком серьезной для того, чтобы молодожены могли позволить себе что-то хотя бы отдаленно напоминающее медовый месяц. В Кале спешно собирались сторонники Уорвика, и уже через пять дней после свадьбы мятежники вновь переправились через Ла-Манш. Граф Уорвик и его новоиспеченный зять высадились в Кенте. В XV столетии за Кентом заслуженно закрепилась репутация графства, жители которого отличались необузданным нравом и были готовы принять участие в любом восстании. Пополнив свои ряды

за счет кентцев, Уорвик двинулся к Лондону. Столицу никто не охранял, горожане также не выказали ни малейшего желания поддержать Эдуарда IV, поэтому 20 июля Уорвик без хлопот въехал в Лондон. Предыдущие столкновения Войн Роз показали, что само по себе нахождение в столице не гарантировало ни победы, ни даже существенного перевеса. Неудивительно, что Уорвик задержался в Лондоне всего на несколько дней, чтобы собрать войска. Затем его армия двинулась на север, чтобы сразиться с силами короля.

За это время сторонники Эдуарда IV успели многое. Король и его младший брат по-прежнему оставались в Ноттингеме, но на соединение с ними двигались отряды графов Пемброка и Девона общей численностью более 20 000 человек. На этот раз судьба не благоприятствовала йоркистам. 25 июля графы серьезно поссорились — городишко Банбери, где они планировали разместиться на ночь, оказался слишком мал для двух отрядов. Взбешенный граф Девон отвел своих воинов более чем на 10 миль к северу. В результате на следующий же день отряд Пемброка был наголову разбит сторонниками Ланкастеров при Эджкот-Муре. Сам лорд Пемброк и его брат были захвачены в плен и немедленно казнены. Отряд графа Девона нагнали и разбили чуть позже, граф также был схвачен и казнен. Таким образом, глупейшая, в сущности, сора из-за постоя привела к гибели трех аристократов; общие же потери йоркистов составили около 5000 человек.

Весть о разгроме сторонников короля при Эджкот-Муре дошла до Эдуарда IV и его брата с большим опозданием. 29 июля армия Эдуарда IV покинула Ноттингем и двинулась на юг, чтобы соединиться с войсками Девона и Пемброка. О том, что этих подразделений больше не существует, король узнал только через пару дней, когда его войска достигли Олни. Кошмарное известие принесли солдаты, которым удалось бежать с поля боя. Выжившие в сражении при Эджкот-Муре рассказали, что армия Уорвика и Кларенса движется за ними по пятам. Эта новость буквально уничтожила боевой дух небольшого королевского войска — про-

стые солдаты, джентри и даже аристократы начали спешно разъезжаться по домам. Удержать их было попросту невозможно.

Стоит отметить, что конфликт Уорвика и Эдуарда IV не выглядел неразрешимым. На стороне Уорвика был Джордж Кларенс, а младший брат короля герцог Глостер занимал нейтральную позицию. Возможно, в этом противостоянии Ричард симпатизировал Уорвику, ведь тот настаивал на удалении от власти клана Вудвилей. Многочисленные и на удивление прожорливые родственники королевы никогда не пользовались симпатиями братьев Эдуарда IV. И тем не менее, когда дело дошло до открытого противостояния, Ричард Глостер безоговорочно встал на сторону своего брата.

Именно в эти очень непростые годы Ричард избрал себе девизом слова «Верность связывает меня». По всей видимости, этот девиз должен был проиллюстрировать отношение молодого герцога к происходящему: он не был во всем согласен с Эдуардом IV и все же считал себя обязанным поддерживать его как вассал и как брат. Даже после известия о катастрофе при Эджкот-Муре Ричард Глостер оказался в числе тех немногих, кто сохранил верность монарху.

Итак, войско Эдуарда IV разбежалось. Через несколько часов в почти обезлюдевший лагерь вступил большой отряд конницы под командованием архиепископа Йоркского. Брат всемогущего Уорвика был облачен в полные рыцарские доспехи; его поведение было столь же решительным — архиепископ потребовал, чтобы король следовал за ним. 2 августа Эдуард IV был доставлен в Ковентри, где состоялась его встреча с Кларенсом и Уорвиком. К сожалению, источники не позволяют установить, последовал ли Ричард за королем на этот раз. То обстоятельство, что имя Ричарда не упоминается в связи с политическими катаклизмами последующих месяцев, дает основание полагать, что он не сопровождал плененного монарха в Ковентри.

Как бы то ни было, Эдуард IV вновь спутал все карты своих политических противников. Королю, фактически попавшему

в плен к своим вассалам, по логике следовало бы предаться унынию или гневу, возможно, замкнуться в сознании оскорбленного величия. Однако в Ковентри Эдуард повел себя так, как будто встретился с самыми близкими, дорогими его сердцу людьми после долгой разлуки. Он сердечно обнял Кларенса и Уорвика, наговорил им бездну любезностей и беспрекословно согласился со всеми мерами, которые те предложили. В частности, король одобрил отстранение Вудвилей от власти и с шутками подписал указы, полностью уничтожавшие политическое влияние родственников его жены.

Эта игра в духе Макиавелли конечно же не могла обмануть столь опытного человека как Уорвик. 7 августа король вынужден был «милостиво согласиться» погостить в одном из самых неприступных замков лорда. Стоит сказать, что отъезд из Ковентри избавил монарха от крайне неприятного зрелища. Через несколько дней после того, как Эдуард IV покинул Ковентри, перед стенами этого города были показательно обезглавлены отец и брат его супруги (Ричард Вудвиль граф Риверс и сэр Джон Вудвиль).

В начале августа 1469 г. Эдуарда IV заставили подписать распоряжение о созыве Парламента. Уорвик и Кларенс отправились в Лондон, чтобы лично все проконтролировать, но в середине августа приготовления к созыву Палаты Общин были прекращены. Источники не содержат подробных сведений на этот счет. Возможно, Эдуард IV пытался бежать. Известно, что короля неожиданно перевели в главную резиденцию Уорвика — замок Мидлхэм — причем сделано это было в спешке и под покровом ночи.

Итак, молодой король оказался весьма непростым пленником. К несчастью для мятежников, их власть над Англией выглядела столь же ненадежной. Дворяне воспользовались политической сумятицей для сведения личных счетов. По всей стране вновь вспыхнули земельные конфликты. Например, замок Пастонов подвергся настоящей осаде, которая продолжалась до тех пор, пока измотанный голодом и обстрелами гарнизон не капитулиро-

вал. Обстановка все больше напоминала годы активного противостояния Йорков и Ланкастеров. Правда, на этот раз речь шла о противоречиях внутри «йоркской партии».

Роспуск Парламента и пленение короля вызвали серьезный международный резонанс. Герцог Бургундии Карл Смелый обещал своему родственнику военную поддержку. Французский король, напротив, полагал, что события развиваются в благоприятном для него направлении. Напомним, что Людовик XI предоставил политическое убежище своей родственнице королеве Маргарите Анжуйской. Любые беспорядки в Англии были на руку свергнутой династии. Впрочем, в данном случае речь шла не просто о дестабилизации обстановки. В конце августа 1469 г. дальний родственник Уорвика — Хемфри Невиль — поднял восстание в поддержку дома Ланкастеров. Могло показаться, что Уорвик также изменил свои политические симпатии.

Однако, узнав о волнениях на границе с Шотландией, граф Уорвик не только не присоединился к восставшим, он начал собирать армию для подавления этих выступлений. Весьма показательно, что для этого Уорвику пришлось вернуть королю хотя бы видимость свободы. Дворяне просто не желали становиться под знамена властолюбивого графа до тех пор, пока его действия не были публично одобрены Эдуардом IV. Сохранившиеся документы не позволяют установить, участвовал ли Ричард Глостер в военной операции на шотландской границе. В любом случае уже через пару недель армия восставших была рассеяна. 29 сентября Эдуард IV прибыл в Йорк, чтобы своими глазами увидеть, как Хемфри Невиль был обезглавлен за государственную измену.

Уже через несколько дней Эдуард IV получил еще одну приятную новость — младший брат в очередной раз выступил на его стороне. Ричард Глостер и лорд Гастингс воспользовались восстанием, чтобы собрать отряд в несколько сотен конных воинов. Вполне вероятно, эти солдаты не имели отношения к подавлению мятежа Хемфри Невиля, но теперь они двигались на помощь

к королю. Получив эти силы в свое распоряжение, Эдуард IV объявил, что более не нуждается в опеке лорда Уорвика, и вернулся в Лондон. По мере продвижения к столице к королевскому отряду присоединились силы герцога Саффолка, молодого Генриха герцога Бэкингема, лорда Джона Бэкингема, графов Эссекса, Арундела, Нортумберленда и других. В итоге в распоряжении короля, по самым скромным подсчетам, оказалось более тысячи воинов. После того как король торжественно вступил в столицу, стало ясно, что предпринятая Уорвиком и Кларенсом попытка мятежа провалилась.

После фактического возвращения на трон Эдуард IV поспешил вознаградить младшего брата, ведь именно благодаря его решительным действиям он смог сохранить корону. Семнадцатилетний Ричард Глостер получил один из самых ответственных государственных постов — он был назначен констеблем Англии. Обязанности констебля королевства примерно соответствовали полномочиям командующего королевскими войсками. В этой связи необходимо выделить два обстоятельства. Во-первых, Ричард Глостер получил указанную должность пожизненно, что было высшим знаком королевского доверия. Во-вторых, специально для своего младшего брата Эдуард IV расширил и без того значительные полномочия констебля. Ричарду Глостеру было даровано право самостоятельно издавать акты о государственной измене. На практике это означало, что король сделал его ответственным за возвращение государства к порядку.

Не стало дело и за земельными пожалованиями — в течение месяца после возвращения Эдуарда IV на трон владения его младшего брата существенно увеличились. Учитывая то, каких денег требовала придворная жизнь, новые земли казались вовсе не лишними. Тем не менее в 1469 г. Ричарду не удалось даже мельком осмотреть свои владения.

Буквально через несколько недель после, казалось бы, триумфального возвращения Эдуарда IV к власти начались волнения в Уэльсе. Этот регион отличался стойкими проланкастерскими

симпатиями. Напомним, что в Уэльсе находились обширные владения братьев Генриха VI по матери — Оуэна и Джаспера Тюдоров.

Стоит отметить, что Оуэна и Джаспера редко публично именовали братьями короля, а вот бастардами называли нередко. История любви их родителей вполне могла бы послужить основой для авантюрного романа. Мать Генриха VI королева Екатерина осталась вдовой, когда ей был всего 21 год. Это создавало довольно опасный прецедент. Рука молодой королевы могла послужить ставкой в большой политической игре. Чтобы избежать этого, Парламент принял решение, в принципе исключавшее возможность нового брака. «Общины и лорды» постановили, что Екатерина Валуа не может повторно выйти замуж без согласия короля и королевского совета. Для «подстраховки» королеву фактически не выпускали из страны, что исключало возможность союза с иностранным принцем или королем. Кроме того, Парламент принял отдельный закон, не допускавший и брак с англичанином — в случае, если Екатерина выйдет замуж за мужчину не королевской крови, все земельные владения обоих супругов подлежали конфискации.

Тот факт, что молодая и очень красивая королева недолго оставалась одинокой, кажется вполне естественным, однако сделанный ей выбор стал настоящей сенсацией. Екатерина не заводила фаворитов. В 1429 г. она удалилась в Уэльс, чтобы жить с валлийским дворянином Оуэном Тюдором. Разумеется, официально выйти замуж Екатерина не могла. Были ли они обвенчаны тайно — большой вопрос. Поскольку плодом союза Екатерины Валуа и Оуэна Тюдора стал отец будущего короля Генриха VII, в английской историографии принято считать, что тайный брак все же имел место. В том же в 1437 г. поклялся и Оуэн Тюдор, однако сделанное им заявление вряд ли стоит считать непреложным доказательством. Сомнения вызывают прежде всего обстоятельства принесения клятвы. В 1436 г. Тюдор был арестован за незаконную связь с вдовствующей королевой, ему было предъ-

явлено более чем серьезное обвинение в государственной измене. Естественно, он должен был утверждать, что женат на Екатерине Валуа. Важно отметить и то, что заявление о браке было сделано уже после смерти королевы Екатерины, скончавшейся в 1436 г. в результате неудачных родов. Наконец, Оуэн Тюдор не смог представить ни одного свидетеля заключения брака.

Как бы то ни было, Генрих VI признал своих братьев и приблизил их к себе. Тюдоры оказались едва ли не единственными валлийцами, сумевшими приобрести заметный вес при дворе. Неудивительно, что и они сами, и их сторонники являлись стойкими приверженцами Ланкастеров. Соответственно, для Йорков Уэльс стал, что называется, постоянной головной болью.

Итак, осенью 1469 г. сторонники Ланкастеров в Уэльсе подняли восстание. Подавление этих выступлений и наведение порядка в мятежном регионе король доверил Ричарду Глостеру. В данном случае планировалась не просто карательная акция — Ричарду предстояло водвориться в Уэльсе «всерьез и надолго». В ноябре 1469 г. герцог Глостер был назначен Верховным судьей Северного Уэльса, а также главным распорядителем и инспектором княжества Уэльс. Кроме того, Ричард получил право карать или миловать бунтовщиков по своему усмотрению.

К моменту прибытия герцога Глостера в Уэльс обстановка там накалилась до предела. Королевские замки Кармартен и Кардиган на юге княжества были захвачены мятежниками. Возвращение этих замков стало первой самостоятельной военной операцией семнадцатилетнего Ричарда. Дебют герцога Глостера как полководца вышел более чем успешным. Всего за две недели Кармартен и Кардиган были возвращены под власть короля. Затем Ричарду пришлось принять первое самостоятельное политическое решение — мятежных лордов можно было жестоко покарать или даровать им прощение. Юный герцог Глостер выбрал второй вариант — бунтовщики принесли клятву верности Эдуарду IV и были отпущены на свободу. Таким образом, уже во время уэльской кампании 1469 г. Ричард проявил качества,

которые отличали его до конца жизни — полководческий талант и милосердие к врагам.

К Рождеству Ричард смог вернуться в Лондон, чтобы лично отчитаться о положении дел в Уэльсе. В результате нескольких совещаний между королем, его младшим братом и другими советниками было принято решение о создании комиссии по умиротворению Южного и Северного Уэльса, главой которой, разумеется, стал Ричард Глостер. Личные заслуги герцога Глостера были вознаграждены еще одной должностью — он стал управляющим владениями Эдуарда IV в графствах Кармартен и Кардиган. Таким образом, Ричард получил почти королевские полномочия. Одним из первых его действий стало смещение с должностей всех сторонников Уорвика. Иными словами, Ричард Глостер во всем полностью и безоговорочно поддержал старшего брата. Возможно, он продолжал симпатизировать лорду Уорвику, но «верность связывала его», заставляя действовать в ущерб интересам своего воспитателя.

Пока Ричард Глостер пытался навести порядок в Уэльсе, над головой Эдуарда IV вновь начали сгущаться тучи. В марте 1470 г. король вновь вынужден был подавлять восстание. На этот раз центром мятежа стал Линкольншир. Все началось как выступление сторонников Ланкастеров, однако, когда король разбил бунтовщиков, выяснилось, что инициаторами беспорядков были все те же Уорвик и Кларенс. Доказательства их причастности были неопровержимыми — среди убитых оказался один из личных слуг герцога Кларенса, более того, на допросе пленные признались, что восстание было организовано для того, чтобы сместить Эдуарда IV и передать трон его брату Джорджу.

Разумеется, и в этом столкновении Ричард Глостер был полностью на стороне старшего брата. Его преданность даже превзошла желание короля. По-видимому, Эдуард IV не планировал отзывать Ричарда из Уэльса — сохранение лояльности этого княжества было слишком важным. Тем не менее, узнав о сражении мятежников с королевскими войсками, юный герцог Глостер спешно

сформировал большой отряд и выступил на помощь своему брату. Основные военные действия разворачивались на Севере, так что Ричарду предстояло проделать немалый путь. В палантине Честер дорогу его отряду неожиданно преградили воины лорда Стенли.

Стоит отметить, что в эпоху Войн Роз клан Стенли отличался удивительной политической гибкостью. Стенли неизменно принимали участие в военных кампаниях и с той же неизменностью переходили на сторону победителя. При этом они действовали настолько предусмотрительно, что каждый раз выходили сухими из воды. Стенли всегда удавалось убедить окружающих, что весь род с самого начала поддерживал Йорков… или Ланкастеров… или Тюдоров, а все реверансы в сторону их противников делались исключительно для отвода глаз.

Именно так случилось весной 1470 г. Поначалу Томас Стенли «решительно» пообещал свою поддержку Уорвику, с которым его соединяли родственные связи. Но как только один из отрядов Стенли был наголову разбит Ричардом Глостером, прозорливый лорд решил отмежеваться от бывших союзников. Томас Стенли послал гонца к королю с жалобой на то, что его люди «были без всякой причины атакованы воинами герцога Глостера». Этот демарш не обманул Эдуарда IV. Король направил брату письмо, в котором выражал «сердечную благодарность за своевременное и быстрое вмешательство».

Не получившие помощи от Стенли мятежники бежали на юг королевства, поэтому король поставил перед братом новую задачу. Герцогу Глостеру было приказано собирать людей в Глостершире и Херефордшире для того, чтобы присоединиться к королевским войскам.

Одной из любопытнейших особенностей происходящего стало то, что Кларенс и Уорвик вели себя так же гибко, как лорд Стенли. Их отряды несколько раз терпели поражение от королевских войск, и в то же самое время мятежные лорды не уставали слать Эдуарду IV письма с заверениями в полной лояльности.

Они требовали гарантий неприкосновенности и встречи с королем. Возможно, Уорвик рассчитывал, что при личной встрече ему удастся вернуть все к привычной и так устраивавшей его системе — пусть король развлекается, сражается на турнирах и ухаживает за дамами, а всей душой преданный ему лорд возьмет на себя тяжелую и неблагодарную обязанность управлять государством. Однако положение дел давно изменилось. Эдуард IV категорически не желал терпеть возле себя слишком влиятельного и амбициозного сановника. 24 марта 1470 г. Уорвика и Кларенса официально обвинили в государственной измене.

В весенней кампании 1470 г. король и его сторонники постоянно одерживали победы, поэтому Кларенс и Уорвик приняли решение бежать. Удача и здесь от них отвернулась — мятежные лорды рассчитывали найти приют в Кале, но гарнизон крепости оказался верным королю. В данном случае политическая лояльность граничила с бесчеловечностью. Дело в том, что Уорвика и Кларенса сопровождали дамы. Это были жена Уорвика и две его дочери. Напомним, что старшая из них — Изабелла — за год до того стала супругой герцога Кларенса. Когда корабль беглецов стоял на рейде в гавани Кале, у Изабеллы начались роды. Уорвик просил разрешения высадить дочь на берег, или прислать повитуху, или хотя бы вина. Вино действительно передали на корабль, но в остальных просьбах было отказано. В результате произошла трагедия — младенец родился мертвым. Похоронить несчастное дитя в земле также не было дозволено, младенца погребли в море.

Казалось бы, для Эдуарда IV все складывалось чрезвычайно удачно — его противники были унижены, им даже не нашлось места на подвластных королю землях. Но у любого врага британского монарха всегда была возможность бежать во Францию. В XV столетии эти страны оставались соперницами вне зависимости от того, кто находился на английском и французском престолах. В 1469—1470 гг. противостояние держав еще более обострилось, так как Эдуард IV заключил союз с двумя главными

противниками французского короля — герцогами Бургундским и Бретонским.

Неудивительно, что Уорвик и Кларенс решили высадиться во французской гавани Онфлёр, где их приветствовали с почти королевскими почестями. В их лице Людовик XI наконец получил реальный рычаг воздействия на английского монарха. Для того чтобы средство оказалось максимально эффективным, Людовик задумал объединить всех врагов Эдуарда IV. Напомним, что во Франции нашла приют королева Маргарита. Если бы удалось заключить союз между ней и Уорвиком, можно было всерьез рассчитывать на смещение короля Эдуарда.

Поначалу задача казалась почти неосуществимой. Уорвик всегда был преданным сторонником Йорков, он, можно сказать, своими руками сверг Генриха VI и усадил на его место Эдуарда IV. Иными словами, именно благодаря Уорвику муж Маргариты Анжуйской лишился трона, а ее обожаемый сын рос в бедности и изгнании. Существовали и личные, кровные счеты. По приказу королевы были казнены отец и дядя Уорвика. Уорвик, в свою очередь, был косвенно повинен в гибели фаворита королевы герцога Сомерсета. Разумеется, истинные чувства участников этой исторической драмы нам неведомы, но, по единодушному мнению современников, Маргарита Анжуйская и Уорвик люто ненавидели друг друга.

Людовику XI пришлось несколько раз просить королеву Маргариту встретиться с бывшим противником, и в конце концов политические соображения одержали верх над личными мотивами. Уорвик дал согласие гораздо легче, но его гордости предстояло выдержать суровое испытание. Маргарита потребовала, чтобы мятежный лорд на коленях вымаливал у нее прощение, и продержала его в этой униженной позе почти четверть часа. Как бы то ни было, 22 июля 1470 г. договор был заключен. Уорвик обязался восстановить Генриха VI на престоле, за что ему гарантировался ряд высших государственных постов. В том числе речь шла о должности протектора Англии до совершеннолетия сына

Маргариты — 16-летнего Эдуарда Ланкастера. Договор бывших противников был скреплен браком Эдуарда Ланкастера и младшей дочери Уорвика 15-летней Анны Невиль. В довершение всеобщей гармонии Людовик XI пообещал помочь восстановить на престоле Генриха VI — «законного короля Англии».

Однако в этой атмосфере всеобщего единения и забвения прошлых обид был человек, который считал себя жестоко обманутым. Брат Эдуарда IV герцог Кларенс поддержал Уорвика вовсе не для того, чтобы восстанавливать на троне кого-то из Ланкастеров; после смещения брата Джордж рассчитывал сам стать королем. Теперь же о нем почти забыли. Разумеется, вовсе обделить герцога Кларенса было невозможно, поэтому Джорджу пообещали, что он унаследует трон, если у Эдуарда Ланкастера не будет детей. Однако 16-летний Эдуард отличался завидным здоровьем, и такая перспектива казалась весьма сомнительной.

Разладом между Уорвиком и Кларенсом поспешил воспользоваться Эдуард IV. Он якобы из чистой любезности помог переправиться во Францию одной из дам, принадлежавшей к свите герцогини Кларенс. История не сохранила имени этой предприимчивой леди, но известно, что в ее задачу входило убедить Джорджа Кларенса вернуться в лоно семьи. По-видимому, братья довольно быстро пришли к соглашению. Джордж получил полное помилование за участие в мятеже, ему обещали вернуть все земли и признать его брак с Изабеллой Уорвик. В результате из преданного союзника графа Уорвика Джордж превратился в информатора Эдуарда IV.

Конечно же, шпионаж был не единственным средством, при помощи которого король Англии решал создавшуюся проблему. В Ла-Манше курсировал англо-бургундский флот, который должен был помешать Уорвику высадиться в Англии. Эдуард IV лично проинспектировал состояние укреплений в портах Юго-Восточной Англии. Король также отдал приказ начать собирать войска, но, видимо, не считал Уорвика всерьез опасным, так как приготовления шли очень вяло.

В июле 1470 г. Эдуарду IV доложили о восстании сторонников Ланкастеров в Йоркшире. В сопровождении самых верных соратников — герцога Глостера и лорда Гастингса — король вынужден был отправиться подавлять волнения. При ближайшем рассмотрении выступления оказались не столь значительными. Но для Ричарда Глостера поход обернулся еще одним назначением. Мало доверявший северным аристократическим родам король назначил своего младшего брата на должность Хранителя границ.

В силу протяженности границ английского королевства во второй половине XV в. Хранителей границ обычно было несколько. В зону ответственности Ричарда вошли западная и шотландская границы. Хотя полномочия Хранителя не распространялись на самое крупное графство Севера Йоркшир, а многие аристократические роды имели право не подчиняться его власти, полномочия герцога Глостера были весьма значительными. Он мог созывать местное ополчение; заключать перемирия с шотландцами; наказывать нарушителей перемирия; передавать шотландских преступников в руки шотландских властей; судить английских перебежчиков, переданных шотландцами; наконец, он исполнял обязанности мирового судьи.

Стоит отметить, что это назначение вполне отвечало личным вкусам Ричарда Глостера. Хотя первые годы его жизни прошли в центральной Англии, истинной родиной Ричарда стал Север. В частности, его любимой резиденцией на протяжении всей жизни оставался замок Уорвика Мидлхэм. Ричард всегда охотно окружал себя северянами, неизменно покровительствовал городу Йорку и т.д. Итак, новая должность оказалась очень кстати, но в полной мере насладиться своими полномочиями герцог Глостер не успел.

В начале сентября 1470 г. шторм разметал англо-бургундский флот, и Уорвик немедленно воспользовался этим, чтобы высадиться в Девоншире. В ближайших графствах немедленно вспыхнул мятеж. Эдуард спешно направился к Лондону, но на этот раз счастье ему изменило. Заметную часть королевского

отряда составляли воины родственника Уорвика Джона Невиля. Мистер Невиль перешел на сторону Уорвика и в ночь на 29 сентября 1470 г. попытался захватить монарха в плен. Эдуард IV чудом ускользнул в самый последний момент. Вместе с Ричардом Глостером, лордом Гастингсом и немногими самыми верными соратниками король доскакал до берега. Кораблей рядом не оказалось, и монарх со свитой вынуждены были погрузиться в простые рыбацкие лодки. Почти сутки они боролись с сильным волнением и едва не утонули. Наконец, вымокшие и замерзшие воины, не захватившие с собой даже сменной одежды, оказались в порту Линн.

Здесь возникла новая, еще более существенная проблема. Как это ни парадоксально звучит, английскому монарху нечем было заплатить за переправу через Ла-Манш. В результате длительных и наверняка довольно нервных переговоров, моряки согласились принять в уплату единственную ценную вещь, нашедшуюся во всем отряде — плащ, отделанный куньим мехом.

Финальная неприятность случилась уже вблизи берегов Бургундии. Два маленьких корабля, на которых находились король и его свита, были захвачены целой флотилией голландских судов. Эдуард IV явился на континент как пленник. Этот плен не был по-настоящему опасным, так как правитель Бургундской Голландии Луи де ла Гретюз был добрым знакомым английского короля. Ситуация разрешилась сразу же, как только о ней стало известно местным властям. И все же прибытие Эдуарда IV в Бургундию было обставлено абсолютно неподобающим образом.

Традиционно считалось, что Ричард Глостер был среди тех, кто сопровождал Эдуарда IV в его бегстве. Однако недавние исследования документов из французских архивов позволили выдвинуть другую версию. Британский историк Дэвид Болдуин обратил внимание на то, что до середины ноября 1470 г. ни один источник не упоминает о присутствии Ричарда в Бургундии. В частности, 13 октября герцогу Бургундии Карлу Смелому сообщили, что король Англии прибыл в его владения «в сопрово-

ждении Энтони Вудвиля, лорда Гастингса и нескольких других лордов». В письме от 1 ноября 1470 г. герцог Бургундии называет по именам пятерых дворян из свиты Эдуарда IV, но почему-то не упоминает королевского брата.

Возможно, Ричарда действительно не было на континенте. Во всяком случае, в 10-х числах ноября 1470 г. монах-цистерцианец Адриан ле Бат, живший в монастыре в окрестностях Брюгге, записал, что «младший брат… короля Эдуарда… приложил все силы, чтобы дать отпор [его врагам] …герцог Глостер недавно прибыл из Англии с большим отрядом». По-видимому, после отплытия Эдуарда IV Ричард еще несколько недель оставался в Англии. Отсутствие упоминаний о сколько-нибудь серьезных столкновениях сторонников Йорков и Ланкастеров позволяет предположить, что главной целью герцога Глостера было не вооруженное сопротивление, а объединение и переправа в Бургундию тех дворян, которые пожелали присоединиться к Эдуарду IV. Ричард был идеальным кандидатом для такой миссии. Как брат короля он мог стать «естественным центром» оппозиции. В то же время, в отличие от Эдуарда IV или Вудвилей, герцог Глостер вполне мог позволить себе попасть в плен — его отношения с Уорвиком и Кларенсом были достаточно хорошими для того, чтобы ему гарантированно сохранили жизнь.

Как бы то ни было, Ричард приплыл в Бургундию как изгнанник. Накануне своего 18-летия он оказался почти в той же ситуации, что и десять лет назад, в 1460-м. В 1470-м всем членам дома Йорков удалось выжить, но теперь семья была разделена. Эдуард и Ричард оказались беженцами, бесправными просителями при бургундском дворе; их брат Джордж был на стороне победителей.

Стоит отметить, что Карл Смелый никогда не отличался сдержанностью или кротким нравом. По свидетельству Филиппа де Коммина, герцог не скрывал, что он крайне недоволен прибытием Йорков, которых в данных обстоятельствах правильнее было бы назвать «бедными родственниками». Эдуарда IV и его брата

даже не пригласили ко двору — они оставались в Голландии на попечении любезно приютившего их сеньора де Гретюза.

Тем временем из Англии приходили отнюдь не радостные известия. Уорвик и Кларенс с триумфом вступили в Лондон, освободили из Тауэра бывшего короля Генриха VI и от его имени сформировали новое правительство.

Впрочем, положение Йорков не было вовсе безнадежным. Маргарита Анжуйская и Уорвик по-прежнему не доверяли друг другу. Королева не решалась переправиться в Англию под предлогом недостаточно благоприятной для плавания погоды. Это могло быть только пустой отговоркой, ведь осенью 1470 г. это же путешествие благополучно преодолели более десяти торговых экспедиций. Возможно, Маргарита опасалась, что Уорвик захочет устранить Ланкастеров и править от лица безвольного герцога Кларенса. Всемогущему лорду, которого после событий 1470 г. открыто стали называть Создателем Королей, это было вполне под силу.

Еще одним «слабым звеном» правящей коалиции был Джордж Кларенс. Он по-прежнему публично поддерживал Уорвика и вел тайные переговоры о переходе на сторону Йорков.

Единственной по-настоящему хорошей новостью, доставленной гонцами из Англии, было известие о том, что у Эдуарда IV родился сын. Наследник дома Йорков появился на свет в церковном убежище, куда его мать скрылась, чтобы избежать ужасов гражданской войны. И все же его рождение значило не меньше, чем выигранное сражение. В эту эпоху король, не имеющий сыновей, был монархом всего лишь наполовину. Грудной младенец, надежно укрытый в Вестминстерском аббатстве, воплощал в себе будущее династии Йорков и простым фактом своего существования подчеркивал шаткость положения бездетных Ланкастеров.

К концу 1470 г. ситуация в Бургундии начала меняться в пользу Йорков. Напомним, что Карл Смелый весьма прохладно отнесся к приезду Эдуарда IV. Теоретически у герцога Бургундии был выбор — он женился на сестре Эдуарда IV Маргарите, но по крови

приходился родственником Ланкастерам (бабушка Карла Смелого была дочерью основателя дома Ланкастеров, знаменитого Джона Гонта). На практике альтернатива была более чем иллюзорной. Главный враг Бургундского дома — Людовик XI — активно поддерживал Ланкастеров, поэтому Карл Смелый был вынужден встать на сторону Йорков хотя бы из чувства самосохранения.

Получив известия о том, что правительство Генриха VI намерено заключить союзный договор с Францией, Карл Смелый окончательно определился в своих симпатиях. В начале января 1471 г. Эдуард IV и его брат Ричард были официально приглашены посетить бургундский двор. Для Ричарда это событие имело не только политическое, но и личное значение. Он получил возможность увидеться со своей любимой сестрой Маргаритой, под опекой которой прошло его детство в замке Фотерингей.

Итак, Ричард и Эдуард были приняты при дворе, но не как политические союзники, а просто как родственники. Обнародовать этот альянс было не в интересах Бургундии. Карл Смелый официально заявил, что не намерен вмешиваться в английские дела. Йоркам позволили предстать перед герцогом, выслушали, и, дабы не вызвать подозрений, отправили обратно в Бургундскую Голландию. В это же самое время Карл Смелый предоставил Эдуарду IV 50 000 флоринов, на которые тот должен был нанять корабли и знаменитых фламандских стрелков.

Маргариту Йорк политические соображения беспокоили гораздо меньше. Она использовала все свое влияние на мужа и сумела выхлопотать для братьев разрешение дополнительно нанимать фландрские и ганзейские корабли. Более того, герцогиня подарила Эдуарду и Ричарду 15 000 флоринов из своих собственных денег. Чрезвычайно важной оказалась дипломатическая помощь герцогини. Маргариту и ее брата Джорджа всегда связывали тесные, по-настоящему любящие отношения. В 1470—1471 гг. она несколько раз писала Джорджу, чтобы убедить его вернуться в семью. Ей не удалось добиться каких-то определенных обещаний (герцог Кларенс всегда давал их крайне

неохотно), и все же Джордж не мог оставить просьбы обожаемой сестры без внимания.

Для Ричарда Маргарита также оставалась главным «центром притяжения» в Бургундии. В начале февраля он приезжал в Лилль для того, чтобы провести несколько дней в обществе сестры. Время для этого визита выкроить было непросто — герцог Глостер был занят военными приготовлениями. По поручению своего брата он контролировал снаряжение кораблей для экспедиции в Англию и инспектировал отряды наемников. В итоге к началу марта 1471 г. в порте Флашинг стоял полностью снаряженный маленький флот. В распоряжении Эдуарда IV было более 1000 английских солдат и около 300 вооруженных аркебузами фламандских стрелков.

2 марта армия Йорков погрузилась на корабли. Флагманских судов было два. На первом находился Эдуард IV с лордом Гастингсом, на втором Ричард Глостер. За королевскими судами следовали небольшие корабли с наемниками. Такое распределение сил ясно свидетельствовало, что к этому времени 18-летний Ричард стал главной опорой, правой рукой своего старшего брата.

Начало экспедиции сложно назвать удачным. Из-за сильного волнения и ветра корабли целую неделю не могли выйти в море. Фактически поход начался только 9 марта. 11-го числа йоркисты благополучно достигли берегов графства Норфолк, но здесь их снова ждало разочарование. Эдуард IV рассчитывал на поддержку своего приверженца герцога Норфолка, однако в прибрежных деревнях оказались размещены отряды Уорвика. Отправленный на разведку небольшой отряд был буквально сброшен в море.

Эдуард IV принял решение не возвращаться в Бургундию, а попытать счастья в своем родном графстве. Однако этот план не учитывал погоду. Из-за сильного противного ветра короткое плавание до берегов Йоркшира растянулось на трое суток. 14 марта 1471 г. разразился сильный шторм, маленькую флотилию разметало. К вечеру корабль Ричарда сумел справиться с волнами и бросить якорь, но что сталось с остальными, никто

не знал. Герцог Глостер отдал приказ о высадке. К счастью, на берегу не было вражеских солдат, однако не было видно и людей Эдуарда IV. Вероятно, Ричард и его воины провели весьма беспокойную ночь. На рассвете герцог Глостер приказал прочесать окрестности.

Кораблю Эдуарда IV также удалось спастись. Он бросил якорь в гавани Равенспера. Король находился в таком же отчаянном положении, как и его брат. В распоряжении Эдуарда IV было менее 500 человек. Спешная попытка набрать людей в ближайших деревнях лишь ослабила моральных дух воинов — ни один человек не выразил желания присоединиться к королевскому отряду. Присутствовавший при этих событиях автор «Истории прибытия Эдуарда IV в Англию» сообщает, что к утру 15 марта многие считали, что экспедиция провалилась.

В этот критический момент на гребне ближайшего холма показался вооруженный отряд. В безумной панике воины Эдуарда IV схватились за оружие. К их «величайшему облегчению и искренней радости», это были люди Ричарда Глостера. Через несколько часов появился отряд шурина короля лорда Риверса. К концу дня все воины были в сборе.

Итак, несмотря на бурю, высадка прошла без потерь. Эдуард IV, его брат и соратники оказались в Англии с отрядом всего в полторы тысячи человек. Разумеется, отвоевать корону, опираясь только на эти силы, было невозможно. Вся экспедиция была организована в расчете на то, что Англия с радостью приветствует возвращение Йорков.

Поначалу эти надежды, мягко скажем, не оправдались. Крошечное войско Эдуарда IVдвинулось к Йорку. Городок Кингстон закрыл перед ними ворота. В расположенный чуть дальше Беверли их впустили, но без всякого восторга. Но самое жестокое разочарование постигло Эдуарда IV в Йорке. Город, который он привык считать своей вотчиной, отказался поддержать опального короля. Это создавало крайне опасный прецедент, к тому же йоркистам было абсолютно необходимо пополнить запасы

провизии. Чтобы как-то выправить ситуацию, Эдуарду IV пришлось пойти на хитрость — он торжественно поклялся, что не собирается начинать войну за возвращение трона. Якобы Эдуард вернулся в Англию лишь для того, чтобы получить обратно свои родовые владения.

Тюдоровские историки обожали цитировать это обещание для того, чтобы подчеркнуть двуличие Эдуарда IV и незаконность его власти, основанной на клятвопреступлении. Дальше всех в этом отношении пошел Полидор Вергилий. Он утверждал, что ранняя смерть Эдуарда IV и трагическая судьба его сыновей стали Божьей карой за ложную клятву у стен Йорка.

Рассматривать ситуацию с точки зрения морали, разумеется, не имеет смысла. Политика всегда оставалась сферой, в которой в самом лучшем случае соблюдалась видимость справедливости и благочестия. Не стоит забывать, что в спектакле у ворот Йорка участвовали две стороны, и горожане лицемерили не меньше, чем Эдуард IV. Силы йоркистов были слишком незначительны, поэтому поддержать их открыто значило рисковать. Клятва Эдуарда IV давала мэру восхитительно безопасную возможность удовлетворить и Йорков, и Ланкастеров. Горожане, в свою очередь, могли бы поклясться, что «не знали» о намерениях йоркистов и никогда не поддерживали их желание возвратить корону.

Итак, получив требуемое обещание, горожане с облегчением открыли ворота. Сначала впустили Эдуарда, Ричарда и нескольких дворян, а через несколько часов в город вошла вся армия. Городские власти дали понять, что слишком злоупотреблять их «доверчивостью» не стоит. На следующее утро королевские отряды двинулись дальше.

В этот момент судьба Йорков висела буквально на волоске. В Йоркшире находились силы Генри Перси графа Нортумберленда и родственника Уорвика маркиза Монтегю. На счастье, Эдуарда IV граф Нортумберленд поступил так же предусмотрительно, как и жители города Йорка. Графа никто не мог упрекнуть в том, что он не готовился отразить натиск йоркистов — он чест-

но собрал войска, но грамотно опоздал с рекогносцировкой. По «случайности» двигавшиеся на Лондон солдаты короля Эдуарда успели пройти мимо его владений. Нортумберленд с облегчением отправил в Лондон гонца, чтобы проинформировать об этом «печальном» обстоятельстве и спросить, что ему надлежит делать дальше.

С гораздо большим трудом Эдуарду IV удалось уклониться от встречи с отрядами Монтегю и других сторонников династии Ланкастеров. Как бы то ни было, Йорки сумели прорваться в центральную Англию, где к ним наконец начали стекаться сторонники.

29 марта Эдуард IV подошел к городу Ковентри, в стенах которого укрылись воины Уорвика. Эдуард потребовал возвратить ему корону и предложил Создателю Королей весьма неприятную альтернативу — сдаться на милость короля (что гарантировало сохранение жизни, но лишало Уорвика всех владений и титулов) или «подвергнуть себя опасностям битвы».

Времена рыцарства давно миновали. Уорвик не счел нужным ответить на этот вызов. Он ждал, когда его семитысячный отряд получит подкрепление. Более или менее поблизости находились войска Монтегю, графа Оксфорда и герцога Кларенса. 2 апреля ожидания Создателя Королей, казалось, начали сбываться. К Ковентри приблизился многочисленный отряд герцога Кларенса. Однако дальнейшие события развивались не совсем так, как хотелось бы Уорвику.

Армии Эдуарда IV и герцога Кларенса встали друг против друга, но вместо солдат вперед двинулись их предводители. Эдуард IV, Ричард Глостер, лорд Гастингс, герцог Кларенс и несколько его сторонников встретились в центре предполагаемого поля битвы. Далее последовала сентиментальная сцена семейного воссоединения. Джордж Кларенс, проливая модные в те времена потоки слез, пал на колени перед старшим братом. Король тотчас же поднял его, облобызал и торжественно поклялся, что не держит на него зла. Затем Джордж кинулся в объятия младшего

брата, начались новые заверения в любви и дружбе. Ричард Глостер и лорд Гастингс побратались со сторонниками Кларенса. Теперь настала очередь «массовки». Герцог Кларенс обратился к воинам Эдуарда IV с прочувствованной речью. В ответ король произнес не менее блестящий монолог, в котором обещал воинам Кларенса «свою любовь и покровительство».

Главным зрителем спектакля, по-видимому, был Уорвик. Точных данных на этот счет нет, но вряд ли Создатель Королей упустил возможность понаблюдать за этой мелодрамой с городских стен. Второй акт состоялся почти сразу же. Герцогу Кларенсу предложили лично написать Уорвику и предложить ему помилование на гораздо более выгодных условиях. По свидетельству современников, после чтения этого письма лорда «охватила великая злоба». Ответа Кларенс так и не дождался.

Поскольку Уорвик категорически отказывался выходить из-под защиты городских стен, Эдуард IV оставил его армию в тылу и двинулся на Лондон. Эта часть похода оказалась вовсе не трудной. Лондонцы крайне редко принимали чью-то сторону в Войнах Роз. Как и большинству англичан, им было практически все равно, кто будет на престоле. 1471 г. не стал исключением. Мэр Стоктон на всякий случай сказался больным, а Городской совет постановил не оказывать сопротивления и открыть ворота.

11 апреля 1471 г. Эдуард и Ричард торжественно вступили в столицу. Простые горожане приветствовали их с искренним энтузиазмом. Они ничего не имели против Генриха VI, но Эдуард IV куда лучше подходил на роль короля. Действовали и личные мотивы. Эдуард был изрядным транжирой, поэтому ремесленники и купцы рассчитывали на заказы из королевской казны, а ростовщики на то, что король наконец возвратит занятые у них деньги. Прекрасные дамы всех сословий также радовались возвращению молодого красивого короля, который всегда готов был одарить их своей благосклонностью.

Смена власти прошла практически безболезненно. Йоркисты смогли покинуть церковные убежища, но их места заняли сторон-

ники Ланкастеров. Генрих VI и родственник Уорвика архиепископ Йоркский были помещены в Тауэр. Ни массовых арестов, ни тем более казней не последовало.

На следующий день, хотя это была Страстная пятница и истинным христианам надлежало предаться молитвам и благочестивым размышлениям, Ричард Глостер принял участие в военном совете. На повестке дня стоял всего один вопрос. Со дня на день в Англии ожидали высадки королевы Маргариты. В Ла-Манше находился флот незаконнорожденного кузена Уорвика — бастарда Факонберга. Необходимо было навязать Уорвику сражение до того, как он сможет соединиться со своими союзниками.

Во время заседания Йорки получили долгожданную весть. Уорвик наконец оправился от предательства Кларенса, собрал отряды своих сторонников и быстро двигался к Лондону.

Времени на реорганизацию армии почти не было. Напомним, что войска Эдуарда IV вошли в Лондон 11 апреля. 13-го йоркисты уже выдвинулись навстречу Уорвику, который встал лагерем всего в 10 милях от столицы. Вероятно, 12 апреля стал одним из самых напряженных дней в жизни Ричарда. Ему пришлось спешно реорганизовывать войска и проверять подошедшие подкрепления.

На совете, состоявшемся перед боем, было решено, что Эдуард IV и герцог Кларенс будут командовать центральной частью войска, лорду Гастингсу следовало возглавить арьергард, а авангард был отдан под командование 18-летнего Ричарда, который еще никогда в жизни не участвовал в крупном сражении. Это была огромная честь и огромная ответственность.

Сражение при Барнете, в котором Ричард принял настоящее боевое крещение, заслуживает отдельного описания. Армия Эдуарда IV подошла к городку Барнет вечером 13 апреля. Уорвик оставил в Барнете небольшой отряд, и авангарду под командованием Ричарда не составило труда очистить город. Теоретически можно было остаться в Барнете на ночлег, но Эдуард IV принял другое решение. По его приказу войска воспользовались ночной

темнотой, чтобы расположиться как можно ближе к позициям Уорвика. Король хотел быть уверен, что наутро Уорвик наконец вступит в бой.

Не зажигая огней почти на ощупь, йоркисты заняли позицию напротив армии Уорвика (во всяком случае, так им казалось). Темнота, безусловно, сыграла на руку воинам Эдуарда IV. Всю ночь артиллерия Ланкастеров обстреливала то место, где, с точки зрения Уорвика, должны были находиться его противники. Поскольку враг оказался гораздо ближе, все залпы пропали даром — ядра попросту перелетали через головы солдат.

Ранним утром 14 апреля 1471 г. Эдуард IV выстроил свои войска для битвы. Капризная английская погода в этот раз показала себя во всей красе. Перед рассветом на землю опустился густейший туман. По свидетельству современников, разглядеть что-то дальше, чем в 10 метрах, было решительно невозможно. Противники скорее не увидели, а услышали друг друга, когда Эдуард IV приказал трубить наступление. Из-за тумана никто не заметил, что ночью йоркисты заняли позицию наискосок от воинов Ланкастеров. Вообще не встретиться армиям не грозило, но их правые фланги выступали далеко за ряды противников.

В армии Ланкастеров центр находился под командованием Уорвика, действиями правого фланга руководил граф Оксфорд, левый фланг возглавлял герцог Экзетер. В армии Йорков центром командовал Эдуард IV, на правом фланге были отряды герцога Глостера, на левом — лорда Гастингса. По подсчетам современных историков, армия Ланкастеров насчитывала около 15 000 человек, йоркистов было заметно меньше — около 10 000.

Для Ричарда Глостера бой при Барнете начался несколько необычно. Так же как Эдуард и Гастингс, он поместил по флангам лучников. Между ними стояла линия спешенных воинов в доспехах. Даже самые знатные лорды, как и сам король, бились пешими. Кавалерия использовалась только для разведки и преследования. Итак, отряд Ричарда Глостера протрубил наступление, лучники произвели залп по предполагаемому противнику,

и вооруженный боевым топором Ричард повел воинов в атаку. Но, поскольку отряд Глостера находился на правом фланге, противника перед ним просто не оказалось. Ориентируясь на шум битвы, воины Ричарда повернули влево и напали на отряд герцога Экзетера. Получилось, что они атаковали его с фланга. Поначалу наступление йоркистов было весьма успешным.

В этом «туманном» сражении полководцам приходилось лишь догадываться о том, что происходит на поле боя. Атакованный с фланга Экзетер послал к Уорвику гонца с просьбой о помощи. Создатель Королей, видимо, решил, что йоркисты сосредоточили основные силы именно на правом фланге, и бросил на помощь Экзетеру почти все имеющиеся резервы. Отряд Ричарда начали теснить, им грозило поражение. Но и на этот раз туман сослужил йоркистам добрую службу.

В центре шло вполне тривиальное сражение — отряды Эдуарда IV храбро атаковали воинов Уорвика, те героически сопротивлялись. Зато на правом фланге армии Ланкастеров творилось нечто невообразимое. Возглавлявший этот фланг лорд Оксфорд повел своих воинов в наступление и, так же как и Ричард, обнаружил, что противников перед ним почему-то нет. Порыскав в тумане, он также сориентировался на шум битвы и набросился на отряд Гастингса с фланга. Под натиском с фронта и с флангов большая часть воинов Гастингса обратилась в бегство. Сторонники Ланкастеров упоенно бросилась их преследовать, но, доскакав до Барнета, решили оставить это трудное занятие и предались грабежам.

Несмотря на разгром левого крыла, центр армии йоркистов и ее правый фланг продолжали мужественно сражаться. Секрет стойкости воинов Эдуарда IV и Ричарда Глостера был очень прост. Туман милосердно скрыл от них происходящее, и они просто не знали, что от левого фланга почти ничего не осталось. Эдуард IV проявил завидное хладнокровие и решил пока не задействовать резерв. Из-за всех этих перемещений линия битвы разительно изменилась, войска развернулись почти на 90 градусов.

К несчастью для Ланкастеров, граф Оксфорд счел своим долгом вновь построить свой отряд и вернуться на поле битвы. Оторванные от грабежей воины спешили добить йоркистов и вернуться в Барнет. Их энтузиазм не привел ни к чему хорошему. Из-за всё того же тумана граф Оксфорд промахнулся и подошел к армии Ланкастеров с фланга. Ситуацию усугубила геральдическая эмблема на знамени Оксфорда — звезда в окружении лучей. Дело в том, что воины Эдуарда IV шли в бой под знаменем, на котором было изображено солнце с лучами. В суматохе боя командовавший отрядом Ланкастеров маркиз Монтегю обознался и отдал приказ стрелять. Раздались крики: «Измена!» Солдаты Оксфорда и Монтегю наконец разглядели друг друга. Поскольку их предводители никогда не были в хороших отношениях, поверить в предательство было очень легко. Оба отряда охватила паника, воины Оксфорда обратились в бегство, солдаты Монтегю остались на месте, но только для того, чтобы стать жертвами решительной атаки Эдуарда IV.

Король, скорее всего, не понял, почему его враги пришли в замешательство, но поспешил воспользоваться ситуацией. Вместе со всем резервным отрядом он атаковал центр войска Уорвика. Результатом явилось отступление армии Ланкастеров. К этому времени Ричард Глостер был легко ранен, и все же он повел своих воинов вперед, они влились в общую атаку. Армия Уорвика обратилась в паническое бегство. Сам Уорвик пытался бежать и был убит. Это не было сознательной жестокостью со стороны Эдуарда IV — в суматохе боя Создателя Королей попросту не узнали. Общее число убитых с обеих сторон составило более 1000 человек.

В битве при Барнете Ричард Глостер не просто впервые принял участие в крупном сражении — он показал себя с самой лучшей стороны, прежде всего как талантливый командир, способный организовать и наступление, и оборону против численно превосходящего противника. Достойна одобрения и проявленная им личная доблесть. По обычаю того времени, Ричард лично

вел в бой своих воинов и продолжал сражаться даже после ранения.

Сражение при Барнете закончилось около 7 часов утра. Вскоре после полудня Эдуард IV с триумфом прибыл в столицу. Ричард с честью заслужил почетное право ехать по правую руку от старшего брата. На следующий день тела Уорвика и маркиза Монтегю были выставлены на всеобщее обозрение в соборе Святого Павла, чтобы все желающие могли убедиться, что они действительно мертвы.

Впрочем, исход военной кампании все еще был неясен. По иронии судьбы именно в тот день, когда войска Уорвика потерпели сокрушительное поражение, а сам он был убит, в Англию наконец прибыли королева Маргарита и ее сын принц Эдуард. Еще раз повторим — ни современники, ни историки не смогли объяснить, почему Маргарита Анжуйская так долго оставалась во Франции. Вероятно, основной причиной промедления стало недоверие королевы к Уорвику. Как бы то ни было, к Маргарите Анжуйской начали стекаться приверженцы. По свидетельству хронистов, получив новость об исходе битвы при Барнете, королева хотела отплыть обратно во Францию, но лорды убедили ее дать сражение.

Эдуард IV узнал о высадке королевы 16 апреля и немедленно начал формировать новую армию. Местом сбора для войск йоркистов был назначен Виндзор. Разумеется, Ричард Глостер принимал в военных приготовлениях самое активное участие.

23 апреля, как раз когда королевская семья праздновала день св. Георгия, Виндзора достигли вести о том, что Маргарита Анжуйская не собирается двигаться к столице. Опальная королева направлялась к границе с Уэльсом, чтобы соединиться с отрядами, набранными Джаспером Тюдором в этом княжестве. Если бы этот план удался, в распоряжении Ланкастеров оказалось гораздо больше солдат, чем у Йорков. Поэтому Эдуард IV постарался помешать соединению войск королевы и Джаспера Тюдора. Началась настоящая гонка. Чтобы оказаться в безопасности в Уэльсе,

армии королевы Маргариты нужно было переправиться через реку Северн. Йоркисты сумели блокировать все мосты. Тактическая победа уже принадлежала Эдуарду IV — ему удалось нагнать армию королевы, к тому же сторонники Ланкастеров вложили слишком много сил в безумный марш по течению Северна. Армия Маргариты была буквально вымотана этой гонкой, 3 мая войско Ланкастеров остановилось у Тьюксбери, так как солдаты были просто не в силах двигаться дальше.

На рассвете 4 мая 1471 г. состоялось знаменитое сражение при Тьюксбери. Распределение сил йоркистов было почти таким же, как во время битвы при Барнете — Ричард Глостер командовал правым флангом, Эдуард IV центром, лорд Гастингс возглавлял левый фланг. В ближайшей роще был оставлен резерв в 200 воинов.

Численность обеих армий была примерно равной. Однако на этот раз позиция Ланкастеров была гораздо более выгодной. Еще накануне сражения военачальники королевы Маргариты (Сомерсет, Уэнлок и другие) расположили свои войска примерно в полутора километрах от городка Тьюксбери за почти непроходимым переплетением кустов, канав и живых изгородей.

Битва началась с обмена стрелами и артиллерийскими залпами. Наиболее интенсивно военные действия шли на правом фланге. Ричард Глостер попытался атаковать стоявший напротив него отряд герцога Сомерсета, но его солдаты попросту не смогли перебраться через разделявшие армии кусты и канавы. Отступление отряда Ричарда на прежние позиции, видимо, внушило герцогу Сомерсету ложный оптимизм. Он сам обошел так удачно защищавшие его преграды и напал на йоркистов с фланга. Продвижение людей Сомерсета было медленным, поэтому герцог Глостер успел перестроить свои войска для обороны. Нападение герцога Сомерсета оказалось безрезультатным, более того, в тыл ему ударил резервный отряд. Воины Сомерсета не выдержали двойного натиска и побежали.

Благодаря усилиям Ричарда сражение было почти выиграно. Обратив в бегство Сомерсета, отряд герцога Глостера обрушился

на центр армии Ланкастеров. Одновременно центр атаковали и воины Эдуарда IV. Вместо того чтобы организовать хоть какое-то подобие обороны, герцог Сомерсет решил свести личные счеты. Он затеял ссору с лордом Уэнлоком. Сомерсет размахивал боевым топором и кричал, что Уэнлок предатель и что, если бы тот поддержал атаку Сомерсета, исход боя был бы иным. Очевидно, герцог не владел собой. К несчастью, его никто не остановил — в каком-то приступе безумия Сомерсет размозжил лорду Уэнлоку голову. Можно представить себе чувства солдат, командиры которых убивают друг друга именно в тот момент, когда с двух сторон их атакуют враги. Убийство Уэнлока стало сигналом к повальному бегству.

Потери сторонников Ланкастеров в битве при Тьюксбери составили более 3000 человек. Тела воинов Маргариты Анжуйской буквально усеяли спускавшийся к реке Северн склон холма, который с тех пор стали называть «Кровавым лугом». Самой именитой жертвой этой битвы стал принц Эдуард Ланкастер. Он был убит, когда пытался спастись бегством с поля боя.

Нескольким лордам, в том числе печально известному Сомерсету, удалось укрыться в ближайшем аббатстве. Аббатство не обладало правами церковного убежища, поэтому через два дня после битвы беглецы были вынуждены покинуть его территорию. Они предстали перед Ричардом Глостером (напомним, он был констеблем Англии) и маршалом Англии герцогом Норфолком. Сомерсета, а также еще одного видного военачальника — сэра Клифтона — приговорили к смерти и казнили на рыночной площади Тьюксбери; все остальные были помилованы.

Разумеется, потери были и со стороны йоркистов. Победы при Барнете и Тьюксбери стоили жизни нескольким офицерам из отряда герцога Глостера. Среди погибших были Томас Парр и Томас Хадлстоун, которых Ричард знал еще с детских лет. Известно, что герцог Глостер не был чрезмерно сентиментален, но о людях, сложивших свои головы ради победы Йорков, он помнил на протяжении многих лет. В 1477 г. Ричард пожертвовал крупную

сумму для того, чтобы четверо монахов Квинс-колледжа в Оксфорде молились «за души Томаса Парра, Джона Мильуотера, Кристофера Ворсли, Томаса Хадлстоуна, Джона Харпера и всех других джентльменов и йоменов, которые были убиты, сражаясь под его началом, при Барнете и Тьюксбери».

Впрочем, в мае 1471 г. Ричард вряд ли мог себе позволить сколько-нибудь долго предаваться воспоминаниям, события требовали немедленных действий. После битвы при Тьюксбери войска Эдуарда IV направились в Ковентри. Там они получили свежие известия из Лондона. Оказалось, что выступления на севере Англии подавлены. В это же время кузен Уорвика бастард Факонберг высадился в Англии, усилил свой отряд кентцами и двинулся к столице. Серьезная опасность Лондону не угрожала, так как граф Риверс с городскими властями сумели организовать оборону.

Пожалуй, самым приятным известием, которое получили Эдуард и Ричард, было пленение Маргариты Анжуйской. Королева приняла этот последний удар судьбы с полным безразличием — ее дух был сломлен ужасным известием о гибели сына, все остальное не имело никакого значения.

Тем не менее праздновать победу над сторонниками Ланкастеров было еще рано. В Ковентри Эдуард IV едва успел перегруппировать свои отряды — нужно было как можно быстрее снять осаду с Лондона. Армии йоркистов пришлось совершить еще один ускоренный марш, чтобы сразиться с отрядами бастарда Факонберга. Однако битвы не получилось. Собранная бастардом толпа довольно энергично атаковала Лондон, но разбежалась, как только вдали показались штандарты армии Эдуарда IV.

Во вторник 21 мая армия Эдуарда IV торжественно вступила в столицу. Честь возглавлять эту пышную процессию выпала Ричарду Глостеру. За ним следовал лорд Гастингс, потом сам король, герцог Кларенс и, наконец, повозка, в которой, уныло свесив голову, сидела безучастная ко всему королева Маргарита.

В тот же день, когда Эдуард IV праздновал свой триумф, в Тауэре скончался слабоумный Генрих VI. Ему было 49 лет, но выглядел король как глубокий старик. По официальной версии, Генрих VI умер «от душевной меланхолии», но в этот «диагноз» мало кто верил. По-видимому, Эдуард IV отдал приказ умертвить бывшего короля, чтобы оставшиеся сторонники Ланкастеров не смогли использовать его в своих интересах.

Тюдоровские историки считали, что исполнителем убийства стал Ричард Глостер. Разумеется, это прекрасно укладывалось в созданную ими картину преступлений Ричарда III. В конце XV в. в Лондоне действительно ходили такие слухи. Возможно, основанием для их возникновения послужило то, что Ричард наведался в Тауэр вечером 21 мая. В данном случае вполне можно согласиться с версией, предложенной П.М. Кендалл. Как констебль Англии Ричард должен был передать приказ о казни Генриха VI коменданту Тауэра лорду Дадли. Однако представить, чтобы брат короля лично взялся приводить в исполнение это распоряжение, почти невозможно. Для столь «грязной работы» во все века использовали людей куда менее знатных и влиятельных.

На следующее утро тело Генриха VI было выставлено в соборе Св. Павла. В тот же день Ричард Глостер отправился в погоню за бастардом Факонбергом. 26 мая тот сдался на милость Ричарда, но буквально на следующий день сбежал. После поимки Факонберг был провезен по городам Англии и казнен. Голова Факонберга, обращенная в сторону Кента, «украсила» Лондонский мост.

В мае 1471 г. Ричарду Глостеру было восемнадцать с половиной лет. Современные молодые люди в этом возрасте заканчивают первый курс института или отдают патриотический долг отечеству. Герцог Глостер успел не в пример больше — его уже можно было считать взрослым мужчиной — он неплохо справлялся с несколькими ответственными должностями, надзирал за сбором войск, показал себя одаренным полководцем, наконец, храбро сражался. Вскоре победы Эдуарда IV обернулись для его младшего брата новыми назначениями, землями и титулами. Верность больше не «связывала» Ричарда, она вела его к успеху.

Глава 7
РИЧАРД, АННА И НАСЛЕДСТВО УОРВИКА (1471—1475)

Итак, в 1470—1471 гг. Ричард Глостер стал главной опорой Эдуарда IV, неудивительно, что именно ему были переданы большинство полномочий Уорвика. Напомним, что еще в 1470 г. герцога Глостера назначили Хранителем западной и шотландской границ. Теперь его полномочия существенно расширились — в обязанности Ричарда стала входить охрана всех границ королевства.

До 1470 г. Ричард Глостер также являлся верховным судьей и казначеем Уэльса, что в совокупности означало почти полную власть над этим регионом. По замыслу Эдуарда IV, его брат должен был подчинить вечно бунтующих валлийцев королевской воле. В 1470—1471 гг. ситуация изменилась. Стало очевидно, что для Йорков главной проблемой является не Уэльс, а верные Уорвику северные графства. Эдуард воспользовался уже привычным средством и передал управление Севером тому, на кого мог безоглядно положиться — своему младшему брату. По просьбе Эдуарда IV Ричард отказался от постов Главного судьи и казначея Уэльса в пользу юного графа Пемброка. Взамен он получил земли и высшее командование, которые раньше принадлежали Уорвику. Теперь Ричарду принадлежали Мидлхэм, Шериф-Хаттон и Пентриф, а также все земли Уорвика в Йоркшире и Камберленде. Кроме того, Ричард получил политический контроль над графствами Йоркшир и Нортумберленд. Наконец, молодой герцог Глостер получил ранее принадлежавшую Уорвику придворную должность Главного камергера.

Таким образом, главной задачей Ричарда стало обеспечение лояльности северных графств. Реализовать эту цель было крайне трудно в первую очередь потому, что в XV в. политика оставалась во многом семейным делом. Назначенец, не имеющий родственных связей в регионе, не включенный в структуру дворянских союзов, оказывался в очень сложном положении.

Наилучшим способом приобрести такие связи мог стать брак с одной из наследниц северных семейств. Ричард пошел именно по этому пути.

В мае 1471 г. он попросил Эдуарда IV дать разрешение на свадьбу с младшей дочерью Создателя Королей — Анной Невиль. Очевидно, что главным побудительным мотивом в данном случае был расчет. Обсуждать действия Ричарда с точки зрения современного человека — наивно и бесперспективно. По меркам эпохи и сословия, единственным достойным основанием для выбора жениха или невесты должны были служить интересы семьи. Пример Эдуарда IV показывает, что брак, заключенный по любви, без учета политических и имущественных соображений, воспринимался как откровенно неудачный, неблаговидный союз, следствие недостойного помутнения рассудка. Такой подход вовсе не исключал привязанности между супругами, но любовь была не причиной брака, а своего рода бонусом, который мог сделать союз еще более привлекательным.

Впрочем, в случае Ричарда и Анны выбор между любовью и долгом мог и не стоять. Мы знаем, что в итоге их брак оказался очень удачным. К сожалению, сохранившиеся документы не позволяют сколько-нибудь обоснованно рассуждать о чувствах жениха и невесты. Возможно, любовь пришла к Анне и Ричарду уже в браке (именно такое развитие событий в XV в. считалось идеальным), возможно, они симпатизировали друг другу еще с детских лет.

И тот, и другой вариант вполне возможен. Препятствий для возникновения чувства не были никаких. Жених и невеста принадлежали к одному социальному слою, были молоды (Ричарду исполнилось 18 лет, Анне 15) и недурны собой.

Долгое время историки представляли Ричарда Глостера гротескным горбуном с кривыми ногами и уродливым лицом. На самом деле в его внешности можно было найти только два недостатка — небольшой рост и не вполне прямую спину. Исследование останков Ричарда III показало, что он с детства страдал

сколиозом, т.е. боковым искривлением позвоночника. Чуть ниже плеч позвоночник Ричарда изгибался влево, искривление заканчивалось на уровне нижних ребер. Под одеждой этот дефект был малозаметен. Не раз видевший герцога Глостера Джон Роуз писал, что он выглядел вполне обычно, только правое плечо казалось несколько выше левого. К сожалению, прижизненных портретов Ричарда III не сохранилось. Копиисты начала XVI в. запечатлели сероглазого, русоволосого мужчину с тонкими, одухотворенными чертами лица. Пластическая реконструкция подтвердила, что герцог Глостер выглядел именно так. Считать ли его красавцем — вопрос вкуса, но уродом Ричард не был ни в коем случае.

Разумеется, дело было не только во внешности. В 18 лет Ричард уже был опытным воином; в битвах при Барнете и Тьюксбери он проявил не только личную храбрость, но и недурные способности военачальника. Герцог не слишком любил турниры и никогда в них не участвовал, но назвать его нерыцарственным вряд ли возможно. В библиотеке Ричарда была целая подборка книг о короле Артуре и других, как тогда выражались, «героях древности». Впоследствии знаменитый первопечатник Кэкстон посвятил Ричарду III перевод трактата «Кодекс рыцарства», так как «никто не поймет эту книгу лучше, чем он».

Наконец, Ричард не был новичком в любовных делах. К моменту вступления в брак у него уже было двое внебрачных детей — Джон и Екатерина. К сожалению, точные даты их рождения неизвестны. Необходимо подчеркнуть, что наличие незаконнорожденных детей для аристократа XV в. было не исключением, а правилом. Средневековая мораль была строга по отношению к женщинам, но исключительно снисходительна к мужчинам. Подавляющее большинство дворян имело связи на стороне, причем никто не считал, что они обязаны признавать бастардов и принимать хоть какое-то участие в их воспитании. Если рыцарь дарил матери своего ребенка сколько-нибудь заметную сумму денег, этого было вполне достаточно. Если речь шла о постоян-

ных выплатах, окружающие считали отца человеком щедрым, ответственным и благородным.

В этом отношении герцог Глостер был типичным представителем своего времени. Его первым ребенком, по-видимому, был Джон. Незаконнорожденный сын Ричарда носил прозвище Понтефракт. Обычно такое прозвище указывает на место рождения. Если допустить, что Джон появился на свет там же, где был зачат (а это кажется вполне логичным), то у историков появляется шанс определить временные рамки первого серьезного увлечения Ричарда. Герцог Глостер постоянно бывал в Понтефракте в 1465—1468 гг., когда находился под покровительством Уорвика. Принимая по внимание, что в 1465 г. Ричарду было всего 13 лет, более вероятно отнести рождение Джона к 1467—1468 гг. В этом случае герцог Глостер впервые стал отцом в 15—16 лет, что для XV в. было вполне нормальным.

Ричард III признал своего сына, а после восшествия на престол посвятил его в рыцари и назначил капитаном Кале с условием, что Джон полностью примет командование по достижении 21 года. Эта оговорка имела смысл лишь в том случае, если возраст Джона был более-менее близок к совершеннолетию. Таким образом, мы снова получаем примерно те же даты — 1467—1468 гг.

Майкл Хикс предполагает, что первой возлюбленной Ричарда была проживавшая в то время в окрестностях Понтефракта дворянка Алиса Берг. Он основывается на единственном обстоятельстве — в 1474 г. Ричард пожаловал Алисе пожизненную ежегодную пенсию в 20 фунтов. Доводы М. Хикса кажутся несколько сомнительными, так как в 1474 г. Алиса Берг исполняла обязанности придворной дамы супруги Ричарда, а сестра Алисы — Изабелла — была нянькой законного сына герцога Глостера. Сомнительная с точки зрения нравственности картина абсолютно не вяжется с тем, что нам известно о семейной жизни Ричарда.

Что касается дочери Ричарда III Екатерины, то она, скорее всего, появилась на свет через 2—3 года после своего кровного брата, но в любом случае не позже 1470-го. Дело в том, что

в 1484 г. Ричард официально признал Екатерину своей дочерью и выделил ей земли в приданое. Такое пожалование могло быть законным, только если девушке уже исполнилось 14 лет.

Итак, к 1471 г. Ричард уже дважды становился отцом. Это никоим образом не должно было уронить его в глазах невесты. Наличие бастардов гарантировало, что молодой герцог Глостер здоров, и брак не останется бесплодным.

Не стоит забывать и о материальной стороне дела. После реставрации Эдуарда IV Ричард стал более чем заметной политической фигурой и считался самым завидным женихом Англии.

К сожалению, о невесте Ричарда мы знаем очень мало. Недавно написанная Майклом Хиксом биография Анны Невиль еще раз показала, что этой женщине суждено остаться одной из самых загадочных фигур XV столетия. Все, что нам известно, касается исключительно формальной, публичной стороны жизни Анны. Не осталось ни личных писем, ни автографов, ничего, что позволило бы сказать, что она на самом деле думала и чувствовала.

Собственно, даже внешность Анны может быть описана лишь приблизительно. Не сохранилось ни одного ее портрета, за исключением крайне условных, схематичных изображений в геральдических свитках. Единственное словесное описание, оставленное капелланом Уорвика Джоном Роузом, практически лишено индивидуальных черт. Роуз сообщает, что Анна была блондинкой, держалась любезно и имела безупречную репутацию.

Чуть больше информации дает Кройлендская хроника, которая упоминает, что на Рождество 1484 г. Анна Невиль и дочь Эдуарда IV Елизавета надели одинаковые платья. Хронист также сообщает, что женщины были схожи лицом и телосложением. Портреты Елизаветы Йорк показывают нам цветущую белокожую девушку с выразительными светло-карими глазами. Вероятно, Анна Невиль была примерно такой — бесспорно привлекательной, но не красавицей в классическом смысле этого слова.

Характер невесты Ричарда описать так же сложно, как и ее внешность. Она определенно не была ни яркой кокеткой, ни бун-

таркой. Всю жизнь Анна Невиль поступала как должно — она была покорной дочерью, безупречной женой, хорошей матерью и достойной королевой. Герцогиня Глостер в полной мере соответствовала требованиям эпохи, но ее образ ускользает от нас. Мы никогда не узнаем, была ли эта женщина веселой, жизнерадостной или печальной, скромной или острой на язык, любила ли она наряжаться или предпочитала проводить время в молитвах.

Как бы то ни было, в мае 1471 г. герцог Глостер испросил королевского согласия на брак с Анной Невиль. Ричард относился к той категории людей, которым ничто не дается без борьбы. Его выбор отвечал всем требованиям эпохи, был одобрен королем, и тем не менее натолкнулся на серьезное сопротивление… со стороны его среднего брата — герцога Кларенса. Проблема возникла осенью 1471 г.

Дело в том, что летом у Ричарда почти не было времени на ухаживания — едва получив согласие короля на брак, он вынужден был начать собирать войска для новой военной кампании. Беспорядками в Англии, как обычно, воспользовались шотландцы. Впрочем, в данном случае некоторая пауза в отношениях Ричарда и Анны была вполне уместна, ведь невеста носила траур. Напомним, что в декабре 1470 г. 14-летняя Анна Невиль была выдана замуж за сына королевы Маргариты — принца Эдуарда Ланкастера. Как минимум до середины XX в. большинство авторов рассматривало этот союз таким, каким его обрисовал Шекспир — юный и прекрасный принц женится на нежно любящей его девушке; затем Эдуард трагически погибает, и молодая жена буквально не помнит себя от горя.

На деле все было, мягко скажем, иначе. Если в жизни Анны Невиль и был неудачный брак, это относится именно к ее первому замужеству. Уорвик и королева Маргарита оказались вынуждены временно заключить союз, но не доверяли друг другу ни секунды. Существование эмоциональной привязанности между Анной и Эдуардом в этих условиях кажется маловероятным. Для Ланкастеров дочь Уорвика была скорее заложницей, живой

гарантией лояльности своего отца. Может быть, со временем отношения Анны и Эдуарда могли бы наладиться, но этот брак не продлился и полугода. Уже в начале мая 1471 г. Анна Невиль осталась вдовой и одной из богатейших невест Англии. От мужа она ничего не унаследовала, но причитающаяся ей по закону часть земель Уорвика была весьма значительной.

Разумеется, герцога Кларенса эта ситуация абсолютно не устраивала. Предав брата в 1470 г. и тестя в 1471-м, честолюбивый герцог не получил ничего, кроме испорченной репутации. Эдуард IV ему не доверял, и, во всяком случае, в ближайшем будущем рассчитывать на королевские милости не приходилось. Джордж решил вознаградить себя сам и попытался захватить все наследство Создателя Королей. Для этого требовалось контролировать обеих дочерей Уорвика.

Любопытно, что поначалу действия Джорджа Кларенса выглядели как родственная забота. После битвы при Тьюксбери Анна Невиль была взята в плен. По просьбе герцога девушку передали под его опеку. Анна поселилась в лондонском доме герцога Кларенса и его супруги — своей родной сестры Изабеллы Невиль. Однако очень скоро выяснилось, что Джордж Кларенс намерен строго пресекать любые контакты Анны с внешним миром. Анне запрещали выезжать, она почти не участвовала в праздниках, появление перед гостями также не поощрялось. На время герцог Кларенс получил то, что хотел. По средневековым законам от опекуна требовалось немногое — он должен был кормить и одевать Анну, все остальные поступления с ее земель оставались в распоряжении герцога как плата за труды. Иными словами, пока Джордж удерживал Анну Невиль в своем доме, он оставался фактическим владельцем ее имений. А дальше, кто знает? В конце концов, Анна не отличалась крепким здоровьем. Если бы она умерла бездетной, Кларенс наследовал все состояние Уорвика.

Часть весны и лета 1471 г. Ричард Глостер провел в Лондоне. Он не раз бывал в доме своего среднего брата и должен был

видеть там Анну Невиль. Ухаживал ли он за девушкой открыто — большой вопрос. Сомневаться в этом заставляет отсутствие реакции герцога Кларенса — Джордж явно не догадывался, что добыча может ускользнуть из его рук.

Итак, в середине лета Ричард Глостер вынужден был отправиться воевать с шотландцами. На этот раз победа не потребовала больших усилий. Шотландцы рассчитывали поживиться на английской территории, пока сами англичане были заняты междоусобной войной. Быстрое появление английской армии под командованием брата короля стало для них неприятной неожиданностью. Уже в августе 1471 г. король Шотландии Джеймс III начал переговоры о мире, а в сентябре Ричард с триумфом вернулся в Лондон.

За это время герцог Кларенс узнал о матримониальных намерениях брата и счел себя жестоко обманутым. Когда Ричард появился в его доме, Джордж закатил дикую сцену. Он топал ногами и вопил, что «по закону и справедливости» все имущество дома Невилей должно достаться ему как старшему, что Ричард слишком занесся, и что он «даст Бог никогда не получит Анны в жены». Эта истерика свидетельствовала скорее о бессилии и дурном характере герцога Кларенса. В сущности, он ничего не мог сделать. Как и следовало ожидать, Ричард отправился к королю. Напомним, что еще до отъезда Ричарда Эдуард IV одобрил сделанный им выбор. Недавно одержанная герцогом Глостером победа над шотландцами должна была только укрепить монарха в его симпатиях. Неудивительно, что король приказал герцогу Кларенсу не вмешиваться в отношения Ричарда и Анны.

Джордж Кларенс никогда не отличался ни спокойным характером, ни сколько-нибудь выдающимися умственными способностями. Благодаря его стараниям дальнейшие события очень напоминали водевиль. Заручившись поддержкой короля, Ричард, разумеется, вернулся в особняк Кларенса, чтобы поговорить с невестой. Но и на этот раз объяснение не состоялось. Кларенс сообщил, что Анны Невиль в его доме больше нет. Заявление было

настолько нетривиальным, что Ричард не поверил брату на́ слово и учинил настоящий обыск… к сожалению, безрезультатный. Попытки выяснить, куда же Анна могла деться, также не увенчались успехом. С плохо скрываемым злорадством Джордж отвечал, что Ричард виноват во всем сам — Джорджа лишили опекунства, ему не доверяют, поэтому он счел себя не вправе интересоваться, куда и зачем уехала леди Невиль.

Было очевидно, что Кларенс попросту спрятал где-то богатую родственницу. Любил Ричард Анну или нет, отказаться от своего намерения при данных обстоятельствах значило публично выставить себя идиотом. Герцог Глостер поднял на ноги всех своих приверженцев и принялся за поиски. К счастью, через несколько дней Анну обнаружили в доме одного из приверженцев герцога Кларенса. Узнать леди Невиль было непросто — ее переодели в платье простой поварихи и принудили находиться на кухне. Появление Ричарда, вне всяких сомнений, стало для Анны счастливым избавлением, ведь ее могло ждать что угодно — от насильственного пострига в какой-нибудь дальний монастырь до «случайной» смерти. Еще раз повторим — умри Анна незамужней, все наследство Уорвика перешло бы к ее сестре, а значит, и к герцогу Кларенсу.

Сторонники Ричарда III обожают подчеркивать, что в этой истории он «до конца сыграл роль благородного спасителя». Действительно, освободив Анну из заключения, Ричард проводил ее в церковное убежище, где она была в полной безопасности. П.М. Кендалл полагал, что после прибытия в убежище «никто, включая самого герцога Глостера, не мог заставить Анну сделать что-то против ее воли». При ближайшем рассмотрении картина, словно сошедшая со страниц рыцарского романа, изрядно тускнеет. Вполне вероятно, что Анна действительно была в опасности, но с точки зрения морали XV в. действия Ричарда расценивались как похищение и изнасилование. Забрать несовершеннолетнюю девушку из дома, в котором она находилась с согласия своего опекуна, значило нанести непоправимый вред

ее репутации. Женитьба на «опозоренной» была единственным приемлемым выходом из положения.

Данное уточнение вовсе не делает из Ричарда монстра. Оно лишь позволяет утверждать, что Анна решилась стать герцогиней Глостер не в спокойном уединении церковного убежища, а, самое позднее, в тот момент, когда покидала дом приверженца Джорджа Кларенса. Дав согласие на похищение, Анна Невиль приняла по-настоящему смелое и самостоятельное решение, которое привело ее к счастливому браку и в конечном счете принесло ей корону Англии.

Мы уже говорили о том, что Ричард стремился жениться на Анне в первую очередь по расчету. Однако и леди Невиль дала окончательное согласие на брак по той же причине. Безусловно, очень соблазнительно предположить, что Анна последовала за Ричардом под влиянием чувства, но в XV столетии романтика значила гораздо меньше, чем в наши дни. В 1471 г. будущее Анны зависело от того, сможет ли она сохранить что-то из наследства своего отца. Потеря земель Уорвика привела бы к радикальному снижению ее уровня жизни и социального статуса. В условиях, когда права на земли Создателя Королей предъявил брат царствующего монарха — герцог Кларенс, — Ричард Глостер оказывался лучшим, даже единственно возможным кандидатом в мужья. Без его влияния и энергии шансы Анны на получение наследства становились призрачными.

В этой истории есть еще один нюанс, на который необходимо обратить внимание. С формальной юридической точки зрения, ни одна из дочерей Уорвика не имела права получить хотя бы один манор из конгломерата земель, которыми распоряжался Создатель Королей. Разберемся в этом вопросе более подробно.

Самой завидной частью собственности Уорвика были имения, унаследованные им от родственников Невилей: несколько маноров в Эссексе и громадные владения на севере Англии (Мидлхэм и Шериф-Хаттон в Йоркшире, Пенрит в Камберленде). К сожалению, земли Невилей были майоратными, т.е. могли наследо-

ваться только старшим сыном или ближайшим родственником по мужской линии. Таким образом, к дочерям Создателя Королей его северные владения перейти никак не могли. Однако в эпоху Войн Роз права наследования не имели решающего значения. Напомним, что в 1471 г. Уорвик был признан государственным изменником, а его земли конфискованы в пользу короны. Большую часть северных маноров Уорвика Эдуард IV передал Ричарду Глостеру. Однако королевское пожалование в ущерб правам законных наследников на деле оказывалось непрочным. При любом изменении политической ситуации Невили непременно потребовали бы возврата того, что «принадлежало им по закону». К тому же Эдуард IV был несколько нетверд в обещаниях. Значительная часть маноров, пожалованных Ричарду в 1461 г., к 1470-му была передана другим владельцам.

Женитьба на наследнице Уорвика Анне Невиль существенно укрепляла положение Ричарда. Теперь он мог полагаться не только на королевскую милость, но и выступать от имени своей супруги. По отдельности и то, и другое было недостаточно надежно. Сочетание монаршего пожалования и небезупречного права наследования давало надежду надолго сохранить северные владения Уорвика. Итак, имущественные интересы Анны и Ричарда полностью совпадали. Оба они не имели законного права на земли Невилей, но могли надеяться сохранить их, став мужем и женой.

С другой частью владений Создателя Королей все тоже было непросто. Львиная доля земель, с которой Уорвик получал доход, находилась в собственности его жены — Анны Бишомп. Леди Уорвик была наследницей двух влиятельных фамилий — Бишомпов и Диспенсеров; принадлежавшие ей три десятка маноров располагались преимущественно на западе Англии. По завещанию Уорвика и его супруги, составленному еще в 1464 г., эти владения делились поровну между их дочерями — Изабеллой и Анной.

Анализируя ситуацию с точки зрения закона, мы обнаруживаем, что и здесь Анна Невиль не имела никаких прав. Уорвик был

мертв, но его жена жива и здорова. В 1471 г. Анна Бишомп находилась в церковном убежище и теоретически сохраняла право на свои земли. Однако герцог Кларенс вовсе не собирался ждать кончины тещи — он желал получить все ее маноры немедленно, «как если бы графиня Уорвик была мертва». В итоге Ричард занял ту же позицию. По всей видимости, у герцога Глостера просто не было выбора. Можно было либо удержать наследство Уорвика от имени жены, либо позволить захватить его Кларенсу. Третьего варианта не существовало.

Итак, после помещения в церковное убежище Анна Невиль оказалась вне досягаемости герцога Кларенса, но ссора между братьями только начиналась. Джордж был в бешенстве оттого, что упустил наследство. К тому же в начале декабря король пожаловал Ричарду земли, ранее принадлежавшие графу Оксфорду и другим мятежникам. Наконец, Кларенса до глубины души возмущало «несправедливое» распределение государственных должностей. Ричард, всегда и во всем поддерживавший брата, получил бывшие должности Уорвика, а предатель Кларенс «всего-навсего» пост наместника Ирландии. Эдуард попытался примирить братьев, разобрав дело о наследстве Уорвика в Королевском совете, но даже это не помогло. По свидетельству Кройлендского хрониста, «между братьями разгорелся настолько жаркий спор… что все присутствующие… были очень удивлены». В итоге решение вопроса отложили на несколько месяцев.

Первый компромисс был достигнут во второй половине февраля 1472 г. Ричард получил куда меньше, чем мог ожидать. Король еще раз подтвердил, что ранее пожалованные земли остаются в собственности герцога Глостера; все остальное, включая владения матери Изабеллы и Анны, должен был получить Джордж. Также был произведен своеобразный «обмен» должностями. Ричард передал Джорджу пост Великого камергера Англии, а взамен получил менее престижную, но куда более доходную должность Хранителя королевских лесов к северу от реки Трент.

П.М. Кендалл и другие горячие защитники Ричарда III полагают, что если герцог Глостер пошел на эти условия, значит, он женился на Анне не по расчету, а по любви. Вполне возможно, Ричард действительно испытывал к Анне нежные чувства, но аргументация Кендалл кажется несколько надуманной. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно еще раз перечислить все «бонусы», которые герцог Глостер получил от брака с наследницей Уорвика. Во-первых, подтверждение своих прав на земли Невилей на Севере Англии; во-вторых, крайне необходимые ему родственные связи в Йоркшире и Нортумберленде (т.е. союз с влиятельнейшими родами Невилей, Монтегю, Бишомпов и Диспенсеров); в-третьих, новую должность, укрепляющую его положение в Северной Англии. Вывод, как говорится, напрашивается.

Конечно, Ричард мог претендовать на большее. Однако оскорбленным почувствовал себя не он, а Джордж. Под влиянием обиды герцог Кларенс «вспомнил», что имеет право не только на земли Уорвика, но и на корону Англии. Во время короткой реставрации Ланкастеров Парламент постановил, что Джордж должен унаследовать трон, если сын Генриха VI принц Эдуард умрет бездетным. При поддержке брата покойного Уорвика (архиепископа Йоркского), приверженцев Ланкастеров и короля Франции Джордж попытался поднять восстание. В мае 1473 г. в Эссексе высадился отряд под предводительством одного из самых верных сторонников свергнутой династии — графа Оксфорда. В восточных графствах началась настоящая паника. Джон Пастон писал, что «весь Норфолк вооружался и спешно укреплял дома». Однако на этот раз реальных причин для беспокойства не было. Граф Оксфорд не получил поддержки и буквально через несколько дней отплыл обратно во Францию. Герцог Кларенс заявил, что не имеет к происходящему никакого отношения. Корабли Оксфорда продолжали фланировать вдоль побережья, но непосредственное вторжение было отложено.

В этой кризисной ситуации Ричард вновь оправдал доверие короля. Ему удалось сделать союзником Йорков одного из самых

влиятельных магнатов Севера — Генри Перси, графа Нортумберленда. К этому времени конфликт между Невилями и Перси длился уже не одно десятилетие и был одним из главных дестабилизирующих факторов в жизни северных графств. Как наследник Уорвика Ричард должен был отстаивать интересы Невилей, как королевский чиновник он был принужден пожертвовать клановыми пристрастиями для наведения порядка. В начале 1473 г. между герцогом Глостером и графом Нортумберлендом было заключено соглашение о разграничении полномочий. Генри Перси признавал Ричарда «своим добрым и благосклонным лордом», а тот, в свою очередь, обещал не покушаться на феодальные права графов Нортумберленда.

Тем временем тяжба за наследство Уорвика продолжалась. В начале 1473 г. Ричард попросил короля позволить графине Уорвик выйти из церковного убежища, чтобы жить на Севере с младшей дочерью и зятем. В мае король дал свое согласие; в июне графиня наконец смогла покинуть монастырь в Болье и переселиться во владения Ричарда. По словам Джона Пастона, Эдуард IV был настолько зол на герцога Кларенса, что собирался возвратить графине Уорвик все ее владения. Графиня, в свою очередь, якобы планировала подарить их Ричарду Глостеру.

Джордж не смог смириться с происходящим. Он не раз публично грозил «разделаться» с младшим братом и в итоге не нашел ничего лучшего, как вновь вмешаться в противостояние Йорков и Ланкастеров. В начале сентября 1473 г. герцог Кларенс начал спешно собирать своих людей. Эдуард IV вынужден был в который раз решать проблему неугомонного среднего брата. 10 сентября герцог Глостер получил приказ собрать ополчение Йоркшира и вести солдат на юг для соединения с королевской армией. Мы вряд ли ошибемся, если предположим, что Ричард выполнил этот приказ с чувством глубокого удовлетворения.

Сторонники Ланкастеров тоже не бездействовали. 30 сентября граф Оксфорд вновь высадился на территории Франции. На этот раз его выбор пал на Корнуолл. Однако результат оказался еще

хуже, чем в мае. Не получив никакой поддержки, граф Оксфорд вынужден был сдаться в обмен на сохранение жизни. Отряды Кларенса так и не начали военные действия, поэтому ему вновь удалось получить прощение брата.

И все же вопрос о разделе земель Уорвика следовало урегулировать раз и навсегда. Финальная точка в «братском» споре была поставлена в мае 1474 г. Парламент провозгласил графиню Уорвик неправоспособной и передал ее имущество дочерям. Раздел земель между Изабеллой и Анной был отдан на усмотрение короля. В феврале 1475 г. решение Эдуарда IV было утверждено Парламентским актом. В итоге владения Ричарда несколько округлились — в дополнение к имеющимся землям он получил Бернард Касл и несколько маноров на границе с Уэльсом. Также было оговорено право герцога Глостера пожизненно пользоваться землями своей супруги даже в том случае, если их союз будет признан недействительным.

Вышеупомянутая оговорка подводит нас к очередным загадкам, связанным с браком Ричарда и Анны. Прежде всего, до настоящего времени не установлено, когда именно герцог Глостер и леди Невиль стали мужем и женой. Разрыв между крайними датами составляет целых два года. Можно с уверенностью утверждать, что свадьба состоялась не ранее апреля 1472-го (в этот период документы говорят об Анне Невиль как о незамужней) и не позднее мая 1474 г. (к этому времени относится первое упоминание об Анне как о герцогине Глостер).

Вторая загадка связана с разрешением на брак. Как большинство аристократов того времени, Ричард и Анна были дальними родственниками. Теоретически католическая церковь запрещала союз между кровными родственниками и свойственниками до седьмого колена. На практике этот запрет действовал лишь в отношении родства первой — третьей степени. Люди незнатные обходили его, так как попросту не вели родословных; знатные получали специальное разрешение из папской канцелярии. Наличие такой бумаги было необходимой формальностью, без ко-

торой брак считался недействительным. Вопрос о том, было ли у Ричарда Глостера соответствующее разрешение, до сих пор остается предметом жарких дискуссий. При этом мнение историков полностью зависит от их отношения к Ричарду III.

Вкратце история такова. В XIX столетии несколько исследователей пытались найти указанный документ в довольно беспорядочно организованных архивах Ватикана. Поскольку их поиски не увенчались успехом, было решено, что разрешения никогда не существовало. Во второй половине XX в. разрешение все-таки отыскали. Пергамент, датированный 22 апреля 1472 г., дозволял Ричарду и Анне, связанным родством третьей и четвертой степени, стать мужем и женой. Точно такое же разрешение в свое время получили брат Ричарда — Джордж Кларенс — и сестра Анны — Изабелла Невиль. Именно это обстоятельство делало бумагу от 22 апреля 1472 г. недействительной. После брака Кларенса и Изабеллы Невиль Ричард и Анна стали родственниками в первой и второй степени (т.е. сводными братом и сестрой, а также зятем и невесткой). Кроме того, Ричард был дальним родственником первого мужа Анны — принца Эдуарда Ланкастера.

С точки зрения современного человека, устрашающее нагромождение генеалогических связей, требующее обязательной легализации со стороны римского папы, выглядит как ночной кошмар. Для аристократа XV в. это были вполне привычные, рядовые затруднения, преодолеваемые при помощи банальных взяток.

Итак, на данный момент историки разделились на два лагеря. Противники Ричарда III настаивают, что разрешение на брак супругов, состоящих в первой, второй, в третьей и трижды в четвертой степени родства вряд ли могло быть получено. Именно поэтому Ричард якобы решил не рисковать и жил во грехе, под постоянной угрозой расторжения брака. Если отринуть эмоциональные аргументы, позиция тюдорианцев выглядит крайне уязвимой. Известно, что папская канцелярия не отличалась чрезмерной щепетильностью и дозволяла даже кровосмесительные

браки. Достаточно привести всего один пример. В конце XV в. папа Александр VI разрешил королю Неаполя Фердинанду I жениться на его родной тетке Хуане Арагонской, хотя Библия прямо запрещает такой союз.

Сторонники Ричарда III полагают, что полное разрешение на брак было получено после Парламентской сессии 1475 г. Напомним, что по результатам этой сессии Ричард сохранял пожизненное право на земли Анны Невиль даже в случае аннулирования их брака. Вероятно, в 1475-м второе разрешение еще не было дано, и Ричард опасался, что ответ может быть отрицательным. Однако после 1475 г. вопрос о законности женитьбы Ричарда Глостера нигде не поднимался. Если бы Ричард и Анна не сумели обеспечить себя всеми необходимыми бумагами, их вечный оппонент герцог Кларенс мог использовать это обстоятельство для пересмотра дела. Молчание Джорджа в данном случае говорит красноречивее любых слов.

Итак, Ричард и Анна обвенчались не позднее 1474 г. Супруги были знакомы с детства, оба были молоды, привлекательны, богаты. Словом, их брак представлялся практически идеальным во всех отношениях, за исключением одного. Анна Невиль была красива, но здорова ли — это другой вопрос. В данном случае речь идет о самом важном для средневековой женщины качестве — способности к деторождению. По материнской линии Анна унаследовала не самую лучшую кровь. Напомним, что ее мать оказалась единственной наследницей громадных имений Бишомпов и Диспенсеров. То есть, если называть вещи своими именами, старшая линия этих родов вымирала. Сама Анна Бишомп смогла родить только двух девочек, что было почти равнозначно бездетности. Более того, сохранившиеся документы позволяют предположить, что мать Анны пережила раннюю менопаузу. В 1464 г. Уорвик составил завещание, разделявшее земли между его дочерьми. В тот момент его жене было 38 лет, но Создатель Королей уже перестал надеяться на появление других наследников.

Впрочем, такие опасения вряд ли беспокоили молодых супругов. Ричард и Анна жили в Йоркшире в его любимом замке Мидлхэм. Как минимум раз в год герцог Глостер приезжал в Лондон, чтобы присутствовать на сессии Парламента, Анна часто его сопровождала. Пытаясь описать отношения Ричарда и Анны, мы в который раз сталкиваемся с почти полным отсутствием информации. Брак герцога и герцогини Глостер слыл счастливым, и, вынося такой вердикт, современники должны основываться на чем-то большем, чем дошедшие до нас фрагментарные свидетельства. Вероятно, Ричард и Анна производили впечатление гармоничной пары. Известно, что в годы супружества у герцога Глостера не было ни признанной любовницы, ни незаконнорожденных детей. Это не означает, что Ричард был безусловно верен своей жене, но мораль XV в. этого и не требовала. Мимолетные увлечения были делом настолько обычным, что Ричард Глостер прослыл бы монахом, если бы ни разу даже не взглянул ни на кого, кроме законной половины.

Мы также можем с уверенностью утверждать, что Ричард и Анна были страстными любовниками вплоть до последней болезни леди Глостер. В начале 1485 г. Кройлендский хронист сообщает как нечто сенсационное, что по настоянию врачей (у Анны был туберкулез) Ричард перестал делить ложе со своей супругой. Отсюда логически вытекает, что до этого момента пара постоянно поддерживала сексуальные отношения. Современному человеку это может показаться несколько диким, но сексуальный контакт между мужем и женой в аристократических семьях или в королевских домах был делом почти публичным. Супруги никогда не спали в одной постели, по обычаю, они имели не только отдельные спальни, но и отдельные апартаменты. Любопытно, что возможность напрямую пройти из одной спальни в другую, как правило, не предусматривалась. Иными словами, для того чтобы «разделить ложе» с женой, герцог Глостер должен был выйти из своих покоев и проследовать в комнаты жены.

Необходимо подчеркнуть, что в данном случае Кройлендский хронист является почти безупречным свидетелем. В 1483 и 1484 гг. Ричард и Анна провели рождественские праздники в Вестминстерском дворце. Там же находился и автор хроники. Таким образом, он своими глазами мог наблюдать за передвижениями короля. Т.к. хронист не написал ничего об отношениях в монаршей семье в 1483 и 1484 гг., очевидно, что Ричард не делал ничего необычного. То, что он постоянно посещал спальню жены, было в порядке вещей, а вот когда регулярные визиты прекратились, это заметили все.

Между 1474 и 1476 гг. у Ричарда и Анны появился долгожданный сын, которого в честь венценосного дяди назвали Эдуардом. Как обычно, мы не можем назвать точную дату. По свидетельству кормившегося милостями Невилей антиквара Джона Росса, в 1483 г. Эдуарду исполнилось семь лет, следовательно, он родился в 1476-м. Ту же дату называет и хронист из Тьюксбери. В то же время, по свидетельству Полидора Вергилия, в 1483 г. Эдуарду было не семь, а девять лет, т.е. он должен был появиться на свет в 1474-м. Косвенным доказательством того, что Эдуард родился не ранее 1475 г., является то, что учетные книги замка Мидлхэма не упоминают о каких бы то ни было празднествах в 1473—1474 гг., за исключением церковных. Также следует учитывать, что первое упоминание об Эдуарде в книге молитв относится к 10 апреля 1477 г.

Нет никаких свидетельств существования других детей герцога и герцогини Глостер. По всей видимости, Эдуард был их единственным ребенком, что делало его жизнь вдвойне драгоценной. Напомним, что в первые несколько лет роль отца в воспитании фактически сводилась к нулю. Ричард мог навещать сына в детской, мог распорядиться принести ребенка в свои покои, но эти визиты продолжались очень недолго.

Вне всякого сомнения, львиную долю внимания Ричарда Глостера отнимали попытки нормализовать ситуацию в северных графствах. До его назначения большинство жителей Йоркшира,

Нортумберленда, Камберленда и Уэстморленда поддерживало Ланкастеров. Молодой герцог прилагал все силы, чтобы сделать Север лояльным по отношению к новой династии. Даже историки, враждебно настроенные по отношению к Ричарду III, не могут отрицать, что он блестяще справился с этой задачей.

Прежде всего, Ричард попытался примирить сторонников Йорков и Ланкастеров. Хозяйственные документы Мидлхэма показывают, что дворяне, сражавшиеся друг с другом при Тьюксбери, были вынуждены прекратить конфликты, чтобы не лишиться благосклонности герцога Глостера.

Пожалуй, главной причиной популярности Ричарда Глостера была редкая для XV столетия беспристрастность. В качестве наиболее показательного примера можно привести следующий случай. В октябре 1472 г. мелкопоместный дворянин Томас Фарнел в сопровождении двух взрослых сыновей и целой ватаги вооруженных слуг напал на своего давнего врага — Ричарда Вильямсона. Силы оказались более чем неравными — Вильямсон был буквально изрублен. В тот же день Фарнелы написали льстивое письмо Ричарду Глостеру с просьбой включить их в свиту герцога. Их желание было удовлетворено еще до того, как Ричард узнал о богатом событиями прошлом новых соратников. Если бы на месте Ричарда был другой магнат, Фарнелы почти наверняка избежали бы наказания. По неписаному закону того времени господин был обязан защищать своих людей; правы они или виноваты, не имело решительно никакого значения. Герцог Глостер поступил иначе — получив известие о «насилии, предательстве и убийстве», он повелел своим слугам схватить Фарнелов и препроводить их в тюрьму Йорка, «где они должны были оставаться до тех пор, пока не предстанут перед законным судом».

Стоит отметить, что Ричард оставался «справедливым лордом» на протяжении всей жизни. В 1480-м он вмешался в земельный конфликт между своим свитским Робертом Клекстоном и простым землепашцем Джоном Рендсоном. По сравнению с человеком самого герцога Глостера Рендсон казался абсолютным

ничтожеством. Вероятно, поэтому Клекстон попросту занял спорный участок и пригрозил, что если Рендсон осмелится там появиться, это будет стоить ему здоровья. Вероятно, Джон Рендсон был не робкого десятка, во всяком случае, он рискнул пожаловаться герцогу Глостеру. Ричард мог проигнорировать письмо простого крестьянина, мог приказать ему замолчать. И то и другое было бы вполне естественно. Вместо этого герцог Глостер написал своему свитскому Роберту Клекстону и приказал тому прекратить тиранить оппонента. К несчастью для себя, Клекстон проигнорировал послание патрона. В результате Ричард «пришел в великий гнев» и повелел «немедленно освободить… участок, так как в этом деле он полностью поддерживает законные права… Джона Рендсона». Клекстону пришлось подчиниться.

Молодой герцог Глостер прилагал немало усилий, чтобы укрепить королевскую власть на Севере. Напомним, что первым его успехом стал компромисс с Генри Перси, графом Нортумберлендом. Однако соглашение с Перси не могло служить основой для дальнейшей деятельности. Цель Ричарда состояла не в том, чтобы сохранять права владетельных аристократов. Как только исчезла угроза восстания приверженцев Ланкастеров, герцог Глостер начал действовать более твердо, и это не могло не создать ему врагов.

Первым ростком такого рода конфликтов стало столкновение Ричарда с кланом Стенли. К 1473 г. одной из наиболее сложных земельных тяжб на Севере было тянувшееся уже много лет разбирательство между Стенли и Харрингтонами. Противостояние было настолько острым, что временами перерастало в вооруженные столкновения.

Еще раз подчеркнем — для политической системы XV в. степень правоты сторон не имела ни малейшего значения. Стенли были, что называется, политическими тяжеловесами, зато Харрингтоны сражались при Барнете и Тьюксбери на стороне Эдуарда IV. Таким образом, король не мог обидеть ни тех, ни других. На долю Ричарда выпала нелегкая задача как-то разрешить эту ситуацию. Принятое им решение было единственно

возможным — спорные земли поделили между враждующими сторонами. Условия этого мирного соглашения соблюдались до 1485 г., но Стенли восприняли компромисс как унижение и посягательство на свой авторитет.

Итак, к 1475 г. Ричарду удалось добиться значительных успехов. Во многом благодаря его стараниям серьезные земельные конфликты на Севере были если не разрешены, то приостановлены. Герцога Глостера безоговорочно признали наследником прав и полномочий Уорвика. Он стал самым влиятельным магнатом Севера и в то же время не утратил королевской благосклонности. Эдуард IV еще раз подтвердил этот факт новым назначением — в феврале 1475 г. Ричард получил должность шерифа Камберленда.

Глава 8
ВТОРОЙ ПОСЛЕ КОРОЛЯ (1475–1483)

В начале 1475 г. Ричард Глостер получил по-настоящему приятные известия — Эдуард IV принял решение начать войну с «извечными противниками и врагами английского королевства» — французами. Как брат короля Ричард мог рассчитывать на часть награбленных ценностей и несколько имений «по ту сторону Ла-Манша»; ему также представилась возможность отомстить французскому королю за поддержку дома Ланкастеров.

Мотивы Эдуарда IV были несколько иными. К 1475 г. он начал страдать от любимой «болезни» английских королей — хронической нехватки денег. Законы Англии не предусматривали прямого налогообложения, и поступавших в казну средств катастрофически не хватало. Желание пополнить бюджет за счет французов было тем более естественным, что Йорки пришли к власти именно как критики профранцузской внешней политики Ланкастеров. Наконец, ничто так не укрепляет положение правителя, как «маленькая победоносная война».

Действительно, весть о том, что молодой король собирается продолжить славное дело Эдуарда III и Генриха V, вызвала всеобщий энтузиазм. Парламент охотно поддержал введение экстренного налога; англичане также безропотно согласились на выплату новых беневоленций («добровольных» пожертвований в пользу короля). Аристократия проявила немеьший пыл — герцоги и графы наперебой подписывали контракты о наборе войск. В частности, Ричард Глостер должен был привести 120 рыцарей и 1000 лучников.

Разумеется, была предпринята и соответствующая дипломатическая подготовка. Эдуард IV заключил мир с Шотландией и Ганзейской лигой, заручился поддержкой герцога Бретани и обновил союз с Кастилией. Разумеется, главным союзником Англии в предстоящей войне должен был стать герцог Бургундии Карл Смелый, который обещал принять самое активное участие в военных действиях.

Непосредственно сбор войск был начат весной 1475 г. Под знамена герцога Глостера люди стекались очень охотно. Солдаты были уверены, что под командованием молодого, но уже прославленного полководца им удастся недурно обогатиться, поэтому не требовали слишком высокой платы. В итоге Ричард смог перевыполнить свои обещания и привести на место сбора в Кентербери на 300 человек больше, чем оговаривалось в контракте. Эдуард IV был настолько доволен младшим братом, что подарил ему замок Скиптон.

Король Эдуард предпочитал все делать красиво. Перед началом военных действий он отправил к Людовику XI герольда с письменным вызовом. Эдуард IV требовал вернуть ему французское королевство, «которое принадлежит ему по праву, дабы он мог восстановить справедливость, возродить старые вольности для церкви, знати и народа, избавив их от великих тягот... на которые всех обрек французский король».

В начале июня английская армия, насчитывавшая более полутора тысяч воинов в доспехах и около 11 000 лучников, начала

переправляться в Кале. Этих сил было недостаточно для самостоятельной военной кампании, но герцог Бургундии обещал предоставить примерно такое же количество солдат. Объединение войск англичан и бургундцев давало надежду на победу. Ричард прибыл в Кале почти через месяц после начала высадки — 4 июля. На одном корабле с ним приплыл герцог Кларенс.

Англичане не спешили начинать военные действия. На первых порах происходящее больше напоминало увеселительную прогулку. 6 июля к Ричарду и Джорджу приехала их горячо любимая сестра Маргарита. Герцогиня бургундская привезла роскошные подарки. Вскоре семья отправилась в резиденцию Маргариты Сент-Омер, где все задержались на несколько дней. Ричард наслаждался роскошными пирами, псовой и соколиной охотой, и, разумеется, обществом сестры.

Пожалуй, главной причиной неспешности британцев было нежелание вступать в сражение до подхода войск герцога Бургундского. Предполагалось, что к моменту прибытия Йорков Карл Смелый будет ожидать их, что называется, во всеоружии. Однако, когда 14 июля Карл прибыл в Кале, оказалось, что с ним только небольшой экскорт. Эдуард IV был крайне разочарован.

Дело в том, что в 1474 г. Карл Смелый попытался присоединить к своим владениям Кёльн и другие прирейнские города. Камнем преткновения на его пути оказался городок Нейс. Взять Нейс никак не удавалось, а обойти его Карлу не позволяла гордость. К концу мая 1475 г. на выручку горожанам подошли силы императора Фридриха III, и герцог Бургундии был вынужден заключить перемирие. В результате Карл Смелый потерял более 4000 человек, его армия была измотана болезнями и в значительной степени утратила боеспособность. Вести разрозненные и истощенные отряды на соединение с английскими войсками не имело смысла. Сообщить Эдуарду IV о масштабах катастрофы герцог Бургундии не решился. Он рассыпался в похвалах английской армии и заверил, что его воины вскоре закончат грабить Лотарингию и придут на помощь англичанам. Ну а пока

британский монарх может попытаться своими силами захватить Нормандию и Шампань.

Эдуард IV ответил, что предпочитает дождаться военной помощи бургундцев. В конце июля Карл Смелый вернулся в Сент-Омер. Вместе с ним поехал молодой герцог Глостер. Ричард должен был проконтролировать сбор бургундских отрядов. Заодно ему представилась возможность провести еще несколько недель в обществе сестры.

Пока Ричард пытался заставить Карла Смелого поторопиться, английская армия продвигалась вглубь Франции. Ближайшей целью Эдуарда IV был Сент-Квентин. Коннетабль Франции Сент-Поль обещал сдать этот городок англичанам. Однако 11 августа Сент-Квентин встретил англичан пушечными залпами. В тот же день стало известно, что Людовик XI идет навстречу британцам во главе большой армии.

В этой войне Карл Смелый не оправдал свое прозвище. Несмотря на все усилия, Ричард Глостер так и не смог уговорить правителя Бургундии ускорить сбор войск. В середине августа Карл приехал в лагерь англичан под Сент-Катеном, но это был скорее визит вежливости — солдат с герцогом по-прежнему не было. Ричард вернулся вместе с ним в самом скверном расположении духа. Если верить Филиппу де Коммину, англичане уже сомневались в том, что Карл способен собрать сколько-нибудь внушительные силы.

Тем временем армия Людовика XI начала разорять окрестности Сент-Катена. Погода испортилась, военный сезон почти миновал, и перед английским войском открывалась мрачная перспектива зимовки во враждебной стране. В довершение неприятностей у Эдуарда IV почти закончились деньги. Неудивительно, что английский король начал искать возможность закончить эту авантюру. В присутствии пленников, которых англичане возвращали французскому монарху, Эдуард IV заговорил о своем желании заключить перемирие.

Людовик XI имел все основания возносить благодарственные молитвы. Судьба дала ему прекрасный шанс избежать полномасштабных военных действий, и к тому же поссорить бывших союзников. Через своего герольда Людовик заверил англичан, что готов к переговорам.

14 августа Эдуард IV собрал большой военный совет, на котором присутствовали все военачальники и приближенные короля. Большинство высказалось за перемирие. Единственным, кто выступил решительно против прекращения войны, оказался младший брат короля. Ричард Глостер заявил, что в сложившейся ситуации отказ от военных действий не только поставит англичан в глупое положение, но и напрямую нарушит их обязательства по отношению к герцогу Бургундскому. Ричард не предлагал завоевать Францию, а всего лишь напомнил присутствовавшим, с каким пафосом готовилась эта война. После громких заявлений, красноречивых вызовов, наконец, после вотированного Парламентом экстренного налога покинуть Францию даже не обнажив мечей — недостойно рыцарской чести. Ричард настаивал не на войне, а на одном-единственном сражении, победив в котором можно было с чистой совестью заключить мирный договор. Это было благородно, но непрактично. Король присоединился к мнению большинства.

15 августа послы обеих сторон встретились в деревне недалеко от Амьена. Людовик XI согласился на единовременную контрибуцию в 72 000 золотых крон и ежегодную выплату в 50 000. Девятилетнее перемирие закреплялось династическим браком — старшая дочь Эдуарда IV Елизавета должна была выйти замуж за сына Людовика XI. Английский король также потребовал, чтобы в соглашение был включен его союзник герцог Бургундии.

Реакция Карла Смелого была очень бурной. По свидетельству очевидцев, герцог пришел в страшную ярость —«топал ногами и клялся святым Георгием... обзывал короля Английского кривобоким», бастардом, «и вообще вылил на него все ругательства, какие только существуют на свете». Выпустив первый пар, Карл

немедленно отправился к Эдуарду IV, чтобы лично высказать свое недовольство. Разумеется, в присутствии монарха и английских аристократов герцог был более сдержан. Он уже не бранился, а стыдил. Филипп де Коммин сообщает: Карл Смелый напомнил Эдуарду «о многих прекрасных подвигах английских королей, совершенных во Франции, и о великих тяготах, которые те с честью несли, и всячески хулил это перемирие... и заявил, что не согласится на перемирие с нашим (французским) королем до тех пор, пока не пройдет трех месяцев после возвращения короля английского домой, — дабы англичане поняли, что он вовсе не нуждался в их появлении».

Эдуард IV был крайне раздосадован. Ричард тоже выразил недовольство... но не речами Карла Смелого, а действиями британского монарха. Младший брат короля открыто заявил, что полностью согласен со словами герцога Бургундии. По его мнению, англичане не должны были заключать мир без бургундцев, следовательно, отказавшись от перемирия, Карл Смелый поступил как должно.

Неодобрение Ричарда никак не повлияло на решение Эдуарда IV. 29 августа 1475 г. он встретился с Людовиком XI в Пикиньи и подписал мирный договор. Необходимо подчеркнуть, что герцога Глостера не было в свите короля. Ричард до конца остался верен своим взглядам и не пожелал участвовать в заключении «позорного» мира. Этот демонстративный отказ вовсе не означал, что между братьями «пробежала черная кошка». Буквально в тот же день Эдуард IV пожаловал Ричарду новые земли. Возможно, король не сердился потому, что Ричард высказал свое несогласие открыто. Младшего брата можно было обвинить в чрезмерной горячности и воинственности, но его верность Эдуарду не вызывала сомнений.

Французский король весьма дорожил только что заключенным миром и всячески стремился произвести на англичан благоприятное впечатление. Многие вельможи получили от него роскошные подарки. В частности, герцог Гастингс обогатился

на 2000 золотых. В отличие от других, Ричард Глостер не был замечен в получении того, что Филипп де Коммин едко именовал «пенсией». Герцог присутствовал на пиру в Амьене, он также согласился принять в дар серебряную посуду и несколько лошадей. Такие подарки были обычными в рыцарской среде, ни к чему не обязывали и ничем не унижали достоинства того, кому они предназначались.

Тем не менее переломить недоброжелательное отношение Ричарда Людовик XI не смог. С этого времени при французском дворе герцога Глостера стали считать опасным человеком и врагом Франции. Сам герцог также был не в восторге от пребывания на чужбине. Он одним из первых переправился в Англию и уже в начале сентября отбыл в свои северные имения.

Любопытно, что категоричная позиция Ричарда Глостера ничуть не уменьшила его популярности. Заключенный Эдуардом IV мир был приятен далеко не всем. Английская армия покинула Францию без потерь, но и без славы. Король и его приближенные действительно разбогатели, но солдаты вернулись домой ни с чем. Некоторые воины решили наверстать упущенное и занялись грабежами. Для усмирения недовольных Эдуарду IV пришлось проехать страну из конца в конец и отдать приказ безжалостно вешать всех, кто был замешан в мародерстве.

Итак, англичане были не в восторге от результатов французской кампании. И все же Эдуард IV остался в выигрыше. По мирному договору в Пикиньи он получил солидную единовременную выплату и устойчивый, независимый от Парламента источник доходов.

В том же 1475 г. Эдуард IV совершил еще одну выгодную сделку. Он продал свою пленницу Маргариту Анжуйскую французскому королю за 50 000 золотых. Современному человеку это может показаться не вполне этичным, но для XV столетия продажа и даже перепродажа пленников было вполне обычным делом. Маргарита возвратилась на родину. Вплоть до смерти в 1482 г. она жила в одном из имений своего отца на пенсию, на-

значенную ей королем Франции. Впрочем, Людовик XI не остался внакладе. В обмен на свободу Маргарита передала ему все свои наследственные права и все ценности, которыми владела.

В результате к концу 1475 г. Эдуард IV полностью избавился от финансовых проблем. Теперь король мог позволить себе «пошиковать». Он, не торгуясь, покупал дорогие ткани и роскошные украшения, пиры и празднества следовали одно за другим. Настало время задуматься об улучшении имиджа династии Йорков.

Первым шагом на этом пути стало торжественное перезахоронение останков отца и брата короля, убитых в сражении при Уэйкфилде в конце 1460 г. Напомним, что сторонники Ланкастеров прибили головы Ричарда Йорка и герцога Ретленда к воротам Йорка. Как только Эдуард вновь занял город, он, конечно же, приказал снять головы своих родственников и захоронить там же, где уже были погребены их тела — в монастыре Святого Иоанна Евангелиста близ замка Понтефракт.

В 1476-м король решил перевезти останки Ричарда Йорка и герцога Ретленда в родовое гнездо Йорков — замок Фотерингей. Еще раз подчеркнем, этот жест был не только проявлением родственной любви, но и продуманной политической акцией. На церемонию были приглашены все британские аристократы, многочисленные представители духовенства, а также послы Франции, Священной Римской империи и Португалии.

Одну из главных ролей в этом благочестивом спектакле играл Ричард Глостер. В середине июля 1476 г. Ричард приехал в Понтефракт, чтобы заняться приготовлениями к церемонии. 21 июля останки Ричарда Йорка и герцога Ретленда были эксгумированы. По приказу Ричарда гробы поместили в крытые катафалки, задрапированные черным бархатом. Их везли вороные лошади в черной сбруе и спускающихся до земли траурных попонах. По обычаю того времени на гроб герцога Йорка положили восковую фигуру, которой скульпторы попытались придать максимальное сходство с покойным. Дабы подчеркнуть, что Ричард Йорк имел законное право на трон, его изображение было облачено в темно-

голубую траурную мантию с королевским гербом; ангел держал над его головой королевскую корону.

Печальное шествие двигалось нарочито медленно под пение молитв. За похоронными дрогами тянулась бесконечная вереница скорбящих, с ног до головы закутанных в длиннополые черные одеяния. Первым был Ричард Глостер, за ним следовали граф Нортумберленд, лорд Стенли и другие пэры. Позади ехали несколько десятков герольдов, епископов и аббатов. Замыкали процессию 400 бедняков с горящими факелами в руках.

В каждой встречавшейся на пути церкви служили заупокойные мессы и раздавали милостыню. При въезде в каждый город похоронную процессию встречали мэр, олдермены, представители цехов, гильдий и, разумеется, священники. Останки отца и брата короля помещали в кафедральный собор. Горожане выделяли 60 человек, которые должны были молиться всю ночь. Так было в Донкастере, Блафе, Таксфорде, Ньюарке, Грантеме и Стемфорде.

Траурный поезд прибыл в Фотерингей 29 июля между двумя и тремя часами пополудни. У церкви его встретили король Эдуард, герцог Кларенс, все высшее духовенство Англии и множество дворян. Процессия приостановилась, Эдуард IV вышел вперед, почтительно поцеловал изображение своего отца и прочел несколько молитв. На следующий день была отслужена еще одна заупокойная месса и роздана милостыня.

Любопытно, что похороны Ричарда Йорка включали в себя не только традиционные религиозные обряды, но и вполне светскую, несколько шокирующую с точки зрения современного человека часть, которая должна была подчеркнуть рыцарские доблести покойного герцога. 30 июля лорд Феррерс въехал в церковь на боевом коне, покрытом траурной попоной с королевским гербом, и возложил к гробу герцога Йорка его меч, щит, шлем и гербовую накидку.

Затем состоялась церемония прощания. Король, королева и их дочери преклонили колена перед останками родственников.

За ними последовали герцоги Глостер и Кларенс, послы Франции, Португалии и Священной Римской империи, пэры королевства. После этого гробы были опущены в могилы.

Все завершилось пиршеством, роскошным даже по меркам XV века. Один из гостей утверждал, что лично насчитал более полутора тысяч приглашенных. Подсчеты историков дали еще более впечатляющий результат — гостей было не полторы, а две тысячи. Общество разместилось в специально возведенных полотняных шатрах. Происходящее напоминало тщательно организованное действо — несмотря на громадное число приглашенных, не возникло даже подобия давки, слуги двигались в идеальном порядке, музыканты не сбивались с такта, а яства поражали изысканностью. Впрочем, даже простое количество съеденного впечатляет — было уничтожено 49 быков, 19 телят, 210 овец, 200 свиней, не говоря уже о птице и рыбе. Около 5000 бедняков собрались в надежде на милостыню, и каждый действительно получил пенни.

Торжественная, в высшей степени роскошная церемония перезахоронения останков отца и брата короля произвела громадное впечатление на современников. Воздав королевские почести своему отцу, Эдуард IV символически подтвердил законность прав Йорков. Присутствие в церкви Фотерингей иностранных послов свидетельствовало о том, что самые сильные государства того времени приняли точку зрения английского монарха и признали легитимность царствующей династии.

В середине 70-х гг. XV в. будущее Йорков действительно казалось безоблачным. Король заставил Францию выплачивать ему солидную контрибуцию; он пользовался поддержкой огромного большинства дворян; жена подарила Эдуарду двух здоровых сыновей; наконец, что тоже немаловажно, он мог безоговорочно положиться на своего младшего брата. Зато лояльность Джорджа Кларенса вызывала серьезные сомнения.

Среди многочисленных обвинений, предъявленных Ричарду III в эпоху Тюдоров, важное место занимала его предполагае-

мая вина в казни герцога Кларенса. Наиболее четко этот «пункт» был сформулирован в «Истории Ричарда III» Томаса Мора. Автор «Утопии» писал, что «без его (Ричарда) тайного содействия не приключилась бы и смерть его брата Кларенса... еще при жизни короля Эдуарда он замыслил, что сам будет королем в том случае, если королю, его брату... случится умереть, оставив детей малолетними... Оттого-то... и был он рад смерти своего брата, герцога Кларенса, чья жизнь неизбежно должна была помешать его намерениям в обоих случаях: сохранил бы герцог Кларенс верность своему племяннику, юному королю, или попытался бы сам стать государем». Некоторые исследователи до сих пор воспроизводят эту точку зрения, поэтому стоит разобраться в истории смерти герцога Кларенса более подробно.

В конце декабря 1476 г. Джордж Кларенс остался вдовцом. В октябре супруга подарила герцогу сына, но так и не смогла оправиться после родов. Мальчик скончался 1 января 1477 г. Обе смерти имели естественную причину — в XV в. от родов и послеродовых осложнений умирало почти 50 % женщин; примерно половина младенцев не доживала до двухлетнего возраста.

Герцог Кларенс казался безутешным, однако всего через неделю его чувства решительно переменились. 5 января 1477 г. правитель Бургундии Карл Смелый был убит в сражении. Его единственной наследницей оказалась дочь от первого брака — принцесса Мария. За руку девушки немедленно началось соперничество, и первым, кто успел сделать ей предложение, оказался только что овдовевший Джордж.

Нельзя сказать, что у герцога Кларенса вовсе не было шансов. Его притязания горячо поддержала мачеха Марии — сестра Джорджа, Ричарда и Эдуарда Маргарита Йорк. К сожалению, этой протекции оказалось недостаточно. Брак с Джорджем Кларенсом мог бы стать желанным союзом, если бы вместе с ним Мария Бургундская получила дипломатическую и военную поддержку английского короля. Однако у Эдуарда IV были совершенно другие планы. Он категорически не желал лишиться ежегодной

контрибуции в 50 000 золотых, которую Франция выплачивала ему после военной кампании 1475 г. Именно поэтому Эдуард IV решил не мешать Людовику XI завоевывать герцогство Бургундское. Таким образом, если бы Мария Бургундская прислушалась к советам своей мачехи, ей доставался только сам герцог Кларенс.

Между тем Джордж был далеко не лучшим кандидатом в мужья. Его красота и обаяние не могли перевесить гораздо более важных недостатков. Молодой герцогине Бургундии нужен был прежде всего сильный союзник, способный противостоять Людовику XI, а герцог Кларенс вряд ли мог «положить жизнь» в борьбе за интересы супруги. В Европе его знали как плохого полководца и нерасчётливого политика с весьма эластичными моральными принципами.

Взвесив все «за» и «против», Мария ответила отказом. Вероятно, Эдуард IV мыслил сходным образом. Еще до того, как письмо из Бургундии достигло английских берегов, король категорически запретил брату вступать в этот брак. По всей видимости, Джордж решил, что его отвергли лишь из-за козней старшего брата.

Оскорбленный герцог Кларенс разыграл целый спектакль. Появляясь при дворе, он демонстративно не притрагивался ни к еде, ни к напиткам. Джордж всеми силами демонстрировал, что опасается за свою жизнь. Герцог заявлял, что его поведение — вовсе не ребячество, он подозревает, что его жена и новорожденный сын были отравлены.

В конце концов братья бы помирились, но в дело вмешалась Елизавета Вудвиль. Напомним, что Эдуард IV устроил в высшей степени выгодные браки почти всем членам клана Вудвилей. В 1477 г. у королевы оставался последний холостой родственник — ее родной брат Энтони Риверс. Елизавета настояла, чтобы Эдуард IV написал Марии Бургундской и предложил ей выйти замуж за лорда Риверса. Монарх согласился, но скрепя сердце. Во всяком случае, военная помощь к Энтони Риверсу не прилагалась. Надежда на то, что Мария согласится стать женой худородного

выдвиженца, была более чем призрачной. Решительный, даже раздраженный отказ правительницы Бургундии никого не удивил, и все же эта история имела далеко идущие политические последствия. Герцог Кларенс не просто уверился в том, что король не дает ему выгодно жениться. Теперь было абсолютно ясно — Эдуард IV действует по наущению Вудвилей.

Реакция Джорджа, как обычно, была бурной и разрушительной. Герцог обвинил служанку королевы Елизаветы Энкеретту Твинихо в том, что та отравила его жену Изабеллу. Энкеретту схватили и переправили в замок Уорвик, где Кларенс мог полностью контролировать ход судебного процесса. После недолгого разбирательства Энкеретта и ее «сообщник» Джон Тарсби были признаны виновными и приговорены к смерти. Разумеется, затягивать исполнение судебного решения никто не стал — уже через три часа Энкеретта и Джон были повешены.

Действуя таким образом, герцог Кларенс посягнул на королевские прерогативы. Эдуард IV был взбешен, и ответные действия двора не заставили себя ждать. Чтобы поставить на место непокорного брата, король использовал стандартное для эпохи средство. Один из приближенных Кларенса — Томас Бардет — был обвинен в колдовстве. Он якобы пытался умертвить Эдуарда IV при помощи магических ритуалов. В то, что эти обвинения правдивы, современники не поверили. Тем не менее 19 мая судьи послушно вынесли обвинительный вердикт.

Предупреждение было достаточно красноречивым, но Джордж и не думал успокаиваться. Он приказал публично зачитать протест Бардета, и не где-нибудь, а на заседании Королевского совета. Но и это было еще не все. Кларенс начал собирать своих людей. Ему также удалось инспирировать восстания в Кембриджшире и Хантингтоншире. Кроме того, герцог Кларенс открыто заявил, что Эдуард IV приказал отравить его жену, да и сам герцог жив только благодаря постоянной бдительности. Наконец, Джордж начал активно распространять слухи, появившиеся еще в 1464 г. По его словам, Эдуард не имел никакого права на трон, так как

был незаконнорожденным; впрочем, королевские дети тоже, ведь брак монарха с Елизаветой Вудвиль заключался незаконно.

Повод расправиться с неуживчивым братом предоставил Людовик XI. В июле 1477 г. французский монарх поделился со своим английским коллегой ценнейшими разведданными. Шпионы при бургундском дворе донесли Людовику, что герцог Кларенс все еще не теряет надежды захватить английский трон. После женитьбы на Марии Бургундской он планировал использовать армию Карла Смелого для вторжения в Англию. Эдуард приказал Джорджу немедленно явиться в Вестминстер, где в присутствии лондонского мэра обвинил его в несоблюдении законов королевства. Герцог Кларенс был взят под стражу и отправлен в Тауэр. Необходимо подчеркнуть, что в этот момент Ричард находился в Йорке. Узнав о случившемся, герцог Глостер поспешил в столицу и некоторое время оставался там. В архивах Йорка сохранилось письмо к Ричарду, направленное в Лондон 21 октября.

К сожалению, история заключения Кларенса очень скудно документирована. Известно, что он содержался в Тауэре, вполне вероятно, к нему допускали ближайших родственников, но утверждать наверняка, что Джордж виделся с младшим братом, вряд ли возможно. Напомним, что после борьбы за наследство Уорвика отношения Ричарда и Джорджа были довольно напряженными.

Как бы то ни было, в конце октября герцог Глостер вернулся на Север. В следующий раз он приехал в Лондон на Рождество. Главной целью его визита были не столько хлопоты за брата, сколько участие в новой грандиозной придворной церемонии. На этот раз Эдуард IV решил пышно отпраздновать бракосочетание своего четырехлетнего сына Ричарда и пятилетней Анны Моубрей — наследницы графства Норфолк.

Разумеется, о настоящей свадьбе речь не шла — если намерения сторон менялись, такого рода брак было очень легко расторгнуть, так как он «не был осуществлен», т.е. супруги не вступили в интимные отношения. В сущности, то, что происходило в начале

января 1478 г., стоило бы назвать не свадьбой, а помолвкой. Тем не менее король решил обставить обряд как можно торжественней. Для церемонии был избран Вестминстер. Празднества начались 14 января 1478 г. с грандиозного банкета в честь невесты.

На следующей день девочку привели в капеллу святого Стефана, где разыгралось настоящее действо. Королевская семья сидела в нише, задрапированной золотой парчой. В дверях невесту встретил епископ Норвича. Но как только он взял Анну за руку, чтобы подвести к жениху, вперед выступил доктор богословия Кук. Он провозгласил, что «могущественный и благородный принц Ричард, герцог Йорк не может вступить в брак с присутствующей здесь высокородной принцессой, так как они находятся в запрещенной для брака степени родства». По этой причине он запрещает проводить бракосочетание до тех пор, пока не будет получено специальное разрешение от папы. В этот момент «на сцене» появился еще один «актер» — доктор Ганторп. Он продемонстрировал всем требуемое разрешение и заявил, что церемония может продолжаться. Затем епископ Норвич спросил, кто поведет принцессу Анну к алтарю. Король заявил, что это сделает он сам.

Впрочем, монарх не спешил привести свое намерение в исполнение. Сначала все прослушали праздничную мессу. Затем в капеллу внесли множество сосудов, наполненных золотыми и серебряными монетами. Герцог Глостер набирал полные пригоршни денег и кидал их в толпу придворных. Только после того как последние монеты были подобраны, началась церемония бракосочетания. По завершении обряда порядком намерзшихся гостей обнесли горячим вином со специями.

Покидали капеллу очень торжественно. Новобрачных вели за руки. Принимая во внимание их возраст, это было не просто данью обычаям. Скорее всего, дети очень устали. Правую руку Анны поддерживал Ричард Глостер, левую — герцог Бэкингем. Длинная вереница придворных прошествовала в королевские покои, где все сели за стол. Под пение менестрелей гостям подали множество

изысканных блюд, невесте прислуживали самые знатные дамы. Однако в целом пир прошел не безупречно. Избранный для этой цели зал Святого. Эдуарда оказался слишком тесным, и присутствовавший на церемонии хронист с сожалением констатировал — «народу было столько, что он мало что разглядел».

Через три дня Эдуард IV посвятил 24 юношей в рыцари Бани, а 22 января состоялся приуроченный к свадьбе королевского сына рыцарский турнир, в котором герцог Глостер не участвовал; более того, Ричарда даже не было среди гостей. Возможно, он и в самом деле не жаловал этот сорт развлечений. Но, скорее всего, причина была в другом.

16 января 1478 г. «дело» герцога Кларенса неожиданно сдвинулось с мертвой точки — Парламент предъявил ему обвинение в государственной измене. Наказание за такое преступление было одно — смертная казнь. Для Ричарда, как и для большинства аристократов, это должно было стать настоящим шоком. Король Эдуард в одно и то же время пышно справлял свадьбу сына и... организовал суд над собственным братом.

Пройдемся по датам еще раз. 14 января был дан пир в честь невесты королевского сына, 15-го состоялась свадьба, 16-го Джорджа Кларенса обвинили в измене, 18-го празднества продолжились посвящением в рыцари Бани, 22-го едва ли не все лорды королевства присутствовали на рыцарском турнире, а 7 февраля герцога Кларенса признали виновным в государственной измене.

С формальной точки зрения приговор был вполне справедливым. Джордж не в первый раз пытался организовать мятеж, он публично ставил под сомнение законность королевского брака, наконец, заявлял о своих правах на трон. Но Кларенс был родным братом короля, и это обстоятельство делало его казнь абсолютно немыслимой. В XV в. кровные узы считались священными. Родственники могли ссориться, враждовать, исступленно делить наследство, но братоубийство воспринималось почти как святотатство.

Все современники в один голос утверждали, что на процессе Джорджа Кларенса Эдуард IV оказался единственным обвинителем. Никто, кроме самого монарха, не рискнул выступить против особы королевской крови. Разумеется, герцог Кларенс был «вечной занозой»; всем было ясно, что он будет вновь и вновь досаждать старшему брату, и все же сурового приговора никто не ждал.

О причинах, побудивших короля принять это жестокое решение, историки спорят до сих пор. Чтобы понять, что же произошло на самом деле, следует ответить на вопрос, кому была выгодна смерть Джорджа Кларенса. Напомним, что в эпоху Тюдоров в гибели герцога Кларенса обвиняли Ричарда Глостера, якобы расчищавшего таким способом дорогу к трону. При ближайшем рассмотрении указанные обвинения кажутся откровенно смехотворными. До воцарения Тюдоров ни один текст даже не намекает на такую возможность. Общее мнение было прямо противоположным. Современники подчеркивали, что Ричард Глостер горячо возражал против казни Джорджа и горько оплакивал его кончину. В качестве наиболее яркого примера можно привести высказывание одного из наименее лояльных по отношению к Ричарду авторов — итальянца Доменико Манчини. Он писал: «Герцог Глостер был так удручен печальной вестью о своем брате, что не мог на этот раз искусно притворяться; а однажды подслушали, как он сказал, что настанет день, когда он отомстит за его смерть».

Итак, в царствования Эдуарда IV и Ричарда III виновниками казни Джорджа Кларенса считали не герцога Глостера, а совсем других лиц. Тот же Манчини прямо указывает на супругу короля Эдуарда — Елизавету Вудвиль. По его мнению, «...королева припомнила оскорбления ее семьи и клевету, которой шельмовали ее, а именно, что согласно установленному обычаю она не является законной супругой короля. Отсюда она пришла к выводу, что ее потомство от короля никогда не вступит на трон, пока не будет устранен герцог Кларенс».

Неизвестно, что думала по этому поводу сама Елизавета Вудвиль, но описанный Манчини ход рассуждений кажется более чем логичным. Конечно, Эдуард IV был весьма популярным монархом, но от этого он не переставал быть узурпатором. Король не мог быть уверен, что трон беспрепятственно перейдет к его детям. Для самого Эдуарда герцог Кларенс не являлся серьезной угрозой, но кто мог поручиться за то, что его наследники окажутся столь же удачливыми? Старший принц Эдуард, к несчастью, рос меланхоличным, мнительным и болезненным. По сути, устранение Кларенса отвечало интересам королевских детей.

К этому следует прибавить еще одно обстоятельство. Возможно, Джордж поплатился жизнью за то, что узнал неприятную тайну, угрожавшую будущему династии. Политические оппоненты не раз провозглашали брак короля и Елизаветы Вудвиль незаконным, так как венчание было тайным, а невеста недостаточно родовитой. К этим аргументам давно привыкли и не воспринимали их всерьез. Но может быть, неугомонному герцогу Кларенсу удалось узнать нечто новое.

После смерти Эдуарда IV стало известно, что на момент венчания с Елизаветой король был тайно помолвлен с леди Элеонорой Батлер. По законам того времени помолвка фактически приравнивалась к браку. Она могла быть расторгнута с согласия церкви, но события разворачивались иначе. Напомним, что брак с Елизаветой Вудвиль и без того вызвал отрицательный общественный резонанс. Неудивительно, что король был, мягко скажем, не заинтересован в обнародовании своего беспорядочного матримониального поведения. С леди Батлер удалось договориться полюбовно — после того как о свадьбе короля стало известно, его первая невеста мирно удалилась в монастырь, где и скончалась в 1466 г.

Тем не менее проблема не была полностью решена. После пострига Элеоноры Батлер король перестал быть двоеженцем, но в глазах церкви его брак оставался незаконным сожительством. Иными словами, дети Эдуарда IV были бастардами, не имеющи-

ми никакого права на престол. По закону трон должен был унаследовать герцог Кларенс. Любопытно, что епископ Бафа Роберт Стиллингтон, в свое время засвидетельствовавший помолвку короля и леди Батлер, оказался в тюрьме одновременно с Джорджем Кларенсом «за произнесение речей, наносящих ущерб королю и государству». Роберт Стиллингтон был отпущен только в июле 1478 г., т.е. через несколько месяцев после казни Джорджа.

Мы не можем утверждать, что герцог Кларенс действительно узнал «тайну леди Батлер». Тем не менее косвенные доказательства выглядят весьма внушительно. Джордж, как никто другой, был заинтересован в обнародовании этой тайны. На редкость склочный, невыдержанный характер герцога не позволял надеяться, что он промолчит даже ради спасения своей жизни.

Туманные свидетельства о казни Кларенса только подтверждают эту точку зрения. Смертный приговор был вынесен 7 февраля, а в исполнение его привели только 18-го числа, причем при весьма загадочных обстоятельствах. Дело в том, что никто, за исключением исполнителей и, разумеется, короля, так и не узнал, какой смертью умер Джордж Кларенс. По легенде, герцога утопили в его любимом вине — мальвазии. Как бы то ни было, казнь была тайной и в течение 10 дней, прошедших с момента вынесения приговора, Эдуард IV не раз повторял, что готов помиловать брата, если тот «одумается». Эта более чем расплывчатая формулировка вкупе с нетривиальным решением умертвить Джорджа в его темнице позволяет предположить — король желал удостовериться, что некая известная Кларенсу информация не выйдет за пределы Тауэра. Вероятно, Джордж отказался и поплатился за это жизнью.

По-видимому, Эдуард IV казнил брата, чтобы обеспечить будущее своих детей. Была ли к этому причастна королева — большой вопрос. Отношения Елизаветы Вудвиль и герцога Кларенса всегда были исключительно напряженными, но могла ли Елизавета заставить Эдуарда IV сделать что-то против его воли? Вероятно, версия о виновности клана Вудвилей обязана своим происхожде-

нием извечному психологическому феномену — «царь хороший, бояре плохие». Во все времена просчеты и жестокости правителей с готовностью списывались на их окружение. Например, в начале Столетней войны французы приписывали удивительно неудачную политику Филиппа VI влиянию его супруги — «злой хромоногой королевы Жанны».

Верил ли герцог Глостер, что Джорджа Кларенса казнили из-за интриг Вудвилей, неизвестно. Публично Ричард заявил об этом много позже — в 1483 г., т.е. в тот момент, когда он боролся с родственниками королевы за власть. Единственное, что мы знаем наверняка — герцог Глостер тяжело переживал казнь брата. Он почти сразу же уехал на Север и в следующие несколько лет очень редко появлялся в столице. В марте 1478 г. Ричард основал два колледжа (в Бернард Кастле и Мидлхэме). Эти учреждения стали домом для нескольких десятков священников и хористов, главной обязанностью которых было молиться за короля и королеву, Ричарда и его супругу Анну, а также за покойных братьев и сестер Ричарда, в том числе за недавно казненного герцога Кларенса.

Вопреки уверениям тюдоровских пропагандистов, смерть Джорджа не принесла герцогу Глостеру заметных материальных дивидендов. Эдуард IV передал младшему брату ранее принадлежавшие Кларенсу владения в окрестностях Ричмонда, но взамен Ричард возвратил короне маноры Саделей, Фарлей и Корф. Проще говоря, имения герцога Глостера стали компактнее, но их площадь практически не изменилась.

На первый взгляд, с должностями все обстояло несколько иначе. После казни Джорджа Ричард вернул себе исключительно престижный пост Главного камергера (напомним, что эта должность была пожалована Ричарду в 1471-м и передана Кларенсу в 1472-м). Однако говорить о «заинтересованности» Ричарда в данном случае не приходится. Даже если бы король простил своего мятежного брата, герцог Кларенс неминуемо лишался ключевых должностей. Возможно, Ричард был заинтересован в опале Джорджа, но никак не в его смерти.

Впрочем, в случившемся был один положительный момент. В 1478 г. Эдуард IV еще раз убедился, что может во всем доверять младшему брату. Ричард был против казни Кларенса, но даже это не поколебало его лояльность. Неудивительно, что после 1478 г. Ричард прочно занял положение второго лица в государстве.

В руках герцога Глостера оказался целый букет должностей. Перечислим самые значимые из них. Помимо уже упоминавшегося поста Главного камергера, Ричард занимал должности Верховного судьи, адмирала Англии, лорда-констебля, хранителя границ, управляющего королевскими землями к северу от реки Трент, лорда-наместника Пяти портов. Попытаемся понять, что всё это означало на практике.

Главный камергер — должность скорее почетно-церемониальная. По идее, камергер возглавлял систему управления королевским дворцом и должен был отвечать за организацию важнейших церемоний. Верховный судья и адмирал Англии — одни из немногих средневековых чиновников, круг обязанностей которых понятен современному человеку без дополнительных объяснений. Лорд-констебль возглавлял королевские войска, а также стоял во главе военных судов. В качестве хранителя границ Ричард Глостер обязан был по приказу короля созывать местное ополчение; заключать перемирия с шотландцами; наказывать нарушителей перемирия; передавать иностранных преступников в руки их властей; судить английских перебежчиков; наконец, он исполнял обязанности мирового судьи. Управляющий королевскими владениями в каком-либо регионе должен был объезжать монаршие имения, контролировать сбор доходов, принимать отчеты служащих и т.п. Наконец, лорд-наместник Пяти портов был обязан контролировать соблюдение прав короны (т.е. уплату налогов в казну, взимание таможенных пошлин и т.д.) в городах, входивших в торговый союз «Пяти портов». Изначально таких городов действительно было пять, но к XV столетию числительное давно устарело — в «зоне деятельности» Ричарда было уже 12 городов, т.е. почти все графства Кент и Суссекс.

К перечисленным «должностным обязанностям» также следует прибавить контроль над управлением громадными имениями, принадлежавшими герцогу Глостеру и его супруге.

Очевидно, что один человек попросту не мог совмещать такое количество разнообразных функций. Неудивительно, что значительную часть дел в реальности выполняли назначенные Ричардом чиновники. В частности, юридические полномочия лорда-констебля и адмирала Англии герцог Глостер передоверил Уильяму Годьеру и Джону Алейну. Именно они разбирали рядовые тяжбы и выносили решения, не требовавшие личного вмешательства королевского брата.

Впрочем, в Средние века совмещение должностей было правилом, а не исключением. Никто не ждал, что владетельный герцог будет лично разбирать мелкие тяжбы, постоянно объезжать подотчетные земли или кропотливо проверять приходно-расходные книги. От любого крупного чиновника требовалось всего две вещи — координировать работу подчиненных и следить, чтобы коррупция во вверенной его попечению отрасли не выходила за рамки разумного.

По-видимому, Ричард справлялся с государственными обязанностями чуть лучше, чем другие. Чрезмерно преувеличивать его успехи не стоит, но все же герцогу Глостеру удалось навести порядок почти во всех областях. В частности, на флоте ситуация существенно улучшилась — моряки стали регулярно получать жалованье, корабли были приведены в порядок и т.д. Размеры королевского флота несколько выросли, однако по современным меркам оставались более чем скромным. В распоряжении британского монарха находилось всего-навсего семь военных кораблей. Разумеется, воевать только этими силами было невозможно. В военное время король имел право воспользоваться гражданскими судами.

Пожалуй, больше всего сил у герцога Глостера отнимали обязанности хранителя границ. По сути, Ричард был ответственным за безопасность всех рубежей Англии. Формально ситуация вы-

глядела несколько сложнее. Эдуард IV вынужден был соблюдать привилегии древнейших аристократических родов, поэтому непосредственно Ричарду были вверены Западные рубежи, а пост хранителя Восточных и Срединных границ получил граф Нортумберленд. На деле власть лорда Нортумберленда была не так уж велика — Ричард был обязан контролировать его деятельность; ни одно сколько-нибудь важное решение не принималось без одобрения королевского брата.

Морская граница с Францией в те годы не доставляла серьезных хлопот, зато настоящей «головной болью» для любого Хранителя границ были шотландцы. Хотя в 1470 г. между Англией и Шотландией был заключен очередной мирный договор, стычки на границе были делом вполне обычным, даже рутинным. Угоны скота, грабежи и похищения практически не прекращались. Разумеется, главной обязанностью хранителя границ было предотвращение и отражение этих нападений.

Герцогу Глостеру приходилось тратить немало времени и сил, поддерживая приграничные укрепленные пункты в состоянии боевой готовности. Он должен был лично убедиться, что стены и башни в хорошем состоянии, гарнизоны полностью укомплектованы, а запасы оружия и продовольствия достаточны на случай внезапного начала военных действий.

Однако этим дело не ограничивалось. Каждый набег неизбежно заканчивался мирными переговорами. Стороны обменивались посольствами, пытались договориться об обмене пленными, возвращении имущества и т.п. Ричард обычно делал больше, чем требовал долг. Он лично расследовал любой, даже самый незначительный инцидент. Крестьянин, у которого украли несколько овец, торговец, ограбленный шотландцами, — все получали необходимую помощь.

Герцог Глостер оставил о себе настолько добрую память, что она не исчезла даже во времена Генриха VIII, когда хорошо отзываться о Ричарде III было не принято, да и небезопасно. Самым красноречивым примером такого рода является письмо также

занимавшего должность хранителя границ лорда Дакра. Лорд Дакр смиренно констатировал, что не может надеяться достигнуть таких же результатов, как герцог Глостер, которого до сих пор любят и уважают в северных графствах.

Разумеется, уважение Ричарду принесли не только успехи в борьбе с шотландцами. Постепенно он становился настоящим Лордом Севера. По традиции у каждого владетельного аристократа были свой двор и свой Совет. Совет герцога Глостера вскоре превратился в настоящее юридическое учреждение с большим штатом и довольно широкими полномочиями. В 1470-х — начале 1480-х гг. Совет Ричарда Глостера фактически контролировал судебную систему в Нортумберленде, Камберленде, Уэстморленде и Йоркшире. Йомены и джентри обращались в Совет с жалобами на несправедливое ведение земельных тяжб, крестьяне искали защиты от притеснений лордов. Ричард Глостер и его люди зачастую выступали независимыми арбитрами в судебных спорах между частными лицами, городами, торговыми и ремесленными корпорациями. Ричард прибегал к помощи своих советников и для решения других проблем, возникавших в подконтрольном ему регионе (напомним, что король даровал своему брату верховные полномочия на всех землях к северу от реки Трент).

Необходимо подчеркнуть — именно Ричард создал учреждение, возникновение которого обычно приписывается Генриху VII — т.н. Совет по делам Севера, или Северный совет. В годы правления Йорков деятельность Совета не была оформлена юридически, но, по сути, это был тот же орган с практически аналогичным набором функций и полномочий.

Давайте попытаемся проследить, какими людьми окружил себя Ричард Глостер. Состав Совета герцога был довольно пестрым — в него входили и преданные сторонники Йорков, и бывшие соратники Уорвика (например, ближайший советник Ричарда лорд Скоуп сражался против Эдуарда IV в битве при Барнете). Документы показывают, что герцог Глостер продолжил начатую еще в первой половине 1470-х гг. политику примирения.

Он старался привлечь на свою сторону сторонников и Йорков, и Ланкастеров. Ту же позицию «над схваткой» герцог занимал и в борьбе аристократических кланов. Супруга Ричарда была из рода Невилей, которые на протяжении уже нескольких поколений враждовали с кланом Перси. Ричард Глостер поддерживал хорошие отношения и с теми и с другими. Более того, выходцы из обоих родов с гордостью называли себя «людьми нашего герцога Глостера».

Не менее разнообразным был и функциональный состав Совета. Профессиональные юристы и чиновники соседствовали со специалистами по силовым действиям. Наиболее видное положение среди силовиков занимали Джеймс Тирелл и Ричард Ретклиф. Фрэнсис Ловелл, с которым Ричард дружил еще с детских лет, был, что называется, специалистом широкого профиля. В правление Ричарда III этих троих будут считать главными соратниками монарха, самими приближенными к нему людьми.

Секретарем герцога Глостера был Джон Кендалл. Он сохранил верность своему господину до последнего дня и храбро сражался на его стороне в битве при Босворде. Конечно же, в жизни Ричарда Глостера секретарь играл не самую важную роль, но, вероятно, именно Джона Кендалла стоит поблагодарить за то, что в середине XX в. его далекий потомок Пол Кендалл взялся за перо, чтобы создать одну из самых удачных биографий Ричарда III.

Пожалуй, самым значимым результатом деятельности Ричарда и его Совета стало превращение некогда мятежного Севера в главную опору династии Йорков. К началу 1480-х гг. внутренние распри полностью прекратились. Герцога Глостера уже не воспринимали как присланного из столицы чиновника, его стали считать настоящим северянином. В огромном большинстве случаев решениям Ричарда подчинялись не из страха, а из уважения.

Наиболее показателен пример города Йорка. Поначалу горожане относились к молодому герцогу без всякого восторга. Но с каждым годом ситуация улучшалась. В конце 70-х гг. Ричард уже мог рассчитывать на безусловную лояльность горожан; перед

коронацией именно к Йорку Ричард III обратился с просьбой прислать солдат; наконец, гибель короля в середине 80-х описывается в городских архивах как настоящая трагедия: «Король Ричард, милостиво правивший нами в последние годы... был изменнически убит, к великой скорби нашего города».

Память о «нашем добром короле Ричарде» пережила его более чем на пять веков. Даже сейчас для жителей Йорка Ричард III остается по-настоящему культовой фигурой. В городе великое множество мест, связанных с его именем — от названных в честь короля Ричарда пабов до созданных энтузиастами музеев. После того как в 2012 г. была найдена могила Ричарда III, между Лестером и Йорком началась настоящая информационная война за право перезахоронения его останков. Тот факт, что король покоился в Лестере с 1485 г., для жителей Йорка решительно ничего не значил. Они собрали более 30 000 подписей и яростно доказывали — Ричард оказался в Лестере случайно, он сам желал упокоиться в кафедральном соборе Йорка и т.д. Суть аргументов йоркцев можно выразить в нескольких словах: «Это наш король, поэтому мы хотим, чтобы он был похоронен в нашем городе».

Чем же Ричард Глостер заслужил такую стойкую привязанность? Отношения горожан и аристократов в позднее Средневековье обычно омрачали три обстоятельства. Во-первых, владетельные сеньоры имели скверную привычку вмешиваться во внутренние дела города, в частности, в выборы чиновников. Во-вторых, лица, облеченные властью, как правило, употребляли эту власть для покровительства своим друзьям и сторонникам. В-третьих, финансовые интересы лордов и горожан традиционно не совпадали.

В эпоху, когда злоупотребления и коррупция были неотъемлемой частью деятельности любого чиновника, герцог Глостер выглядел почти что белой вороной. Начнем с вопроса о политических свободах Йорка. Ричард Глостер не то чтобы вовсе

не вмешивался в выборы мэра, но действовал исключительно в рамках закона.

В качестве наиболее яркого примера можно привести следующий случай. В 1482 г. выборы главы Йорка прошли не слишком гладко — с незначительным перевесом победил некий Рэнгвиш, но возникли серьезные сомнения в правильности подсчета голосов. Горожане апеллировали к королю и герцогу Глостеру, было произведено тщательное расследование, и в итоге первоначальные результаты аннулировали. Самое любопытное в данном случае то, что Рэнгвиш пользовался покровительством герцога Глостера и был, что называется, его кандидатом. Тем не менее герцог расследовал этот случай с завидным беспристрастием. Кстати, два года спустя Рэнгивш все же был избран мэром и прекрасно справлялся со своими обязанностями.

Попытки других аристократов повлиять на выборы городских чиновников пресекались не менее решительно. В 1476 и 1478 гг. Ричард вмешался в конфликт жителей Йорка и графа Нортумберленда. Граф пытался продавить назначение своих сторонников, герцог Глостер действовал как защитник интересов горожан. Благодаря покровительству Ричарда горожанам удалось отстоять право самим решать, кто войдет в городской совет и другие органы самоуправления.

Горожане могли положиться на беспристрастность Ричарда Глостера, даже если их законные требования шли вразрез с его личными финансовыми интересами. Именно так произошло, когда жители Йорка получили от Парламента позволение снести многочисленные ловушки для рыбы, затруднявшие навигацию на реке Уз. Незаконно сооруженные ловушки были настоящим яблоком раздора между горожанами и окрестными магнатами — жители Йорка яростно боролись с этими приспособлениями, дворяне, получавшие от рыбного промысла немалую прибыль, столь же яростно препятствовали их сносу. Длившееся более 10 лет противостояние сдвинулось с мертвой точки только в 1475-м после обращения к герцогу Глостеру. Получив официальную жалобу

горожан, Ричард не только повелел своим управляющим убрать ловушки, тот же приказ получили его вассалы, арендаторы и все, кто пользовался покровительством герцога. Для окончательного решения проблемы была создана официальная комиссия, в результате деятельности которой расстаться с незаконным промыслом пришлось многим дворянам. Пожалуй, самой именитой «жертвой» антирыбной кампании стал епископ Дарема, во владениях которого располагалось не менее десятка ловушек.

Конфликты между свитскими герцога и горожанами были очень редки, но когда они возникали, решение принималось без оглядки на личные связи. В высшей степени показателен следующий случай. В 1482 г. некий горожанин приехал по делам в Мидлхэм, где подвергся «оскорблениям и издевательствам» со стороны одного из слуг. Сохранившиеся документы не позволяют точно выяснить, что стало причиной этого столкновения. Известно лишь, что герцог был крайне недоволен случившимся и под охраной отослал своего слугу в Йорк, чтобы мэр и олдермены смогли поступить с ним согласно городским законам.

Разумеется, Ричард не был идеален, но жители Йорка любили и почитали его, так как герцог всегда действовал по справедливости и относился к ним с неизменным уважением.

Росту популярности герцога Глостера способствовало и то, что он оказался на редкость рачительным хозяином, а также превосходно вписывался в идеал «доброго лорда». Любимый замок Ричарда Мидлхэм и ютившаяся под его стенами одноименная деревня ни до, ни после не знали такого процветания. Именно при герцоге Глостере небольшая деревенька превратилась в местный торговый центр — Ричард купил у короля лицензию на проведение в Мидлхэме осенних и весенних ярмарок.

Ричард Глостер использовал свои богатства и влияние в том числе для покровительства местной церкви. В 1478 г. в Мидлхэме был основан колледж. Напомним, что в Средние века образование было фактически монополизировано духовенством. В эту эпоху колледжи были чем-то средним между учебным заведением и мо-

нашеской общиной. Колледж Мидлхэма состоял из 18 человек — декана, шести капелланов, пяти студентов и шести хористов. Главной обязанностью всех этих людей было молиться за короля и королеву Англии, за родителей Ричарда, его братьев и сестер, за жену и сына герцога, и, разумеется, за него самого.

Герцог Глостер не просто выделил деньги на реализацию этого проекта, он вникал во все мелочи и, по-видимому, лично продиктовал преамбулу к уставу колледжа. Вряд ли кто-либо, кроме самого Ричарда, мог осмелиться описать могущественного герцога Глостера как «жалкое создание, обнаженным выброшенное в этот суровый мир без каких бы то ни было богатств, держаний и наследственных владений». Вряд ли кто-то другой мог приказать в каждой молитве благодарить Бога не только за благодеяния, но и за «великие опасности, несчастья и удары судьбы, которые выпали на долю» Ричарда Глостера.

Жизнь в Мидлхэме текла если не счастливо, то спокойно и беспечально. Счетные книги свидетельствуют, что хозяйство герцога и герцогини было поставлено на широкую ногу. Их замок был довольно многолюдным местом — там постоянно жили несколько десятков бедных родственников, пажей, слуг, служанок, нянек. «Штат» Мидлхэма включал также с десяток музыкантов и двух менестрелей. Самый обычный обед в огромной, ярко освещенной зале с расписными стенами и потолком показался бы нам настоящим пиром. Ричард и Анна сидели отдельно под богато расшитым балдахином, а их гости, чада и домочадцы занимали места за длинным столом согласно их положению в этом маленьком королевстве. На хорах играли музыканты, слуги бегали из кухни в зал и обратно, ведь даже скромная трапеза включала не менее пяти перемен блюд. В Мидлхэме нередко бывали гости, устраивались пышные приемы. В праздники охоты и пиры, танцы и игры сменяли друг друга, создавая впечатление поистине королевской пышности.

Впрочем, Ричард и Анна не были домоседами. Рождество и Пасху обычно проводили в Лондоне. На День Тела Христова

неизменно ездили в Йорк. Этот праздник отмечался в первый вторник после Троицы. Он фактически заменял жителям Йорка день города и справлялся с большим размахом в течение двух дней.

В первый день каждая из 50 торговых и ремесленных гильдий устраивала, как тогда говорили, мистерию, т.е. костюмированную постановку на религиозный сюжет. Разумеется, в Йорке не было достаточно большой площади, да и смотреть 50 пьес одновременно, мягко говоря, неудобно. Проблему решали очень любопытным способом — подмостками для каждого представления служила богато украшенная повозка. Отыграв свою сцену из Священного Писания, например, у Клиффордской башни, актеры перемещались к воротам Миклгейт и т.д. Останавливались и у домов богатых горожан (особенно если хозяева сулили актерам деньги или угощение).

Любопытно, что у каждой гильдии были излюбленные «рекламные» сюжеты. Например, ювелиры обычно разыгрывали Принесение Даров Волхвов (разумеется, главное место среди Даров занимали недавно изготовленные перстни, цепочки, вышитые золотой нитью кошельки, богато украшенные кубки — словом, все то, что можно было уже на следующий день приобрести в лавках Йорка). Неудивительно, что Библия трактовалась несколько вольно — Дева Мария щеголяла в платье по последней моде, святой Георгий был облачен в полные рыцарские доспехи (гордость гильдии оружейников) и т.д. Кроме того, на подмостках находилось множество не предусмотренных сюжетом персонажей — юные девушки в роскошных нарядах произносили пафосные речи от лица Справедливости, Добродетели и Чести, а за отрицательными героями являлась жутко размалеванная Смерть с косой.

Ричард и Анна наблюдали за празднеством из окон своей резиденции — Кросби Пэлес. Этот богатый дом в центре Йорка был обязательной остановкой для всех повозок. Гильдии считали честью разыграть свои сценки перед Ричардом Глостером и его

супругой, к тому же герцогская чета обычно щедро вознаграждала актеров.

На второй день праздника самая почитаемая религиозная корпорация Йорка — Гильдия Тела Христова — устраивала пышное шествие, завершавшееся у стен кафедрального собора. Впереди несли Святые Дары, за ними под музыку и песнопения шли мэр, олдермены и рядовые члены гильдии. В 1477 г. Ричард и Анна стали почетными членами этой корпорации и из зрителей превратились в участников церемонии. Под восторженные крики и рукоплескания герцог и герцогиня шествовали в первых рядах, а потом занимали почетные места на праздничной мессе.

Для герцога Глостера любой, даже праздничный, визит в Лондон или Йорк неизменно становился деловой поездкой. Всегда находилось множество вопросов, требующих неотложного решения. В это время герцогиня могла навестить друзей или заняться любимым делом каждой женщины — хождением по магазинам.

Стоит отметить, что в этом отношении Ричард и Анна никогда себя не ограничивали. Только во время визита в Лондон на Рождество 1476 г. они накупили одежды, украшений и предметов интерьера на 296 фунтов (многие дворяне за год тратили меньше). В приходно-расходных книгах герцога Глостера список «рождественских» покупок занимает 2,5 страницы. Среди приобретений были изысканные французские гобелены, бархатные и атласные ткани, роскошные меха и множество других приятных мелочей — от украшений до шелковых перчаток.

Семейная жизнь Ричарда и Анны по-прежнему казалась почти идеальной. Супруги старались расставаться как можно реже. Анна обычно сопровождала мужа в Лондон и Йорк. Иногда герцогиня оставалась дома, чтобы присматривать за сыном — маленький Эдуард, к сожалению, не отличался крепким здоровьем. По-видимому, Ричард и Анна полностью доверяли друг другу. Во всяком случае, в отсутствие мужа леди Невиль замещала его в общении с вассалами или даже с городом Йорком. В част-

ности, в 1475 г., когда Ричард был во Франции, Анна взяла на себя решение нескольких конфликтов между свитскими герцога и горожанами.

К началу 1480-х гг. положение Ричарда Глостера вызывало у большинства аристократов только одно чувство — зависть. Король доверил ему несколько ключевых должностей, он фактически передал брату управление Йоркширом и сопредельными графствами. Лорд Глостер сумел заслужить уважение северян, добиться прекращения усобиц. В 1480—1482 гг. влияние Ричарда выросло еще больше — он стал вторым человеком в королевстве.

На этот раз помощь брата понадобилась Эдуарду IV для ведения очередной войны с Шотландией. Переход постоянно тлеющего конфликта в открытую стадию был спровоцирован королем Франции Людовиком XI. Выражаясь простыми словами, Людовик XI желал занять чем-нибудь английскую армию, пока он сам будет завоевывать земли союзников англичан — бургундцев. Не в первый и далеко не в последний раз Шотландия оказалась всего лишь пешкой в политических играх своих соседей.

Итак, зимой 1479—1480 гг. король Шотландии Джеймс III нарушил перемирие. По его приказу отряды шотландцев пересекли границу с Англией. В ответ Эдуард IV назначил Ричарда командующим войсками северных графств и приказал ему провести мобилизацию в приграничных областях. Больше всего солдат предоставил Йорк. Тем не менее эта мера была скорее оборонительной, так как собранных таким образом сил было явно недостаточно для ответного вторжения в земли шотландцев. Все же к началу осени 1480 г. герцогу Глостеру удалось провести зачистку приграничных районов и на время прекратить нападения.

Любопытно, что как раз в разгар военных действий Людовик XI попытался наладить отношения с Ричардом, прислав ему в подарок… большую бомбарду из тех, что обычно использовались при осаде городов. Тот факт, что орудие могло быть использовано в войне против Шотландии, беспокоил французского монарха столь же мало, как интересы шотландцев. Вероятно,

Людовик рассчитывал таким образом приобрести в лице герцога Глостера политического союзника, способного отговорить Эдуарда IV от вмешательства в бургундские дела. Ричард был по-настоящему польщен роскошным подарком. В ответном письме он заметил, что «артиллерия была и остается его страстью» и что французская бомбарда «будет для него самым драгоценным сокровищем». Однако словами благодарности дело и ограничилось. Герцог по-прежнему оставался убежденным сторонником т.н. «партии войны».

Осенью и зимой 1480—1481 гг. на англо-шотландской границе не происходило ничего серьезнее обычных для этих мест стычек. Тем не менее Эдуард IV приказал продолжить сбор войск. Летом 1481 г. король планировал лично встать во главе английской армии, дабы своей рукой «покарать шотландцев за все совершенные ими насилия, грабежи, убийства и прочие беззакония».

Во время сбора войск в Йоркшире случилось одно происшествие, показывающее, насколько велика была популярность герцога Глостера. По воле короля мобилизацию в северных графствах должны были проводить Ричард Глостер и Генри Перси, граф Нортумберленд. Однако жители Йорка не пожелали подчиняться приказам Перси, с которым у них нередко случались конфликты. Горожане подали жалобы королю и герцогу Глостеру и в конце концов добились того, чтобы их отряд подчинялся напрямую королевскому брату.

Всю зиму и весну Ричард разъезжал по Йоркширу, Нортумберленду, Камберленду и сопредельным графствам. Он лично контролировал восстановление поврежденных шотландцами стен Карлайла, набирал людей для усиления приграничных гарнизонов, вместе с Генри Перси провел перепись боеспособного населения, чтобы определить, сколько людей могут выставить аристократы, джентри и города.

К концу марта 1481 г. Ричард и его ближайшие советники прибыли в Лондон, чтобы закончить разработку планов шотландской кампании. Примерно в это время Парламент вотировал сбор экс-

тренного налога. Платить должны были все, но по просьбе Ричарда Глостера для жителей Йорка и его окрестностей было сделано исключение. Их обязали всего лишь предоставить в распоряжение короля (т.е. фактически в распоряжение его брата) отряд из 120 лучников. По-видимому, это была награда за личную верность. В эпоху Войн Роз готовность горожан не подчиняться никому, кроме герцога Глостера, производила сильное впечатление.

В начале лета была одержана первая крупная победа на море — английские корабли под командованием лорда Говарда вошли в залив Ферт-оф-Форт, на берегу которого расположен Эдинбург. В результате было уничтожено восемь крупных и более десяти небольших шотландских кораблей. Лорду Говарду также удалось высадиться на берег и сжечь несколько городков.

Однако начало военной операции на суше откладывалось. Несмотря на громкие обещания, Эдуард IV так и не смог отправиться на север. Одной из причин были волнения в центральных графствах. Дело было в том самом «шотландском» сборе, от которого Ричарду удалось освободить жителей Йорка. Напомним, что после удачного завершения войны с Францией Эдуард IV долгие годы не собирал дополнительных налогов — ему вполне хватало регулярно выплачиваемой контрибуции. Возобновление поборов англичане восприняли как нечто совершенно недопустимое.

Второй причиной, по которой король не решился лично возглавить войско, было пошатнувшееся здоровье. В 1481 г. Эдуард IV был еще довольно молод — ему исполнилось 39 лет. Даже для Средневековья, когда старели гораздо раньше, это возраст мужественной зрелости. И все же король был уже решительно не в состоянии участвовать в войне. Он очень сильно располнел, обрюзг и постоянно чувствовал себя плохо. Вероятно, ранняя старость стала следствием беспорядочного образа жизни — Эдуард обожал пиры, празднества, мало спал, много пил и буквально сходил с ума по женщинам (на благосклонность монарха могла рассчитывать любая сколько-нибудь хорошенькая особа прекрасного пола, оказавшаяся в зоне видимости).

В итоге военные действия пришлось вести без короля и вторжение в Шотландию не состоялось. Командующими, как и в прошлом году, были назначены Ричард Глостер и Генри Перси. В их распоряжении находилось менее 10 000 человек. Король Шотландии располагал куда более многочисленным войском. Герцогу Глостеру и графу Нортумберленду пришлось приложить все силы для того, чтобы не дать шотландцам перейти границу. Они добились успеха, только прибегнув к тактике, позаимствованной у самих шотландцев — небольшие мобильные отряды англичан атаковали шотландскую армию, держа ее в постоянном напряжении.

Лето 1481 г. прошло в мелких приграничных стычках. В октябре Ричард Глостер встречался с королем. Эдуард IV вновь публично заявил, что в следующем году «своей рукой покарает шотландцев», но надежда на исполнение обещания была очень слабой.

Возможно, в неофициальной обстановке Эдуард был более откровенен и дал брату карт-бланш. Во всяком случае, сразу же после возвращения на север герцог Глостер перешел к решительным действиям. Он осадил крупную прибрежную крепость Бервик. Бервик издавна был объектом споров англичан и шотландцев. В последний раз эта крепость перешла из рук в руки уже в эпоху Войн Роз — королева Мартарита передала ее шотландцам в обмен на помощь в военных действиях против Йорков.

По не зависящим от Ричарда причинам осада шла не слишком успешно. Урожай в 1481 г. был исключительно скудным. Зима пришла рано и оказалась очень суровой. Неудивительно, что вскоре не только осаждающие, но и вся английская армия начали ощущать серьезный недостаток продовольствия. В феврале герцог Глостер получил от короля позволение покупать любую провизию, какую только можно будет найти в Англии, Уэльсе или Ирландии даже по самым высоким ценам. Но и эта мера оказалась неэффективной. К весне 1482 г. продуктов почти не осталось, в нескольких графствах начались волнения. Английским солдатам приходилось не сражаться, а выживать.

В апреле 1482 г. обстоятельства начали складываться в пользу англичан — их попросил о помощи один из самых известных политических эмигрантов того времени — младший брат шотландского короля Александр, герцог Олбани. Еще в 1479-м Джеймс III обвинил брата в государственной измене и отдал распоряжение о его казни. Александру буквально чудом удалось бежать во Францию, однако в Шотландии он был довольно популярен. Для Англии все эти распри стали настоящей находкой — открывалась возможность воспользоваться проверенным, отработанным веками средством — посадить на шотландский престол своего кандидата. Герцог Олбани был приглашен в Англию, всячески обласкан и обнадежен.

Тем временем английские войска под предводительством Ричарда Глостера вновь вторглись в Шотландию и предприняли, что называется, разведку боем. Целью Герцога Глостера было выяснить, насколько шотландцы готовы к началу широкомасштабных военных действий. В начале мая Ричард сжег Демфри и несколько небольших городков. Он успел возвратиться в Англию до того, как шотландцы смогли собрать силы для ответного удара. Предпринятый герцогом Глостером рейд показал, что шотландская армия крайне неповоротлива и не представляет серьезной угрозы.

В начале июня Эдуард IV пригласил Ричарда Глостера и герцога Олбани приехать в замок Фотерингей, чтобы принять окончательное решение. 11-го числа был подписан официальный договор. Если опустить дипломатические условности, суть соглашения сводилась к следующему. Английская армия должна была «вернуть» Александру «законно принадлежащую» ему корону Шотландии. Герцог Олбани, в свою очередь, должен был объявить себя вассалом английского монарха, возвратить англичанам Бервик и прилегающие земли.

В июле Ричард Глостер собрал двадцатитысячную армию и перешел границу Шотландии. Вскоре длившаяся уже много месяцев осада Бервика пошла на лад — предместья и основная

часть крепости были захвачены, немногочисленные защитники с трудом удерживали цитадель.

Король Шотландии попытался спасти ситуацию — во главе армии он двинулся на юг. Шотландские бароны выбрали именно этот момент для того, чтобы устроить мятеж. Вскоре после ухода армии из столицы Джеймса III захватили в плен, а его фаворитов торжественно сбросили с моста через реку Лодер. Вопрос о том, насколько этот мятеж был согласован с англичанами, по сей день остается предметом дискуссий. Некоторые историки полагают, что английская армия вторглась в Шотландию для того, чтобы помочь восставшим баронам (в русскоязычной литературе эту точку зрения можно встретить, в частности, в «Истории Англии» В.В. Штокмар). Однако большинство исследователей считает, что ни о какой предварительной договоренности не могло быть и речи.

Дальнейшие действия англичан свидетельствовали о том, что они вовсе не считали себя союзниками шотландских магнатов. Как только герцогу Глостеру сообщили о мятеже, он оставил под Бервиком небольшой отряд во главе с лордом Стенли, а сам повел основную часть армии на север. Англичане продвигались к Эдинбургу почти не встречая сопротивления. Чтобы вынудить шотландцев вступить в сражение, Ричард приказал сжигать города и деревни, но и это не помогло — горцы были всецело заняты внутренними проблемами. В последний день июля Ричард занял Эдинбург, не потеряв ни одного человека. Его авторитет в армии был так силен, что герцогу удалось удержать солдат от мародерств и иных притеснений местных жителей.

2 августа шотландские лорды послали герцогу Глостеру петицию, в которой сообщили, что они считают войну законченной и желают знать, на каких условиях Ричард согласен заключить мир. Ричард потребовал, чтобы шотландцы перестали оказывать помощь Бервику. Для шотландских лордов это было совершенно неприемлемо. К тому же выяснилось, что мятежники скорее договорятся с Джеймсом III, чем признают королем его младшего

брата. Не обнаружив в соотечественниках верноподданнических чувств, «многогранный» герцог Олбани решил сменить сторону. Он объявил, что откажется от прав на престол, если ему вернут все земли, конфискованные в 1479-м.

Такой компромисс устроил всех, кроме англичан. О признании сюзеренитета Англии уже не могло быть и речи, дальнейшее пребывание Ричарда в Шотландии стало бессмысленным. Его армия находилась не в лучшем состоянии, солдаты устали, а припасы заканчивались. Теоретически можно было еще немного поразорять окрестности Эдинбурга, занять пару городков, но самым разумным было как можно скорее заключить мирное соглашение. Однако мятежные лорды не могли толком договориться не только с англичанами, но и друг с другом.

Существовал и еще один неприятный момент. За несколько лет до этих событий Эдуард IV пообещал руку своей дочери Сесилии королю Шотландии. После заключения помолвки была выплачена часть приданого. Теперь, когда «шотландский брак» трещал по швам, Эдуард счел себя пострадавшей стороной и захотел вернуть деньги. От имени короля герцог Глостер потребовал решить вопрос с приданым для заключения мирного договора. Ситуация стала едва ли не патовой.

Помощь пришла с неожиданной стороны. Жителям Эдинбурга настолько надоели английские солдаты, что 4 августа они заявили — если Ричард Глостер мирно покинет город, они выплатят «неустойку» за Сесилию из городской казны. Недолго думая, Ричард взял первый взнос и вернулся к осаде Бервика.

12 августа герцог Глостер посвятил в рыцари наиболее отличившихся в ходе шотландской кампании, а всего через несколько дней распустил большую часть солдат. Поступить иначе Ричард не мог — расходы на содержание армии и без того превышали платежеспособность королевской казны.

24 августа цитадель Бервика наконец сдалась, и Ричард смог послать в Лондон весть о победе. Эдуард IV поспешил сообщить это приятное известие всем европейским монархам, он объявил

войну выигранной и публично поблагодарил Бога «за поддержку и неоценимые услуги, оказанные ему горячо любимым младшим братом».

Многие историки склонны считать, что шотландская кампания закончилась не лучшим образом. В данном случае стоит задаться вопросом: а что, собственно, англичане реально могли получить? Клятву вассальной верности от шотландского короля? Но для шотландских монархов такого рода обещания всегда оставались пустой формальностью. Больше земель? Однако способна ли была Англия надолго проглотить сколько-нибудь заметную часть территории соседей? Наконец, денег? Но разве кому-то удавалось получить деньги с, мягко выражаясь, небогатых шотландцев?

На взгляд автора, возвращение Бервика и его окрестностей под власть английской короны вполне оправдывало затраты. Англичане получили сильную крепость и, что немаловажно, еще раз продемонстрировали шотландцам свое военное превосходство. Ричард Глостер вернулся в Англию как победитель. И если он не выиграл ни одного сражения в открытом поле, то не по своей вине — шотландцы попросту не приняли его вызов.

Стоит отметить, что в глазах современников Ричард имел репутацию талантливого и успешного военачальника. Доминик Манчини писал: «Военные таланты [герцога Глостера] были так хорошо известны, что всякий раз, когда для защиты королевства нужно было совершить что-то трудное или опасное, это делалось по его совету или под его руководством».

В середине декабря 1482 г. Ричард приехал в Лондон. Его приняли не просто тепло, восторженно. Рождественские праздники при королевском дворе превратились в череду чествований герцога Глостера.

Собравшийся в 20 января 1483 г. Парламент еще раз отметил военные заслуги Ричарда. Официальной благодарности удостоились и другие аристократы, участвовавшие в шотландской кампании. Герцог Глостер получил и нечто гораздо более материальное. Должность хранителя Западных границ была закреплена

за ним пожизненно, более того, Ричард получил право передать ее по наследству. Кроме того, герцогу Глостеру было доверено управление замком и городом Карлайль. Король также передал ему свои полномочия в Камберленде (в том числе сбор пошлин, налогов и даже право назначать шерифа). Наконец, поскольку герцог Глостер сумел отодвинуть границу с Шотландией на тринадцать миль, он получил во владение все эти земли, а также право делать проживающих там шотландцев полноправными гражданами Англии. Это был поистине королевский подарок.

Итак, в 1483 г. Ричард Глостер оказался владельцем громадного конгломерата земель, более того, ему принадлежала почти неограниченная власть над северными графствами. Ричард стал не просто самым крупным магнатом и чиновником, фактически его владения были независимы от центральной власти.

В конце февраля Ричард Глостер покинул столицу и отправился в северные графства. 6 марта он прибыл в Йорк, а через несколько дней уехал в Мидлхэм. Вероятно, Ричард планировал вскоре посетить Камберленд и недавно доставшиеся ему земли на шотландской границе, но все эти планы разрушили шокирующие известия из Лондона.

В самом начале апреля Эдуард IV отправился на рыбалку. Когда веселая кавалькада выезжала из ворот Лондона, погода была по-настоящему весенней, но буквально через несколько часов резко похолодало. Монарх сильно простудился. Поначалу казалось, что это несерьезно, но простуда быстро перешла, как тогда говорили, в горячку, и уже 9 апреля короля не стало.

Для Ричарда это была чудовищная потеря. Он лишился любимого старшего брата, друга, короля и могущественного покровителя. Пытаясь проанализировать ситуацию, сложившуюся в апреле 1483 г., мы не должны забывать о главном — до этого момента герцог Глостер никогда не действовал самостоятельно. С далекой весны 1461 г., когда маленький Ричард вернулся в Лондон из Бургундии, он жил, что называется, под крылом Эдуарда IV. Возвышение Эдуарда влекло за собой возвышение

Ричарда, потери и поражения короля оборачивались несчастьями и невзгодами для его младшего брата. Ричард Глостер всегда оставался самым надежным, самым преданным вассалом и союзником монарха, и, в конце концов, ему удалось стать вторым человеком в королевстве, почти независимым правителем Севера. Вероятно, именно такое положение вещей лучше всего соответствовало способностям и амбициям герцога Глостера. В отличие от своего брата Джорджа, Ричард не был честолюбцем и властолюбцем. Хороший полководец, отличный администратор и управленец, герцог вряд ли мог добиться успеха как политик — ему недоставало жесткости, хитрости, изворотливости и цинизма.

Еще раз подчеркнем — Ричард Глостер никогда не делал попыток пойти наперекор воле своего брата и своего короля, более того, его процветание зависело от благосклонности Эдуарда IV. Теперь ситуация изменилась. Великого монарха больше не было, Ричард стал старшим мужчиной в семье, его положение неожиданно оказалось шатким, а будущее туманным.

Глава 9
ПУТЬ К ТРОНУ
(АПРЕЛЬ – ИЮНЬ 1483)

Смерть Эдуарда IV сделала Ричарда очень уязвимым. Его благополучие было хрупким, так как основывалось не на законе или обычае, а на исключениях, сделанных специально для брата короля.

Большая часть земель (т.н. наследство Уорвика) была передана Ричарду в обход законного наследника — Джорджа Невиля. В начале 1483 г. Джордж Невиль серьезно заболел, и врачи советовали родственникам готовиться к худшему. Было ясно, что вопрос о наследстве Создателя Королей очень скоро может встать ребром. При перемене власти могущественный клан Невилей не просто мог, должен был потребовать возвращения «незаконно отнятых» владений. Что касается многочисленных должностей

герцога Глостера, то и их новый король мог отобрать в любой момент.

В «подвешенном состоянии» оказался не только герцог Глостер, но и значительная часть аристократов. Эдуард IV умер слишком рано — его старшему сыну (принцу Эдуарду) едва исполнилось двенадцать. То есть в ближайшие шесть-семь лет управлять Англией должен был регент (если таковой будет назначен) или регентский совет.

Между тем обстановка при дворе была отнюдь не спокойной. Напомним, что Эдуард IV передал несколько ключевых постов и значительное количество земель родственникам своей супруги — клану Вудвилей. Пока король был жив, аристократия молчала. В частности, герцог Глостер поддерживал вполне нормальные, доброжелательные отношения с семьей королевы, хотя о родственной любви не могло быть и речи. Возможность побороться за власть превратила скрытую неприязнь в откровенную ненависть.

Вудвилям можно было предъявить очень многое. Ричард Глостер считал их виновными в казни герцога Кларенса (Доминик Манчини писал об этом прямо и недвусмысленно). Ближайший соратник Эдуарда IV Великий Чемберлен лорд Гастингс соперничал с братом королевы Энтони Риверсом за должность капитана Кале. Между Уильямом Гастингсом и сыном королевы от первого брака маркизом Дорсетом существовала неприязнь иного рода — оба они пользовались благосклонностью лондонской куртизанки Джейн Шор (кстати, услугами красотки Джейн не брезговал и сам король). Одного из самых могущественных аристократов герцога Бэкингема фактически насильно женили на сестре королевы. Список обиженных можно было бы продолжить, но, думается, основная тенденция ясна.

Вне всякого сомнения, благополучие Вудвилей зависело от того, смогут ли они сохранить свое положение «за троном». В легальном поле шансов у них было не много. Дело в том, что перед смертью Эдуард IV заявил о желании сделать протектором королевства и опекуном принцев своего младшего брата. Передача фактического правления Ричарду Глостеру лишала Вудвилей

большей части влияния. Неудивительно, что они решительно воспротивились.

Как уже было отмечено выше, в начале апреля 1483 г. Ричард был в Мидлхэме. Родственники королевы воспользовались этим обстоятельством, чтобы попытаться захватить власть. Уже на следующий день после смерти Эдуарда в Вестминстере собрался Королевский совет. Теоретически кончина короля должна была повлечь за собой роспуск его Совета. Следующий монарх, или, в нашем случае, протектор, формировал новый состав органа по своему выбору. Ввиду физического отсутствия герцога Глостера продолжение работы старого Совета было допустимо — следовало немедленно позаботиться о похоронах Эдуарда IV. После обсуждения заупокойной церемонии был поднят еще один вопрос: имеют ли члены Совета право обсуждать государственные дела в отсутствие Ричарда Глостера. Вудвили настаивали, что имеют. По свидетельству Доминико Манчини, маркиз Дорсет прямо заявил, что Совет «достаточно могуществен, чтобы принимать решения и обеспечивать их исполнение даже без королевского дяди». В строгом смысле слова это было нарушением закона, но соответствующее решение было принято.

Следующим шагом Вудвилей стало существенное изменение состава Королевского совета. Фактически они сформировали новый орган, лояльный по отношению к их клану. Манчини отмечал, что королева «вовлекла в свою партию многих незнакомцев, и представила их двору, так что они одни должны были управлять публичными и частными делами короны... давать или продавать должности и, наконец, управлять самим королем». Это были архиепископы Кентерберийский и Йоркский, хранитель малой печати и епископ Линкольна лорд Рассел; епископ Эли Мортон[1] и другие. Люди, попавшие в Королевский совет благодаря протекции Вудвилей, естественно, одобряли все их решения.

[1] Воспоминания епископа Мортона о событиях весны—лета 1483 г. были положены в основу знаменитой «Истории Ричарда III» Томаса Мора.

На родственников королевы работало еще два обстоятельства. Во-первых, Вудвили имели огромное влияние на нового короля. Еще в возрасте трех лет принц Эдуард был отослан в Уэльс в качестве живого символа королевской власти. В 1483-м Эдуард V продолжал пребывать там же. Номинально он возглавлял Совет Уэльса, на самом деле его время было поделено между уроками, играми и, в последнюю очередь, официальными мероприятиями, на которых он должен был присутствовать. Необходимо подчеркнуть, что окружение принца состояло почти исключительно из родственников его матери. Именно в них он привык видеть своих опекунов, друзей и самых верных сторонников. В Уэльсе известие о смерти короля было получено 14 апреля. Юного короля немедленно начали готовить к путешествию в Лондон.

Во-вторых, маркиз Дорсет занимал должность коменданта Тауэра, т.е. фактически контролировал хранящуюся там королевскую казну и запасы оружия.

Добившись численного преобладания в Совете, Вудвили начали проводить свою политику. Они настояли на том, чтобы Совет разрешил вооружить флот для защиты английского побережья. Под давлением Вудвилей должность адмирала была передана брату Елизаветы — сэру Эдуарду Вудвилю. Наконец, уже без санкции Совета Эдуарду Вудвилю была вручена значительная часть королевской (т.е. государственной) казны. Таким образом, «партия королевы» получила средства «на черный день» и возможность в случае крайней необходимости действовать силой.

Показательно, что в официальных документах апреля 1483 г. обязательно присутствовали имена маркиза Дорсета (его неизменно называли «единоутробным братом короля») и графа Риверса («единоутробный дядя короля»). Ричард Глостер, напротив, не упоминался ни разу. Наконец, заседания Королевского совета стали проводиться в присутствии королевы-матери, как будто она уже была регентом.

Если это был не переворот, то что-то очень на него похожее. Финальной точкой стало принятие решения о коронации Эдуар-

да V 4 мая 1483 г. С юридической точки зрения, коронованный монарх считался совершеннолетним, и деятельность протектора должна была автоматически прекратиться.

А что же герцог Глостер? Почему он бездействовал? Все очень просто — его попросту «забыли» известить и о кончине Эдуарда IV, и о последней воле короля. Гонец из Лондона прискакал в Мидлхэм только ближе к двадцатому апреля. Важно подчеркнуть — это был не чиновник, а личный посланец лорда Гастингса.

Мы знаем, что Уильям Гастингс не входил в «партию королевы». Его совершенно не устраивала перспектива подчиняться Вудвилям, лишиться должности капитана Кале, а может быть и части владений. Союз с Ричардом Глостером казался ему куда более предпочтительным. Неудивительно, что Гастингс буквально умолял герцога Глостера немедленно прибыть в Лондон в сопровождении как можно более внушительного эскорта.

Стоит отметить, что действия Вудвилей казались неправомочными не только лорду Гастингсу — та же точка зрения присутствует и в сочинениях современников (в частных письмах, работах Доминико Манчини и Кройлендского хрониста).

Можно представить себе чувства Ричарда, когда он в один день узнал о смерти любимого брата; о том, что ему фактически завещано управление Англией; и, наконец, о том, что регентства ему, возможно, уже не видать. Выскочки Вудвили, буквально поднятые Эдуардом IV из грязи, осмелились не посчитаться с последней волей короля и вознамерились захватить власть.

Реакция герцога Глостера должна была оказаться крайне неприятной для родственников королевы. Однако в первые дни Ричард действовал под влиянием гораздо более сильного чувства — горя. По данным Кройлендской хроники и Джона Росса, после получения вестей из Лондона герцог Глостер облачился в глубокий траур и немедленно направился в Йорк. Туда же было приказано прибыть всем окрестным дворянам. В кафедральном соборе города прошла пышная заупокойная служба, затем все дворяне принесли клятву верности Эдуарду V.

Уже из Йорка Ричард направил членам Королевского совета довольно резкое послание. Герцог Глостер писал, что намерен всеми силами служить юному монарху, но он никогда не позволит делать того, что противоречит английским законам и воле покойного короля Эдуарда. Это было официальное предупреждение, и оно оказалось действенным. Манчини подчеркивал, что «письмо произвело огромное впечатление на членов Совета. Те, кто до того благоволили к герцогу в сердцах своих, так как верили в его честность, теперь стали поддерживать его открыто и громко. Так что все прямо говорили, что герцог должен возглавить правительство».

Тем временем из столицы продолжали прибывать письма от лорда Гастингса, который настойчиво советовал Ричарду поторопиться. Свои услуги предложил и еще один аристократ — Генри Стаффорд герцог Бэкингем. Ричарда Глостера и Генри Стаффорда многое объединяло. Они были почти ровесниками (Бэкингем на три года младше); оба возводили свой род к Эдуарду III; оба, мягко скажем, недолюбливали Вудвилей. Наконец, Бэкингем увяз в сложнейшей земельной тяжбе за наследство рода де Боханов. Выиграть процесс без вмешательства очень могущественного покровителя было почти невозможно. Вероятно, герцог Глостер пообещал передать Бэкингему земли Боханов в обмен на поддержку.

В 20-х числах апреля Ричард Глостер наконец получил первые официальные известия из столицы. Это было приглашение присоединиться к кортежу, который должен был доставить Эдуарда V в Лондон.

К слову сказать, обсуждение размера королевского эскорта едва не привело к нешуточной ссоре. Вудвили желали, чтобы король прибыл в столицу в сопровождении как можно более внушительного отряда. Помимо прочего это гарантировало, что никто не сможет силой вывести Эдуарда V из-под контроля материнского клана. Лорд Гастингс, естественно, настаивал на небольшой свите. Он даже пригрозил, что немедленно покинет Совет и удалится в Кале.

Важно отметить — Гастингс оказался далеко не единственным членом Совета, не пожелавшим облегчать положение Вудвилей. Кройлендский хронист писал: «наиболее мудрые» пришли к мнению, что «братьям и дядям короля с материнской стороны ни в коем случае не следует разрешать влиять на действия юного монарха до тех пор, пока он не достигнет возраста мужества». Иными словами, клану королевы так и не удалось приобрести большинство в Совете, аристократы решительно предпочитали герцога Глостера. В итоге Елизавета Вудвиль была вынуждена уступить — эскорт Эдуарда V был ограничен относительно скромной цифрой в 2000 человек.

Последовавшие за этим события были вполне предсказуемы. Благополучие, процветание, вся будущая жизнь Ричарда Глостера зависела от того, сможет ли он контролировать Эдуарда V. Достигнуть цели можно было только одним способом — Вудвилей следовало лишить власти (должностей, мест в Совете и т.д.) и, что гораздо важнее, доступа к юному монарху. А теперь зададимся вопросом — каким образом в эпоху гражданских войн можно было убрать с дороги сильный и исключительно амбициозный клан, уже протянувший обе руки к короне? Разумеется, силой.

Итак, в соответствии с официальной договоренностью герцог Глостер со своими людьми должен был встретить юного монарха на пути в Лондон, чтобы вместе отправиться в столицу. Что же произошло на самом деле? К сожалению, точной информацией современные историки не обладают.

Известно, что 29 апреля Ричард Глостер и герцог Бэкингем прибыли в городок Нортгемптон, расположенный в 100 километрах от Лондона. Они планировали увидеть там короля, но нашли только его дядю лорда Риверса и несколько других придворных. Они объяснили, что Нортгемптон слишком мал, чтобы вместить и свиту короля, и людей герцога Глостера. Поэтому было решено, что Эдуард V проедет немного дальше — в Стони-Стратфорд.

Все это выглядело весьма подозрительно. Нортгемптон был далеко не самым большим городом, однако помещений в нем хва-

тало. Во всяком случае, всего через день в городке без особенных затруднений расселились и сопровождавшие протектора, и почти все, кто был с Эдуардом V. Что касается Стони-Стратфорда, то он был расположен не «немного дальше», а на 20 километров ближе к Лондону. Иными словами, юный король уже проделал $^1/_5$ пути к столице. Возникает логичный вопрос: почему?

Ричард не стал поднимать панику и устраивать ночную погоню за королевской свитой. Вместо этого он пригласил лорда Риверса разделить ужин с ним и с герцогом Бэкингемом. Однако перед рассветом дом, в котором остановился Энтони Риверс, был окружен, а сам лорд арестован (вероятно, до выяснения всех обстоятельств).

С первыми же лучами солнца (т.е. примерно в 4 утра) герцоги Глостер и Бэкингем во весь опор помчались в Стони-Стратфорд. Несмотря на спешку, они застали короля… уже сидящим в седле и готовым немедленно отправиться дальше. Стало ясно, что дожидаться протектора никто не собирался. Вудвили снова вели двойную игру, и это не прибавило Ричарду добродушия. Разумеется, внешне все выглядело вполне благопристойно. Герцоги почтительнейше склонились перед монархом и принесли ему клятву верности.

Почти сразу же вскрылась настоящая причина спешки. Накануне из Лондона прискакал сводный брат Эдуарда V — Ричард Грей. Именно после его приезда королевский кортеж неожиданно покинул Нортгемптон и ускоренным маршем двинулся к столице. Вывод, как говорится, напрашивался. Не только Ричард, но и все авторы текстов, написанных «по горячим следам», полагали, что Грей привез приказ королевы Елизаветы — Эдуард V должен быть доставлен в столицу до того, как герцог Глостер успеет его перехватить.

По-видимому, Энтони Риверса оставили в Нортгемптоне, чтобы выиграть время. По словам Манчини, «лорд Риверс всегда считался добрым, серьезным и справедливым человеком». Добавим, что он был обаятелен и умен, прекрасно сражался на турни-

рах, покровительствовал ученым и гуманистам (в частности, при его поддержке Кэкстон основал первую в Англии типографию). Наконец, в отличие от других представителей клана Вудвилей, лорд Риверс был в хороших отношениях с Ричардом. Он даже назначил герцога Глостера одним из своих душеприказчиков. Словом, лучше его никто не смог бы усыпить подозрения протектора. Увы, затея не удалась.

Получив доказательства заговора, герцог Глостер приказал арестовать Ричарда Грея и одного из наиболее стойких приверженцев Вудвилей Томаса Вогана. Эдуард V попытался протестовать. Тогда герцог Глостер пояснил, что Ричард Грей, маркиз Дорсет и Энтони Риверс не только хотели лишить Ричарда поста протектора, но и составили заговор против его жизни. Герцог просто вынужден был отдать распоряжение об их аресте. Можно представить, насколько эти обвинения шокировали юного короля. Эдуард V заявил, что лорд Ричард Грей и его дядя Риверс — его друзья, и он им вполне доверяет. Заступничество юного монарха было очень трогательным, но к его словам не прислушались. Конечно же Ричарду не удалось переубедить племянника, но он смог уговорить его вернуться в Нортгемптон и подождать развития событий.

Теперь давайте попытаемся разобраться, что же произошло в Стони-Стратфорде на самом деле. Защитники Ричарда III потратили немало сил, чтобы доказать — заговор против жизни герцога Глостера действительно существовал. Однако, несмотря на все старания, ричардианцам не удалось отыскать ни одного документа, доказывающего, что Вудвили намеревались напасть на Ричарда Глостера или подослать к нему убийц. Они безусловно сделали все, чтобы герцог не получил доступа к реальной власти. Вполне вероятно, родственники королевы намеревались в будущем лишить его части должностей и возможно даже части владений, но жизни Ричарда ничто не угрожало. В конце апреля 1483 г. положение Вудвилей было очень непрочным. Путем интриг, подтасовок и умолчаний им почти удалось прийти

к власти, но именно почти. Даже простое подозрение в убийстве протектора лишило бы их всякой поддержки, более того, могло спровоцировать новый виток гражданской войны. Откровенно непопулярный клан попросту не мог себе позволить прибегнуть к силе — в вооруженном противостоянии у них не было никаких шансов.

По-видимому, Ричард выдумал заговор Вудвилей, чтобы оправдать свои действия. Необходимо подчеркнуть — никаких законных оснований для взятия ближайших родственников короля под стражу не было. То, что королевский кортеж не дождался протектора, было неприятно, но на аресты сюжет определенно не тянул.

Так, собственно, в чем было дело? Почему Елизавета Вудвиль хотела, чтобы ее сын был как можно скорее доставлен в Лондон? И отчего герцог Глостер так занервничал? Еще в первых работах ричардианцев можно найти следующую версию — Эдуарда V хотели как можно быстрее короновать (как вариант еще на подступах к столице), чтобы юридически прекратить полномочия протектора. Эта версия кажется несколько надуманной. Да, коронованный монарх формально считался совершеннолетним, но помазание не делало его способным управлять страной. К тому же дата коронации уже была назначена. Ее можно было слегка отодвинуть, но именно слегка. В рамках предложенной ричардианцами теории герцог Глостер исступлённо боролся за то, чтобы побыть регентом несколько недель, а то и несколько дней. Это чистой воды абсурд.

Подчеркнем, в конце апреля вопрос о регентстве уже потерял актуальность. Всем было ясно: управлять государством будет тот, кто получит возможность физически контролировать двенадцатилетнего короля. Если бы Вудвилям удалось опередить Ричарда Глостера, Эдуард V был бы помещен под охрану материнского клана. Вудвили вряд ли смогли бы править самовластно, но сохраняли за собой львиную долю государственного «пирога».

В реальности все сложилось иначе — короля заполучил Ричард Глостер, теперь он мог действовать от имени Эдуарда V.

Весть о произошедшем в Стони-Стратфорде достигла Лондона ночью 30 апреля. Вудвили среагировали исключительно эмоционально и попытались сколотить вооруженный отряд, чтобы отбить короля силой. Однако из этой затеи ничего не вышло. По свидетельству Манчини, ни один аристократ не выразил желания выступить против протектора.

Родственникам королевы оставалось либо признать свое поражение, либо бежать. К сожалению, и с бегством возникли проблемы. Вполне логично было бы воспользоваться для этой цели флотом, который собирал брат королевы Эдуард Вудвиль. Увы, адмирал Англии отбыл буквально накануне, на всякий случай захватив с собой вверенную его попечению часть государственной казны.

В итоге королева решила прибегнуть к проверенному средству. Ей уже удалось «пересидеть» реставрацию Ланкастеров в 1470—1471 гг. в Вестминстерском аббатстве. Теперь она вновь укрылась под спасительными сводами. Вместе с Елизаветой отправились ее дочери, младший сын (принц Ричард), старший сын (маркиз Дорсет), брат (епископом Солсбери) и самые верные из сторонников. Вудвили устраивались в Вестминстере надолго — туда до утра перетаскивали вещи, мебель и... то, что осталось от королевской казны.

Разумеется, после всех этих событий обстановка в столице стала несколько напряженной. Действия герцога Глостера одобрили далеко не все. Многие лорды вооружили своих сторонников, что называется, на всякий случай. Наиболее решительные поспешили выразить свою лояльность королеве. В частности, канцлер Англии архиепископ Йоркский явился в Вестминстер и передал Елизавете Вудвиль большую государственную печать.

Партии протектора было необходимо срочно объяснить, что происходит. Утром 1 мая лорд Гастингс собрал лордов, чтобы

заявить — на самом деле герцог Глостер действовал в интересах юного монарха. В Стони-Стратфорде он, возможно, отчасти превысил свои полномочия, но участь арестованных будет решать только Королевский совет. Тогда же пришло и открытое письмо Ричарда Глостера.

Этот документ может служить отличным примером черного пиара. Ричард расширил и доработал версию, озвученную еще в Стони-Стратфорде. Членам Совета, лондонским ремесленным и торговым корпорациям, наконец, всем желающим сообщалось, что Вудвили — это главные, извечные враги короля. Они были плохими советниками для Эдуарда IV, поощряли его беспорядочный образ жизни и, в конце концов, довели государя до смерти. Теперь они еще и сговорились умертвить протектора. Юного монарха необходимо во что бы то ни стало изолировать от разлагающего влияния материнской родни. То, что сделал Ричард Глостер, «было совершено для его безопасности, а также для блага короля и королевства».

Несмотря на очевидные преувеличения, эти обвинения не были откровенной ложью. Вудвилей, конечно, нельзя назвать плохими придворными, но они никак не вписывались в образ «добрых советников». Как любые фавориты и выдвиженцы они яростно добивались должностей и пожалований, не отличались излишней щепетильностью, наконец, готовы были потакать любым прихотям и слабостям Эдуарда IV. В Средние века люди были убеждены, что советники монарха должны вести себя совершенно иначе — заботиться в первую очередь о благе королевства и охранять сюзерена, в том числе от него самого. В глазах Ричарда, как, впрочем, и в глазах большинства англичан, Вудвили действительно были виновны — они были самыми близкими людьми короля, но не отвадили его от дурных привычек, не сохранили его здоровье, не уберегли, и именно поэтому не имели морального права воспитывать юного Эдуарда V.

Критика родных королевы пришлась по душе и простым лондонцам, и аристократам, и большинству членов Королевского

совета. Всем казалось, что герцог Глостер будет хорошим наставником для молодого короля, ведь он всегда действовал как должно. Ричард был безупречно верен старшему брату, больше того, он-то как раз давал правильные советы, например, уговаривал не прекращать войну во Франции. Все помнили, что герцог храбро сражался с шотландцами, не участвовал в интригах, был верным семьянином, не любил ни слишком пышных праздников, ни шумных попоек. Неудивительно, что уже к вечеру лорд Гастингс отправил протектору радостное известие — Вудвили временно нейтрализованы, а столица с нетерпением ожидает прибытия юного короля и его опекуна.

Прекрасным индикатором колебаний общественного мнения могут служить действия канцлера Англии. Напомним, что ночью 30 мая архиепископ Йоркский передал Елизавете Вудвиль большую королевскую печать. Однако уже к полудню он понял, что сотворил изрядную глупость, вернулся в Вестминстер и забрал печать обратно. Для самого канцлера эти метания имели крайне неприятные последствия — в конечном итоге он лишился должности.

Итак, первый удар был нанесен и первая победа одержана. Герцог Глостер мог спокойно везти Эдуарда V в Лондон. После арестов в Стони-Стратфорде Ричард счел разумным вернуться с королем в Нортгемптон, где они оставались до 2 мая. Торжественный въезд в столицу теперь был назначен на 4-е число, т.е. на тот день, когда, по замыслу Вудвилей, должна была состояться коронация. Разумеется, церемония была отложена.

В этой связи возникает вопрос: желал ли Ричард сам получить корону? В тот момент — вряд ли. Об этом свидетельствуют несколько обстоятельств. Прежде всего, по дороге в Лондон герцоги Глостер и Бэкингем оказывали королю все необходимые знаки почтения. Тюдорианцы полагают, что это была всего лишь игра на публику. Допустим, но существуют как минимум два доказательства того, что Ричард пытался наладить отношения с племянником.

Первое — это чудом сохранившийся клочок пергамента, на котором оставили свои автографы юный Эдуард V, Ричард и лорд Бэкингем. Сверху весьма коряво, неуверенно, зато заглавными буквами написано «Эдуард Пятый», ниже следуют девиз и подпись герцога Глостера, а еще ниже — девиз и подпись Бэкигнема. Вглядываясь в этот документ, мы словно видим двух могущественных лордов, играющих с двенадцатилетним мальчиком. Формально — он их господин, на самом деле ребенок, который пишет с трудом и пока даже не выбрал себе девиз.

Во-вторых, одно из первых распоряжений Ричарда как протектора касалось Джона Джеффри — воспитателя принца Эдуарда. Явно по просьбе племянника герцог Глостер приказывал епископу Херефорду подыскать для Джона Джеффри богатый и не слишком обременительный приход.

Конечно же, за несколько дней дядя и племянник не могли стать друзьями. В сущности, они были почти незнакомы (принц Эдуард с трех лет жил в Уэльсе). Тем не менее весной 1483 г. Ричард Глостер делал все, чтобы заполнить лежавшую между ними пропасть. Автору представляется, что в эти дни Ричард искренне желал исполнить волю покойного брата, стать главным советником, покровителем и защитником юного короля.

Герцог Глостер привез короля в Лондон 4 мая. Эдуарда V встретили со всей возможной торжественностью, после чего проводили в епископский дворец, располагавшийся во дворе собора Святого Павла. Сам Ричард разместился неподалеку в принадлежавшем ему доме на улице Бишопсгейт.

Первым делом Ричард Глостер поспешил успокоить общественное мнение — он собрал всех духовных и светских лордов, чтобы они принесли королю клятву верности. Затем был созван Королевский совет. Необходимо подчеркнуть — Ричард пригласил не только тех, кто входил в Совет при Эдуарде IV, но и лордов, недавно введенных в него по настоянию Вудвилей. Успех такой политики был очевиден. Герцога Глостера единодушно утвердили в должности протектора. С этого момента все акты, создавав-

шиеся от королевского имени, содержали приписку: «По совету нашего дорогого дяди герцога Глостера, протектора и защитника нашего королевства на время нашего несовершеннолетия».

Помазание Эдуарда V было назначено на 24 июня. Также было решено изменить место пребывания юного монарха — епископский дворец был не слишком велик, поэтому Эдуарда V переселили в Тауэр. Напомним, что в XV столетии крепость использовалась прежде всего как королевская резиденция. Никаких мрачных ассоциаций этот переезд вызвать не мог. На 25 июня был запланирован созыв Парламента, которому надлежало утвердить все решения нового царствования.

Как обычно, при смене правительства произошли перестановки, но они оказались минимальными. Архиепископ Йоркский, столь неосмотрительно доверивший Елизавете Вудвиль большую королевскую печать, лишился поста канцлера. На его место был назначен епископ Линкольна Джон Рассел, ранее бывший хранителем малой королевской печати. Несколько других чиновников также продвинулись на ступеньку вверх. Бэкингем получил власть над Уэльсом, но это была естественная плата за его поддержку. Гастингс и его сторонники упрочили свое положение, «поделив» между собой должности, принадлежавшие родне королевы.

Стоит отметить, что в течение нескольких дней клан Вудвилей был почти полностью нейтрализован. Сколько-нибудь серьезную опасность мог представлять только маневрировавший у британских берегов флот Эдуарда Вудвиля. Однако с ним справились без единой стычки. Протектор заочно лишил брата королевы должности, провозгласил изменником и объявил награду за его голову. При этом всем матросам и офицерам, добровольно покинувшим бывшего адмирала, предложили полную амнистию. Результат не заставил себя ждать — сэр Эдуард сохранил всего два корабля и вынужден был укрыться во владениях герцога Бретонского. Сын королевы маркиз Дорсет сумел тайно покинуть Вестминстерское аббатство и бежать на континент, но также был объявлен вне закона.

Еще раз подчеркнем, все меры, касающиеся ущемления прав Вудвилей, встречали полное одобрение членов Королевского совета. И все же протектор почти наверняка был разочарован. По-видимому, отправляясь в Лондон, Ричард ожидал в случае успеха получить власть равную королевской. Большинство членов Совета, напротив, полагали, что управление будет коллегиальным. Первое же серьезное обсуждение продемонстрировало эту разницу. Герцог Глостер потребовал, чтобы арестованным 30 апреля было предъявлено обвинение в государственной измене, но натолкнулся на серьезное сопротивление. Члены Совета совершенно справедливо отметили, что во время событий в Стони-Стратфорде Ричард еще не был утвержден в должности, следовательно, о предательстве не может идти и речи. Герцогу Глостеру удалось добиться лишь продления срока заключения Вудвилей.

Дебаты спровоцировал и вопрос о продолжительности регентства. Лорды Гастингс, Бэкингем и другие сторонники протектора полагали, что Ричард должен сохранить власть вплоть до совершеннолетия Эдуарда V. Это решение поддержали епископы, заседавшие в Королевском совете. Но нашлись и те, кто высказался против. В итоге вопрос о регентстве решили отдать на усмотрение Парламента.

Было очевидно — протектор желал большего, но к середине мая всем начало казаться, что политический кризис миновал. Аристократы отсылали домой вооруженные отряды. В столицу постепенно съезжались желающие присутствовать на коронации. В частности, 5 июня прибыла супруга Ричарда. Маленького сына протектора решили пока не привозить в столицу — у Эдуарда было слишком слабое здоровье. С Елизаветой Вудвиль велись переговоры — вдовствующую королеву уговаривали выйти из убежища. Начались выборы в Парламент.

Однако это была всего лишь иллюзия. Главные участники политической драмы готовились продолжить борьбу за власть. 10 июня Ричард Глостер отправил в Йорк послание, содержание

которого стало бы полной неожиданностью для большинства членов Королевского совета. Протектор просил верных горожан как можно скорее прислать в столицу вооруженный отряд. Королева и ее родня якобы вновь составили заговор против жизни герцога Глостера. Больше того, они замыслили «разрушить мир и лишить прав собственности всех имущих и уважаемых людей и северян, и жителей других частей королевства». К 18 июня отряд йоркцев должен был достигнуть Понтефракта и там ожидать распоряжений протектора.

По-видимому, события развивались куда стремительнее, чем планировал Ричард. 13 июня, т.е. даже до того как гонец герцога Глостера прибыл в Йорк, прямо во время заседания Совета в Тауэре протектор приказал арестовать лорда Гастингса, герцога Стенли, епископа Мортона и Томаса Ротерхэма архиепископа Йорка. Что именно произошло в Тауэре в пятницу 13-го, никто точно не знает. Единственное развернутое описание событий можно найти в «Истории Ричарда III» Томаса Мора. Но историки давно установили — великий гуманист писал не историю, а нравоучительную драму, поэтому огромное большинство деталей он попросту выдумал для создания драматического эффекта.

Нам известна только официальная версия произошедшего. Протектор обвинил арестованных в государственной измене. Они якобы состояли в заговоре с Вудвилями. Целью заговорщиков был, разумеется, захват власти и убийство герцога Глостера. Посредником между лордами и королевой служила куртизанка Джейн Шор (напомним, что Джейн имела отношения и с лордом Гастингсом, и со старшим сыном Елизаветы Вудвиль от первого брака — маркизом Дорсетом). Возможно, на Совете прозвучали также обвинения в колдовстве — королева Елизавета и «жена Шора» будто бы хотели расправиться с протектором при помощи черной магии.

Герцог Глостер действовал очень решительно — лорд Гастингс был немедленно казнен, Стенли поместили под домашний арест, епископов заключили в одну из темниц Тауэра.

Важно обратить внимание на следующее обстоятельство — ни один из источников не рассказывает о сопротивлении других членов Королевского совета. Сцена в Тауэре могла быть очень бурной, по версии Томаса Мора, завязалась борьба, герцог Глостер действительно мог кричать о предательстве и громко призывать стражу. Но никто из лордов ни во время совета, ни после не выступил в защиту арестованных.

Вести о злополучном Совете в Тауэре вызвали в Лондоне настоящую панику. По столице распространились самые ужасные слухи, горожане начали вооружаться. Но все успокоилось удивительно быстро — протектор опубликовал прокламацию, текст которой дошел до нас только в пересказах. К озвученным на заседании Королевского совета обвинениям были добавлены новые пункты. Лорд Гастингс провозглашался одним из «дурных советников», которые подавали Эдуарду IV пример разгульной жизни и тем самым свели монарха в могилу. В этом, несомненно, была доля правды — Гастингс действительно являлся бессменным собутыльником короля Эдуарда и его верным товарищем в любовных похождениях. Кроме того, протектор приказал объявить, что лорда Гастингса спешно казнили, так как иначе его могли бы отбить силой. По выражению Манчини, «невежественная толпа поверила».

Попытаемся разобраться в произошедшем более подробно. Основные версии были сформулированы уже к 30-м годам XVI в. По мнению историков, писавших во времена Тюдоров, никакого заговора в помине не было. Ричард Глостер якобы уже давно задумал узурпировать трон, к середине июня он собрался с силами и приступил к ликвидации политических противников. Того же мнения до сих пор придерживаются т.н. традиционалисты.

Защитники Ричарда III утверждают, что заговор был, и протектор действительно защищал свою жизнь. Позиция ричардианцев на первый взгляд выглядит более обоснованной, так как они опираются на мнение современников. Герцогу Глостеру поверила

не только «невежественная толпа», но и большинство членов Королевского совета, а также большинство хронистов, писавших, что называется, по горячим следам. Сохранилось весьма любопытное визуальное доказательство этого — на полях хроники аббатства Сент-Олбанса можно увидеть нечто вроде карикатуры на Джорджа Гастингса. Монахи изобразили лорда в откровенно демоническом облике — с лысым черепом, заостренными ушами и крайне неприятными чертами лица.

Разумеется, исследователи имеют моральное право критически относиться к данным источников. Но полностью игнорировать мнение свидетелей событий вряд ли имеет смысл. Необходимо подчеркнуть — в середине июня 1483-го у Ричарда Глостера не было возможности силой навязать членам Совета свои взгляды. Запугать лондонцев он тоже был положительно не в состоянии, да источники об этом и не говорят. Они утверждают, что протектор смог убедить всех, что действовал на благо королевства. Вероятно, документы сохранили не всю информацию. Возможно, были предъявлены дополнительные доказательства. А может быть, «косвенные улики» выглядели достаточно убедительно.

Вероятно, нам удастся прояснить ситуацию, проанализировав мотивы «подозреваемых». Королева и ее родственники, вне всяких сомнений, были заинтересованы в устранении протектора. У лорда Гастингса также имелись серьезные причины для недовольства.

Без Гастингса Ричард, скорее всего, не смог бы стать протектором, но лорд очень быстро понял, что старался не для себя. Первым человеком после регента стал герцог Бэкингем, Гастингс же оказался всего лишь одним из дружественно настроенных аристократов. Почему так? Все очень просто — Джордж Гастингс был слишком крупной и самостоятельной политической фигурой, а протектор не желал делиться властью. Лучший друг Эдуарда IV вряд ли мог смириться с понижением своего статуса, и «смена ориентиров» была вполне естественным выходом из положения.

Примерно те же мотивы двигали Томасом Ротерхэмом. Напомним, что архиепископ Йорка с самого начала был активным сторонником Вудвилей и даже рискнул передать королеве большую печать. Лишение поста канцлера сделало его одним из врагов протектора.

Наконец, епископ Мортон и лорд Стенли всегда были противниками герцога Глостера. Конфликт со Стенли начался еще в 1473 г., когда Ричард вмешался в земельную тяжбу Стенли с гораздо менее влиятельным родом Харрингтонов. Решение было принято по справедливости, т.е. не в пользу Стенли. Мортон и Стенли были антипатичны Ричарду еще и потому, что отличались излишней гибкостью взглядов. Бесконечные переходы от Йорков к Ланкастерам и обратно делали их крайне ненадежными союзниками. При Эдуарде IV оба аристократа занимали видное положение, теперь же они были фактически устранены от принятия решений.

Союз в Вудвилями также выглядит вполне логично. После устранения протектора Гастингс и его союзники могли сохранить свое положение только заручившись благосклонностью юного короля. Для того чтобы ее завоевать, следовало объединиться с теми, кем Эдуард V дорожил более всего — королевой-матерью и ее родственниками.

Итак, у арестованных 13 июня были причины выступить против герцога Глостера. К тому же до наших дней дошли записи, подтверждающие выплату вознаграждения некоему незнакомцу, который рассказал Ричарду о существовании заговора. Вероятнее всего, заговор и в самом деле имел место. Замышлялось ли убийство герцога Глостера? Вполне возможно, так как иным способом отстранить его от власти было нереально. По-видимому, между 10 июня, когда Ричард отправил гонца в Йорк, и 13-м числом он получил какую-то новую информацию, которая заставила его действовать немедленно. Как и в Стони-Стратфорде, у него получилось.

Именно потому, что заговорщики толком ничего не успели, все, кроме Гастингса, отделались очень легко. Архиепископ Йорка провел в заключении всего несколько дней. Арест Мортона длился дольше, но по просьбе Бэкингема епископа поместили в принадлежавшем герцогу замке Брекнок, где он устроился со всем возможным комфортом. Наконец, Стенли через неделю получил полное прощение и даже сохранил за собой место в Королевском совете.

Протектор проявил великодушие по отношению к бывшим соратникам Эдуарда IV, но не к Вудвилям. Новый заговор красноречиво продемонстрировал, что клан королевы не желает мириться с его регентством. На этот раз Совет нашел аргументы Ричарда вполне убедительными. Арестованных еще 30 апреля Энтони Риверса и Ричарда Грея обвинили в государственной измене и 25 июня обезглавили. Разумеется, находившиеся в заключении родственники королевы не могли участвовать в июньском заговоре. Их казнь демонстрировала поворот в политике Королевского совета. Теперь его члены были готовы во всем подчиниться протектору.

Положение Ричарда заметно укрепилось, Вудвили теряли последние остатки популярности, и теперь с королевой можно было не церемониться. Елизавета Вудвиль по-прежнему укрывалась в Вестминстере. Ее уже почти перестали уговаривать присоединиться ко двору, в конце концов, рано или поздно это все равно бы произошло. В этой ситуации упрямство королевы вредило только ей самой. Однако оставалась еще одна проблема. Вместе с бывшей королевой в церковном убежище находился младший брат Эдуарда V — принц Ричард. Между тем традиция требовала, чтобы он присутствовал на коронации нового монарха.

15 июня вопрос о том, можно ли забрать принца Ричарда у матери, был вынесен на рассмотрение Королевского совета. Мнения разошлись, но все же большинство сановников высказалось за. На следующий день в Вестминстер отправилась целая делегация под предводительством кардинала Буше, которому принц Ричард

приходился внучатым племянником. Елизавета Вудвиль, хоть и скрепя сердце, согласилась отдать сына. Протектор торжественно приветствовал принца, немного побеседовал с ним и лично проводил в покои Эдуарда V.

В данном случае уместно сделать одну оговорку. Сохранившиеся источники не дают единой хронологии событий. Доминико Манчини, Полидор Вергилий и Томас Мор писали, что принц был извлечен из убежища еще до казни Гастингса. Кройлендская хроника и письма из семейного архива Стоноров утверждают, что это произошло только 16 июня. Углубленное изучение архивов лондонских ремесленных корпораций позволило установить — верна именно эта датировка. Манчини, Вергилий и Мор сознательно исказили порядок событий, так как верили, что герцог Глостер уже планировал узурпацию. По их мнению, протектор использовал лорда Гастингса, чтобы заполучить принца Ричарда. И лишь когда в его руках были оба сына Эдуарда IV, он начал убирать с дороги самых верных соратников покойного короля, тех, кто никогда не позволил бы ему узурпировать трон.

Примерно в это же время Ричард принял в свой дом еще одного отпрыска династии Йорков — десятилетнего сына Джорджа Кларенса. По семейной традиции мальчик носил имя Эдуард, от прославленного деда он унаследовал титул графа Уорвика. Эдуарда Уорвика привезли из провинции и поместили под покровительство его родной тетки Анны Невиль.

Таким образом, к середине июня герцог Глостер сумел стать полноправным регентом и признанным главой дома Йорков. Королевский совет выполнял все его желания, заговоры были раскрыты, а наиболее опасные политические оппоненты уничтожены. Протектор полностью контролировал и юного короля, и его младшего брата. К тому же он был не только самым могущественным, но и самым популярным политиком в Англии. Теоретически Ричард мог временно расслабиться и насладиться триумфом. На деле вышло иначе.

17 июня, т.е. на следующий же день после того, как в руках протектора оказались оба принца, коронация Эдуарда V была вновь отложена. Никаких рациональных причин для этого не было. По-видимому, к этому времени герцог Глостер уже решил, что королевский трон подойдет ему куда больше, чем кресло регента.

Именно в этот момент Ричард начал утрачивать общественную поддержку. Аристократы и горожане могли поверить герцогу Глостеру один раз, два раза, но не до бесконечности. Стало ясно, что все далеко не в порядке. По Лондону вновь поползли слухи. 19 июня власти столицы решили, что ночью улицы города должны патрулировать вооруженные стражники, так сказать, на всякий случай. Отосланное 20 июня письмо из архива купцов Сели красноречиво демонстрирует, какая неразбериха царила в умах большинства горожан. Джордж Сели писал о самых невероятных событиях: «Говорят, будто бы епископ Эли (Мортон) мертв... и что король, Бог да защитит его жизнь, должен умереть, а герцог Глостер в опасности... говорят, что мой лорд Нортумберленд убит или опасно ранен, и будто бы мой лорд Говард убит».

Никто не собирался вооружаться против протектора, однако политический кризис был налицо. Всего два месяца правления короля-ребенка неприятно напомнили времена Генриха VI. С Ричардом Глостером по-прежнему связывали надежды на стабильность, но в народе почти открыто поговаривали, что Эдуард V не будет царствовать.

В эти беспокойные дни произошло еще одно событие, поставившее крест на будущем сыновей Эдуарда IV. На заседании Королевского совета выступил епископ Бафа и Уэльса Роберт Стиллингтон. Тайна, которой он поделился с лордами, произвела эффект разорвавшейся бомбы. Стиллингтон сообщил, что брак Эдуарда IV и Елизаветы Вудвиль был недействительным. Оказалось, что еще до того, как король тайно женился на Елизавете, он (тоже тайно) был помолвлен с дочерью графа Шресбери — леди Элеонор Батлер. Епископ якобы лично присутствовал на

церемонии. Важно помнить, что в Средние века официальная помолвка фактически приравнивалась к браку. Иными словами, король Эдуард был двоеженцем, а его дети — бастардами, не имеющими права на трон.

Никаких письменных доказательств Стиллингтон представить не мог, но история выглядела очень правдоподобно. Эдуард IV был известен своим женолюбием, самым шокирующим проявлением которого стала женитьба на Елизавете Вудвиль. Можно с уверенностью утверждать, что дети короля Эдуарда стали жертвами его необдуманного, недостойного и даже непристойного поведения. Если бы Эдуард IV вступил в брак, например, с французской принцессой (напомним, что такие переговоры велись), никому и в голову бы не пришло усомниться в законности его сыновей. Проблема была даже не в существовании помолвки, тайная женитьба на перезрелой худородной вдове с двумя детьми была настолько скандальной, что открывала простор для любых подозрений.

Опровергнуть обвинения Стиллингтона было невозможно, поэтому их «условно» приняли за истину. Говорил ли епископ Бафа правду — большой вопрос. Ричардианцы полагают, что это так. В качестве доказательства приводится следующий факт — Робет Стиллингтон дважды (после казни Кларенса и после прихода к власти Генриха Тюдора) был судим за «предательские речи в отношении короля и государства». Как ни странно, оба раза епископу удавалось получить прощение. На наш взгляд, это не вполне логично — столь опасного свидетеля было проще или казнить, или, на худой конец, оставить в вечном заключении. Остается надеяться, что когда-нибудь будут найдены документы, которые прольют свет на эту запутанную историю.

Гораздо важнее другое. Благодаря столь кстати сделанным разоблачениям, герцог Глостер оказался не просто дядей короля, а единственным законным наследником короны. Разумеется, выступление Роберта Стиллингтона было согласовано с протектором и тщательно отрепетировано.

Защитники Ричарда III полагают, что он узнал о своих правах на трон где-то в середине июня и лишь после этого замыслил государственный переворот. Такова официальная версия, предложенная самим протектором. Думается, в данном случае чрезмерная доверчивость неуместна. Автору кажется, что решительный перелом в политике герцога Глостера наступил уже к 10 июня. Когда он просил Йорк о вооруженной поддержке, речь шла о подготовке к узурпации. Причин к тому могло быть несколько.

Самое банальное и очевидное — Ричард Глостер не выдержал испытания властью. Она оказалась слишком приятной, слишком притягательной, и герцог не смог отказаться от искушения стать королем. Не стоит забывать и о том, что будущее Ричарда как протектора было туманным. Постоянно возникающие заговоры, необходимость считаться с мнением других членов Королевского совета — все это практически гарантировало продолжение борьбы. К тому же Эдуард V был достаточно взрослым, чтобы через несколько лет начать оказывать существенное влияние на политику.

Кстати, роль юного короля во всех этих событиях до сих пор недооценена. Напомним, что еще в Стони-Стратфорде Эдуард V решительно воспротивился аресту своих родственников. У историков нет неопровержимых доказательств, но, вероятнее всего, король оказался слишком крепким орешком. Протектор очень быстро обнаружил, что ему не удается сколько-нибудь заметно повлиять на симпатии и антипатии своего властелина. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что Эдуард V не Йорк, а Вудвиль. Спусковой пружиной вполне могла стать реакция короля на приговор, вынесенный его дяде и сводному брату. Ричард понял, что его власть продлится очень недолго, и решил действовать.

Возможно, ричардианцы правы, утверждая, что герцог Глостер был вынужден совершить государственный переворот. Раз вступив в борьбу за регентство, по законам эпохи, он должен был сражаться до конца. Поначалу Ричардом двигало стремление

соблюсти последнюю волю Эдуарда IV. Но затем оказалось, что он не может стать протектором, не изолировав родственников королевы; потом на его пути встали бывшие соратники брата; пришлось перейти к казням ближайшей родни юного короля. Наконец, выяснилось, что удержать власть можно только устранив племянников.

Ричард оказался заложником обстоятельств. Он не смог смириться с поражением и предпочел пойти на предательство. Действия герцога Глостера можно назвать и более мягким словом, но никакие мотивы не могли оправдать того, что он пошел против интересов клана и погубил детей, вверенных его попечению.

В воскресенье 22 июня священник по имени Ральф Шей произнес свою печально знаменитую проповедь. Лондонцы узнали, что дети Эдуарда IV не более чем бастарды, так как к моменту заключения брака король был все равно что женат на Элеонор Батлер. Сам Эдуард IV тоже не являлся законным наследником Ричарда Йорка — его отцом был некий французский лучник. Жителям столицы напомнили, что после осуждения Джорджа Кларенса его дети были лишены права наследовать корону. Следовательно, трон должен перейти к единственному законному претенденту — герцогу Глостеру. Возможно, все это было верно, но чудовищно некрасиво.

Если верить Томасу Мору, Ричард появился на площади в надежде услышать приветственные крики, но его встретили угрюмым молчанием. Никто не протестовал, никто не высказывал одобрения. «Народ безмолвствовал». Ради власти герцог Глостер пошел на совершенно непозволительный шаг. Он прилюдно растоптал честь дома Йорков, унизил память обожаемого лондонцами Эдуарда IV и жестоко оскорбил собственную мать.

В понедельник Ричарду Глостеру удалось заручиться одобрением Палаты Лордов. После казни Гастингса протектор приказал разослать распоряжения об отмене сессии, но уже через несколь-

ко дней вновь передумал. К 23 июня в столицу уже прибыли почти все делегаты. Формально Парламент еще не начал работу, и тем не менее лордов созвали, чтобы ознакомить с политической ситуацией. Речь герцога Бэкингема была долгой и красноречивой, но вряд ли вызвала положительную реакцию. Бароны понимали, что противиться бесполезно, и позволили протектору поступать по-своему.

На следующий день (кстати, на 24 июня ранее намечалась коронация Эдуарда V) Бэкингем ораторствовал уже перед горожанами. Большая Хроника Лондона утверждает, что речь герцога была воистину великолепна, и все, кто ее слышал, признали, что никогда еще не были свидетелями подобного красноречия.

В среду 25 июня собрался Парламент. Несколько городов не прислали своих делегатов, так как получили письма об отмене сессии, но в целом все выглядело вполне законно. Лорды явились почти в полном составе. Недостаток депутатов в Палате Общин был возмещен за счет весьма представительной делегации лондонцев.

Перед объединенным собранием Лордов и Общин был зачитан длинный свиток, обосновывающий права Ричарда на корону. В нем были собраны почти все предыдущие аргументы, начиная с обвинений Вудвилей в смерти Эдуарда IV и заканчивая информацией о незаконном рождении детей короля. Отрадно заметить, что в петиции Парламента ни словом не упоминалось о предосудительном поведении матери Ричарда.

Документ заканчивался словами: «Вы бесспорный сын и наследник Ричарда, покойного герцога Йоркского... поэтому... мы смиренно просим и молим Вашу Милость, чтобы, в соответствии с этим нашим выбором, с выбором трех сословий нашего королевства, также как по праву наследования, Вы возложили на себя корону и приняли Королевский Сан». Депутаты единодушно проголосовали «за» и решили на следующий же день передать свиток лорду-протектору.

26 июня большая делегация лордов, джентри, священников и горожан направилась к резиденции герцога Глостера. Бэкин-

гем еще раз сыграл роль оратора. От имени народа он просил протектора принять корону. Ричард Глостер был торжественно провозглашен королем Ричардом III.

Затем новый монарх направился в Вестминстер. Там он формально взял на себя королевские полномочия, усевшись на мраморный трон в Суде Королевской Скамьи. Перед королем собрались все судьи, большой зал был запружен зрителями. Ричард поспешил исправить не слишком приятное впечатление, оставленное его приходом к власти. Он обратился к судьям и чиновникам, торжественно призвал их следить за соблюдением законов, невзирая ни на страх, ни на личную приязнь. Ричард III заверил собравшихся, что все люди, вне зависимости от звания и состояния, равны в глазах короля и имеют право на равную справедливость.

Доказательства последовали немедленно. На обратном пути Ричард III вызвал из церковного убежища сэра Джона Фогга (родственника Вудвилей и одного из наиболее яростных своих противников), взял его за руку и поклялся быть ему другом. Спустя всего несколько часов Джон Фогг был назначен мировым судьей в Кенте. Ричард III завершил первый день своего царствования молитвой у мощей Эдуарда Исповедника.

Конечно, узурпацию одобрили далеко не все. Ричарда не приглашали на трон, ему позволили захватить власть, чтобы избежать беспорядков и, возможно, гражданской войны. Зрелый, мужественный и зарекомендовавший себя политик воспринимался как гарантия сохранения стабильности. Ричард III, бесспорно, пошел против совести, но, в конце концов, все уже было сделано. Королю было 30 лет, ему должно было хватить времени и на то, чтобы заставить считать себя единственным преемником брата, и на то, чтобы подавить неизбежные заговоры. Словом, Ричард вполне мог стать одним из монархов, оставивших по себе добрую память.

Глава 10
РИЧАРД III МИЛОСТЬЮ БОЖЬЕЙ КОРОЛЬ АНГЛИИ (ИЮЛЬ 1483 – АВГУСТ 1485)

Итак, Ричарду удалось почти невозможное. В начале апреля 1483 г. герцог Глостер был младшим братом короля. Между ним и троном стояло как минимум три человека (Эдуард IV и два его сына), впрочем, в те дни Ричард, скорее всего, даже не мечтал о короне. Внезапная смерть Эдуарда IV дала герцогу Глостеру возможность изменить свою жизнь — он стал регентом, а потом и королем. Сыновья Эдуарда IV были объявлены незаконнорожденными и временно исчезли с политической сцены. Разумеется, в столь сложной ситуации затягивать с коронацией было никак нельзя; церемония состоялась всего через десять дней после того, как Ричард согласился принять корону — 6 июля.

Стоит отметить, что внешняя сторона коронации была далеко не главной. Средневековые интеллектуалы не уставали повторять, что до помазания монарх являлся лишь фактическим правителем своей страны, а после него — становился ее истинным властелином, посредником между Богом и людьми, пастырем, самим Всевышним призванным оберегать вверенное ему стадо. Незыблемость королевской власти была азбучной истиной. Церковь учила — монарх может потерять трон, но при этом все равно останется королем, именно потому, что он помазанник Божий. Большинство англичан придерживались того же мнения, они продолжали именовать королями и королевами всех, кого должным образом «повенчали на царство». Например, в одном из писем семейного архива Пастонов упоминаются «король Генрих и королева Маргарита», а всего тремя строками ниже «король Эдуард» и «королева Елизавета». Иными словами, коронация была едва ли не единственным средством нейтрализовать все сомнения в законности прав монарха.

Современники в один голос отмечали, что торжества, отмечавшие воцарение Ричарда III, оказались необычайно пышными.

Новый король не любил помпезных церемоний, но в данном случае траты были необходимы. Ричард III был не слишком популярен. Как минимум спорные методы захвата власти не создали ему новых сторонников.

Не улучшало отношение к монарху и то, что он опирался в основном на поддержку северных графств. Мало того, что свита Ричарда состояла в основном из северян; захватив трон, он вызвал с севера еще 5000 человек, видимо, на случай возможных беспорядков. Необходимо отметить, что в XV столетии лондонцы относились к северянам по меньшей мере предвзято. Северные графства считали дикой страной, настоящей родиной беспорядков, а их уроженцев — необразованными, воинственными людьми непредсказуемого нрава. Жители Центральной Англии опасались, что король Ричард будет править в интересах Севера, что именно туда пойдут государственные средства и что именно северянам достанутся все ответственные посты. Пышные торжества могли хотя бы на время отвлечь и успокоить жителей столицы.

Коронация Ричарда III обещала стать особенно блестящей, поскольку это был первый с 1314 г. случай, когда корона возлагалась на голову не только короля, но и его супруги — Анны Невиль. По-видимому, Ричарду III удалось сделать свое помазание чем-то особенным. До наших дней дошло более тридцати описаний этого торжества, причем все они составлены в самых восторженных, даже благоговейных выражениях.

Праздник начался 5 июля. В этот день жители Лондона были свидетелями торжественной процессии, проследовавшей из Тауэра в Вестминстерский дворец. Напомним, что разного рода процессии и шествия были необходимой частью жизни любого средневекового города, без них не обходилось ни одно сколько-нибудь торжественное событие. Цеховые праздники, въезд короля или владетельного сеньора в подвластный им город, прибытие иностранного посольства, и тем более коронация были немыслимы без того, чтобы все участники церемонии не прошествовали перед зрителями блестящей, тщательно упорядоченной вереницей.

Придворные торжества в XV в. превратились в особый вид искусства, в них попросту не могло быть ничего случайного. Одежда, позы и даже жесты были частью удивительного спектакля, доставлявшего огромное удовольствие и актерам, и зрителям. Люди, принимавшие участие в торжестве, получали возможность не только похвастаться богатством и элегантностью своих нарядов, но и продемонстрировать свое привилегированное социальное положение. Удовольствие зрителей было тем большим, что они могли легко определить, какую роль при дворе играет тот или иной лорд, рыцарь или сквайр. Принцип такого анализа был предельно прост: чем ближе к королю, тем влиятельнее и богаче.

Помимо наблюдений за перемещениями при дворе и результатами политических интриг, зрители коронационных торжеств могли получить и более полезную информацию. Отдельные элементы церемонии, хорошо понятные каждому англичанину, вместе составляли нечто вроде политической программы монарха. По завершении коронации все присутствовавшие могли понять, собирается ли монарх воевать или он намерен поддерживать мирные отношения с соседними странами, будет ли он ограничивать своеволие баронов, уделять внимание государственным делам и т.д.

Бесспорно, главным участником торжественной процессии 5 июля 1483 г. был сам Ричард III. Король Ричард, верхом на прекрасном белом жеребце, выглядел именно так, как с точки зрения людей XV в. должен был выглядеть идеальный монарх — он был довольно молод, энергичен и хорош собой. Поскольку Ричард III только готовился к коронации, он ехал с непокрытой головой. Его роскошные одежды украшала целая россыпь драгоценных камней, а с плеч ниспадала пурпурная бархатная накидка, отделанная горностаем. Даже седло королевского коня было позолочено, а сам жеребец укрыт длинной алой попоной.

Четверо счастливцев, несколько раз сменявшихся за время шествия, несли над головой монарха расшитый балдахин из

золотого шелка. К поддерживающим ткань шестам было прикреплено множество позолоченных колокольчиков, Ричард III ехал по улицам столицы под мелодичный перезвон. Честь нести королевский балдахин особым указом была закреплена за самыми достойными гражданами пяти крупнейших английских городов, что должно было подчеркнуть факт тесного союза горожан и королевской власти.

Перед королем несли несколько мечей. Один из них — церемониальный — был почти в рост человека. Более чем прозрачный символ давал понять — Англией правит не политикан и не клирик. Ричард III позиционировал себя как воин, готовый с оружием в руках отстаивать границы своего государства.

За монархом следовали его самые преданные слуги — лорд чемберлен и лорд маршал, а за ними — два сквайра, символизировавшие герцогства Нормандию и Гиень. Напомним, что династия Йорков пришла к власти под лозунгом «партии войны». Йорки обещали продолжить Столетнюю войну и вернуть Англии ее земли «по другую сторону Ла-Манша». В отношении Франции Ричард III занимал даже более радикальную позицию, чем его отец или брат. Еще в 1475 г., когда высадка английских войск на континенте неожиданно окончилась принятием выкупа от французского короля, Ричард открыто выступил против заключения такого соглашения. Он заявлял, что отступление без сражения противоречит не только рыцарской чести и союзническим обязательствам по отношению к Бургундии, но и интересам большинства англичан, ожидавших от этого похода материальных выгод и умножения славы английского оружия. Присутствие живых символов Нормандии и Гиени в торжественной процессии ясно говорило собравшимся — Ричард III не изменил своих взглядов и твердо намерен возвратить эти герцогства британской короне.

Англичане еще помнили о временах Генриха V, когда «французские кампании» приносили дворянам, купцам, ремесленникам и даже крестьянам немалые барыши. История не имеет сослага-

тельного наклонения, вряд ли можно с уверенностью рассуждать о том, что было бы, если бы. И все же зрители церемонии могли надеяться, что новый монарх в самом ближайшем будущем предоставит своим подданным возможность поживиться за счет ненавистных французов. В любом случае декларация воинственных намерений должна была произвести самое благоприятное впечатление.

За символами Нормандии и Гиени торжественно ехали семь оруженосцев. Затем — мэр Лондона, все приглашенные на церемонию дворяне, за исключением тех, что сопровождали королеву, олдермен Лондона, сто рыцарей и сто сквайров в королевских ливреях, а также множество королевских йоменов и слуг. Процессию замыкали герольды, офицеры, сержанты и менестрели.

Впрочем, растянувшийся больше чем на километр поезд короля был лишь первой частью шествия. Как только последние его участники исчезали из вида, ворота Тауэра вновь открылись, пропуская не менее роскошный кортеж королевы. Если от Ричарда III ожидали, что он покажет себя самым благородным дворянином Англии, то королева должна была выглядеть самой величественной и прекрасной женщиной Британии. Вероятно, в это время Анна Невиль уже была больна (меньше чем через два года она скончалась от туберкулеза). И все же современники отмечали, что она в полной мере соответствовала самым высоким требованиям.

Если король проследовал из Тауэра в Вестминстер верхом, то королева ехала в открытых носилках. Во второй половине XV в. в моде были яркие цвета. О том, чтобы они сочетались друг с другом, заботились крайне редко. Благородная женщина, одетая по последней моде, вполне могла красоваться в расшитом разноцветным шелком красном платье с голубым поясом и в фиолетовом эннене[1]. На этом пестром фоне одеяние королевы Анны

[1] Эннен — головной убор в форме высокого негнущегося колпака или полумесяца. Эннены обычно украшали вышивкой и драгоценными камнями или драпировали легкой полупрозрачной тканью.

выделялось элегантной простотой. На ней было белое шелковое платье, расшитое золотом, и белая накидка, опушенная горностаем. Голову Анны Невиль венчал золотой обруч, украшенный жемчугом и драгоценными камнями. Над ее носилками четыре рыцаря несли белый раззолоченный балдахин. За королевой следовали ее оруженосцы в дамских седлах, придворные дамы, лорды всех рангов, сквайры, дворяне, а также слуги.

Прибыв в Вестминстер, король и королева удалились в свои покои. Остальных участников шествия ожидал пир в королевском дворце, присутствие на котором было не только удовольствием, но и большой честью. Гости рассаживались за одним большим мраморным столом в строгом соответствии с общественным положением (за этим тщательно следили королевские герольды). Конечно же еда была выше всяких похвал. Подавали и целиком зажаренных быков, и птиц, приготовленных, а затем вновь утыканных перьями, и «многослойное» жаркое (когда несколько животных или птиц запекались одно в другом). Вино буквально лилось рекой, а на десерт гости насладились сладкими пирогами, цветами из марципана и настоящими скульптурными композициями из печенья.

Непосредственно коронация состоялась на следующий день — 6 июля — в необычно ранее с точки зрения современного человека время. В семь часов утра самые знатные дворяне вошли в спальню короля, который уже ожидал их сидя на троне, облаченный в расшитые золотом и серебром пурпурные одежды. Придворные дамы в это же время входили в спальню королевы.

К тому моменту у стен дворца собрались все те, кто желал увидеть не саму церемонию (на нее допускались лишь самые знатные люди королевства), но хотя бы полюбоваться на то, как участники коронации торжественно направятся в собор Святого Павла, послушать доносившиеся оттуда звуки песнопений и, наконец, увидеть как новый король, в окружении своих вассалов, выходит из собора и направляется обратно во дворец.

К концу XV в. коронация превратилась в сложный, состоящий из семи отдельных частей обряд, длившийся не один час. Почти каждое действие сопровождалось молитвами и торжественными церковными гимнами. Итак, после того как все участники коронации разместились под сводами собора Святого Павла в порядке, соответствующем их положению при дворе, архиепископ Кентерберийский напомнил, что перед ними «законный и бесспорный наследник престола по законам Божьим и человеческим», тот, кого все королевство просит принять корону. После этого он спросил собравшихся, согласны ли они с тем, что принц Ричард должен быть коронован, и они, по давнему обычаю, ответили троекратным криком: «Да, король Ричард, король Ричард, король Ричард!»

Эта часть коронации, как и следовавшая за ней клятва короля, напоминали о тех далеких временах, когда жители Британских островов сами выбирали своих правителей, и для вступления на престол требовалось одобрение большинства жителей страны.

Получив формальное согласие духовных и светских лордов, архиепископ Кентерберийский взял с короля клятву, которую испокон веков давали все английские монархи. К концу XV в. эта клятва стала всего лишь неизменной формулой, что отнюдь не умаляло ее значения в глазах современников. Предполагалось, что король, произнесший освященные временем слова, должен будет соблюдать свои обещания под страхом небесной кары. Итак, Ричард III, как и его предшественники, поклялся сохранять справедливые законы и обычаи, мир и порядок в государстве, обеспечить всем «равное и справедливое правосудие», а также «защищать законы, которые будут приняты народом в Парламенте». Иными словами, он обещал по возможности не менять сложившийся порядок вещей, не препятствовать деятельности Парламента и заботиться прежде всего о сохранении внутриполитической стабильности.

Любопытно, что Ричард III внес в указанную часть коронации одно немаловажное новшество. Именно в 1483 г. клятва короля, до

того времени произносившаяся на французском, была переведена на английский язык. Этот жест был адресован не собравшимся в соборе Святого Павла аристократам, а всему английскому народу. Большинство англичан не только не понимало французского языка, но под влиянием Столетней войны относилось ко всему французскому с крайней неприязнью. Ричард III искусно сыграл на этом чувстве, создав в умах современников образ истинно английского монарха.

После произнесения клятвы наступил черед самой важной части церемонии — помазания на царство. Напомним, что в Средние века король считался больше чем человеком. Он должен был обладать всеми христианскими добродетелями, а во время коронации приобретал некоторые элементы духовного сана. Помазание служило если не аналогией крещения, то, во всяком случае, символом радикального изменения сущности монарха. Ричарда III освободили от верхней одежды, что было равносильно снятию с него прежних прав и обязанностей. Затем на чело короля нанесли священный елей. По завершении церемонии Ричарда облачили в длиннополое одеяние, напоминавшее ризу епископа, и повторно посвятили в рыцари.

Хотя церковь далеко не всегда была согласна с претензиями монархов на духовный сан, подданные признавали, что король — это почти священник. Об этом свидетельствует хотя бы безоговорочная вера в чудодейственные способности монархов, появлявшиеся именно после коронации. Французским королям приписывалась способность исцелять золотуху, прикосновения английских монархов также обладали чудесной целительной силой.

После помазания и посвящения в рыцари со словами: «Коронует тебя Бог» — архиепископ Кентерберийский возложил на голову Ричарда III древний венец сввятого Эдуарда. Затем королю были вручены остальные атрибуты власти — священное кольцо, меч, скипетр и держава.

Только теперь Ричард III стал монархом в полном смысле слова. Его с почетом проводили к заранее приготовленному трону, после чего все духовные и светские лорды поклялись быть верными вассалами Ричарда. Присутствовавшие в соборе подняли правые руки и торжественно пообещали «всеми силами защищать и поддерживать короля» во всех его делах. К сожалению, в эпоху Войн Роз вассальная присяга значила не так уж много. Верность баронов зависела от гораздо более прозаических факторов — земельных пожалований, распределения придворных и государственных должностей. И все же клятва имела огромное значение для тех, кто наблюдал за церемонией через открытые двери собора. В эти бурные времена англичанам было особенно важно увидеть своего монарха окруженным преданными и верными вассалами; коронация предоставляла им такую возможность.

Затем последовали помазание и коронация королевы, после которых придворные дамы также обещали во всем следовать указаниям своей повелительницы. Торжество завершала праздничная месса, после которой король и королева появились в дверях собора. Под приветственные крики и рукоплескания толпы они торжественно возвратились во дворец.

Чуть позже начался «пир на весь мир». Приглашения получили все, кто принимал участие в торжественной процессии накануне. Иными словами, гостями Ричарда III стали едва ли не все приехавшие на церемонию дворяне и многие из именитых горожан. Простолюдинам тоже выпала возможность угоститься за королевский счет. Под открытым небом накрыли несколько десятков длинных столов. Лондонцы были в восторге — их не просто угостили и напоили — в этот день самый последний подмастерье получил возможность отведать те же кушанья, что и аристократы, торжественно восседавшие в пиршественной зале.

Завершением коронационных торжеств стало подобие рыцарского турнира. В соответствии с обычаем Роберт Диммок вызвал на поединок каждого, кто посмел бы утверждать, что король Ричард занимает трон не по праву. Разумеется, вызов сэра

Роберта остался без ответа, и герольды трижды провозгласили, что «король Ричард III является единственным законным и бесспорным властелином Англии».

Следующие две недели Ричард III провел, как и следовало новоиспеченному монарху — раздавал своим сторонникам должности, имения и титулы. Пожалования и назначения получили все, кто помог Ричарду прийти к власти. Среди высшей аристократии следует отметить троих. Генри Стаффорд, герцог Бэкингем в дополнение к уже имеющимся полномочиям получил т.н. наследство Боханов, т.е. ряд маноров, за которые его род боролся уже не одно десятилетие; а также посты Верховного констебля Англии[1] и Великого камергера. Джон Говард, герцог Норфолк стал адмиралом Англии, смотрителем примерно трети королевских имений и получил множество денежных пожалований. Наконец, герцог Нортумберленд был назначен хранителем границ и управляющим королевскими поместьями в Западной Англии.

Не остались без вознаграждения и те, кто уже многие годы преданно служил Ричарду. Его бывший казначей — Роберт Брекенбери — был назначен главой Королевского монетного двора и комендантом Тауэра. Давний друг и соратник короля — Фрэнсис Ловелл — получил несколько церемониальных должностей.

22 июля 1483 г. Ричард III приступил к исполнению еще одной в высшей степени приятной обязанности — отправился в коронационное турне. Маршрут был проложен с юга на север. Ричард III проследовал через Ворчестер — Рединг — Оксфорд — Глостер — Тьюксбери — Вустер — Уорвик — Ковентри — Лейстер — Ноттингем — Донкастер и Понтефракт. Финальной точкой этого блистательного путешествия, как и следовало ожидать, стал Йорк. Коронационные торжества завершились возведением сына Ричарда — Эдуарда — в ранг принца Уэльского. В кафедральном соборе Йорка на голову юного принца возложили золотой

[1] Верховный констебль командовал королевскими войсками; он также осуществлял высшее военное правосудие.

венец; ему также вручили жезл, символизирующий власть над западным княжеством. По улицам города проследовала торжественная процессия, было организовано множество постановок на аллегорические и религиозные сюжеты, молодые дворяне получили рыцарские пояса. Празднества в Йорке прошли с таким размахом, что по стране поползли слухи, будто бы на Севере состоялась повторная коронация.

Пиры, турниры, шествия и прочие торжества были абсолютно необходимы для поддержания королевского престижа. Однако не меньшее значение имели и более приземленные меры. В кортеже Ричарда III участвовали не только аристократы, но и чиновники. В каждом городе они принимали жалобы и вершили по-настоящему справедливый суд (т.е. решения неизменно принимались в пользу простых жалобщиков). Возможно, это правосудие носило несколько показной характер, но положительный эффект был налицо.

Несколько городов, в частности Глостер и Йорк, получили налоговые льготы. К тому же Ричард поспешил отменить некоторые несправедливые постановления Эдуарда IV. Например, он вернул местным жителям часть Вичвудского леса, которую Эдуард IV присвоил себе для охоты. Вероятно, не без тайного удовольствия Ричард III принял множество жалоб на действия подконтрольного Вудвилям Совета Уэльса.

Еще одним больным вопросом предыдущего царствования были т.н. беневоленции — якобы добровольные пожертвования в пользу короны. К концу правления Эдуарда IV они стали скорее правилом, чем исключением, и весьма напоминали регулярное налогообложение. Во время коронационного турне Лондон, Глостер и Ворчестер предложили Ричарду III беневоленции, чтобы покрыть издержки от пышных празднеств, но король ответил, что предпочитает получить сердца англичан, а не их деньги. Разумеется, горожане были в восторге. Еще большую радость вызвало то, что новый король пообещал упразднить беневоленции раз и навсегда.

На первый взгляд, успех был полный. В начале сентября 1483 г. доктор Томас Ленгтон написал своему другу: «Я верю, что с Божьей помощью… король скоро будет в Лондоне. В любом месте, где он появляется, он делает для людей больше, чем любой другой государь. Многим бедным людям, что так долго страдавшим от несправедливости, он (король) и его чиновники принесли помощь и облегчение. Во многих городах и местечках королю предлагали большие суммы денег, которые он неизменно отказывался принять. Честно говоря, я полагаю, что ни один государь не действовал лучше, чем этот. Сам Господь послал его нам для облегчения нашей участи…» Не менее восторженный отзыв оставил бывший в то время в Англии итальянский гуманист Пьетро Кармелиано: «Если в первую очередь мы ценим благочестие, то кто из царствующих монархов более религиозен? Если справедливость, то разве могли бы мы поставить кого-то выше его (Ричарда III)?.. Кто более его стремится к миру?.. кого из христианских императоров или принцев мы готовы назвать более свободолюбивым или более щедрым? Никого, конечно же, никого».

Столь же безоблачной поначалу казалась и внешняя политика Ричарда III. Еще во время коронационного турне новый монарх успел обменяться любезными письмами с королем Франции Людовиком XI, шотландским королем и герцогом Бретани. Испанский посол присоединился к королевской делегации во время коронационного турне, активно велись переговоры о заключении союза между Англией и Испанией.

Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что дела короля шли далеко не так хорошо. Проблемы начались сразу же после того, как Ричард III покинул столицу. Лондонские хроники обходят этот эпизод молчанием, но сопоставление данных Кройлендской хроники, хроники Томаса Базена и других источников дает основания утверждать — в 20-х числах июля сторонники Вудвилей объединились, чтобы вывести из Тауэра опальных сыновей Эдуарда IV. Планировалось поджечь несколько домов и, пользуясь паникой, проникнуть в крепость. Затея провалилась,

и четверо наиболее активных участников заговора были казнены. Но на этом дело не кончилось — почти сразу же была сделана новая попытка освободить наследников короля Эдуарда. На этот раз речь шла о побеге принцесс из Вестминстерского аббатства, «дабы в один прекрасный день корона могла перейти в руки законных наследников». Заговорщиков вновь постигла неудача.

Оба инцидента не требовали личного участия Ричарда III. Король ограничился приказом назначить комиссию по расследованию произошедшего. Ричард также распорядился расставить вокруг Вестминстерского аббатства вооруженную охрану, чтобы пресечь не только новые попытки к бегству, но и всякие контакты Вудвилей с внешним миром.

Тем не менее «проблема принцев» становилась все более острой. Лишенные престола наследники Эдуарда IV были естественным центром притяжения для всех, кого по той или иной причине не устраивал новый монарх.

Таким образом, Ричард III столкнулся с исключительно неприятной дилеммой. С одной стороны, сам факт существования «принцев в Тауэре» угрожал власти короля. С другой стороны, казнь Эдуарда V и его брата была равнозначна политическому самоубийству. Монарх, начавший свое правление с убийства невинных детей, мог восприниматься только как кровавый тиран. Более того, эта жестокая мера вряд ли могла дать нужный эффект. Сыновья Эдуарда IV были далеко не единственными возможными наследниками. В случае убийства племянников количество недовольных правлением Ричарда III возрастало на порядок, и они вполне могли объединиться вокруг любого, в чьих жилах текла кровь Плантагенетов.

Созданный во времена Тюдоров миф о короле-предателе интерпретирует события именно так. В соответствии с ним уже во время коронационного турне Ричард III якобы приказал задушить «принцев в Тауэре»; англичане ужаснулись этому чудовищному злодеянию и в едином порыве призвали на трон будущего Генриха VII. Что же произошло на самом деле?

Необходимо подчеркнуть — о судьбе «принцев в Тауэре» историки спорят как минимум с середины XVII в., а ясности как не было, так и нет. Никто не может с уверенностью сказать, что же случилось с сыновьями Эдуарда IV. Были ли они убиты? И если были, то кем и по чьему приказу? История «великого спора» о виновности или невиновности Ричарда III, так же как причины и этапы создания «темной легенды» о принцах будут рассмотрены в отдельной главе.

В данном случае стоит сосредоточиться на том немногом, что мы действительно знаем о сыновьях Эдуарда IV. Доминик Манчини, бывший свидетелем событий 1483 г., сообщает, что после 13 июня принцев «переселили во внутренние покои Тауэра, и с каждым днем их видели все реже и реже за решетками окон, пока, наконец, они совершенно перестали появляться. Страсбургский доктор, последний из людей короля, которому разрешили продолжать оказывать ему услуги, говорил, что юный король, выражаясь современным языком, пребывает в депрессии и ждет смерти. Большая хроника Лондона также сообщает, что летом 1483 г. принцев видели во дворе Тауэра, где они играли с арбалетом.

Однако где-то в конце сентября — начале октября по стране поползли слухи о смерти наследников Эдуарда IV. Подчеркнем, что современные событиям источники (в частности, Доминик Манчини и Кройлендская хроника) говорят именно о слухах и не упоминают никаких подробностей. В то же время, по свидетельству силезского рыцаря Николаса фон Попплау, посетившего двор Ричарда III в 1484 г., многие англичане верили, что принцы живы, но заключены в каком-то отдаленном замке.

Иными словами, нам известно до смешного мало — принцы были заключены в Тауэр, где с ними обращались вполне сносно — юные узники имели возможность выходить на прогулки и получать медицинскую помощь. В начале осени 1483 г. дети исчезли. Все остальное относится к области догадок или, если хотите, исторических спекуляций.

Важно отметить, что именно такое положение дел как нельзя лучше отвечало интересам Ричарда III. Отроков не отпустили на свободу, не казнили, а просто аккуратно убрали с политической сцены. С точки зрения целесообразности, «проблема принцев» была решена безупречно. Начиная с осени 1483 г. строить заговоры в пользу сыновей Эдуарда IV стало решительно невозможно, но никто не мог сколько-нибудь обоснованно обвинить короля в их смерти. Лучшим доказательством шаткости подобных обвинений может служить то, что они не были предъявлены даже в эпоху Тюдоров. Конечно, слухи об убийстве племянников подрывали репутацию Ричарда III, но все остальные варианты были куда хуже.

Разумеется, каждому исследователю, как и любому человеку, которого интересует судьба Эдуарда V и его младшего брата, хочется довести рассуждения до логического конца. Еще раз подчеркнем, что здесь мы вступаем в область предположений, лишь отчасти подкрепленных фактами.

Автору представляется маловероятным, что принцы были убиты по приказу Ричарда III или что они вообще были убиты. Тайно содержать племянников в заточении было проще по целому ряду причин. Выше уже было сказано о том, что обнародование факта убийства могло привести к катастрофическим последствиям. Также невозможно не учитывать моральную сторону вопроса. Все остальные поступки Ричарда III говорят о том, что он не был склонен к излишней жестокости. Переворот лета 1483 г. прошел почти бескровно, да и в дальнейшем король обращался с политическими противниками более чем милосердно. Опять же, судя по поступкам, Ричард любил и почитал старшего брата. Утверждать, что король был неспособен отдать приказ о казни племянников, нельзя. Однако, на наш взгляд, он мог пойти на такой шаг только в самых крайних обстоятельствах. Во всех остальных случаях Ричард действовал не как стратег, а как тактик. В 1483-м принцы еще были детьми, опасность представляли не они, а их окруже-

ние. Лет через пять все могло обернуться совершенно иначе, но пока в убийстве не было жесткой необходимости.

Косвенным доказательством того, что принцы были живы вплоть до смены династии, могут служить хозяйственные документы. В записях 1484 г. упоминаются «знатные дети», примерно равные по положению другому племяннику Ричарда III — Эдуарду (сыну герцога Кларенса). Никто, кроме сыновей Эдуарда IV, под это определение не подходит. В документах от 1485 г. фигурирует некий «лорд бастард», что также вполне может относиться к Эдуарду V.

Не стоит забывать и о том, что мать «принцев в Тауэре» Елизавета Вудвиль в 1484 г. полностью помирилась с Ричардом III, более того, призвала своего сына маркиза Дорсета покинуть партию Генриха Тюдора и вернуться в Англию. Если бы Елизавета считала Ричарда III виновным в смерти своих сыновей, ее поведение оказывалось абсолютно необъяснимым. Уговаривать старшего сына оставить безопасное убежище за границей и вернуться ко двору убийцы братьев — это слишком даже для очень плохой матери, Елизавету же вряд ли можно обвинить в недостаточной заботе о детях.

Конечно, все эти доводы сложно назвать неопровержимыми. Существует несколько альтернативных версий, приписывающих убийство принцев Генриху VII или герцогу Бэкингему. «Доказательства» в любом случае крайне шаткие, и выбор между различными точками зрения, на наш взгляд, относится скорее к области веры.

Хоть какую-то ясность в вопрос о судьбе принцев могла бы внести экспертиза останков двух тел, найденных в 1674 г. под фундаментом одной из лестниц Тауэра. В соответствии с официальной версией, они принадлежат сыновьям Эдуарда IV, но так ли это на самом деле, неизвестно. И в обстоятельствах находки, и в проведенных позднее исследованиях слишком много неясностей.

Прежде всего, об обстоятельствах, сопутствовавших «открытию». В 1674 г. в Тауэре проводились масштабные строительные

работы. При разборе фундамента одной из лестниц в т.н Белом Тауэре, на глубине около трех метров рабочие наткнулись на «какие-то кости и обломки дерева», которые и выбросили в ближайшую мусорную кучу. Вечером обо всем доложили начальству, которое приказало извлечь и разобрать останки. Хотя кости были сильно повреждены, а деревянные детали попросту превратились в щепки, было установлено, что под лестницей обнаружили скелеты двух детей.

Находка пришлась, что называется, ко времени. Царствовавший в 1673 г. Карл II был, мягко скажем, не слишком популярен и постоянно конфликтовал с Парламентом. Теперь у короля появилась возможность на громком историческом примере продемонстрировать, насколько трагические последствия может иметь пренебрежение правами законного монарха. Шекспир писал, что под лестницей Тауэра были захоронены убитые по приказу Ричарда III сыновья короля Эдуарда. Скорее всего, желаемое приняли за действительное. Все фрагменты были помещены в урну, которую торжественно захоронили в Вестминстерском аббатстве.

Помимо очевидной политической ангажированности произошедшего, сомнения вызывает еще несколько обстоятельств. Во-первых, не самое лучшее состояние скелетов. Во-вторых, крайне небрежный подбор материала. Наряду с фрагментами двух тел в урну, до сих пор находящуюся в так называемом Уголке Невинных, были свалены несколько говяжьих костей, и даже парочка рыбьих. В-третьих, странной кажется глубина вскрытого в 1674 г. захоронения. Известно, что в Средние века умерших погребали под самой поверхностью. Останки «принцев», напротив, обнаружили на три метра ниже уровня земли. Любопытно, что ровно на той же глубине, только на пару метров правее, в XX в. было найдено несколько римских погребений.

Теперь об исследованиях тел «принцев». В 1933 г. урна, предположительно содержащая в себе скелеты Эдуарда V и его младшего брата, была вскрыта по приказу властей. Стоит отметить, что в Великобритании до сих пор существует практически уза-

коненный культ династии Тюдоров. Экспозиция Тауэра — яркое тому подтверждение. Любой посетитель этой крепости покидает ее с убеждением, что именно на правление Тюдоров пришелся «золотой век» Англии, а все политические мифы об эпохе Войн Роз — святая истина.

Официально предполагалось, что экспертиза 1933 г. должна подтвердить или опровергнуть подлинность останков «принцев». Однако выбор экспертов ясно указывал, что о сколько-нибудь объективном исследовании не может идти и речи. К анализу не были допущены ни антропологи, ни археологи, ни патолого-анатомы, ни, наконец, историки. Скелеты исследовали всего два специалиста — стоматолог и хирург. Неудивительно, что выводы, к которым пришла уважаемая комиссия, сложно счесть полностью обоснованными.

Прежде всего, экспертиза «установила», что скелеты принадлежат двум мальчикам. Однако по костным останкам определить пол возможно только у взрослых людей. Далее, на основании, цитата, «внешнего сходства» было объявлено, что кости принадлежат родственникам. Разумеется, в 1933 г. проведение анализа ДНК было невозможно, но это не отменяет главного — вывод о родстве, мягко скажем, спорен. Наконец, предполагаемый возраст «принцев» (11—12 и 8—9 лет) установили по зубам. Этот метод был чрезвычайно популярен в 30-е годы XX в., но современная наука не считает его надежным, так как дети развиваются очень по-разному. Некоторые эксперты полагают, что младшему из детей вполне могло быть лет шесть-семь, а старшему — шестнадцать.

Иными словами, в Уголке Невинных Вестминстерского аббатства вполне могут покоиться скелеты двух девочек, скончавшихся еще в римскую эпоху. До проведения более детальных исследований судьба принцев остается загадкой. К сожалению, нет почти никакой надежды на то, что британское правительство в обозримом будущем согласится на проведение повторной эксгумации.

Теперь вернемся к истории Ричарда III. Напомним, что первые слухи о смерти детей Эдуарда IV появились ранней осенью 1483 г. Важно отметить, что начало пересудов совпало с новым заговором против Ричарда III. Хуже всего было то, что главой заговорщиков оказался человек, которому Ричард полностью доверял и которого возвысил даже сверх меры — герцог Бэкингем.

Восстание Бэкингема — один из многих эпизодов Войн Роз, о котором мы знаем на первый взгляд достаточно, а на самом деле не знаем почти ничего. Прежде всего остановимся на том, что известно.

Известен состав участников мятежа — в основном это сторонники Эдуарда IV. Разумеется, первую скрипку играли королева Елизавета и ее ближайшие родственники. Важно подчеркнуть, что речь шла не только о клане Вудвилей и его приверженцах. В числе заговорщиков было много провинциальных чиновников, например шерифов и бейлифов. Вероятнее всего, в момент захвата власти Ричардом III эти люди попросту не успели сориентироваться, но теперь были полны решимости вернуть трон законным наследникам Эдуарда IV.

Мы знаем, что в какой-то момент к заговору присоединилась дальняя родственница Ланкастеров и супруга лорда Стенли Маргарита Бофор, а также ее сын — Генрих Тюдор (будущий Генрих VII). Мотивы этих двоих более чем прозрачны. Летом 1483 г. мало кто мог предположить, что Генриху Тюдору суждено занять английский трон. Конечно, он был родственником Ланкастеров (см. династическую таблицу), но его права на престол были весьма шаткими, а политические перспективы не вызывали оптимизма. Будущий король находился при дворе властителя Бретани в очень неопределенном положении — он был кем-то средним между политическим эмигрантом и заложником.

Дело в том, что еще в 1471 г., т.е. после реставрации Эдуарда IV, Джаспер Тюдор и его четырнадцатилетний племянник Генрих бежали из Англии в надежде найти приют при дворе французского короля. К несчастью, их корабль прибило к берегам

Бретани, правитель которой Франциск II объявил Тюдоров своими пленниками. На протяжении всего царствования Эдуарда IV бретонский герцог виртуозно использовал эту ситуацию. Король Англии неоднократно просил передать ему Тюдоров. Герцог каждый раз умудрялся не отказываться открыто, но и не лишать себя удобного рычага давления — в результате Тюдоры были под надежным присмотром, а Франциск II регулярно получал финансовую и даже военную помощь от английского монарха. После смерти Эдуарда IV ситуация изменилась. Франциск II фактически предоставил своим пленникам свободу передвижения, но окончательно надзор снят не был. Участие в заговоре давало Генриху надежду на возвращение в Англию. Он также имел неплохие шансы получить обратно имения, конфискованные в 1471 г.

Разумеется, выступление против Йорков поддержали и другие убежденные сторонники Ланкастеров.

Наконец, нам известно, что самой заметной фигурой среди мятежников был герцог Бэкингем. Для Ричарда III это стало настоящим шоком. Король с горечью писал: «Герцог Бэкингем, самое подлое существо на свете… никому еще не доводилось привечать столь лживого предателя…» Для такой характеристики имелись самые веские основания. В последний раз Ричард III видел своего непостоянного вассала в конце августа. Бэкингем сопровождал Ричарда в его коронационном турне, а потом направился в свои имения. Как говорится, «беды ничто не предвещало».

Почему из горячего сторонника Ричарда III Бэкингем превратился в его противника, мы можем только догадываться. Современники и историки выдвинули самые разные версии. Одни утверждают, что Бэкингем не получил достаточной награды за свою помощь. Другие полагают, что герцог был уверен в успехе мятежа и присоединился к нему, чтобы не потерять политического влияния. Третьи думают, что Бэкингем сам хотел стать королем. Четвертые полагают, что причиной конфликта Бэкингема и Ричарда III стало то, что герцог умертвил «принцев в Тауэре»; король якобы не оценил столь сомнительной услуги, и герцог

был вынужден встать на сторону заговорщиков, чтобы избежать наказания. Еще раз подчеркнем — как все было на самом деле, можно только гадать.

Итак, мы знаем состав заговорщиков и отчасти их мотивы. Мы также примерно представляем себе событийный ряд, т.е. основные действия восставших и ответные меры Ричарда III. Заговор созревал постепенно. В начале сентября он, по-видимому, имел целью восстановление на троне потомков Эдуарда IV, соответственно, основными «действующими лицами» были йоркисты — находившиеся на свободе члены клана Вудвилей и сторонники покойного короля Эдуарда. Затем, если верить Кройлендсой хронике, по стране распространился слух о смерти принцев, и участникам заговора срочно пришлось подыскивать нового кандидата на престол. К середине сентября к желающим свергнуть Ричарда III присоединился Бэкингем.

В конце сентября круг заговорщиков расширился. 24 числа Бэкингем написал Генриху Тюдору и пригласил его вернуться в Англию, желательно во главе вооруженного отряда. Напомним, что в тот момент Генрих не мог распоряжаться даже самим собой. Он был вынужден обратиться за помощью к герцогу Бретани. В обмен на помощь в финансировании и организации экспедиции Генрих Тюдор пообещал не только возместить все затраты, но и передать Франциску II замок Ричмонд, который ранее принадлежал правителям Бретани. Отчасти это предложение напоминало дележ шкуры неубитого медведя. Генрих упорно именовал себя графом Ричмондом, но все его земли были конфискованы еще в правление Эдуарда IV. Тем не менее Франциск II счел возможным согласиться. На его деньги было нанято семь кораблей и несколько сотен солдат. К концу октября Генрих Тюдор был готов отправиться к берегам Англии.

К этому времени на Британских островах уже началось восстание. Первыми в самом начале октября выступили кентцы. Они провозгласили своим лидером Бэкингема и двинулись к столице. К счастью, одному из самых верных соратников Ри-

чарда III герцогу Норфолку удалось собрать большой отряд и перекрыть дорогу на Лондон. Восставшие решили не рисковать — не вступая в бой, они отошли на запад, расположились в окрестностях Гилфорда и стали ожидать известий из других областей королевства.

К 17 октября мятеж охватил большую часть юго-восточной Англии, начались выступления в центральных графствах. Любопытно, что запад страны не был вовлечен в восстание до начала ноября. Историки не могут объяснить эту несогласованность. Возможно, кентцы поторопились, а может быть, вся затея с самого начала была организована из рук вон плохо.

Разумеется, Ричард не бездействовал. 11 октября король вернулся в столицу. Вероятно, именно в этот момент он узнал о заговоре и о том, что его главный союзник оказался предателем. Ричард отдал приказ о сборе войск; 21 октября верные властям отряды должны были встретиться в Лестере.

15 октября Ричард III издал прокламацию, направленную против лидеров восстания. Разумеется, первым в ней стоял Генри Стаффорд герцог Бэкингем. Необходимо обратить внимание на один любопытный факт — Генрих Тюдор в этом документе вообще не упоминался. 23 октября была выпущена вторая прокламация. «Главными бунтовщиками и предателями» по-прежнему именовались Бэкингем и Вудвили. Король назначил награду за головы Генри Стаффорда и его ближайших сподвижников. Кроме того, всем, кто добровольно оставит ряды мятежников, обещали полное прощение. О Генрихе Тюдоре по-прежнему не было сказано ни слова.

Борьбу с бунтовщиками на востоке королевства возглавил Джон Говард герцог Норфолк. Сам король 24 октября двинулся на юго-запад. При ближайшем рассмотрении оказалось, что опасность не так уж велика. Восставшие не получили поддержки местного дворянства, к тому же Бэкингем оказался никуда не годным военачальником. В конце октября «армия» мятежного герцога распалась, так и не успев вступить в сражение с королев-

скими войсками. Генри Бэкингем попытался бежать на континент, но был выдан одним из своих вассалов и 2 ноября казнен.

Экспедицию Генриха Тюдора также постигла неудача. Он направился к берегам Англии 31 октября, но буря разметала корабли, и до окрестностей Плимута добралось всего два судна. К этому времени побережье уже контролировалось сторонниками Ричарда III, и Генрих Тюдор был вынужден вернуться обратно в Бретань.

Оставалось расправиться с мятежниками на юго-западе королевства. Обстоятельства вновь благоприятствовали Ричарду III. Узнав о поимке и казни Бэкингема, последние отряды бунтовщиков попросту разбежались. Сын Елизаветы Вудвиль маркиз Дорсет и его соратники отплыли в Бретань, где присоединились к Генриху Тюдору. Таким образом, к 10 ноября восстание было полностью подавлено.

Победа оказалась фактически бескровной. Несколько человек были казнены. Многим знатным мятежникам, в том числе Вудвилям, удалось бежать во Францию. Остальные понесли более чем мягкое наказание. Например, Маргарет Бофор всего лишь передали под опеку ее собственного мужа — лорда Стенли. Ричард III был достаточно осторожен, чтобы не накалять ситуацию — большинство сановников сохранило свои посты.

Теперь обратимся к тому, чего мы не знаем. Прежде всего, нам неизвестны намерения мятежников. Не сохранилось ни одного современного событиям документа, в котором говорилось о цели восстания. Очевидно, бунтовщики намеревались свергнуть Ричарда III, но что они собирались делать дальше — большой вопрос. Далее, нам неизвестно, какие аргументы использовались противниками короля Ричарда. Мы также не знаем, был ли у лидеров восстания четкий план действий, который нарушило слишком поспешное выступление кентцев, или события развивались стихийно. Мы можем только гадать о роли, которую играла в событиях мать Генриха Тюдора Маргарита Бофор. Если верить хроникам тюдоровской эпохи, она была едва ли не главной вдох-

новительницей всего предприятия. Но если это так, то почему Ричард III приговорил ее всего лишь к домашнему аресту?

Наконец, мы не знаем, кого бунтовщики планировали посадить на трон вместо Ричарда III. Более поздние источники говорят, что это был Генрих Тюдор. Герцог Бэкингем, имевший более серьезные права на корону, якобы отказался от них в пользу малоизвестного и маловлиятельного кандидата. Документы тюдоровской эпохи утверждают, что бывшие сторонники Эдуарда IV решились короновать Генриха Тюдора, так как в это время уже была достигнута договоренность о браке Тюдора и старшей дочери короля Эдуарда — Елизаветы Йорк.

Все это представляется довольно сомнительным. Ричард III явно не воспринимал Тюдора как сколько-нибудь значимую политическую фигуру. Все королевские прокламации, выпущенные в период восстания 1483 г., обращены прежде всего против герцога Бэкингема. Почетное второе место обычно занимал самый активный из Вудвилей — маркиз Дорсет. Генрих Тюдор и его мать иногда упоминаются в числе других заговорщиков, но не более того. То же самое мы видим и в Парламентском акте начала 1484 г. — главами восстания по-прежнему называются Бэкингем и Вудвили. Иными словами, по какой-то загадочной причине Ричард III едва ли не игнорировал кандидата на престол, зато обрушивал громы и молнии на головы тех, кто стремился привести Тюдора к власти. Еще раз подчеркнем, не только королевские прокламации, ни один другой документ, созданный до Рождества 1483 г., не называет Генриха Тюдора лидером оппозиции. Возможно, он таковым и не являлся.

Тюдоровская версия истории также плохо объясняет действия герцога Бэкингема. Получается, что Генри Стаффорд «таскал каштаны из огня» для другого. Еще одна странная идея тюдоровских историков состоит в том, что Бэкингема буквально уболтал отданный под его опеку епископ Мортон. Бесспорно, Мортон был настоящим мастером интриги, но при всем своем красноречии он вряд ли мог убедить герцога действовать вопреки его собствен-

ным интересам. При Ричарде III Бэкингем являлся почти независимым правителем Западной Англии, выше него был только король. Смена династии вряд ли могла улучшить его положение, скорее наоборот. Вероятно, после появления слухов о гибели принцев на трон планировали возвести именно Бэкингема.

В любом случае для Ричарда III восстание Бэкингема грозило обернуться серьезнейшими проблемами. Участники мятежа выступили не за кого-то, а против власти короля, который, как им казалось, получил трон незаконно. Подавить открытое сопротивление оказалось очень легко, но то, что мятеж вспыхнул сразу же после коронации, красноречиво свидетельствовал о слабости власти нового монарха. Шекспировский Ричард III жаловался, что его «трон стоит как будто на стеклянных ножках». Во многом это замечание справедливо.

У Ричарда III отсутствовало то, что советские историки метко называли социальной базой. Те, кто ранее поддерживал Ланкастеров, остались при своем мнении. Но теперь оппозиция включала в себя и немалую часть сторонников Йорков. Более того, «за троном» Ричарда III не было ни одного политического тяжеловеса. Могущественные аристократические кланы не выступили против короля, но и не вошли в число его преданных сторонников.

Нельзя сказать, что Ричард не пытался исправить положение. Значительная часть владений и должностей герцога Бэкингема была передана двум наиболее влиятельным аристократам — Генри Перси графу Нортумберленду и Томасу Стенли. Стенли и Нортумберленд были рады принять все, что король пожелал им подарить, но вряд ли чувствовали себя обязанными. Напомним, что Томас Стенли был женат на матери Генриха Тюдора. Граф Нортумберленд также был ненадежен. До появления Ричарда Глостера на севере Англии Генри Перси считался едва ли не хозяином этого региона; Ричард отодвинул его на второй план. Переворот 1483 г. ничего не изменил — бывший совет герцога Глостера продолжал работать в том же режиме, только теперь его номинально возглавил принц Эдуард. Итак, Ричард III не смог

получить полную поддержку хотя бы одной аристократической «партии». Ему нужно было сформировать свою, но для этого требовалось время.

Первым шагом должны были стать новые назначения и земельные пожалования. Напомним, что к 1483 г. Ричард стал настоящим Лордом Севера. Именно в этом регионе он был по-настоящему популярен, именно на поддержку северян он мог рассчитывать. Неудивительно, что после восстания Бэкингема король постепенно начал заменять ненадежных чиновников и придворных на лояльных к нему выходцев из северных графств. Это вовсе не обязательно были крупные назначения. По-видимому, Ричард стремился иметь своих людей в каждом графстве, но в то же время хотел сохранить стабильность аппарата. Его сторонники зачастую вынуждены были довольствоваться более чем скромными должностями. И все же двор нового монарха постепенно менял свой облик. То же самое происходило и с системой местного управления. Например, один из людей Ричарда, сэр Мармадьюк, был назначен управляющим королевскими землями в юго-западном Кенте и капитаном замка Танбридж. Все жители региона обязаны были подчиняться тому, кого они считали в лучшем случае незваным гостем. Неудивительно, что выходцы из Центральной и Южной Англии чувствовали себя обойденными. Кройленский хронист открыто возмущался тем, что часть конфискованных у мятежников земель король роздал «северянам, которых он хотел видеть в каждой части королевства... к стыду и унижению южан».

Ричард III вернулся в столицу 25 ноября. Конец 1483 г. был небогат событиями. Ричард занимался текущими делами, его супруга обустраивала покои в Тауэре и Вестминстере. Королевская чета пышно и весело отпраздновала Рождество. Казалось, все неприятности остались позади. Однако в этой «бочке меда» было минимум три ложки дегтя.

Пожалуй, самым неприятным было слабое здоровье сына Ричарда — принца Эдуарда. Как минимум с лета мальчик чув-

ствовал себя очень плохо. Он присоединился к коронационному кортежу отца только в самом конце путешествия и сразу же после завершения торжеств вернулся обратно в замок Мидлхэм. К Рождеству ему все еще не стало лучше — принц по-прежнему был недостаточно здоров для того, чтобы выдержать путешествие в столицу; праздники прошли без него.

Во-вторых, король начал испытывать финансовые затруднения. Напомним, что еще в начале царствования Ричард III великодушно отказался от «добровольных» пожертвований в пользу монарха — беневоленций. Жест был красивым, вызвал колоссальный положительный резонанс и... неизбежные проблемы. Популярный в Средние века лозунг «король должен жить за свой счет» в XV столетии был попросту неосуществим. Доходы короны не покрывали содержание королевской администрации, двора и прочих трат. Любой монарх оказывался вынужденным жертвовать популярностью и вводить новые налоги. Эдуарду IV долгое время удавалось сводить концы с концами за счет ежегодной французской контрибуции. Однако Людовик XI прекратил выплаты еще в конце правления Эдуарда, иными словами, Ричард не мог рассчитывать на внешние ресурсы. В то же время увеличивать налогообложение сразу после восстания было крайне рискованно. Ричард III нашел временное решение — он реализовал часть имущества покойного брата. Король Эдуард любил и коллекционировал красивые вещи. Теперь драгоценности, золотая и серебряная посуда, изукрашенные шлемы и прочее были проданы лондонским купцам по сходной цене. Еще раз подчеркнем, этот шаг был всего лишь отсрочкой, через несколько месяцев финансовые проблемы возникли вновь в еще более острой форме.

Третьим обстоятельством, омрачавшим спокойствие монарха, было наличие оппозиции. Пока Ричард III пировал в Вестминстере, по другую сторону Ла-Манша Генриха Тюдора провозгласили королем Англии. После торжественного богослужения в кафедральном соборе города Ренна Генрих поклялся жениться

на Елизавете Йорк, если ему удастся получить корону. Находившиеся в Бретани сторонники Ланкастеров, Вудвили и бывшие соратники Эдуарда IV, в свою очередь, принесли ему клятву верности. Именно в этот момент возникла так называемая проблема Тюдоров, которую Ричард вынужден был решать вплоть до конца своего царствования.

Для начала король попытался пойти традиционным путем — надавить на герцога Бретани Франциска II. Адмирал Англии герцог Норфолк получил приказ атаковать бретонские суда в Ла-Манше. Найденные на них товары конфисковывались в пользу английских торговцев, пострадавших от войны на море. Чтобы предотвратить ответные нападения бретонцев, английские торговые суда объединяли в большие группы и отправляли в плавание под надежной охраной. Также были конфискованы все бретонские товары, имевшиеся на рынках и складах Лондона. Результат был вполне предсказуемым. Герцог поспешил заверить английского короля в самых добрых намерениях, был заключен договор о мире и дружбе, но... Тюдоры так и остались в Бретани, их свободу почти не ограничивали, более того, между Тюдорами и Франциском II велись переговоры об организации новой экспедиции в Англию.

Мотивы герцога Бретани вполне понятны. Его главной проблемой были вовсе не Тюдоры или английский монарх, а отношения с Францией. К 1480-м гг. Бретань осталась последним фактически независимым герцогством, расположенным в границах французского королевства. Франциску II с большим трудом удавалось противостоять попыткам ликвидировать самостоятельность его владений. Теперь регентша Франции Анна де Боже рассчитывала использовать Тюдоров для того, чтобы «занять» англичан и поглотить Бретань. Разумеется, открыто говорилось совсем другое. Всю зиму и весну 1484 г. между Францией и Бретанью велись переговоры. Франциску II предлагалось выдать Тюдоров Франции или самому помочь им захватить английский трон. В обмен гарантировалась неприкосновенность границ Бретани. Разуме-

ется, герцог действовал в собственных интересах — он всячески тянул время и не выдавал Тюдоров ни Франции, ни Англии.

В первой декаде января 1484 г. Ричард III предпринял поездку в один из самых неспокойных регионов Англии — Кент. По-видимому, Ричард рассчитывал получить традиционный эффект — личный визит монарха неизменно улучшал обстановку в любом графстве. Король обратился к жителям Кента с прокламацией, в которой, в том числе, были следующие слова: «Всякий, кто считает себя обиженным, кто подвергся давлению или любым другим беззаконным действиям, пусть составит бумагу, в которой перечислены все его жалобы, и подаст его Величеству. Его жалобы будут услышаны и безотлагательно удовлетворены всеми средствами, которые предусматривает закон». В свою очередь, кентцы поклялись хранить верность Ричарду III.

В другие регионы, охваченные восстанием Бэкингема, также были посланы чиновники, которые от имени короля принимали клятву верности в каждой сотне. Кроме того, Ричард III издал акт, запрещающий вступать в то, что мы бы сегодня назвали незаконными вооруженными формированиями, а в XV столетии именовали свитами или ливрейными дружинами.

23 января 1483 г. начал свою работу Парламент. Напомним, Парламентарии должны были съехаться в столицу еще до того, как Ричард Глостер совершил государственный переворот, но заседания так и не начались. Осенью 1483 г. начало сессии было отложено еще раз. Планировалось, что делегаты приступят к работе 6 ноября, но помешало восстание Бэкингема. В итоге все затянулось до конца января.

Первые действия Парламентариев были вполне традиционными. Они «избрали» спикером Палаты Общин одного из ближайших соратников Ричарда III Уильяма Кэтсби и утвердили акт, подтверждавший законность восшествия на престол нового монарха; сын Ричарда принц Эдуард провозглашался наследником престола. Поскольку этот акт был фактически официальным манифестом Ричарда III и писался почти что

под его диктовку, имеет смысл проанализировать документ более внимательно.

Titulus Regis дает возможность судить о том, как Ричард III обосновывал свое право на корону. Он провозглашался прямым и законным наследником Эдуарда IV, при этом личность и правление предыдущего монарха фактически выводились из зоны критики. Все политические ошибки, все проблемы 1460—1470 гг. объяснялись тлетворным влиянием «дурных советников», самыми недостойными из которых были Вудвили.

Ричард III внес немалый вклад в формирование мифа о Войнах Роз. Titulus Regis и другие пропагандистские материалы сформировали исключительно жизнестойкий негативный образ супруги Эдуарда IV Елизаветы Вудвиль. Огромное большинство любителей истории и даже профессиональных исследователей до сих пор верят в сказку о расчётливой безродной выскочке, хитростью женившей на себе слабовольного короля Эдуарда. В пропагандистских материалах времен Ричарда III есть и еще одна любопытная идея. Для того чтобы заполучить Эдуарда IV в мужья, Елизавета и ее мать якобы прибегли к магии. В XV столетии обвинения в колдовстве не были редкостью. В нашем случае они преследовали двойную цель — очернение Елизаветы Вудвиль и оправдание Эдуарда IV. Получалось, что король вступил в недостойный брак не из-за слабости характера, он стал жертвой колдовства, по этой же причине он неумеренно возвысил родню жены.

Вернемся к TitulusRegis. Союз Эдуарда IV и Елизаветы Вудвиль объявлялся незаконным не столько из-за причин заключения брака, сколько потому, что король уже был помолвлен. Соответственно, принцы еще раз, уже официально, объявлялись бастардами. Парламент 1484 г. также принял акт, лишавший Елизавету Вудвиль большей части ее владений — все земли, которые Эдуард IV пожаловал супруге, возвращались короне.

Конечно же главной частью Titulus Regis была не критика Вудвилей, а легитимизация переворота 1483 г. В акте подчеркивалось, что Ричард III не просто имел династическое право на

престол, «общины и народ королевства» просили его принять корону. Иными словами, он был вдвойне законным монархом — и по праву наследования, и по праву избрания.

Вторым по значению актом Парламента 1484 г. было официальное осуждение участников восстания Бэкингема, подтверждение конфискации их имений и передачи их новым владельцам.

Исследователи, борющиеся за оправдание Ричарда III, подчеркивают, что Парламент 1484 г. утвердил целый ряд продуманных и даже либеральных актов. Среди них были: запрещение беневоленций; разрешение брать на поруки лиц, обвиненных в уголовных преступлениях; упорядочение местной судебной системы (например, было ограничено право мировых судей арестовывать и держать в тюрьме подозреваемых, если против них нет веских улик); ограничение прав иностранных купцов (им запретили придерживать товары и заниматься розничной торговлей); покровительство английским купцам и ремесленникам. Все вышеперечисленные меры, несомненно, заслужили похвалы и современников, и историков. Однако огромное большинство статутов было подготовлены еще к лету 1483 г. В данном случае мы вряд ли можем говорить о по-настоящему самостоятельной внутренней политике. Ричард III счел за благо не менять то, что было начато при его старшем брате. На выработку собственной политической линии ему попросту не хватило времени.

В сущности, заслуги нового короля сводятся к двум неравнозначным мерам. Первой из них стало уже упоминавшееся запрещение беневоленций. Второе решение было далеко не столь масштабным. На черновике акта, регулировавшего торговлю импортными товарами, Ричард III собственноручно написал, что ограничения ни в коем случае не должны коснуться книготорговли.

20 февраля сессия Парламента завершилась. Депутаты разъехались по домам, а у жителей столицы появились новые темы для обсуждения. Лондонцы заговорили о том, что королева Елизавета и пять ее дочерей наконец готовятся покинуть Вестминстер-

ское аббатство. В первые месяцы своего царствования Ричард III неоднократно делал вдовствующей королеве самые выгодные предложения. После восстания Бэкингема ситуация изменилась. Всякие переговоры прекратились, и положение добровольной узницы стало более чем двусмысленным. Вечно пребывать в убежище было невозможно, новых восстаний пока не предвиделось. Оставалось одно — договариваться с королем. В результате был достигнут разумный компромисс.

1 марта 1484 г. перед собранием духовных и светских лордов, мэром и олдерменами Лондона Ричард III торжественно поклялся: «Я обещаю... что если дочери дамы Елизаветы Грей, ранее называвшей себя королевой Англии, а именно Елизавета, Сесилия, Анна, Екатерина и Бригитта выйдут ко мне из убежища в Вестминстере и будут во всем подчиняться мне, я гарантирую, что они не будут опасаться за свою жизнь. Также ни один человек или группа людей не причинят одной из них или всем вместе никакого телесного вреда. Также их не будут принуждать поступать противно их воле. Ни одну из них не заключат в лондонский Тауэр или в другую тюрьму, напротив, они будут помещены в достойном месте, пользующемся доброй славой. С ними будут обращаться честно и благородно; они получат все вещи, которые им нужны и потребны дамам их ранга, такие же, как и у других леди моего дома. Я также обещаю, что тех из них, кто уже достиг возраста замужества, я выдам замуж за джентльменов по рождению, и каждая из них получит в приданое земли и держания, дающие годовой доход не менее 200 марок, и эти земли будут принадлежать им пожизненно. Также я поступлю и с другими дочерями (дамы Елизаветы Грей), когда они достигнут законного возраста замужества, если они будут живы. От тех джентльменов, которые будут иметь счастье взять их в жены, я потребую и буду время от времени напоминать, что, если они хотят избежáть моего неудовольствия, они должны любить и почитать их (дочерей дамы Елизаветы Грей) как своих законных жен и дам, принадлежащих к моему дому. Кроме того, с этого момента я буду оплачивать...

содержание и расходы поименованной дамы Елизаветы Грей на протяжении всей ее жизни... через Джона Несфилда, одного из королевских эсквайров, который будет передавать ей сумму в 700 марок в полновесными английских деньгах равными платежами 4 раза в год. И кроме того, я обещаю, что если из уст какого-то человека или каких-то людей я услышу сплетню или злой навет на одну из этих дам или на всех вместе, я не поверю слухам и не наложу на них никакого наказания до тех пор, пока они не смогут законным образом защитить себя и ответить (на эти обвинения)».

В начале марта Елизавета Вудвиль и ее дочери без всякой помпы покинули Вестминстерское аббатство. О том, где они жили с весны 1484-го до конца лета 1485-го, мы можем только гадать. Вполне возможно, королева Елизавета удалилась куда-то в сельскую местность, где можно было более-менее достойно прожить на выделенную ей сумму в 700 марок. Кто-то из дочерей Эдуарда IV мог найти приют в принадлежавшем Ричарду III замке Шериф-Хаттон. Расходная книга Шериф-Хаттона упоминает, что в июле 1484 г. в нем проживали некие «дети королевской крови». Племянницы Ричарда III также могли получить приглашения пожить во владениях верных сторонников Эдуарда IV.

Примирение короля с семьей Эдуарда IV было очень удачным политическим ходом, оно демонстрировало возрождение единства клана Йорков. Вероятно, оно также принесло Ричарду моральное удовлетворение.

Ранней весной 1484 г. обстановка внутри королевства оставалась спокойной, и король должен был чувствовать себя гораздо уверенней. «Стеклянные ножки» его трона постепенно превращались в нечто более надежное. Ричард III наконец получил возможность заняться чем-то, помимо неотложных дел.

Ричард всегда интересовался артиллерией и входившим тогда в моду индивидуальным огнестрельным оружием. В январе—феврале 1484 г. король использовал часть денег, полученных от продажи имущества Эдуарда IV, для покупки новых пушек и при-

ведения в порядок старых. В частности, два легких орудия были куплены во Фландрии (именно в этом регионе производились самые лучшие пушки и аркебузы, именно там можно было найти самых квалифицированных стрелков). В итоге в распоряжении Ричарда III оказалась одна из лучших коллекций в Европе. Главным канониром король назначил фламандца Патрика де ла Мота. Также было приобретено 20 новых аркебуз и нанято несколько фламандских стрелков. Стоит отметить, что в конце XV столетия вооруженные аркебузами солдаты больше пугали противника дымом и грохотом, чем наносили ему реальный урон. Эти примитивные ружья весом не менее десяти килограммов заряжались крайне медленно и имели прицельную дальность не более 35 метров. Тем не менее аркебузы постепенно входили в моду. Иметь такой (фактически бесполезный) отряд было престижно, он считался показателем изысканного вкуса и финансовой состоятельности нанимателя.

Не меньше внимания Ричард III уделял флоту. При нем количество военных кораблей возросло, а их состояние существенно улучшилось. В 1484 г. был принят закон, по которому первое торговое плавание любого корабля не облагалось налогом.

В эти спокойные месяцы Ричард III также улучшил заложенную еще при Эдуарде IV систему государственной почты. По всей Англии появились почтовые станции, на которых королевские гонцы могли сменить лошадей. При удачном раскладе можно было за два дня покрыть более 300 километров (например, доскакать от Лондона до Йорка).

Единственной заметной неприятностью в начале весны 1484 г. были известия из Бретани. Франциск II все же решил вторично профинансировать военную экспедицию Тюдоров. Им было выделено шесть кораблей, на деньги герцога Бретани бунтовщики наняли более 800 моряков и солдат.

Так как не было даже приблизительно известно, в какой точке побережья могут высадиться наемники Генриха Тюдора, Ричард III решил сделать своей штаб квартирой Ноттингем, на-

ходившийся на равном расстоянии от любого порта. По данным шпионов Ричарда III, сторонники Тюдора только приступили к подготовке экспедиции, поэтому король не спешил.

В начале марта Ричард III и его супруга покинули Лондон. На несколько дней королевская чета задержалась в Кембридже. Ричард был занят церковными делами. В частности, он определился с выбором того, кто будет представлять Англию при папском дворе. Посланником Ричарда стал епископ св. Давида Томас Ленгтон. Анна Невиль, как и положено королеве, занялась благотворительностью. Она пожертвовала крупную сумму на содержание Квинс-колледжа. Ричард также сделал несколько пожертвований и подтвердил традиционные привилегии Кембриджского университета.

15 марта королевский кортеж двинулся дальше и через несколько дней прибыл в Ноттингем. Король продолжал готовиться к возможной высадке сторонников Тюдоров, в графства были направлены письма с приказанием быть наготове.

И вот в середине апреля от кажущегося благополучия не осталось и следа. Ричард и Анна получили ужасные вести из замка Мидлхэм — их сын принц Эдуард скончался. Конечно, мальчик долго болел, но и Ричард был слабым ребенком. По-видимому, смерть принца стала неожиданностью. Во всяком случае, нам неизвестно о том, что к нему посылали новых докторов или что родители спешно собирались его навестить. Кройлендская хроника сообщает, что Ричард и Анна буквально помешались от горя. Горечь потери не ослабела даже со временем. Только спустя полгода после трагедии Ричард нашел в себе силы подписать счета за похороны принца Эдуарда. К официальной формулировке «наш дражайший сын» он своей рукой дописал «Бог да простит его».

Для Ричарда личное горе усугублялось сознанием того, что долгий и, вполне возможно, счастливый брак в итоге оказался бесплодным, надежды на рождение нового ребенка почти нет, корону передать некому. К тому же в то время любое несчастье

воспринималось как божье наказание. По стране поползли слухи, что Бог карает монарха за то, что он отстранил от власти и, возможно, приказал убить своих племянников. Трон под Ричардом снова зашатался.

Анна, скорее всего, еще и остро переживала собственную неполноценность. Напомним, что в XV столетии главной и едва ли не единственной задачей женщины было деторождение. Жена, не способная подарить мужу наследника, неизбежно сталкивалась не только с его неудовольствием, но и с общественным порицанием. Мы не знаем, ссорились ли Ричард и Анна или поддерживали друг друга. В конце апреля супруги приезжали в Мидлхэм, но не смогли там долго оставаться и покинули замок уже через десять дней. Вероятно, Ричарду было чуть легче. Да, он очень горевал; да, он почти возненавидел Ноттингем, но государственные дела хоть как-то отвлекали от мыслей о сыне.

Во всяком случае, монарх умел делать хорошую мину при плохой игре. Как раз в конце апреля, когда король и королева были в Мидлхэме, с Ричардом встретился силезский дворянин Николас фон Попплау. Николас был странствующим рыцарем. Он путешествовал по Европе, широко пользовался гостеприимством королей и аристократов и платил за него рассказами о своих и чужих приключениях. Николас довольно подробно описал свои странствия, в его «Записках» есть в том числе рассказ о встрече с Ричардом III.

В Мидлхэме Попплау удостоился более чем торжественного приема. Он был представлен королю в главной зале замка. Ричард восседал на троне в окружении многочисленных придворных. Силезский рыцарь передал королю рекомендательное письмо от императора Священной Римской империи, а затем произнес блистательную речь на латыни. Красноречие сэра Николаса вызвало всеобщее восхищение, хотя справедливости ради стоит отметить, что, если бы он говорил по-китайски, эффект был бы схожий. В XV столетии латынь знали немногие. Попплау могли понять клирики, миряне же максимум узнавали отдельные слова.

Тем не менее церемониал был соблюден — приветствие на языке науки и искусства произнесено, должный уровень общественного одобрения получен. Ричард III благосклонно выслушал гостя, тепло поблагодарил его и простер свою любезность до того, что сошел с трона и взял Попплау за руку. Затем король приказал проводить сэра Николаса в отведенные ему покои.

На следующее утро Попплау был приглашен на праздничную мессу. Особенно сильное впечатление на него произвел великолепный церковный хор. Музыка (как духовная, так и светская) была настоящей страстью Ричарда III. Хормейстер короля объехал всю Англию в поисках красавцев с благозвучными, сильными голосами. Усилия вполне окупились — королевский хор поражал не только слушателей, но и зрителей.

Затем силезского рыцаря пригласили разделить с монархом обед, где он мог убедиться, что менестрели короля не уступают его певчим. Ричард III беседовал с Попплау почти наедине и произвел на него неизгладимое впечатление. Английский монарх показался своему собеседнику образцом рыцарственности — он был настолько увлечен беседой о чести и подвигах, что едва прикоснулся к роскошным блюдам. Под конец речь зашла о крестовом походе против османской державы. Ричард воскликнул: «Я желал бы, чтобы моя страна граничила с землей турок. Только с моими людьми и без всякой помощи других принцев я мог бы победить не только турок, но и всех моих врагов». Не стоит воспринимать эти слова как позерство — в Средние века люди были гораздо эмоциональнее, чем сейчас, а жизнь знатного человека нередко напоминала изысканный спектакль. Ричард вполне мог искренне увлечься и немного помечтать вслух. Во всяком случае, никто из присутствующих не счел его слова чрезмерными — наоборот, все сочли, что король вел себя «как должно».

Попплау прогостил в Мидлхэме больше недели. Он каждый день присутствовал на королевских обедах и не уставал восхищаться тонкими кушаньями, прекрасной музыкой и пышным церемониалом. На прощание Ричард III подарил своему гостю

массивное золотое ожерелье. Попплау подчеркивал, что не может сказать ничего хорошего об Англии и англичанах, но все недостатки этой страны искупаются достоинствами ее правителя. Визит странствующего рыцаря внес в жизнь королевского двора приятное разнообразие, позабавил Ричарда и, возможно, немного отвлек от тягостных воспоминаний.

В первых числах мая король вынужден был вернуться к государственным делам. Ричард III созвал войска, чтобы отразить возможное вторжение Тюдоров. Конец весны, лето и осень прошли в бесплодном ожидании. Большую часть времени король оставался в Ноттингеме. Тем не менее у него хватало сил и на других противников.

Летом Ричард отправился к шотландской границе (там опять было неспокойно) и по дороге посетил Йоркшир. В июне Ричард III приезжал в Скарборо, чтобы проследить за вооружением флота, а потом, в июле, за его перевооружением. В итоге шотландцев удалось принудить к морскому сражению. Кройлендский хронист отмечает, что победа была одержана в первую очередь «благодаря умению короля вести войну на море». Вполне возможно, что на этот раз Ричард лично командовал флотом.

На суше англичане также одержали верх над армией шотландцев, мародерствовавшей в северных графствах. Эффект от побед на море и суше был вполне ожидаемый — король Шотландии Джеймс III прислал английскому монарху письмо с просьбой начать переговоры о полноценном мире. Именно мир и был целью Ричарда III.

Может создасться впечатление, что большинство соседних государств относились к королю Англии враждебно и что это как-то связано с политикой или репутацией Ричарда III. На самом деле ничего подобного не наблюдалось. Ричарду просто не повезло — практически все державы Западной Европы в тот момент испытывали серьезные внутренние проблемы, неудивительно, что они пытались смягчить ситуацию за счет Англии. О положении дел в Бретани уже говорилось выше. Шотландский монарх

бесконечно воевал со своими непокорными вассалами; вторжение на английские земли оказывалось едва ли не единственным способом отвлечь внимание шотландских лордов. Король Франции Людовик XI скончался буквально в самом начале царствования Ричарда III, на троне оказался его юный сын Карл VIII, естественно, началась борьба за регентство. Формально власть принадлежала старшей сестре Карла VIII — Анне де Боже, — но ее положение было крайне уязвимым. Король и королева Испании не спешили довести до конца переговоры о мире, так как надеялись, что конфликт с Англией отвлечет Францию и Испания сможет без помех завоевать территорию современных Нидерландов, на которую французы также имели виды. Герцог Бургундии Максимилиан Габсбург погряз в войнах с непокорными фландрскими городами. Даже в Ватикане не было стабильности — в 1484 г. скончался папа Сикст VI, и новому великому понтифику Иннокентию VIII нужно было время, чтобы окончательно определиться с симпатиями и антипатиями.

Одним из неприятных последствий бесконечных неурядиц стал рост пиратства в Ла-Манше. Летом 1484 г. Ричард III начал полномасштабную кампанию по борьбе с этим явлением. Стоит отметить, что европейские пираты XV в. мало напоминали вольных капитанов Карибского моря. Английским морякам было официально разрешено нападать на корабли враждебных Британии стран (в 1483—1484 гг. это Франция и Бретань). Союзников (например, бургундцев и испанцев) трогать категорически запрещалось. Если же такие нападения случались, правительство компенсировало союзникам потери. Еще в самом начале своего правления Ричард III столкнулся с тем, что английские купцы требовали возместить им убытки от нападений бургундских и испанских пиратов, а испанские и бургундские негоцианты желали получить компенсацию ущерба от действий английских корсаров. Предупреждения не дали результатов, поэтому Ричард III приказал топить пиратские корабли; в портовых городах арестовывали всех подозрительных; кроме того, все владельцы

и капитаны английских судов дали письменные обязательства не нападать на корабли дружественных стран. В результате в море стало гораздо безопаснее. Претензии иностранных купцов также были удовлетворены — испанским торговцам возместили ущерб за счет таможенных платежей; с Бургундией договорились о взаимозачете стоимости награбленных товаров.

Несмотря на вышеуказанное соглашение, англо-бургундский союз начал давать трещины. Максимилиан Габсбург был обаятельнейшим человеком и настоящим рыцарем, но изрядным фантазером. Он постоянно предлагал Ричарду III нереальные, даже абсурдные варианты политического сотрудничества. Летом 1484 г. в Англию прибыли послы Бургундии. Максимилиан просил не заключать никакого соглашения с противниками Бургундии, т.е. с Францией и фландрскими городами, а также прислать ему 6000 солдат и как можно больше военных кораблей. В обмен Максимилиан I обещал когда-нибудь потом (после того, как он разберется с внутренними проблемами) явиться к Ричарду во главе огромной армии (размер не уточнялся) и вместе победить Францию или, если Ричарду это больше понравится, Шотландию. Английский монарх не оценил это шикарное предложение. Напомним, что именно во Фландрию англичане экспортировали большую часть производимой в королевстве шерсти. 25 сентября 1484 г. Ричард III подписал мирное соглашение с фландрскими городами. Максимилиан изрядно обиделся.

Летом 1484 г. возобновились переговоры между Англией и Бретанью. Франциск II продолжал разыгрывать карту Тюдоров. Договор «о мире и дружбе» был подписан 10 июня, неофициальным дополнением к нему стало ограничение свободы Джаспера и Генриха Тюдоров. 26 июня английский король направил в Бретань 1000 пеших воинов. Франциск II принял их с благодарностью и дал понять, что готов к дальнейшему сотрудничеству. В сентябре 1484 г. переговоры продолжились. По приказу Ричарда III в Бретань направился один из самых доверенных советников короля — Уильям Кетсби. Кетсби предложил выдать

Тюдоров Англии; взамен Франциск II мог получить то же, что предлагал ему Генрих Тюдор — Ричмонд и окрестные земли. Этот вариант вполне устроил правителя Бретани. Генриха Тюдора должны были заключить под стражу и затем переправить в Англию, но в последний момент будущего короля предупредили. Генрих бежал во Францию под покровительство регентши Анны де Боже.

Итак, Генриху Тюдору удалось спастись. Тем не менее уже в середине лета 1484 г. стало ясно, что в следующие несколько месяцев войска мятежников вряд ли смогут высадиться в Англии. У Ричарда III появилась возможность заняться внутренними проблемами. Одной из них было управление северными графствами. Напомним, что в 1472—1483 гг. Ричард лично контролировал ситуацию на севере королевства. За эти годы Совет герцога Глостера стал по-настоящему эффективным и почти автономным от центральной власти органом. После коронации Ричард сделал главой своего бывшего Совета принца Эдуарда, т.е. фактически оставил за собой руководство Йоркширом, Нортумберлендом и сопредельными графствами. Однако вскоре выяснилось, что у короля попросту нет возможности, как раньше, вникать во все детали. В результате Ричард решил легализовать уже сложившийся порядок вещей. По его приказу был сформирован так называемый Совет Севера, призванный контролировать положение дел в северных графствах от имени монарха. Помимо управленческих функций, Совет имел широкие судебные полномочия — он расследовал преступления, выносил приговоры и даже приводил их в исполнение. Нововведение оказалось в высшей степени удачным и в дальнейшем было использовано Тюдорами.

В конце августа Ричард III уже немного оправился от смерти сына и нашел в себе силы назначить наследника. Он мог выбирать между двумя кандидатами. Первым из них был десятилетний граф Уорвик — сын Джорджа Кларенса. Вторым — Джон де ла Поль граф Линкольн — сын сестры Ричарда Елизаветы и герцога Саффолка. Графу Линкольну было 20 лет, он уже успел проявить

себя как талантливый полководец, в частности, активно участвовал в подавлении восстания Бэкингема. Неудивительно, что Ричард III остановил свой выбор именно на нем. 21 августа Ричард сделал Джона Линкольна наместником Ирландии — на этот пост в доме Йорков всегда назначали наследника престола. Джон де ла Поль получил еще одну ответственную должность — Ричард поставил своего преемника во главе Совета Севера.

Определившись с наследником, Ричард вернулся к международным делам. В сентябре в Ноттингеме он торжественно принял делегацию шотландцев. В итоге было заключено мирное соглашение на три года. Также была достигнута договоренность о династическом браке, закреплявшем не только мир с Шотландией, но и возвышение дома де ла Поль. Племянница Ричарда Анна (сестра Джона Линкольна) должна была стать женой наследника шотландского престола.

Итак, почти все лето 1484 г. Ричард III провел в разъездах. Основную часть времени он оставался «на посту» в Ноттингеме, но посещал и Лондон, и Йорк, и Скарборо, и Понтефракт. В ноябре сезон военных действий закончился (погода делала зимнюю переправу через Ла-Манш крайне рискованным предприятием), и король вернулся в Лондон, чтобы провести зиму в столице.

В начале ноября Ричард III получил крайне неприятные вести. Один из самых стойких сторонников Ланкастеров Джон де Вере граф Оксфорд сбежал из крепости в окрестностях Кале, в которой он содержался еще с 1475 г. Побег был организован и подготовлен комендантом крепости Джеймсом Блаунтом и начальником порта Джоном Фортескью, поэтому наделал много шуму. К несчастью, никого из заговорщиков схватить не удалось — все они нашли приют при французском дворе. Граф Оксфорд присоединился к свите Генриха Тюдора.

Пожалуй, самым заметным событием ноября стал суд над Джоном Тарбурвилем и Джоном Колингборном. Мистер Колингборн, по-видимому, был агентом Генриха Тюдора. По данным

Лондонской хроники 18 июля 1484 г., он прибил к дверям собора Святого Павла двустишие, порочившее Ричарда III и его ближайших соратников:

«Кот, Крыса и наш пес Ловел
Правят Англией под руководством Вепря»

(другой возможный вариант перевода, основанный на игре слов — «правят по-свински»).

Под котом (кет) подразумевался Уильям Кетсби; крыса (рэт) — это сэр Ричард Ретклиф; пес Ловелл — виконт Ловелл. Наконец, белый вепрь был личной эмблемой Ричарда III.

Второе обвинение было гораздо более серьезным — 10 июля Джон Колингборн предлагал 8 фунтов некоему Томасу Йету за то, чтобы тот отвез письмо Генриху Тюдору. В вышеуказанном письме Тюдору советовали прибыть в Англию. Ему также советовали сказать французам, что Ричард вовсе не намерен заключать мир, в самое ближайшее время он планирует вторгнуться во Францию.

Для расследования этого случая была сформирована весьма представительная комиссия. В нее входили герцоги Норфолк и Саффолк, графы Ноттингем и Суррей, виконты Ловелл и Лисли, три барона (в том числе лорд Стенли), четыре судьи из суда Королевской Скамьи. Процесс проходил в Гилдхолле в начале декабря. Тарбурвиля приговорили к тюремному заключению, а Колингборна признали виновным в измене и приговорили к смерти. В XV столетии всех государственных изменников казнили особым мучительным способом. По свидетельству хроники Фабиана, Колингборна сначала повесили, потом сняли еще живого, распороли живот и вынули внутренности, которые сожгли прямо перед ним, затем «палач засунул руку ему в тело так далеко, что Джон Колингборн скончался».

Зимой 1484—1485 гг. началась пропагандистская война, длившаяся весь остаток царствования Ричарда III. В начале декабря

король издал прокламацию, направленную против Генриха Тюдора и его сторонников. В ней англичан призывали быть наготове, чтобы отразить атаку бунтовщиков. Любопытно, что Ричард презрительно называл своего оппонента «капитаном Генрихом Туддром, именующим себя графом Ричмондом». Ричард писал: «Он (Тюдор) в своих амбициях и ненасытной алчности покушается на наше право зваться и являться властелином Англии, на что не имеет никаких законных оснований, равно как родовитости и должного воспитания».

В королевских воззваниях и других пропагандистских документах, как правило, подчеркивалось не вполне законное происхождение Генриха Тюдора. Одна из прокламаций утверждала, что в жилах Генриха Тюдора течет «кровь зачатого в грехе ублюдка по отцовской и материнской линии». Несмотря на резкость формулировки, эти обвинения не были безосновательны. Отец Генриха Тюдора скорее всего был незаконнорожденным. Напомним, что его дед Оуэн Тюдор являлся, как сказали бы сегодня, гражданским мужем вдовствующей королевы Екатерины Валуа. Возможно, эти двое были женаты тайно, но даже если бракосочетание имело место (что крайне сомнительно), существовал акт, запрещавший Екатерине Валуа выходить замуж без согласия Парламента. По материнской линии все тоже было не гладко. Бофоры возводили свою родословную к сыну Эдуарда III Джону Гонту герцогу Ланкастеру и его любовнице Катрин де Роет. Позже они были легитимизированы специальным Парламентским актом, но этот же акт оговаривал, что потомки Бофоров не могут претендовать на трон Англии.

Еще одной темой антитюдоровской пропаганды было не вполне благородное происхождение предков Генриха по отцовской линии. Англичане поговаривали, что его прадед якобы «держал трактир в Конви», а дед был не мужем вдовствующей королевы Екатерины Валуа, а всего лишь «слугой при спальне королевы». Эти обвинения не имели под собой никакой почвы, кроме ксенофобии жителей центральных графств. В XV столетии Уэльс вос-

принимался как далекий, дикий и не вполне понятный регион, где вряд ли могут жить люди по-настоящему благородной крови.

Генриха также обвиняли в низкопоклонстве перед Францией. «Потерявший стыд и не знающий, что такое верность отечеству, он дерзнул дать Карлу полное право на трон Франции, за который народ Англии боролся более ста лет... главарь изменников» признал право французов на Гасконь и даже на порт Кале.

Королевские прокламации, как правило, живописали и то, что ждет англичан в случае победы Генриха Тюдора — убийства, казни, грабежи, мародерства и прочие беззакония.

Разумеется, Тюдоры и их сторонники проявляли не меньшую активность. Несмотря на все усилия королевских чиновников, прокламации мятежников регулярно доставлялись в Англию. Чаще всего педалировалась тема «принцев в Тауэре». Ричард III открыто именовался «самозванцем и убийцей, жестоко и дерзко захватившим власть».

Победа в информационной войне не досталась никому, но временный перевес был на стороне законного монарха. Ричард III успешно задействовал административный ресурс, в итоге ему удалось сформировать стойкий стереотип. Как минимум до середины XVI в. англичане муссировали слухи о том, что отец Генриха VII был незаконнорожденным, что предки Тюдоров были слугами и лавочниками и т.д.

В декабре 1484 г. обстановка в Англии была не вполне спокойной. Ричард III начал готовить сбор войск, хотя стояла зима и было ясно, что в ближайшие месяцы вторжение не состоится. По всей стране разъезжали королевские чиновники, издавались прокламации против мятежников, приморским городам приказали усилить защиту, Королевский совет заседал практически ежедневно.

Несмотря на заботы, королевская семья пышно отпраздновала Рождество. Ричард III наглядно продемонстрировал возрождающееся единство рода Йорков — на празднествах присутствовали все дочери Эдуарда IV. Больше того, старшая племянница

Ричарда Елизавета была одета точно так же, как королева, что, по-видимому, должно было подчеркнуть ее близость к семье монарха. Елизавета Вудвиль не была приглашена, но ее отношения с королем постепенно налаживались.

К сожалению, в браке Ричарда наблюдалась обратная тенденция. Главной проблемой, разумеется, было отсутствие наследника. Вездесущие придворные отметили, что на Рождество Ричард едва ли не каждую ночь проводил в покоях своей жены, но желанная беременность, увы, так и не наступила. Вторым обстоятельством, омрачавшим союз Анны и Ричарда, было плохое здоровье королевы. Историки не могут с уверенностью утверждать, чем она была больна, но, вероятнее всего, Анна страдала от туберкулеза. Эта болезнь часто встречалась среди дам XV в. Обстановка в замках была не только дискомфортной, но и весьма нездоровой — очень плохое отопление, вечные сквозняки, духота, постоянные перепады температуры (напомним, что коридоры и часть комнат не отапливались). Все это приводило к частым простудам и делало организм крайне восприимчивым к легочным инфекциям. Итак, Анна постепенно угасала, и это еще больше снижало вероятность того, что она сможет подарить мужу нового ребенка. Отношения между супругами постепенно портились.

В конце января Анна слегла. Доктора наконец диагностировали ее болезнь как заразную и посоветовали королю прекратить близкое общение с супругой. Анна сильно горевала. По-видимому, королева не раз жаловалась придворным дамам, что Ричард ее оставил. По столице поползли слухи, в которых причина и следствие поменялись местами. Анна якобы заболела оттого, что муж к ней охладел.

Ричарду III тоже было непросто. Однажды король пожаловался архиепископу Йоркскому, что у него ничего не осталось — умер сын, жена уже не сможет родить еще одного, а теперь и она умирает. Действительно, в жизни Ричарда словно наступила черная полоса. В 1483-м ему везло — он быстро и бескровно захватил власть, легко подавил восстание, а затем все пошло под откос.

Противники короля объединились вокруг ничтожного в сущности кандидата — нищего эмигранта с сомнительными правами на престол, он потерял сына и почти потерял жену. Возможно, Ричарду казалось, что над ним тяготеет какой-то злой рок. Современники наверняка усматривали связь между всеми этими событиями, а пропагандистские листовки с другой стороны Ла-Манша открыто называли происходящее Божьей карой.

В середине марта Анна Невиль умерла. Ее тело со всеми почестями было захоронено в Вестминстерском аббатстве. Ричард искренне переживал смерть жены, на похоронах он плакал и не скрывал слез. Брак Ричарда и Анны был долгим и, вполне возможно, до определенного момента счастливым. Тем не менее для укрепления власти королю необходимо было срочно найти новую супругу.

Именно в этот момент в столице распространились довольно странные слухи — Ричард якобы планировал жениться на родной племяннице — старшей дочери Эдуарда IV Елизавете. Воспринимать эту версию всерьез вряд ли возможно. Не говоря уже о недопустимо близкой степени родства и чудовищном общественном резонансе, этот брак противоречил принятому Парламентом акту, которым дети Эдуарда IV и Елизаветы Вудвиль признавались незаконнорожденными. На наш взгляд, такой союз мог принести Ричарду не пользу, а вред. Вполне вероятно, что эти слухи распускали агенты Тюдоров.

В любом случае Ричард счел необходимым официально «расставить точки над “и”». Король собрал духовных и светских лордов, чиновников и наиболее именитых горожан и торжественно поклялся, что никогда не собирался брать в жены Елизавету Йорк. Через несколько дней Ричард III направил гражданам Йорка письмо, в котором сетовал на распространение лживых слухов и призывал им не верить.

На самом деле у Ричарда были совсем другие планы. Своей будущей супругой он видел не Елизавету Йорк, а кого-то из наследниц дома Ланкастеров. Идея матримониального объединения

враждующих династий, что называется, витала в воздухе. Если Генрих Тюдор получил поддержку части сторонников Йорков в обмен на обещание жениться на дочери Эдуарда IV, почему бы Ричарду не прибегнуть к той же тактике?

В 1485 г. можно было выбирать между двумя невестами. Обе они были праправнучками основателя дома Ланкастеров — Джона Гонта. Как известно, Джон Гонт был женат дважды. Его дочь от первого брака стала женой короля Португалии. Затем эту примесь крови Ланкастеров унаследовала португальская принцесса Джоанна. Дочь Джона Гонта от второго брака вышла замуж за короля Кастилии. Их внучка принцесса Изабелла также могла претендовать на английский престол. Необходимо подчеркнуть, что с формальной точки зрения и Джоанна, и Изабелла имели куда больше прав на корону, чем Генрих Тюдор. Напомним, что прадед будущего короля появился на свет в результате любовной связи Джона Гонта и Катрин де Роет; впоследствии Джон и Катрин обвенчались, но их потомки были легитимизированы лишь много лет спустя.

Таким образом, брак с Джоанной Португальской или Изабеллой Кастильской сделал бы династические права Ричарда III практически незыблемыми. Оставалось определиться с выбором. Изабелле было четырнадцать, и она могла стать идеальной женой для короля, желающего основать династию. Однако Ричард решил посвататься к Джоанне Португальской, которая была на несколько месяцев старше него. Тридцать три для XV столетия возраст немалый. В эти годы дамы обычно имели взрослых детей и начинали задумываться о душе. Перспектива появления ребенка в браке с ровесницей была довольно сомнительной, и все же Ричард решил рискнуть. В 1485 г. наследником прав Ланкастеров был король Португалии Жуан II и его дети. Сразу же за ними в этой виртуальной очереди стояла сестра Жуана принцесса Джоанна. Права Изабеллы были чуть хуже.

По-видимому, Ричард III стремился прежде всего укрепить свою власть. Может быть, он надеялся, что Джоанна не окажется

бесплодной, а может быть, планировал решить проблему иначе — легитимизировав своего незаконнорожденного сына Джона Глостера. 11 марта 1485 г. Джон был назначен капитаном Кале. Вполне вероятно, Ричард планировал не останавливаться на этой должности и постепенно увеличивать участие сына в государственных делах. Возможно, ему попросту не хватило времени.

Как бы то ни было, всего через шесть дней после смерти Анны Невиль Ричард отправил в Португалию Эдуарда Брамптона. Это не было проявлением душевной чёрствости. Чтобы чувствовать себя сколько-нибудь уверенно, королю необходим был сын и наследник. Посланник Ричарда III предложил португальскому монарху скрепить союз их государств двумя браками. Ричард желал получить руку принцессы Джоанны. Старшая дочь Эдуарда IV Елизавета Йорк должна была выйти замуж за кузена Жуана II — Мануэля, герцога Баха. Жуан II отнесся к этим предложениям весьма благосклонно. Вероятно, Эдуард Брамптон был уполномочен предложить королю Португалии еще и помощь в борьбе с мятежниками (в 1484 г. был составлен заговор против жизни короля Португалии, едва не увенчавшийся успехом, в 1485-м обстановка продолжала оставаться напряженной). И все же переговоры затянулись. Камнем преткновения стали чувства невесты Ричарда — принцесса Джоанна была глубоко набожной женщиной, проводила свои дни в молитвах и вообще не желала выходить замуж. К 1485 г. она уже успела отказать сыну императора Священной Римской империи и брату французского короля. Новое матримониальное предложение также не привело Джоанну в восторг. Однако Жуан II настаивал, и его сестра согласилась подумать.

По легенде, в конце августа 1485 г. Джоанне приснился сон — ангел рассказал принцессе, что ее жених покинул этот мир. Наутро Джоанна сказала брату, что, если Ричард жив, она отправится в Англию и выйдет за него замуж; если же король Англии отошел в мир иной, она не желает даже слышать о других претендентах на ее руку. Спустя несколько дней в Поругалии узнали об исходе

битвы при Босворте. Принцессу Джоанну действительно больше не понуждали к замужеству. Она приняла постриг и умерла всего через пять лет после Ричарда.

Но вернемся к весне 1485 г. Итак, Ричард не сватался к Елизавете Йорк, напротив, он нашел ей достойного жениха, сам же планировал вступить в брак с португальской принцессой. Клан Вудвилей возвращал себе утраченное влияние методами гораздо более приемлемыми, чем кровосмесительный брак. В самом начале 1485 г. Ричард, по-видимому, окончательно примирился с вдовствующей королевой Елизаветой. Мы знаем, что в январе Елизавета Вудвиль написала своему сыну маркизу Дорсету. Напомним, что Дорсет бежал из Англии после провала восстания Бэкингема и присоединился к окружению Генриха Тюдора. Теперь королева просила сына вернуться. Очевидно, речь шла не только о полном прощении за участие в восстании. Ричард III должен был сделать маркизу предложение, делавшее бессмысленным его дальнейшее пребывание во Франции.

В феврале 1485 г. Дорсет попытался покинуть двор Тюдора, но маркиз был слишком ценным живым трофеем — имея его в своем распоряжении, можно было успешно шантажировать его мать Елизавету Вудвиль, а возможно, и его сестру Елизавету Йорк. За Дорсетом снарядили погоню; его настигли у самой границы и то ли уговорили, то ли заставили вернуться в Париж. На словах маркиз остался сторонником Тюдора, на деле он, видимо, ждал благоприятного случая для нового бегства. Во всяком случае, его имя больше не фигурировало в списке государственных изменников. Иными словами, Ричард III перестал считать маркиза Дорсета своим противником.

В это же время переговоры о браке Генриха Тюдора и Елизаветы Йорк приостановились. Возможно, мать невесты перестала считать такой союз выгодным. Тюдоры спешно начали искать замену, но сколько-нибудь подходящие варианты отсутствовали — без поддержки сторонников Эдуарда IV Тюдорам было попросту не на что рассчитывать. Любопытно, что именно в тот

момент пошли слухи, будто бы Ричард III намерен жениться на своей племяннице. Вероятно, таким способом Тюдоры пытались опорочить и короля, и клан Вудвилей, которые пытались играть на два лагеря. Например, брат вдовствующей королевы — Эдуард Вудвиль, по-прежнему оставался в Париже и казался верным соратником Тюдоров.

Время очевидно работало против оппозиционеров — Ричард III успешно возвращал себе доверие людей, выдвинувшихся при Эдуарде IV. Неудивительно, что регентша Франции и окружение Генриха Тюдора поспешили начать подготовку к военным действиям.

Ричард также готовился к обороне. Разумеется, новый сбор войск потребовал серьезных затрат. В казне денег не было, оставалось прибегнуть к займам. Тем не менее Ричард не вернулся к публично осужденной им практике беневоленций. Он именно занял денег у британских купцов и городов, причем под надежные гарантии. Монарх обещал возвратить заем не позже, чем через два года. Конечно, и к займам англичане отнеслись без восторга, но все же это было гораздо лучше беневоленций.

Т.к. было неизвестно, где именно высадятся мятежники, приготовления шли по всему королевству. В апреле Ричард III приказал сэру Джорджу Невилю патрулировать Ла-Манш и берега Кента. Виконта Ловелла послали охранять южное побережье. Герцог Норфолк должен был оставаться в Восточной Англии, чтобы контролировать не только этот регион, но и подступы к столице. Что касается Лондона, Ричард III позаботился об укреплении Тауэра — в крепости были собраны большие запасы оружия и продовольствия. Защиту столицы поручили констеблю Тауэра Роберту Брекенбури.

Пожалуй, главной «головной болью» на тот момент был Уэльс. Этот проблемный регион почти всегда поддерживал выступления против королевской власти. Но в данном случае дело было куда серьезнее — по отцу Генрих Тюдор был валлийцем, и его сторонники не уставали повторять, что в жилах Тюдоров течет

кровь древних королей Уэльса. К тому же после смерти Бэкингема исчезла сила, способная контролировать западное княжество. Разумеется, далеко не все валлийцы были сторонниками Тюдоров, но именно там мятежники могли рассчитывать на максимальную поддержку.

В середине июня 1485 г. Ричард III попытался обезопасить наследников дома Йорков. Все они были собраны в замке Шериф-Хаттон в окрестностях Йорка (кстати, именно там заседал Совет Севера). В Шериф-Хаттон нашли приют: Елизавета Йорк и две ее сестры; сын Джорджа Кларенса юный граф Уорвик; незаконнорожденный сын Ричарда лорд Глостер. Наконец, в замке находился и официальный наследник престола — Джон де ла Поль граф Линкольн.

Примерно в это же время король возвратился «на свой пост» в Ноттингем. Этот замок по-прежнему не нравился Ричарду, но стратегически выгодное расположение оказалось гораздо важнее эмоций. 21 июня Ричард III издал очередную прокламацию против бунтовщиков, а 22-го числа приказал своим подданным во всех частях королевства быть готовыми к бою. Шерифам категорически запрещалось покидать графства. По всему побережью были расставлены патрули.

Шпионы короля доносили, что корабли Тюдоров вскоре направятся к берегам Англии. Обстановка становилась все более напряженной, и Ричард III делал все возможное, чтобы обеспечить лояльность лордов. Самые большие сомнения вызывал клан Стенли, члены которого уже не раз меняли свои политические симпатии. Позиция Стенли была очень важна, так как они занимали целый ряд ключевых должностей — сэр Уильям Стенли был верховным судьей Северного Уэльса и имел обширные владения в Шпоршире; его брат Томас лорд Стенли и его племянник лорд Стрендж были самыми крупными сеньорами в Чешире и Ланкашире. С одной стороны, Ричард всячески благодетельствовал Стенли, например, передал им значительную часть земель, конфискованных у Бэкингема. С другой, Томас Стенли был женат на

матери Генриха Тюдора — Маргарет Бофор, и перспектива стать отчимом короля была довольно заманчивой.

В двадцатых числах июня Томас Стенли неожиданно попросил разрешения покинуть ставку Ричарда в Ноттингеме и вернуться в свои имения. Сэр Томас утверждал, что домашние дела требуют его присутствия, и уверял, что даже если вторжение состоится в ближайшее время, он будет полезнее королю не в Ноттингеме, а в собственных землях, где сможет собрать своих людей и дать отпор бунтовщикам. Ричард III не мог позволить себе отказать могущественному вассалу, но потребовал, чтобы при его дворе находился старший сын Томаса Стенли лорд Стрендж. Молодой лорд действительно приехал в Ноттингем, его тепло приняли, но все понимали, что фактически он являлся живым гарантом лояльности собственного отца.

С точки зрения современного человека, методы Ричарда могут показаться не совсем благовидными, но в Средние века заложничество было вполне обычным делом. Например, уезжая из Парижа, Генрих Тюдор оставил французам двух своих сторонников — маркиза Дорсета и Джона Бурчера. К тому же Стенли действительно пытались «играть на обе команды». Пока Томас Стенли заверял Ричарда III в своей лояльности, его жена Маргарет Бофор собирала деньги для своего сына Генриха Тюдора. Вместе с деньгами Тюдор получил заверения, что семья Стенли целиком и полностью на его стороне.

В конце июля Ричард III узнал — сторонники Тюдоров завершили военные приготовления и готовы отплыть в самое ближайшее время. 11 августа 1485 г. королю с некоторым опозданием донесли, что высадка уже состоялась — 7 августа корабли Генриха Тюдора пристали к берегам графства Пемброк в Южном Уэльсе. Выбор был не случаен — Джаспер Тюдор имел обширные земельные владения в этой части королевства, кроме того, летом 1485 г. на сторону Тюдоров перешли несколько знатных валлийских родов. В распоряжении претендента на престол было более 4000 солдат, нанятых на французские деньги. Кроме того,

его сопровождали около 400 англичан-изгнанников и отряд шотландцев.

Королевские войска в Уэльсе находились под командованием двух верных соратников Ричарда III. Южное побережье контролировал Ричард Уильямс, юго-восток — Джеймс Тирелл. Как уже было отмечено выше, Тюдоры не располагали значительными силами. Неудивительно, что они попытались уклониться от встречи с отрядами Уильямса и Тирелла, миновать крепости, занятые королевскими войсками, и владения сторонников короля. Затея полностью удалась — сколько-нибудь крупных столкновений в Уэльсе не было, но не было и широкой общественной поддержки восставших.

Против Генриха Тюдора работал целый ряд факторов. Генрих покинул Англию еще ребенком, его там почти никто не знал. Права новой династии на престол выглядели, мягко скажем, сомнительными. Наконец, в 1485 г. Генрих не являлся по-настоящему самостоятельной политической фигурой. Он провел большую часть жизни в плену, не имел ни военного опыта, ни навыков ведения интриги. Это был как раз тот случай, когда «короля делала свита» — противники Ричарда III объединились вокруг единственно возможного кандидата на престол, полностью контролировали его действия и, вероятно, рассчитывали, что такое положение дел сохранится даже после смены династии.

При продвижении через Уэльс силы бунтовщиков возросли, но не на порядок. Кто-то поддержал Генриха потому, что он был их соотечественником, кто-то поверил прокламациям, обещавшим возвратить Уэльсу древние свободы; но большинство присоединившихся к войску мятежников были вассалами или свитскими Тюдоров, Стенли и их сторонников. Кстати, сразу же после высадки Тюдор обменялся со Стенли посланиями и в дальнейшем продолжал поддерживать связь.

Как только армия Генриха Тюдора покинула Уэльс, стало ясно, насколько непрочен их успех. 17 августа бунтовщики подошли к Шрусбери, расположенному на границе Уэльса и Англии. Осо-

бенности местности не позволяли обойти этот населенный пункт, поэтому мятежники потребовали дать им пройти через город. По данным хроники Шрусбери: «Крепостные ворота были наглухо закрыты, решетки опущены. Посланник того, кто еще считался графом Ричмондом, приблизился к воротам города и передал приказ распахнуть их перед законным королем Англии. Бейлиф и городской голова, господин Миттон, ответил следующее: он не знает никакого короля, кроме Ричарда III, которому присягал и верен, как верны и жители Шрусбери. Если Тюдор и войдет в город, то лишь через его труп: пока Миттон не упадет замертво, он не уступит и будет яростно сопротивляться "именем короля Ричарда"». Сторонникам Тюдора пришлось отступить. На следующий день благодаря посредничеству одного из приближенных лорда Стенли был достигнут компромисс. Отрядам бунтовщиков разрешили проследовать через Шрусбери, но под строгим контролем городских чиновников. Ни одному человеку, включая будущего короля, не позволили задержаться внутри городских стен. По легенде, мэр Шрусбери безумно боялся вызвать гнев Ричарда III, поэтому, когда армия бунтовщиков входила в городские ворота, он лег у них на дороге. Формально его клятва была соблюдена — Генрих Тюдор «переступил через неподвижное тело мэра» в самом буквальном смысле слова. В сущности, власти и жители Шрусбери поступили вполне традиционно — города никогда или почти никогда не принимали участия в Войнах Роз.

Отряды Генриха Тюдора продолжили двигаться на восток, к центру королевства. 20 августа они вошли в город Личфилд. К этому времени силы восставших заметно увеличились — к ним присоединились приверженцы Ланкастеров, недовольные правлением Ричарда III сторонники Эдуарда IV, вассалы Тюдоров и их валлийских союзников. 19 и 21 августа Генрих Тюдор встречался с Уильямом и Томасом Стенли. Разумеется, они убеждали Тюдора в своей полной лояльности. На деле Стенли продолжали выжидать — королю они слали письма с похожими заверениями. Отряды Стенли не присоединились к армии восставших и не

вступили с ней в сражение, они попросту отошли в сторону.

Что же все это время делал Ричард? Напомним, что король узнал о высадке бунтовщиков 11 августа. В тот же день он выпустил прокламацию, в которой говорилось, что «изменники отчизны нашей объединились со старым врагом Англии — Францией. Среди них и другие, непонятно откуда взявшиеся иноземцы. Этот сброд уже ступил на наши земли... наш народ готов дать отпор наглецам... Мы лично поведем войска вслед за Господом нашим и покончим с врагом навсегда».

Кройлендский хронист сообщает, что Ричард был буквально одержим идеей схватить и казнить Генриха Тюдора. С точки зрения психологии, это вполне объяснимо. Мы вряд ли ошибемся, если предположим, что Ричард был уверен в своих силах. И в политическом, и в личностном плане он и Генрих Тюдор — фигуры совершенно несоизмеримые. В 1485-м Ричард III являлся бесспорным главой дома Йорков, Тюдор же был всего лишь дальним родственником Ланкастеров. Ричард не просто назывался королем, он был самым влиятельным и могущественным человеком в Англии; его могли не любить, зато все признавали его силу. Генрих Тюдор, напротив, целиком и полностью зависел от своего окружения. Ричард III имел огромный политический и управленческий опыт; Генрих Тюдор никогда не управлял даже поместьем. Ричард сражался с шестнадцати лет; Тюдор до высадки в Англии ни разу не держал в руках боевого оружия. Ричард III никогда публично не проявлял малодушия. Тюдор был довольно боязлив — еще в 70-гг., когда его едва не выдали Эдуарду IV, Генрих серьезно заболел от страха. Ричард III был щедр, Тюдор жаден и т.д. Еще Филипп де Коммин отмечал, что «господь послал Ричарду III самого ничтожного врага».

И все же Генриху уже не раз удавалось ускользнуть из рук могущественного противника. Во время восстания Бэкингема Тюдор чуть было не высадился на берег, занятый королевскими войсками. Позже Ричарду III удалось договориться о его выдаче, но в последний момент Генрих бежал во Францию. Генрих Тюдор

осмелился называть себя королем и распускать самые гнусные слухи. Все лето и большую часть осени 1484 г. Ричард провел в ожидании высадки отрядов бунтовщиков, та же ситуация повторилась и летом 1485-го. Как все мужчины из рода Йорков, Ричард III не отличался долготерпением. Он вполне мог воспринимать своего противника как докучливое домашнее насекомое. И вот наконец Генрих Тюдор оказался в Англии, теперь Ричард мог до него добраться.

Как только Ричард III получил известие о высадке мятежников, он приказал своим вассалам спешно собрать войска и прибыть в его распоряжение. Буквально через несколько дней в ставку короля начали стекаться отряды его сторонников. Единственным, кого Ричард III не дождался, был якобы внезапно заболевший лорд Стенли. Это недомогание крайне не понравилось монарху. Ситуация окончательно прояснилась, когда лорд Стрендж попытался бежать из Ноттингема. Его поймали буквально в последний момент. После недолгого допроса молодой лорд признался, что против Ричарда III составлен заговор, самыми активными участниками которого являются члены клана Стенли, Маргарет Бофор и несколько других аристократов. Томас Стенли якобы оставался верен Ричарду III. По свидетельству Кройлендского хрониста, лорд Стрендж на коленях молил Ричарда о прощении и клялся, что, если ему сохранят жизнь, он уговорит своих родных вновь перейти на сторону короля. Может быть, Ричард действительно поверил в искренность лорда Стренджа, может быть, он просто решил не терять ценного заложника. Как бы то ни было, молодого лорда оставили под стражей. Во исполнение своей клятвы Стрендж написал отцу прочувствованное послание, в котором всячески просил того немедленно приехать в Ноттингем и поддержать Ричарда III «конно, людно и оружно». Против Томаса Стенли никаких мер принято не было. Уильяма Стенли и нескольких других аристократов обвинили в государственной измене. Осуждавшая их прокламация была направлена во все графства.

15 августа Ричард III узнал, что еще несколько дней назад армия бунтовщиков проследовала через Шрусбери, не встретив никакого сопротивления со стороны валлийских сеньоров. Это означало, что несколько знатнейших семей Уэльса перешли на сторону Тюдора. Ричард был раздосадован настолько, что закричал: «Предательство!» На следующий день королю стало известно о том, что силы Тюдора движутся к Ноттингему, чтобы сразиться с королевскими войсками. В ту же сторону, но отдельно от них продвигались и отряды Томаса Стенли (хитрый лорд по-прежнему подавал надежду обеим сторонам). Еще одним аристократом, не определившимся с политическими пристрастиями, оказался герцог Нортумберленд. Он несколько раз писал Ричарду, извещая, что движется к Ноттингему с максимально возможной скоростью, на деле его воины продвигались так медленно, как только возможно.

Тем временем в Ноттингем постоянно прибывали подкрепления. Все дороги были заполнены солдатами. В тот момент королю оставалось только одно — ждать. Разумеется, это было не просто, Ричард плохо переносил это вынужденное бездействие. Чтобы хоть немного отвлечься, король отправился на охоту в Шервудский лес. Именно там его нашли гонцы из Йорка, которые сообщили по-настоящему неприятную новость — город не получал никаких распоряжений. Мобилизация Йоркшира была поручена герцогу Нортумберленду. Это значило, что герцог либо изменил королю, либо (в лучшем случае) решил не тратить слишком много сил на его поддержку. К сожалению, повлиять на позицию Нортумберленда было невозможно, король предпочел сделать вид, что по-прежнему верит в лояльность своего вассала. Тем не менее Ричард еще раз отдал распоряжение о сборе войск. Он велел гонцам передать жителям Йорка, что ему нужны все люди, которых те могут спешно собрать, так как он скоро даст врагам сражение.

После таких известий король поспешил вернуться в Ноттингем. В тот же день (17 августа) ему донесли, что армия бунтов-

щиков повернула на восток и, возможно, движется к столице. Назавтра информация подтвердилась. По-видимому, лорды, составлявшие военный совет Генриха Тюдора, решили сначала попытаться захватить столицу, а потом уже встретиться с королевской армией.

Разумеется, у Ричарда были другие планы. 19 августа он приказал своей армии двинуться наперерез силам Тюдора. Отряды, не успевшие присоединиться к монарху, должны были прибыть к новому пункту сбора — Лестеру. За неполных два дня воины короля прошагали более тридцати километров.

Ричард III ступил на улицы Лестера на закате 20 августа. В городе он нашел отряды графа Норфолка, а также воинов из восточной и центральной Англии. Герцог Нортумберленд прислал гонца, сообщившего, что его солдаты прибудут в Лестер на следующий день. Вечером Ричард созвал военный совет, на котором решили дождаться Генриха Нортумберленда и других капитанов.

По легенде, ночь с двадцатого на двадцать первое августа Ричард III провел в таверне «Белый вепрь». Это очень похоже на правду. Как известно, белый вепрь был личной эмблемой Ричарда. Увидев трактир с таким названием, король мог счесть это добрым предзнаменованием.

И двадцатого, и двадцать первого августа подкрепления к королю продолжали прибывать. В частности, Роберт Брекенбури привел большой отряд лондонцев. Город Йорк прислал почти сотню солдат. Поздно вечером двадцать первого наконец подошли силы герцога Нортумберленда. Герцог заверил Ричарда, что его воины спешили изо всех сил и теперь буквально падают с ног от усталости. Король предпочел сделать вид, что верит. Другой неуловимый вассал Ричарда — Томас Стенли — встал лагерем примерно в 15 километрах к западу от Лестера. Всего в паре километров от него расположился отряд его брата Уильяма. Стенли остались верны себе — 21 августа они в очередной раз заверили короля в своей верности, а ночью встретились с Тюдором. Кого

они поддержат в итоге, не знал никто. К Генриху Тюдору также подходили новые воины. Обе стороны готовились к сражению.

О битве при Босворте написано немало книг и статей, существует даже переведенная на русский язык монография Питера Хеммонда «Ричард III. Путь на поле при Босворте» (в странном переводе издательства «Евразия» «Ричард III и битва при Босворте»). Тем не менее, пытаясь восстановить ход этого сражения, мы в очередной раз вынуждены констатировать — историки толком не знают, что там происходило. Более-менее современные событиям источники (например, Кройлендская хроника) сообщают лишь отрывочные факты. Сколько-нибудь подробный рассказ о сражении присутствует только в чудовищно тенденциозном и малодостоверном сочинении Полидора Вергилия. Вполне возможно, часть наших знаний о Босвортском сражении не соответствует истине.

Итак, 21 августа войско короля выдвинулось из Лестера. Кройлендский хронист отметил, что Ричард III «ехал помпезно и величаво, как настоящий властелин. Его голову венчала корона Англии». Исследователи спорят, шла ли речь о настоящей короне или о напоминавшем корону обруче. Последнее более вероятно, так как во время битвы, состоявшей на следующий день, Ричард III был и в шлеме, и в короне. Надеть традиционный венец английских монархов поверх шлема в принципе возможно, но выглядеть это будет довольно анекдотично. Перед войском несли громадный крест с эмблемой Йорков (солнечные лучи, исходящие от белой розы). Блеск королевского кортежа подчеркивался парадными доспехами и оружием. Для XV столетия это было вполне обычным делом. Например, перед битвой при Нейсе в лагере герцога Бургундии Карла Смелого было выставлено не только оружие, но и драгоценности правителя Бургундии.

Армия Ричарда III продвинулась на несколько километров на запад и остановилась поблизости от городка Маркет Босворт. Эта местность довольно живописна, но пологие холмы, по склонам которых текут множество ручьев, и неглубокие, часто

заболоченные долины не слишком пригодны для большого сражения. Впрочем, в XV столетии было модно располагать войско не в открытом поле, а за какой-нибудь естественной преградой. Вполне возможно, воины Ричарда III провели ночь перед битвой на Амбионском холме.

Легенда гласит, что в свою последнюю ночь Ричард III плохо спал и утром пожаловался на это своим приближенным. Так ли это, мы никогда не узнаем. В любом случае на рассвете 22 августа армии короля и мятежников были готовы вступить в бой.

Солнце в тот день взошло в четверть шестого. Вскоре после этого Ричард III обратился к войскам с речью, в которой призвал всех истинных англичан отразить нападение иностранных захватчиков, воззвал к их верности и патриотизму. Король был облачен в те же доспехи из полированной стали, что были на нем во время битвы при Тьюксбери. Ричард III торжественно заявил, что этот день — решающий и для него — короля Англии, и для самозванца Генриха Тюдора, и для всей страны. Он поклялся не снимать корону весь день. В присутствии солдат, знати и епископа Данкелда венец возложили на голову монарха.

Итак, битва, решившая судьбу английской короны, состоялась 22 августа 1485 г. в окрестностях городка Маркет Босворт. Расстановка сил, по-видимому, была следующей. Основная часть армии Ричарда по приказу короля расположилась на Амбионском холме. Чуть севернее на правом фланге стояли силы герцога Нортумберленда. На левом фланге находилась артиллерия. Еще левее было небольшое болотце, защищавшее позиции артиллеристов. Меньше чем в километре к северу от королевских войск, но все-таки в стороне выстроились воины Томаса и Уильяма Стенли. Ричард III приказал Стенли подойти ближе и занять позицию на правом фланге, но они не двинулись с места. Вероятно, братья по-прежнему не желали рисковать и выжидали удобного момента, чтобы поддержать победителя.

Главной фигурой в войске Генриха Тюдора был не претендент на корону, а Джон де Вейр граф Оксфорд. Именно на него по

решению военного совета было возложено общее командование. Граф Оксфорд также возглавил и лично повел в бой ядро армии мятежников. Любопытно, что сам Генрих находился не впереди и даже не в центре войска; в окружении небольшой конной охраны он расположился как можно дальше от опасности — позади остальных воинов.

К сожалению, точная численность сражавшихся нам неизвестна. Источники противоречат друг другу и дают самые разные цифры. По-видимому, в распоряжении Ричарда III, считая двухтысячный отряд графа Нортумберленда, было около 10 000 человек. Стенли привели с собой примерно 3000. Войско мятежников насчитывало чуть более 5000. Таким образом, поддержка Стенли и Нортумберленда могла оказаться решающей. В общей сложности под командованием этих лордов оказывалось около 5000 человек, т.е. столько же, сколько у Генриха Тюдора.

До недавнего времени считалось, что битва при Босворте была четко локализована — сражение проходило на склонах Амбионского холма и в его ближайших окрестностях. Если верить письменным источникам, битва началась с того, что мятежники под руководством графа Оксфорда попытались атаковать королевские войска, но путь им преградило небольшое болотце. Отряды Оксфорда вынуждены были повернуть и обойти заболоченный участок по его северному краю. Во время этого маневра они оставили у себя в тылу воинов Стенли. Ричард III послал к Стенли гонца с приказом немедленно напасть на бунтовщиков. Ответ был не самым любезным — Томас Стенли помнил о том, что его сын лорд Стрендж находится в заложниках у короля, но и король должен иметь в виду, что у Стенли много сыновей. Ричард III был взбешен настолько, что приказал немедленно казнить лорда Стренджа. Одни источники утверждают, что короля уговорили отложить казнь, другие говорят, что приговор попросту не успели привести в исполнение.

Тем временем воины графа Оксфорда успешно атаковали ряды сторонников короля. Командовавший левым флангом гер-

цог Норфолкский был убит. Ричард III попытался собрать силы для контрнаступления. Король приказал графу Нортумберленду, воины которого пока не участвовали в битве, напасть на правый фланг армии бунтовщиков. Однако граф отказался сдвинуться с места — он якобы готовился отразить возможное наступление Стенли.

Масштабные археологически раскопки, проведенные в 2009 г. на пространстве в несколько квадратных километров вокруг предполагаемого места битвы, показали, что на Босвортском поле проходило не единое сражение, а серия столкновений между отдельными отрядами. Возможно, это явилось результатом успешных действий бунтовщиков. Под их ударами часть королевского войска начала отступать, в то время как несколько отрядов еще удерживали свои позиции.

Как бы то ни было, после отказа Нортумберленда вступить в бой стало ясно, что сражение проиграно. Ближайшие соратники Ричарда III советовали королю бежать, ведь исход одной битвы вовсе не обязательно решает судьбу всей войны. Отступление в данном случае вовсе не было трусостью. В Войнах Роз чаша весов склонялась то на одну, то на другую сторону. И отец Ричарда герцог Йорк, и его старший брат не раз были вынуждены не просто покидать поле боя, но и бежать из Англии, и тем не менее в итоге оказывались победителями.

Однако Ричард III принял другое решение. Он заметил, что из-за удачного наступления графа Оксфорда Генрих Тюдор и его охрана уже не были скрыты плотными рядами верных воинов. Легенда гласит, что Ричард выпил воды из колодца (его до сих пор показывают туристам), воскликнул: «Мы едем искать Тюдора» — и повел отряд из 80 самых преданных рыцарей в последнюю атаку. Попытка решить судьбу короны в личном поединке конечно же была авантюрой, но все могло и удасться. Если бы Ричард смог убить Генриха Тюдора, история Англии пошла по совершенно другому пути. И все же король страшно рисковал.

Почему он совершил этот красивый, рыцарственный, но не совсем разумный поступок? Разумеется, точного ответа на этот вопрос нет. Историки, пропагандисты и драматурги времен Тюдоров обожали писать о том, что с момента захвата власти король жил «с великой тревогой и заботами о себе, с безмерным ужасом, страхом и скорбью в душе». В этих высказываниях, по-видимому, есть крошечная доля истины. С лета 1483 г. Ричард III находился в постоянном напряжении — неприятности и потери следовали одна за другой; у него не было никакой возможности расслабиться. Возможно, у короля попросту сдали нервы, ему было жизненно необходимо завершить противостояние с Тюдором здесь и сейчас и тем самым переломить судьбу, вырвать у нее победу и прервать череду преследовавших его несчастий.

Итак, во главе немногочисленного отряда Ричард ринулся в атаку. Благодаря раскопкам 2009 г. мы точно знаем, где это произошло. Больше всего фрагментов оружия и доспехов было обнаружено в трех километрах к юго-западу от Амбионского холма по обеим сторонам бывшей римской дороги. В этой же заболоченной долине была найдена серебряная пряжка с изображением белого вепря. Вероятно, она принадлежала кому-то из ближайших соратников Ричарда III и была потеряна в решающей схватке.

В своем последнем бою Ричард бился так храбро и доблестно, что это отметили даже его злейшие враги. Он лично сразил как минимум двух рыцарей. В начале столкновения король убил Джона Чейни — рыцаря высокого роста и крепкого телосложения. Затем он зарубил знаменосца Тюдора Уильяма Брендона и поверг на землю штандарт Тюдора с изображением красного дракона. Вероятно, в этот момент король был в нескольких шагах от будущего Генриха VII. По логике претендент на корону должен был находиться в самой непосредственной близости от своего знамени. Ричарду не хватило буквально двух минут. У Генриха, никогда не сражавшегося даже на турнирах, не было никаких шансов выстоять в поединке с опытным воином.

И вот когда победа почти была у него в руках, Ричард III увидел, что на него несется трехтысячный отряд Стенли. Дальновидный лорд наконец дождался по-настоящему удачного момента. Теперь Стенли мог спасти жизнь будущего короля и тем самым заслужить его вечную признательность. По преданию, Ричарду еще раз предложили бежать, но он ответил, что предпочитает умереть королем. Немногочисленные воины Ричарда III не смогли отразить атаку противника, имевшего более чем тридцатикратный численный перевес. В этом последнем бою погибли констебль Тауэра Роберт Брекенбури, сэр Ричард Ретклиф и многие другие. Конь короля увяз в трясине, и, возможно, Ричард действительно прокричал: «Коня, коня, корону за коня!» Впрочем, хроники говорят о другом. Выжившие слышали, как король, «бившийся в одиночку против множества врагов», несколько раз крикнул: «Измена!» Ричарда выбили из седла ударом алебарды. Эксперты, исследовавшие останки Ричарда III, насчитали 11 ран. Три сравнительно легких ранения в голову говорят о том, что в какой-то момент король лишился шлема, но еще несколько минут продолжал сражаться. Тем не менее исход боя был предрешен.

Ричард III был убит около полудня 22 августа 1485 г. Он правил два года, один месяц и 28 дней. За это время он успел не так уж мало — успешно подавил восстание Бэкингема, принял несколько мудрых и справедливых законов, восстановил дипломатические отношения с крупными европейскими державами, примирился с семьей Эдуарда IV. И все же Ричард не смог заставить англичан забыть о методах, которыми пришел к власти. В глазах современников ему не удалось стать по-настоящему законным монархом — на это требовалось куда больше времени.

Сразу же после смерти последнего короля из династии Йорков Уильям Стенли преподнес Генриху Тюдору золотой обруч, украшавший шлем Ричарда III во время битвы при Босворте. Пока Генрих примерял корону, тело предыдущего монарха подвергли отвратительным издевательствам. Хронисты сообщают, что мертвого короля раздели донага, били и кололи кинжалами.

Затем Ричарда кинули на круп лошади, править которой заставили одного из его герольдов. Исследование останков Ричарда III показало, что даже после этого над телом монарха продолжали глумиться. Ему нанесли позорный, по меркам эпохи, удар кинжалом в нижнюю часть спины.

Затем останки короля отвезли в Лестер, где выставили на всеобщее обозрение во францисканском аббатстве, «чтобы каждый мог убедиться в том, что последний король из рода Йорков действительно мертв». Через два дня его без всякой помпы похоронили во францисканском монастыре.

В городском архиве Йорка есть запись: «Король Ричард, милостиво правивший нами в последние годы… был изменнически убит» 22 августа 1485 г. от Рождества Христова. Эти слова могли бы стать прекрасной эпитафией, ведь Ричард III действительно оказался жертвой предательства. Он погиб как истинный король и настоящий рыцарь, и в этом последнем подвиге уже ничего нельзя было изменить. Унижения, которым подвергли тело короля, отчасти явились следствием бессилия победителей. Отчасти же их можно объяснить тем паническим ужасом, который испытал Генрих Тюдор в последние минуты битвы при Босворте, когда стоял и ждал, дотянется ли до него этот воин в забрызганных кровью доспехах, с боевым топором в руках.

Закончить рассказ об историческом Ричарде III, на наш взгляд, стоит словами из романа Булгакова «Мастер и Маргарита»: «Бессмертие… пришло бессмертие… но мысль об этом… бессмертии заставила его похолодеть на солнцепеке». В тот самый момент, когда Ричард III пал на Босвортском поле, начался жизненный путь его двойника. С каждым годом этот двойник все больше отличался от того, кого должен был копировать, и в конце концов превратился в горбатого злобного монстра «Исторических хроник» Шекспира. О том, как происходило это перевоплощение, заключительные главы нашей книги.

Глава 9
РИЧАРД III И «ПРИНЦЫ В ТАУЭРЕ»: РОЖДЕНИЕ ТЕМНОЙ ЛЕГЕНДЫ

Для огромного большинства Ричард III фигура в высшей степени одиозная. Его вполне можно назвать предателем «высшей пробы» потому, что, одержимый властолюбием, он отстранил от власти и якобы приказал умертвить родных племянников. С точки зрения специалистов, ситуация выглядит куда менее определенно. О том, можно ли считать Ричарда III предателем, историки спорят как минимум с середины XVII в., при этом основными оппонентами выступают традиционалисты и ричардианцы, т.е. исследователи, отстаивающие невиновность Ричарда III.

Историю т.н. «великого спора о Ричарде III» можно условно разделить на два этапа. До конца XIX столетия традиционалисты не колеблясь утверждали, что Ричард Глостер был именно таким, каким его описали Полидор Вергилий, Томас Мор и Шекспир. Ричарда III считали виновным в целом букете преступлений: в убийстве Генриха VI Ланкастера и его сына принца Эдуарда, в смерти герцога Кларенса и королевы Анны, в государственном перевороте, тираническом правлении и, наконец, в убийстве «принцев в Тауэре». С точки зрения традиционалистов, в истории сыновей Эдуарда IV не было никаких белых пятен. Они уверенно называли время совершения преступления (июль 1483 г.), имена заказчика (Ричард III), исполнителей (Джеймс Тирелл, Джон Дайтон и Майлс Форест), а также способ убийства — (принцев якобы задушили подушками).

Защитники Ричарда III, напротив, утверждали, что последний король из династии Йорков был не предателем, а честнейшим человеком и что все его прегрешения не более чем результат тюдоровской пропаганды. Поскольку большинство т.н. ричардианцев не принадлежало к числу профессиональных историков, в академическом сообществе их аргументы воспринимались со снисходительным равнодушием. Тем не менее к середине XIX в.

«ричардианцы» смогли поставить под сомнение вину своего кумира в самом страшном предательстве — убийстве племянников, предложив несколько альтернативных версий. Г. Уолпол заявлял, что принцы не были убиты в Тауэре, по приказанию Ричарда III их якобы увезли за границу. Более того, знаменитый Перкин Уорбек, поставленный во главе восстания йоркистов против Генриха VII Тюдора в 1496—1497 гг., якобы являлся младшим сыном Эдуарда IV — Ричардом герцогом Йоркским.

А. Легге, напротив, полагал, что принцы были убиты в 1483 г., но не Ричардом III, а герцогом Бэкингемом и его сообщниками Кэтсби и Ретклифом (двумя дворянами из окружения Ричарда III). М. Клементс утверждал, что сыновья Эдуарда IV были умерщвлены Тиреллом в 1486 г. по приказу Генриха VII. Стоит отметить, что благодаря усилиям Клементса тема «принцев в Тауэре» приобрела новое звучание. Он настаивал, что т.н. тюдоровский миф о злодее Ричарде Глостере был создан только для того, чтобы сделать более убедительной легенду о смерти «принцев в Тауэре».

Именно в этом направлении развивались дальнейшие историографические дискуссии. На протяжении XX столетия чаша весов в т.н. «великом споре» все больше склонялась в сторону защитников Ричарда III. В настоящее время даже самые ярые традиционалисты сомневаются, что Ричард Глостер убил Генриха VI и Эдуарда Ланкастера, отравил жену и т.д. Тюдорианцы продолжают называть Ричарда III «вероломным тираном», «самым ужасным человеком, который когда-либо занимал английский трон», но единственными обвинениями, которые они могут предъявить последнему из Йорков, оказываются узурпация трона и убийство племянников. Таким образом, в современной историографической ситуации ответ на вопрос о том, был ли Ричард III предателем, зависит от решения так называемой «проблемы принцев». Не случайно еще в середине XX в. П.М. Кендалл заявлял, что, поскольку Ричард III не имел отношения к смерти принцев, узурпацию 1483 г. нельзя считать предательством, так как Ричард действовал в интересах династии Йорков.

Стоит отметить, что к окончательному решению «проблемы принцев» защитники Ричарда III приблизились не больше, чем традиционалисты, до сих пор повторяющие версию Томаса Мора. Привлечение новых источников показало, что тексты XVI в. нельзя считать полностью достоверными. Это «ниспровержение авторитетов» открыло простор для появления самых неординарных теорий. Так, О. Вильямсон полагает, что Джеймс Тирелл был не палачом, а заботливым опекуном сыновей Эдуарда IV; именно его стараниями дети были увезены в Бургундию. Э. Поллард утверждает, что Перкин Уорбек был младшим из пропавших сыновей Эдуарда IV. Б. Филдс настаивает, что самозванцы, действовавшие в Англии в конце XV в., должны были очистить путь для настоящих принцев, которые все это время находились под опекой своей тетки Марии Бургундской. Пожалуй, самая спорная гипотеза была выдвинута Р. Мариусом. По его мнению, Джеймс Тирелл был тайным агентом Генриха VII. Тирелл блестяще справился с секретной миссией — убить наследников Эдуарда IV так, чтобы подозрения пали на Ричарда III. На этом пестром, калейдоскопическом фоне взгляды умеренных ричардианцев, вслед за П.М. Кендалом утверждающих, что точная дата смерти принцев неизвестна, а их убийцами с равным успехом могут быть и Генрих VII, и Бэкингем, кажутся истинным отдохновением.

Итак, на настоящем этапе развития исторической науки выяснить, что именно случилось с сыновьями Эдуарда IV, и таким образом ответить на вопрос «а был ли Ричард III предателем?» не представляется возможным. Гораздо более реальной является другая задача — проанализировать историю возникновения и становления легенды о «принцах в Тауэре» и установить, употребляли ли современники слова «предатель» и «предательство» по отношению к Ричарду III, говорили ли они о том, что Ричард «предал» своих племянников. Помимо прочего, такая постановка проблемы позволит установить, в какой момент Ричард Глостер начал приобретать репутацию «вероломного тирана», насколько быстрым и «успешным» было это превращение.

Отправной точкой нашего исследования должен стать анализ семантического наполнения слова «предательство» в Англии второй половины XV в. В современном английском языке есть два термина, обозначающих предательство: «treason» (известно с XV в.), чаще всего употребляющееся в словосочетании «high-treason» — государственная измена, покушение на жизнь и здоровье главы государства, — и «treachery» (известно с XIII в.), что можно условно перевести как «частное предательство», злоупотребление доверием. Границы между этими терминами нечеткие, слово «treason» в наши дни может употребляться и как синоним вероломства, коварства, никак не затрагивающего государственные интересы.

Анализ текстов XV столетия показывает, что в этот период термин «treachery» употреблялся крайне редко. Во всяком случае, автору не удалось найти ни одного случая употребления указанного слова или производных от него в обширных эпистолярных комплексах Пастонов, Стоноров и Пламптонов, в хрониках и политических памфлетах. Термины «treason», «traitor», «traitorous» в XV столетии чаще всего использовались в официальных документах для обозначения тех, кого обвиняли в государственной измене. В частности, протоколы восьми из двенадцати Парламентов, заседавших в период Войн Роз (1455—1485), содержат акты, осуждающие государственных изменников (traitors). В том же значении указанные слова употреблялись в хрониках и эпистолярных комплексах, при этом наиболее распространенным словесным клише было словосочетание «rebelsandtraitors» — «бунтовщики и предатели». Фактически в словаре XV в. предательство было равнозначно заговору, мятежу или иному посягательству на авторитет законных властей. Если удастся обнаружить, что современники или ближайшие потомки именовали Ричарда III предателем, это даст основания утверждать, что его действия воспринимались как очевидно незаконные, противоречащие благу королевства.

Любой исследователь, пытающийся разобраться в печальной истории «принцев в Тауэре», неизбежно наталкивается на почти полное отсутствие современной событиям информации. В течение первых трех лет после исчезновения принцев было создано всего два сочинения, авторы которых упоминают о судьбе сыновей Эдуарда IV, — это труд итальянского монаха Доминико Манчини «О занятии английского престола» и т.н. продолжение Кройлендской хроники. Кройлендская хроника использовалась исследователями чуть ли не с XVI столетия, «История» Доминико Манчини, напротив, была введена в научный оборот только в 30-х гг. XX в. Тем не менее на данный момент сочинение Манчини считается наиболее подробным и достоверным источником, повествующим о событиях 1483 г.

Доверие к сочинению Манчини имеет под собой серьезные основания. Во-первых, Манчини был непосредственным очевидцем событий — он находился в Лондоне с января по июль 1483 г., чтобы собрать материал для книги о Людовике XI, которую планировал написать его патрон — архиепископ Вьеннский Анджело Като. Во-вторых, итальянский монах не принадлежал ни к одной из группировок, боровшихся за власть в 1483 г. В-третьих, свои воспоминания Манчини записал почти сразу после возвращения; последняя точка в его работе была поставлена 1 декабря 1483 г. Единственным существенным недостатком сочинения Манчини является то, что его автор не знал английского языка, поэтому вполне мог допустить ошибки, неправильно поняв сообщения своих информаторов.

Доминико Манчини описал Ричарда III как искушенного властолюбца, действующего в духе Макиавелли. Хорошо знакомый с методами итальянских политиков, в частности, бывшего в 1483 г. вице-канцлером римской курии т.н. «аптекаря Сатаны» Родриго Борджиа (1431—1503), Манчини был далек от того, чтобы безоговорочно осудить герцога Глостера. Во всяком случае, «предателем» Манчини не называет Ричарда III ни разу, ни в связи с историей сыновей Эдуарда IV, ни в связи с другими обстоя-

тельствами государственного переворота. По всей видимости, итальянский монах считал смерть принцев печальным, но неизбежным итогом их отстранения от власти. Он утверждал, что после 13 июня 1483 г. Эдуард и Ричард «были переселены во внутренние покои Тауэра, и с каждым днем их видели все реже и реже за решетками окон, пока, наконец, они совершенно перестали появляться. Страсбургский доктор, последний из людей короля, которому разрешили продолжать оказывать ему услуги, говорил, что юный король, подобно жертве, приготовленной для заклания, искал отпущения грехов через ежедневные исповеди и епитимьи, так как верил, что смерть стоит у его порога... У многих было подозрение, что его [старшего сына Эдуарда IV] устранили. Однако каким способом он был устранен и какой смерти его предали, об этом мне ничего не известно». Поскольку Манчини фактически не имел связи с Англией после своего отъезда (июль 1483 г.), исчезновение принцев и появление слухов об их смерти можно отнести к первому месяцу правления Ричарда III.

Стоит отметить, что сочинение Манчини было известно во Франции гораздо лучше, чем в Англии. В январе 1484 г. близкий друг и покровитель Манчини канцлер Франции Гильом де Рошфор в торжественной речи по случаю открытия Генеральных штатов заявил, что дети Эдуарда IV были убиты по приказу их дяди — Ричарда III. С.А. Армстронг и П. Кендалл полагают, что Гильом де Рошфор получил информацию от Манчини и «отредактировал» ее в своих целях. Дело в том, что 1484 г. на троне Франции оказался несовершеннолетний Карл VIII. Трагическая судьба английских принцев была блестяще использована Рошфором как предостережение для тех, кто хотел бы ограничить полномочия юного монарха. Итак, благодаря предприимчивости Рошфора, французы уже в начале 1484 г. «знали», что сыновья Эдуарда IV мертвы. Необходимо подчеркнуть, что Рошфор назвал Ричарда Глостера убийцей принцев, но не предателем. Это вполне логично, так как на тот момент Ричард III был правителем Англии, а такого рода высказывание означало бы, что Франция не признает его права на престол.

Продолжение Кройлендской хроники было написано неизвестным монахом одноименной обители во второй половине 1486 г., т.е. три года спустя после исчезновения принцев и через год после гибели Ричарда III. Хроника, по всей видимости, была составлена на основе не дошедшего до наших дней светского исторического сочинения. Автором этого исходного текста, скорее всего, был аристократ, принимавший самое активное участие в событиях 1483—1485 гг.

По свидетельству кройлендского хрониста, в июле 1483 г. принцы были еще живы. Закончив рассказ о торжественном пребывании Ричарда III в Йорке в ходе коронационного турне, автор хроники отметил: «Тем временем, пока происходили все эти события, двое сыновей вышеуказанного короля Эдуарда оставались в лондонском Тауэре под присмотром надежных людей, назначенных для этой цели [охраны принцев]». Вскоре был организован заговор с целью их освобождения, однако как раз в тот момент, когда стало известно о намерении герцога Бэкингема присоединиться к восставшим, «распространился слух, что сыновья Эдуарда умерли насильственной смертью, но было неизвестно как именно».

О том, что на самом деле случилось с детьми Эдуарда IV, кройлендский монах не упоминает; иными словами, он не был убежден в том, что принцы действительно были убиты до 1486 г. Это отсутствие уверенности логически вытекает из оценки правления Ричарда III — как и Манчини, кройлендский хронист не находил в действиях короля ничего, выходящего за рамки привычного порядка вещей, он не называл Ричарда III ни предателем, ни узурпатором.

Необходимо отметить, что Кройлендская хроника зафиксировала более позднее, по сравнению с интерпретацией Манчини, появление слухов о смерти принцев. Несмотря на то что разница сравнительно невелика (Манчини говорил об июле, а кройлендский хронист о сентябре 1483 г.), для историков она имеет огромное значение. В соответствии с разработанной позднее

тюдоровской версией истории «принцев в Тауэре», приказ об убийстве был отдан Ричардом III как раз в июле, во время коронационного турне. Кройлендская хроника, напротив, подчеркивает, что в июле принцы все еще пребывали в добром здравии. К настоящему моменту отсутствие бесспорных доказательств делает выбор между двумя вышеуказанными источниками вопросом веры. Традиционалисты, разумеется, предпочитают ссылаться на Манчини, ревизионисты, напротив, говорят о большей объективности Кройлендской хроники.

Если оставить в стороне незначительные расхождения в датировке, свидетельства кройлендского хрониста и Манчини оказываются очень схожими — оба они описывают Ричарда III как расчетливого политика, но не более того; оба источника утверждают, что принцы, скорее всего, были убиты и что детали этого преступления неизвестны. Наконец, оба автора не расценивают узурпацию 1483 г. или исчезновение принцев как предательство в том смысле, в каком это слово употребляли во второй половине XV в. Иными словами, в глазах непосредственных современников событий Ричард III не был государственным изменником, а его действия имели хотя бы видимость законности.

Воцарение династии Тюдоров не могло не сказаться на интерпретации столь значимой в политическом отношении темы, как отстранение от власти и исчезновение сыновей Эдуарда IV, ведь пропавшие дети имели гораздо больше прав на престол, чем дальний родственник Ланкастеров Генрих VII. В данном случае вряд ли уместно говорить о прямом политическом давлении, тем не менее нельзя не отметить, что в источниках, созданных в правление Генриха VII, смысловые акценты расставлены гораздо более определенно, чем в свидетельствах современников.

Первым по хронологии примером такого рода являются «Мемуары» Филиппа де Коммина. По мнению исследователей, т.н. английские экскурсы были написаны в 1489—1490 гг., т.е. максимум спустя шесть лет после исчезновения детей Эдуарда IV. Необходимо подчеркнуть, что сведения, сообщаемые автором

«Мемуаров» об «английских делах», сложно назвать правдивыми. Филипп де Коммин использовал общую канву событий 1483—1485 гг., чтобы проиллюстрировать свои политико-философские взгляды. По его мнению, Ричард III получил трон незаконно, за что Бог покарал его, передав престол Генриху Тюдору. Коммин не называет Ричарда III предателем в первую очередь потому, что правитель подотчетен только Богу, т.е. только Бог имеет право судить его и осуждать.

Так как при реконструкции событий Войн Роз Коммин полагался только на вторичные свидетельства (слухи, ходившие в окружении Генриха Тюдора в период его пребывания при французском дворе (1484—1485 гг.), и, возможно, трактат Манчини), он описал судьбу принцев крайне сжато и неточно. Коммин отметил, что «после смерти Эдуарда его второй брат, герцог Глостер, убил двух сыновей Эдуарда, объявил его дочерей незаконнорожденными и венчался на царство». В вышеприведенной цитате присутствует явное искажение порядка событий — Ричард Глостер сначала объявил детей Эдуарда IV незаконнорожденными, затем узурпировал трон и только после этого, возможно, расправился с принцами. Фактически из «Мемуаров» Филиппа де Коммина мы можем узнать только то, что в конце 1480 г. по другую сторону Ла-Манша Ричарда III по-прежнему называли убийцей племянников, но еще не начали именовать предателем.

В составленной на рубеже 1480—1490 гг. «Истории королей Англии» антиквара и священника Джона Росса интерпретация личности и правления Ричарда III существенно изменилась. Стоит отметить, что «История...» была не первым политически ангажированным сочинением предприимчивого антиквара. Летом 1483 г. он собственноручно преподнес Ричарду III составленную в самых льстивых выражениях родословную Невилей. «История королей Англии» была написана уже «в новом ключе» — она открывалась посвящением основателю династии Тюдоров, а заканчивалась длиннейшим перечнем знамений, предвещавших королю долгое и необычайно счастливое царствование. Стремясь

дезавуировать прошлые, излишне лестные высказывания в адрес Ричарда III, Росс уподоблял свергнутого монарха Антихристу, чья дьявольская сущность проявилась еще до рождения, — Ричард якобы «пребывал в материнской утробе два года и появился на свет с зубами во рту и волосами до плеч».

Хотя Росс ни разу прямо не назвал Ричарда III предателем, последний король из династии Йорков описан как предатель и в государственном, и в моральном смысле. Джон Росс пишет, что Ричард Глостер «принял своего господина и короля Эдуарда V радушно, с объятиями и поцелуями, но всего через три месяца или немного больше он [Ричард] убил его [Эдуарда V] вместе с его братом… но после лишь немногие знали, какой мученической смертью они умерли». Поскольку Росс называет Эдуарда V «господином и королем» герцога Глостера, убийство принца Эдуарда можно истолковать именно как предательство, государственную измену в самом прямом смысле этого слова. Радушный прием, оказанный Ричардом Глостером сыновьям Эдуарда IV, должен был подчеркнуть его вероломство. Упоминание о «поцелуях» также не является случайным — вероятно, при помощи этого намека Росс уподобляет Ричарда III самому страшному предателю, которого знал христианский мир — Иуде.

Напомним, что «История…» Росса была написана не позднее 1491 г., т.е. максимум через шесть лет после смерти Ричарда III. Каким бы предвзятым ни было сочинение Джона Росса, нельзя сбрасывать со счетов то обстоятельство, что уже в самом начале правления Генриха VII часть англичан воспринимала Ричарда Глостера как предателя, вероломно умертвившего своего короля и ближайшего родственника.

Было бы ошибкой полагать, что точка зрения Джона Росса сразу же получила широкое признание. В частности, Лондонская хроника, известная под условным названием Вителлиус A-XV, описывает события 1483 г. бесстрастно, почти отстраненно. Показательно, что в тексте правление Эдуарда V никак не выделено — после 22-го года правления Эдуарда IV начинается первый

год царствования Ричарда III. Т.к. Эдуард V не был коронован, его, скорее всего, не воспринимали как короля в полном смысле слова, для многих современников он так и остался принцем.

В лондонской хронике Ричард Глостер не уподобляется ни Антихристу, ни скорпиону, ни Иуде. Любопытно, что единственная оценочная характеристика касается именно убийства принцев. Повествуя о предпосылках восстания Бэкингема, хронист сообщает, что «упомянутый король Ричард... предал смерти двух детей короля Эдуарда, и по этой причине он утратил любовь народа». Иными словами, Ричард пользовался «любовью народа», но утратил ее, убив своих племянников. Речь о предательстве в данном случае не идет, но смерть сыновей Эдуарда IV начинает восприниматься как роковое событие, положившее начало падению Ричарда III.

Единственным преступлением Ричарда III убийство принцев остается и в «Истории короля Генриха VII» придворного поэта и историографа Генриха VII Бернара Андре. Андре можно смело назвать одним из основоположников английской ренессансной историографии. Именно с его «Генриха VII» для Англии началась традиция сочинения пышных речей, приписываемых «героям исторической драмы». «История короля Генриха VII» в конечном итоге превратилась в помпезный панегирик, в котором Ричарду III отводилось более чем скромное место. Последний король из династии Йорков появляется на страницах «Истории Генриха VII» всего дважды — в занимающем несколько строк рассказе об узурпации 1483 г. и в более развернутом повествовании о битве при Босворте. Бернар Андре предъявляет Ричарду III всего два обвинения — в тирании и в убийстве племянников. Необходимо подчеркнуть, что ни одно из этих действий не расценивается как предательство.

Следующий шаг к закреплению за Ричардом III репутации предателя был сделан в «Новых хрониках Англии и Франции» Роберта Фабиана. Фабиан подчеркивает незаконность переворота 1483 г., выделяя промежуток от смерти Эдуарда IV до

провозглашения королем Ричарда III в отдельное царствование. Для автора «Новых хроник» Эдуард V — это не принц, а «законный король», следовательно, его смещение с престола должно трактоваться как государственная измена. Сам термин Фабиан не употребляет, но именно он впервые сообщает, что узурпация 1483 г. якобы вызвала отрицательный общественный резонанс: «Те, кто раньше любил и хвалил его, кто могли бы вверить ему свою жизнь и свое добро, если бы он по-прежнему оставался протектором, теперь выражали недовольство и роптали против него».

Фабиан подчеркивает, что в 1483 г. «вышеупомянутое недовольство усилилось в основном потому, что распространился слух, что король Ричард в Тауэре тайно предал смерти двух сыновей своего брата Эдуарда IV». После этого ужасного события Ричард III правил в «страхе и агонии», окруженный «великой ненавистью». Так же как лондонский хронист, Фабиан считает убийство сыновей Эдуарда IV поворотным событием, но в «Новых хрониках» смысловые акценты расставлены намного жестче — пока принцы были живы, Ричарда окружали «ропот и недовольство», после их смерти «недовольство» превратилось в «великую ненависть», а узурпатор — в тирана.

Итак, Фабиан первым заговорил о том, что англичане якобы ненавидели Ричарда III. Он же стал первым, кто сообщил хоть какие-то подробности о судьбе принцев. Автор «Новых хроник» писал, что, «по слухам, король Ричард… в этом [деле, т.е. в убийстве принцев] и в других случаях действовал по наущению герцога Бэкингема». Имя ближайшего соратника Ричарда III Бэкингема так глубоко вплетено в историю узурпации 1483 г., что связать герцога еще и с исчезновением принцев было бы вполне логично. Возможно, Фабиан действительно обнаружил сведения, по иронии судьбы не попавшие в поле зрения других хронистов. Существование слухов о причастности Бэкингема к смерти сыновей Эдуарда IV вполне вероятно, но все же с момента исчезновения принцев до завершения «Новых хроник» прошел 21 год.

Не исключено, что Фабиан зафиксировал на бумаге сплетню, возникшую не в 1483 г., а в начале XVI в.

Законченная в 1512 г. «Большая хроника Лондона» в оценке правления Ричарда III и его моральных качеств практически не отличается от хроники Фабиана. Два текста настолько близки, что в первой половине XX в. было выдвинуто предположение, что оба они вышли из-под пера Фабиана. Современные исследователи подчеркивают: сходство вызвано тем, что указанные тексты основаны на лондонских муниципальных записях, при этом «Большая хроника Лондона» содержит гораздо больше интересных, но недостоверных деталей.

«Большая хроника Лондона» сообщает новые детали предполагаемого убийства принцев. По свидетельству хрониста, это преступление было совершено между 1483 и 1485 гг. В год, когда мэром города был Эдмунд Шей, т.е. до 28 октября 1483 г., принцев видели играющими во дворе Тауэра. В 1485-м в Лондоне ходили самые разные слухи о способе умерщвления принцев — «некоторые говорили, что они [сыновья Эдуарда IV] были задушены между двумя перинами, некоторые говорили, что они были утоплены в мальвазии, а некоторые полагали, что они были умерщвлены с помощью ядовитого питья. Но каким бы способом они ни были убиты, было достоверно известно, что к тому времени [1485 г.] они уже покинули этот мир; говорили, что исполнителем этого жестокого дела был сэр Джеймс Тирелл, но другие возлагали вину за это [преступление] на старого слугу короля Ричарда по имени ____ (здесь хронист оставил пустое место)».

Перечисление нескольких взаимоисключающих способов умерщвления принцев доказывает, что о деталях преступления лондонцы вообще ничего не знали. Гораздо более интересны сведения о непосредственном убийце сыновей Эдуарда IV. Подчеркнем, что автор «Большой хроники» не утверждает, что убийцей принцев был именно Джеймс Тирелл. Хронист говорит о слухах, причем довольно неопределенных, так как наряду с именем Тирелла, возможно, упоминалось и имя другого человека. Хронист

мог оставить пустое место для имени убийцы по двум причинам: либо он боялся назвать этого человека, либо лондонцы говорили о «некоем слуге Ричарда III» без указания имени. Установить, какая из этих версий является правильной, вряд ли возможно.

О том, был ли Джеймс Тирелл убийцей сыновей Эдуарда IV, историки спорят уже более 300 лет. Как уже было отмечено выше, диапазон мнений необычайно широк — от безоговорочных утверждений, что Тирелл виновен, до столь же безоговорочных отрицаний его причастности к этому преступлению. В данном случае достаточно упомянуть, что Джеймс Тирелл (ок. 1450—1502) был одним из доверенных лиц Ричарда III и единственным из ближайшего окружения монарха, кто сохранил все титулы, имения и пост коменданта крепости Гине (в окрестностях Кале) в годы правления Генриха VII. Тем не менее в 1501 г. Тирелл поддержал восстание йоркистов, он был помещен в Тауэр и в 1502 г. казнен. Официально Тирелла не называли убийцей принцев ни до процесса 1502 г., ни после. Сопоставление данных Фабиана и «Большой хроники Лондона» позволяет предположить, что соответствующие слухи распространились уже после его казни. В хронике Фабиана какие бы то ни было обвинения в адрес Тирелла отсутствуют; по-видимому, к 1504 г. данный слух еще не получил широкого распространения. «Большая хроника» показывает нам легенду о Тирелле, так сказать, в процессе формирования. В 1512 г. в столице поговаривали, что Джеймс Тирелл умертвил «принцев в Тауэре», но часть лондонцев полагала, что убить принцев по поручению Ричарда III мог кто-то еще.

Стоит отметить, что и «Новым хроникам», и «Большой хронике Лондона» явно недостает смысловой целостности. Отрывки, в которых звучит жесткая критика тирана Ричарда III, чередуются в них с вполне спокойным по тону рассказом о событиях его царствования. Таким образом, за два десятилетия, прошедшие с момента смерти Ричарда III, историки собрали обширный, но разрозненный фактический материал. В разное время были зафиксированы легенды о неестественном рождении Ричарда Гло-

стера, убийстве Генриха VI, отравлении королевы Анны и якобы окружавшей монарха ненависти. Однако упомянутые «факты» излагались скупо и бессистемно. Так же лапидарно описывалось и убийство «принцев в Тауэре», немногочисленные детали приводились со ссылкой на слухи. Не случайно на рубеже XV—XVI вв. далеко не все англичане были готовы принять на веру одобренную властями «ученую» версию легенды о принцах. Успех, с которым Перкину Уорбеку в 1495—1499 гг. удавалось играть роль младшего из «принцев в Тауэре», красноречиво свидетельствует о распространенной в народе вере в чудесное спасение сыновей Эдуарда IV. По всей видимости, в начале XVI в. портрет узурпатора, тирана и злодея Ричарда III все еще выглядел недостаточно убедительным, так как был нарисован слишком крупными мазками. Кроме Джона Росса, бессистемное сочинение которого очень трудно для восприятия, никто не делал попыток систематизировать «преступления» Ричарда III или дать им четкую моральную оценку. Помимо прочего, события 1483—1485 гг. существенно контрастировали с первой половиной жизни Ричарда Глостера, когда он был верен своему брату — королю Эдуарду IV.

Следующим логическим шагом стало переосмысление правления Ричарда III в рамках ренессансной историографии. Как известно, в трудах гуманистов история трактовалась как серия нравоучительных примеров, помогающих лучше понять настоящее и предвидеть будущее. Профессиональная обязанность историка заключалась в том, чтобы «причесать» события, сделав характеры «героев исторической драмы» более рельефными. Для этого прошлое требовало, если можно так выразиться, литературной обработки — неотъемлемой частью ремесла историка стало сочинение речей и целых драматических сцен, а также добавление живых деталей, которые могли придать повествованию большую выразительность.

В этой связи логично, что новые подробности «преступлений» Ричарда III, в том числе и истории «принцев в Тауэре», стали известны именно в первые годы правления покровитель-

ствовавшего гуманистам Генриха VIII. В 1514—1518 гг. Полидор Вергилий и Томас Мор дорисовали портрет Ричарда III, превратив его в своего рода отрицательный образец тирана и предателя.

Полидор Вергилий вписал правление Ричарда III в широкий исторический контекст. В законченной в черновиках к 1514 г. «Истории Англии» была создана историографическая модель Войн Роз как династического конфликта, начавшегося в 1399 г. и окончившегося с воцарением Тюдоров. Полидор Вергилий работал по заказу Генриха VII, поэтому в оценке событий он должен был руководствоваться волей венценосного покровителя.

Излагая историю правления Ричарда III, Вергилий припомнил все обвинения, когда бы то ни было выдвигавшиеся в адрес этого монарха (убийство Генриха VI, отравление жены, намерение вступить в брак с племянницей), и добавил к ним ряд новых пунктов. Автор «Истории Англии» был первым, кто заявил, что Ричард Глостер лично убил принца Эдуарда Ланкастера; он также обвинил Ричарда в причастности к смерти его брата Джорджа Кларенса.

Хотя в «Истории Англии» слово «предательство» по отношению к герцогу Глостеру не употребляется, Вергилий описывает Ричарда III как предателя по натуре, который «имел острый, проницательный, коварный ум, более всего подходящий для обмана и лицемерия». Наиболее ярко эти качества проявляются по отношению к сыновьям Эдуарда IV, история гибели которых была изложена Вергилием по всем канонам драматического искусства. «Завязкой» сюжета служит сообщение о том, что «умирающий король Эдуард доверил ему одному [Ричарду Глостеру] свою жену, детей, имущество и все остальное… и как только Ричард услышал это, он немедленно загорелся желанием получить корону». Ричард Глостер якобы принес клятву верности своему племяннику и немедленно начал плести тайный заговор. Он радушно встретил старшего принца и «коварными обещаниями» заставил королеву Елизавету передать ему младшего.

К моменту убийства принцев страсти в «Истории Англии» накаляются до предела. Ричард III узурпировал корону, но, сознавая всю незаконность своих действий, «находился в постоянном страхе» и под влиянием этого чувства решился убить племянников. Ричард III «написал Роберту Брекенбури, коменданту лондонского Тауэра, приказывая ему найти какое угодно подходящее средство, чтобы побыстрее умертвить его племянников... Однако, когда комендант лондонского Тауэра получил от короля это ужасное приказание, он был потрясен... и ничего не предпринял в надежде, что король пощадит мальчиков королевской крови... Тогда Ричард... поручил это дело другому человеку — Джеймсу Тиреллу. Вынужденный совершить это, тот с печалью поехал в Лондон и убил королевских детей... но неизвестно, какую смерть приняли бедные мальчики». Вергилий рассказывает о том, что Ричард сам распустил слух о гибели принцев и подробнейшим образом описывает, как Елизавета Вудвиль приняла это чудовищное известие. Можно констатировать, что в описанной Вергилием истории принцев Ричард III оказывается и государственным изменником, нарушившим клятву верности законному монарху, и вероломным обманщиком, который с распростертыми объятиями принял племянников, а затем приказал их убить.

Необходимо подчеркнуть, что имеющиеся в распоряжении историков факты не позволяют ни подтвердить, ни опровергнуть эту версию. В пользу достоверности сообщения Вергилия свидетельствует тот факт, что Джеймс Тирелл действительно ездил в Лондон по поручению Ричарда III в июле 1483 г. (он должен был привезти в Йорк все необходимое для возведения сына короля в ранг принца Уэльского). Однако эта поездка не была тайной. Если бы Полидор Вергилий задался целью подтвердить слухи о причастности Тирелла к убийству принцев, он мог обнаружить упоминание об этом путешествии там же, где его нашли современные исследователи — в хозяйственных документах королевского двора. В то же время очевидное политическое значение темы «принцев в Тауэре», заказной характер труда Вергилия,

значительное количество допущенных им фактических ошибок заставляют относиться к свидетельству гуманиста с осторожностью.

Намеченный Полидором Вергилием портрет вероломного тирана был дорисован в «Истории Ричарда III» Томаса Мора. Более подробно этот вопрос будет освещен в отдельной главе. Сейчас же достаточно отметить, что Мор развил намеченную Полидором Вергилием смысловую линию и блестяще разрешил противоречие между поведением герцога Глостера до и после смерти Эдуарда IV. Томас Мор подчеркивал, что Ричард Глостер «задолго до смерти короля Эдуарда замыслил сам стать королем», иными словами, он никогда не был по-настоящему верен своему брату. Мор описывает Ричарда III как человека исключительно коварного, просчитывающего каждое свое действие и идущего к трону буквально по головам. Как и Джон Росс, Мор уподобляет герцога Глостера Иуде: «Со смирением в лице и высокомерием в сердце, внешне льстивый перед теми, кого внутренне ненавидел, он не упускал случая поцеловать того, кого думал убить».

Необходимо подчеркнуть, что Томас Мор стал первым, кто употребил в отношении Ричарда Глостера термин «treason» (государственная измена). Заговор, составленный Ричардом Глостером для захвата власти, Мор называет «ужасным предательством». Кроме того, именно в труде Томаса Мора появляется ставшее впоследствии хрестоматийным словесное клише «вероломный тиран». Наконец, Мор описывает убийство принцев именно как предательство. Он пишет, что сыновья короля Эдуарда приняли «смерть от руки предателя».

Рассказ об убийстве принцев является своеобразной кульминацией «Истории Ричарда III». Как и в других случаях, Мор расширил и обогатил подробностями версию, предложенную Полидором Вергилием. Вергилий сообщил, что первоначально приказ об убийстве принцев был отослан коменданту Тауэра Роберту Брекенбури, Томас Мор прибавил к этому имя посланца — Джон Грин. Любопытно, что в «Истории Ричарда III» образ

Тирелла претерпел существенные изменения. У Вергилия Тирелл отправился выполнять ужасное приказание скрепя сердце. Томас Мор превращает убийцу принцев в беспринципного честолюбца, который надеялся таким путем сделать карьеру и получить рыцарский пояс. По мнению Полидора Вергилия, Тирелл убил принцев собственноручно, Томас Мор вводит в историю двоих подручных Тирелла — Майлса Фореста, «запятнавшего себя когда-то убийством», и Джона Дайтона — «головореза огромного роста»; именно они задушили детей подушками, а потом доложили Тиреллу, что принцы мертвы.

Вышеуказанные детали не добавляют новых черт к образу предателя Ричарда III, они, скорее, характеризуют присущее Томасу Мору отношение к историческим фактам. Большинство исследователей полагает, что «История Ричарда III» далека от достоверности, так как Томас Мор вообще не имел намерения создать историческое сочинение. В этой связи логично, что новые детали, касающиеся судьбы принцев, оказываются не вполне точными. Историкам удалось отыскать сведения о Джоне Грине, Майлсе Форесте и Джоне Дайтоне, но детали их биографии не укладываются в созданную Мором схему. Например, настоящий Майлс Форест оказался не слугой и бывшим убийцей, а респектабельным хранителем гардероба в замке Бейнард Касл, расположенном далеко на севере Англии. Предложенная Мором интерпретация биографии Джеймса Тирелла также не соответствует историческим фактам. В 1483 г. Тиреллу не было нужды идти на преступление ради карьеры, так как он занимал должность главного конюшего; свой рыцарский пояс Тирелл получил задолго до смерти принцев — в 1471 г. Между тем Томас Мор сообщает, что все вышеуказанные детали он получил из исповеди Тирелла и Дайтона, сделанной в 1502 г. Ошибки, допущенные Мором при изложении биографии Джеймса Тирелла, позволяют усомниться в том, что Мор правильно указал источник своих сведений. В истории Джона Дайтона также не все гладко. Томас Мор сообщает, что Генрих VII велел отпустить Дайтона после того, как

тот признался в убийстве принцев. Сохранившиеся документы не дают возможности опровергнуть это утверждение, но такой поступок Генриха VII представляется маловероятным. Автор допускает, что сенсационные подробности убийства принцев могли быть вымышлены Томасом Мором, чтобы сделать «Историю...» более драматичной и придать ей видимость достоверности. Не случайно, ознакомившись с «Историей Ричарда III», Вергилий не стал переделывать собственное сочинение — в 1534 г. оно было опубликовано именно в том виде, который мы проанализировали выше.

Итак, к концу 1510-х гг. Полидору Вергилию и Томасу Мору удалось создать внутренне непротиворечивый образ Ричарда III — предателя. В данном случае вполне уместно говорить о личном вкладе Мора и Вергилия в создание тюдоровской легенды. До публикации указанных сочинений в народе продолжали циркулировать все предыдущие варианты истории «принцев в Тауэре», а моральные оценки правления Ричарда III оставались неизменными. В частности, опубликованные в 1530 г. «... Хроники разных королевств» Джона Растелла показывают, что к 30-м гг. XVI в. не все англичане воспринимали Ричарда III как предателя, новые подробности истории принцев также не были широко известны. Растелл излагает историю узурпации 1483 г. почти бесстрастно, кроме того, он описывает два разных способа убийства принцев — отроки были либо задушены подушками, либо погребены заживо.

О том, что вера в чудесное спасение сыновей Эдуарда IV сохранилась как минимум до середины второго десятилетия XVI в., свидетельствует следующее обстоятельство. Перед тем как поведать свою версию смерти принцев, Томас Мор счел необходимым объяснить, почему в его время не все верили, что сыновья Эдуарда IV были убиты. Он писал: «Смерть и окончательная погибель их [сыновей короля Эдуарда] ...оставались под сомнением так долго, что некоторые до сих пор пребывают в неуверенности,

были ли они убиты в те дни или нет. И это не только потому, что Перкин Уорбек... так долго обманывал мир, но и потому, что в те дни [в правление Ричарда III] все дела делались тайно... поэтому... люди ко всему относились с внутренним подозрением: так искусные подделки вызывают недоверие к настоящим драгоценностям». По-видимому, англичане не так уж много знали о том, что в короткое царствование Ричарда III происходило за стенами королевских резиденций. Этот недостаток информации служил «питательной средой» для возникновения самых разных слухов о судьбе принцев.

Предложенная Полидором Вергилием и Томасом Мором интерпретация царствования Ричарда III закреплялась в умах англичан в середине— второй половине XVI в. В этот период перевод последних глав Вергилия и «История Ричарда III» были опубликованы в составе хроник Хардинга (1543), Холла (1548) и Холиншеда (1580). Наибольший успех пришелся на долю сочинения Томаса Мора. Изящество формы, безупречно выстроенная Мором логика поступков «героев исторической драмы», а также редкая убедительность сделали «Историю Ричарда III» одним из самых авторитетных исторических трудов XVI в.

Разумеется, для простых англичан труд Томаса Мора оказался слишком сложным. В сочинениях, рассчитанных на широкую аудиторию, воспроизводились скорее основные факты и моральные оценки. Например, в записанной в конце XVI в. балладе «Песнь леди Бесси» Ричард III — не просто вероломный правитель, он назван предателем. Любопытно, что предложенные Мором детали убийства принцев были восприняты далеко не так скоро. В ранней версии вышеуказанной баллады сестра принцев (Елизавета Йорк, будущая супруга Генриха VII) не в состоянии четко сформулировать, как Ричард III умертвил ее братьев — в 27-й строке она заявляет, что принцы были убиты в постели, а в 28-й, что их утопили в вине. В более позднем варианте картина разительно меняется — леди Бесси сообщает, что Эдуард IV на смертном

одре призвал Ричарда Глостера, Роберта Брекенбури и Джеймса Тирелла, чтобы те привезли принцев в столицу, но эти трое сговорились и обрекли благородных отроков на смерть.

По единодушному мнению историков, предложенная Мором версия смерти принцев стала общепринятой вскоре после постановки трагедии «Ричард III». Стоит отметить, что рассказ Шекспира является упрощенным вариантом текста Мора—Холиншеда, которым великий драматург пользовался в качестве основного источника. Освещая первую попытку Ричарда III расправиться с племянниками, Шекспир предпочел более раннюю версию, видимо, сохранявшуюся в устной традиции: в «Исторических хрониках» Ричард III первоначально обращается не к Брекенбури, а к гораздо более известному всем Бэкингему. Применительно к теме данного исследования гораздо важнее то, что Шекспир до предела «сгустил» окружавший Ричарда III ореол вероломного тирана. Как уже было отмечено в начале статьи, каждое преступление Ричарда Глостера в «Исторических хрониках» описывается именно как предательство.

Итак, репутация предателя закрепилась за Ричардом далеко не сразу. Современники не видели в действиях Ричарда III, в том числе и в возможном устранении принцев, ничего выходящего за рамки обычных для эпохи Войн Роз методов политической борьбы. Собственно, в период правления Ричарда III значительная часть англичан вообще не была уверена в смерти сыновей Эдуарда IV. После воцарения Тюдоров картина начала меняться. Первая попытка осмыслить Ричарда III именно как предателя была предпринята в сочинении Джона Росса, не получившем широкого распространения из-за крайне неудачной риторической формы. Остальные историки шли по пути постепенных трансформаций. На протяжении первых 30 лет происходило постепенное «накапливание» знаний о преступлениях Ричарда III, его виновность в гибели принцев более не ставилась под сомнение, более того, было «доказано», что смерть сыновей Эдуарда IV вызвала широкую волну общественного недовольства, после

этого события Ричард III якобы был окружен «всеобщей ненавистью». Существовала и еще одна любопытная тенденция. По мере удлинения исторической дистанции, гибель принцев казалась потомкам все более чудовищной. Однако до конца первого десятилетия XVI в. Ричарда III предателем не называли, его действия осмысливались не как предательство (государственная измена), а как узурпация.

Миф о предателе Ричарде III обязан своим рождением усилиям двух известнейших гуманистов — Полидора Вергилия и Томаса Мора. Исходя из понимания истории как серии назидательных примеров, они превратили Ричарда Глостера в образец вероломного тирана, чье правление должно было служить предостережением потомкам. К концу XVI в. каждое действие Ричарда III было переосмыслено и интерпретировано именно как предательство, а сам король стал восприниматься как двуличный властолюбец, готовый на все ради короны. Список предательств Ричарда Глостера в итоге оказался настолько обширным, что его можно условно разделить на изменнические акты (убийство Генриха VI, убийство Эдуарда Ланкастера, узурпация 1483 г.) и «личные предательства» (убийство герцога Кларенса, отравление жены). При этом устранение сыновей Эдуарда IV воспринималось как самое страшное преступление, предательство в обоих смыслах, если можно так выразиться, предательство «высшей пробы».

Эта же схема применима и к разработке деталей «убийства в Тауэре». До Полидора Вергилия и Томаса Мора о гибели принцев было почти ничего не известно. Уверенно называлось только имя заказчика преступления — Ричарда III. Автору представляется, что появление исчерпывающей информации о судьбе сыновей Эдуарда IV именно в сочинениях известных гуманистов вряд ли было простым совпадением. Сообщенные Вергилием и Томасом Мором подробности в значительной степени явились результатом сознательной, целенаправленной переработки истории в интересах династии Тюдоров.

Глава 10
«ОН БЫЛ ЗЛОБЕН, ГНЕВЛИВ, ЗАВИСТЛИВ С САМОГО РОЖДЕНИЯ И ДАЖЕ РАНЬШЕ»[1]. НРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ ДРАМА ТОМАСА МОРА

История создания легенды о «принцах в Тауэре» показывает — определяющий вклад в формирование мифа о Ричарде III внес самый яркий представитель английского возрождения Томас Мор. В этой главе мы попытаемся попристальней вглядеться в созданный Мором портрет Ричарда III и понять, почему он нарисован настолько темными красками.

«История Ричарда III» появилась на свет в 1513 г., т.е. спустя 28 лет после гибели последнего короля из династии Йорков. В отличие от авторов других исторических произведений XVI в., Мор — величина известная. Каждый сколько-нибудь образованный человек знает, что Томас Мор (1478—1535) был одной из знаковых фигур английского Возрождения, тонким знатоком античной философии и литературы, одаренным поэтом и, наконец, автором знаменитой «Утопии». Однако Томаса Мора никак нельзя назвать оторванным от жизни кабинетным ученым. Напротив, он сделал блестящую карьеру — был успешным адвокатом, помощником лондонского шерифа, спикером Палаты Общин английского Парламента, выполнял дипломатические поручения и, наконец, в 1529—1532 гг. занимал высший государственный пост лорда-канцлера Англии.

Репутация Мора как человека также безупречна. Все знавшие Томаса Мора отмечали его необыкновенную доброту и сердечность. Выдающийся гуманист Эразм Роттердамский называл его «идеальным другом». Известно, что ученый был сторонником безусловного равноправия людей, противником телесных наказаний, и к тому же человеком, готовым умереть за свои убеждения в буквальном смысле этого слова. В 1532 г. Мор добровольно

[1] *Томас Мор.* История Ричарда III // Томас Мор. Утопия. Эпиграммы. История Ричарда III. М., 1998. С. 238.

оставил пост канцлера, не согласившись с намерением Генриха VIII заменить католическое вероисповедание англиканским. Генрих VIII предоставил бывшему канцлеру возможность «одуматься», а после его отказа велел начать судебный процесс по откровенно сфабрикованному обвинению в государственной измене. В 1535 г. Томас Мор был приговорен к смерти. Памятуя о его научных заслугах, король «милостиво» заменил медленную и мучительную казнь на простое отсечение головы.

Все эти обстоятельства поднимают авторитет «Истории Ричарда III» на почти недосягаемую высоту, ведь это произведение принадлежит перу выдающегося ученого, политика и, наконец, человека кристальной честности. Предположить, что Томас Мор мог сознательно исказить историческую истину, очень сложно... если только он действительно намеревался написать историческое сочинение в современном смысле этого слова.

Необходимо подчеркнуть, что ремесло историка и сами задачи исторической науки в XVI столетии были совершенно иными, нежели в начале XXI в. Для современных историков главной задачей является восстановление фактов, причем по возможности «без гнева и пристрастия», т.е. так, чтобы личные взгляды ученого как можно меньше влияли на его научную работу. В XVI столетии история рассматривалась как серия назидательных примеров, а задача историка сводилась к выделению главных «сюжетных линий» прошлого. Истинный профессионал должен был уметь оттенить ключевые качества героев исторической драмы, чтобы каждому зрителю было ясно, где здесь слабовольный правитель, попавший под влияние дурных советников, а где тиран. Однозначная, морализаторская оценка событий в наши дни указывает на ненаучный характер работы, в XVI столетии ненаучной сочли бы книгу, в которой недостаточно четко расставлены смысловые акценты.

Еще одной особенностью исторических сочинений XVI в. была идущая от Античности традиция сочинения речей главных «героев». Рассказ о любом значимом историческом событии был

немыслим без почти драматических сцен, в которых персонажи, помавая руками, произносят длинные и красноречивые монологи. Например, Полидор Вергилий, описывая битву при Гастингсе, приводит «полный текст» речей, с которыми Вильгельм Завоеватель и Гарольд якобы обращались к своим воинам. По современным понятиям, это откровенная фальсификация фактов, однако в ренессансной историографии драматизация истории, напротив, была нормой. Если историку было известно, что тот же Вильгельм Завоеватель перед битвой при Гастингсе обратился к своим воинам с напутственными словами, он чувствовал себя просто обязанным придумать эту речь... иначе читатели сочли бы, что ученый пишет, во-первых, скучно, а во-вторых, не по правилам.

Точно таким же правилом было воссоздание мыслей и чувств персонажей. В XVI в. простое описание хода событий считалось уделом непрофессионалов, истинный ученый обязан был доходчиво объяснить, почему «герой» поступил именно так, воссоздать внутреннюю, психологическую логику его поступков. Читатели всегда знали, когда «герой» «замыслил преступление», когда его «одолело уныние», когда он «взвесил все возможности и решился на отчаянный шаг» и т.п. Разумеется, читать такую «историю» очень удобно и интересно, но вот насколько она достоверна... это уже другой вопрос.

Очевидно, что даже самый лучший исторический трактат XVI в. неизбежно подгоняет реальные события под заранее разработанную схему, упрощает и схематизирует и факты, и характеры главных героев.

В «Истории Ричарда III» упомянутые черты достигли такого размаха, что ее легко принять за художественное произведение. Томас Мор не ограничился обычными для историографии XVI в. приемами драматизации истории, он пошел гораздо дальше. Примерно третью часть объема «Истории Ричарда III» занимают диалоги. Мор зачастую описывает выражение лиц, сомнения и мысли своих «героев», воссоздает даже незначительные ре-

плики и реакцию толпы. Действительно, при чтении «Истории Ричарда III» время от времени возникает драматический «эффект присутствия».

В качестве примера можно привести начало «Истории Ричарда III». Произведение открывается несколькими историческими экскурсами. В научной, почти дидактической манере Томас Мор рассказывает о начале Войн Роз, царствовании Эдуарда IV и Ричарде Глостере. Затем авторский стиль разительно меняется, и перед читателем разыгрывается драматическая сцена смерти Эдуарда IV: «Но вот во время своей последней болезни он [король Эдуард] ...начал размышлять о юном возрасте своих детей... поэтому он призвал к себе некоторых лордов, которые были в ссоре... И вот когда эти лорды... явились перед ним, король приподнялся и, опершись на подушки, обратился... к ним с такими словами: "Милорды, любезные мои родственники и друзья! В каком бедственном состоянии лежу я здесь, вы это видите, а я чувствую..."» Мы почти видим и умирающего короля, и опечаленных придворных, собравшихся у его ложа. Это уже не история в собственном смысле, это подлинная драма. Неудивительно, что речь Эдуарда IV построена по всем правилам риторического искусства. Она похожа, скорее, не на слова мучимого болезнью и сомнениями человека, а на длинный (в несколько страниц) монолог абстрактного «доброго короля» из пьесы XVI в., который перед смертью просит лордов помириться и позаботиться о его малолетних детях. Но вот герой умолкает, и следует реакция массовки: «Не было там никого, кто мог бы удержаться от слез. Но лорды ободрили его, как сумели, добрыми словами и ответили тотчас, что они готовы поступить, как ему угодно... Они простили друг друга и соединили руки вместе». Сцена закончена, занавес опускается, и автор возвращается к более обычной для исторических сочинений наукообразной манере изложения материала: «Как только король испустил дух, благородный принц, его сын направился к Лондону из Ладлоу в Уэльсе, где в дни болезни отца держал он свой двор».

Отрицать наличие драматических вставок в «Истории Ричарда III» абсолютно бессмысленно. Однако сторонники достоверности произведения Томаса Мора справедливо указывают, что значительный объем диалогов и даже присутствие целых литературных «сцен» не является основанием для однозначного суждения. Разумеется, в таких «сценах» есть элемент условности, вполне вероятно, что некоторые мелкие детали были попросту вымышлены для создания наибольшего драматического эффекта. Тем не менее следует помнить, что от описываемых событий Томаса Мора отделяло менее 30 лет, поэтому он мог, опираясь на свидетельства очевидцев, верно передать не только общий смысл речей, но и основные аргументы «персонажей».

Таким образом, камнем преткновения является не форма «Истории Ричарда III», а степень достоверности фактов за литературной формой скрывающихся. Относительно этого вопроса исследователи до сих пор не пришли к согласию. В XIX в. официальная историческая наука нисколько не сомневалась в правдивости Томаса Мора, его труд считался наиболее авторитетным источником сведений о событиях 1483—1484 гг., почти что мерилом ценности других исторических произведений, хроник и документов. В XX в. ситуация постепенно менялась. Более пристальное изучение истории Войн Роз и обращение к архивным фондам показало, что гуманисты нередко позволяли себе отступать от исторической правды в угоду политическим и иным соображениям. Как минимум с середины XX в. большинство британских и американских историков оценивает «Историю Ричарда III» как литературное или философское произведение, «для которого едва ли уместно оставаться верным исторической правде». Расходясь в определении жанра «Истории Ричарда III», зарубежные исследователи констатируют, что Томас Мор был крайне неточен в деталях, а сообщаемые им факты нуждаются в дополнительной проверке. Тем не менее некоторые историки до сих пор продолжают опираться на произведение Томаса Мора как на основной источник.

Русскоязычному читателю проблема достоверности «Истории Ричарда III» зачастую представляется надуманной. В советские времена Томас Мор был провозглашен основоположником утопического социализма, поэтому любое его творение попросту выводилось из зоны критики. Единственный перевод «Истории Ричарда III» на русский язык был осуществлен в 1970 гг. Е.В. Кузнецовым. В комментариях к тексту и сопроводительной статье смысловые акценты расставлены предельно четко: «Сопоставляя "Историю Ричарда III" с... источниками, можно установить, что в ней нет ни одного факта, который не был бы известен другим историкам... Важно подчеркнуть, что никаких нарочитых искажений описываемых фактов... не существует»... "Ричард III" Томаса Мора достоверен. Это не литературное, а историческое произведение, имеющее литературную ценность». Другие советские исследователи также считали «Историю Ричарда III» безупречным историческим источником. Пожалуй, только голос М.А. Барга выбивался из этого восторженного хора. Его позиция гораздо ближе к воззрениям британских исследователей. Барг отмечал, что главной целью Томаса Мора было создание психологического портрета тирана — Ричарда III.

С тех пор ситуация не так уж сильно изменилась. Возможно, это связано с тем, что правление Ричарда III в российской исторической науке исследовано поверхностно. Свою роль, по-видимому, сыграло и то обстоятельство, что английская и латинская версия «Истории Ричарда III» используются только узкими специалистами, а русский перевод поневоле воспринимается как одно целое с комментариями Е.В. Кузнецова.

Коль скоро исследователи не пришли к единому мнению о достоверности или недостоверности «Истории Ричарда III», попытаемся разобраться в этой проблеме более подробно. Прежде всего следует ответить на главный вопрос — имел ли Томас Мор намерение создать правдивый исторический труд или написать морализаторскую пьесу на исторический сюжет? Разгадку, на наш взгляд, стоит искать в биографии сэра Томаса Мора.

Известно, что профессиональным историком Мор не был, его гораздо больше занимали философия и литература. «История Ричарда III» является единственным историческим трудом Мора, более того, она так и осталась незавершенной и при жизни автора не была опубликована. Исследователи выдвинули множество объяснений того, почему Томас Мор не стал доводить свой труд до конца. Очевидно, дело было не в недостатке времени. «История Ричарда III» была закончена около 1513 г., т.е. в самом начале карьеры Томаса Мора. По мнению большинства ученых, завершить «Историю» и описать царствование Генриха VII Томасу Мору помешало опасение подвергнуться преследованиям за критику родоначальника династии Тюдоров, использовавшего тиранические методы правления. В поэме на коронацию Генриха VIII Томас Мор довольно резко критикует предыдущее царствование, другие его работы также не дают оснований полагать, что его мнение о Генрихе VII могло измениться к лучшему. Таким образом, именно сопротивление материала не позволило Томасу Мору завершить свой труд — если бы он довел свою «Историю...» до появления Генриха VII, ему пришлось бы или поступиться убеждениями, или поставить крест на своей политической карьере. Иными словами, история оказалась материалом недостаточно податливым, более того, небезопасным. Не случайно следующим трудом Томаса Мора стала предельно оторванная от реальности «Утопия».

Итак, после 1513 г. Томас Мор к истории не возвращался. Однако к другой явно прослеживающейся в «Истории Ричарда III» теме — противопоставлению идеального государя и тирана — он обращался постоянно. Еще в 1506 г. Мор опубликовал «Ответ» на диалог античного мыслителя Лукиана «Тираноубийца». Эпиграммы Томаса Мора, «История Ричарда III» и, наконец, «Утопия» — все эти произведения построены на антитезе хорошая — плохая форма правления, хороший — плохой правитель.

Необходимо подчеркнуть, что политико-философские рассуждения об идеальном правителе и его политическом антиподе —

тиране были, пожалуй, самой актуальной темой философских трактатов начала XVI в. Среди ученых того времени развернулась целая дискуссия о том, какими качествами должен обладать достойный король и где пролегает грань, отделяющая законную власть от тирании. В «Истории Ричарда III» Томас Мор мастерски нарисовал оба портрета — доброго короля Эдуард IV и тирана Ричарда. Почти одновременно с произведением Томаса Мора его ближайший друг, известнейший гуманист Эразм Роттердамский закончил работу над «Наставлением христианскому государю», в котором говорится, что правитель должен быть образцом морали и заботиться прежде всего об интересах своих подданных. В 1516 г. «Государь» Макиавелли, напротив, провозгласил политику сферой свободной от морали. Наряду с этими величайшими образцами политической мысли выходило множество других политико-философских трактатов. По-видимому, для ученой среды, в которой вращался Томас Мор, его политические воззрения были гораздо важнее и актуальнее исторических опытов.

Логичным было бы предположить, что, работая над «Историей Ричарда III», Томас Мор стремился в первую очередь не воссоздать историческую истину, а высказать свое мнение о сущности тирании и «доброго правления».

Это предположение подтверждается тем, что при создании своей «Истории...» Томас Мор пренебрег обычной для того времени методикой подбора материала. В начале XVI столетия, во всяком случае среди гуманистов, было принято опираться на документальные свидетельства. Так, Полидор Вергилий, приступая к написанию «Истории Англии», начал именно с работы с документами. Томас Мор к документам не обращался. Его источниками информации были труды других историков и, как он сам подчеркивал, свидетельства очевидцев. Безусловно, рассказы непосредственных участников событий могут оказаться важнее любого письменного текста... при условии, что эти рассказы не были вымышлены или искажены автором «Истории Ричарда III».

Принято считать, что главным информатором Томаса Мора был покровитель его таланта епископ Эли Джон Мортон (1420—1500). Известно, что Мор относился к епископу Эли с большой теплотой и почтением. В первой книге «Утопии» он дает Мортону самую восторженную оценку. Мор называет его человеком «рассудительным и добродетельным», «серьезным и достойным», отмечает его «несравненный ум», «замечательную память» и «превосходное понимание» государственных дел. Джон Мортон (1420—1500) действительно был одаренным государственным деятелем, известным покровителем наук и искусств, но высокому мнению Томаса Мора он соответствовал не вполне. Не будем забывать о том, что Мор довольно долго идеализировал Генриха VIII; ученый был уверен, что сможет внушить королю правильные принципы управления государством, и поплатился за свое заблуждение головой в прямом смысле слова.

Если попытаться охарактеризовать Джона Мортона в нескольких словах, его можно назвать искушенным политическим игроком. В ходе Войн Роз епископ Эли несколько раз с большой выгодой для себя переходил от Ланкастеров к Йоркам и от Йорков к Тюдорам. Он, безусловно, был прекрасно осведомлен о политических событиях 1483—1484 гг., так как принимал в них самое активное участие. Джон Мортон присутствовал при кончине Эдуарда IV и впоследствии стал активным участником группировки Вудвилей. На знаменитом Совете в Тауэре в пятницу 13 июня епископ был арестован и помещен под домашний арест в одном из имений герцога Бэкингема. Мортон стал одним из главных вдохновителей восстания лета 1483 г., и после его неудачи бежал во Францию ко двору будущего Генриха VII. По мнению ряда ученых, Джон Мортон сыграл видную роль в пропагандистской кампании, развернутой против Ричарда III в 1483—1485 гг. В царствование Генриха Тюдора карьера Мортона складывалась блестяще — ему удалось стать архиепископом Кентерберийским, лордом-канцлером и, наконец, кардиналом.

Итак, епископ Мортон мог бы стать бесценным источником информации, если бы не очевидная пристрастность и эластичные моральные принципы, выраженные, в частности, в знаменитой «вилке Мортона». В нарицательном смысле это выражение символизирует выбор между двумя одинаково неприятными вариантами. В прямом — оно обозначало предложенный канцлером Мортоном принцип сбора налогов: те, кто много тратят, должны платить высокие налоги, так как у них есть деньги, но и те, кто тратят мало, также должны платить высокие налоги, ибо привычная бережливость позволит им проявить щедрость по отношению к королю.

По-видимому, Мортон был не единственным, кого Томас Мор расспрашивал о событиях 1483—1484 гг., но влияние епископа Эли на создание «Истории Ричарда III» можно назвать определяющим. Нельзя не обратить внимания на то, что Мор подробно описывает только те события, при которых присутствовал Мортон — все остальное излагается конспективно. Нельзя не заметить, что оценка, которую Мор дает Ричарду III, ни в чем не расходится с пропагандой времен Генриха VII. Это обстоятельство даже стало основанием для сомнения в авторстве «Истории Ричарда III». Еще в конце XVI в. было высказано предположение, что «История...», или хотя бы ее основа, была написана Джоном Мортоном. Несостоятельность этой гипотезы полностью доказана, но остается вопрос: почему голос Мортона в «Истории...» звучит так громко?

Если бы Мор действительно намеревался создать правдивую картину прихода Ричарда III к власти, ему, конечно, следовало бы проверить полученную информацию. Очевидно, что нельзя писать о ком-то, опираясь почти исключительно на свидетельства его политического противника. Царствование Ричарда III, увиденное глазами Джона Мортона, должно так же мало походить на реальность, как история правления Цезаря, изложенная Брутом или Кассием. Однако если речь идет не о поиске истины, а о создании назидательного портрета «идеального тирана»,

то использованный Мором источник информации оказывается безупречным.

Еще одна проблема связана с невозможностью установить, какие именно факты «перекочевали» в «Историю Ричарда III» из воспоминаний Джона Мортона. В данном случае можно полагаться только на косвенные свидетельства. Во-первых, нет никаких достоверных доказательств того, что епископ Мортон вел дневник или писал мемуары. Во-вторых, Мортон умер за 13 лет до создания «Истории Ричарда III». В-третьих, вероятность того, что Томас Мор заранее планировал описать государственный переворот 1483 г. и прилежно конспектировал воспоминания своего патрона, ничтожно мала. Следовательно, в «Истории Ричарда III» мы имеем дело с малодостоверным вторичным пересказом. Полтора десятилетия спустя Томас Мор вряд ли мог воспроизвести на страницах «Истории Ричарда III» что-либо, кроме общей характеристики событий и нескольких наиболее запоминающихся фактов.

В своей «Истории...» Томас Мор не раз ссылается на сведения, полученные от других участников событий, но, как правило, без указания имен. Единственное исключение составляет рассказ об убийстве принцев, написанный якобы со слов непосредственных исполнителей преступления — Джеймса Тирелла и Джона Дайтона. Подробно этот вопрос будет проанализирован в конце данной главы, сейчас достаточно отметить, что на самом деле Томас Мор не был знаком с этими людьми.

Подводя промежуточные итоги, можно констатировать, что Мор, скорее всего, не располагал детальными воспоминаниями очевидцев и черпал основную часть сведений о событиях 1483—1485 гг. из хроник и исторических исследований, что значительно снижает ценность его произведения. Томас Мор был знаком с «Большой хроникой Лондона», хроникой Фабиана и, по-видимому, с черновым вариантом труда Полидора Вергилия, распространенным в среде английских гуманистов еще до официальной публикации в 1534 г.

О том, что Томас Мор не стремился к скрупулезному воссозданию исторических событий, говорит и целый ряд допущенных им фактических ошибок. Мор на 12 лет завышает возраст короля Эдуарда IV, на полтора года увеличивает срок реставрации Генриха VI, путает имена лорда Гастингса, герцога Бэкингема и проповедника Шея, дата проповеди Шея также не соответствует действительности. Автор «Истории...» неверно указывает главу депутации, посланной к королеве Елизавете Вудвиль в июне 1483 г., и допускает несколько других неточностей, которые можно объяснить только банальной небрежностью, тем, что Томас Мор не потрудился проверить имеющиеся в его распоряжении сведения.

В то же время «Историю Ричарда III» никак нельзя назвать небрежно написанной. Напротив, ее отличают безупречная композиция, блестящий язык и обилие деталей. Все вместе создает впечатление исключительной осведомленности автора и убеждает читателей в его абсолютной правоте, хоть эта правота и не совпадает с исторической правдой. Дело в том, что Томас Мор не просто допускает несколько малозначащих фактических ошибок, он зачастую искажает порядок событий, придумывает несуществующие факты и даже целые эпизоды. Остановимся на этом вопросе более подробно.

Сознательные отступления от истины начинаются буквально с первой же страницы «Истории Ричарда III». Говоря о начале Войн Роз, Томас Мор замечает: «Ричард, герцог Йорк, муж благородный и могущественный, некогда начал не войной, а законным путем добиваться короны, заявив о своем требовании в Парламенте». Разумеется, автор «Утопии» не мог не знать, что «законный» путь Ричарда Йорка к короне начался с поддержки восстания Джека Кэда, появления во главе вооруженной свиты на заседании Парламента в 1450 г. и, после череды сражений, закончился его гибелью в битве при Тьюксбери в 1460 г.

Акцентирование законности прав Ричарда Йорка, по-видимому, было обусловлено стремлением Томаса Мора обри-

совать Эдуарда IV как идеального правителя. С этой целью автор «Истории...» корректирует и другие факты.

Одно из самых очевидных отступлений от истины связано с историей женитьбы Эдуарда на Елизавете Вудвиль. По версии Томаса Мора, Эдуард IV обсуждал предполагаемую свадьбу со своей матерью герцогиней Сесилией Йоркской, которая категорически возражала против этого брака. Автор «Истории...» даже приводит полный текст спора между матерью и сыном. Далее Томас Мор подробно рассказывает о скандале, который герцогиня Сесилия устроила во время торжественного бракосочетания короля. Она привела с собой бывшую любовницу монарха Елизавету Люси и заявила, что король «ее муж перед богом». Мор мастерски описывает и замешательство епископов, не решавшихся продолжить церемонию венчания, и благородное решение Елизаветы Люси открыть, что она не невеста, а всего лишь любовница короля.

В данном случае вымышлены не только реплики героев, но и все обстоятельства брака. Известно, что Эдуард IV женился на Елизавете Вудвиль тайно и объявил об этом только через несколько месяцев после венчания. А значит, не было никакого спора, и описанного Мором торжественного бракосочетания тоже не было. И хотя девушка, на которой Эдуард IV обещал жениться, действительно существовала, звали ее вовсе не Елизавета Люси, а Элеонора Батлер.

Надуманная сюжетная линия понадобилась Мору для того, чтобы утвердить законность спорного, по меркам эпохи, союза Эдуарда IV и Елизаветы Вудвиль. Это, с одной стороны, подтверждало законность происхождения внука Эдуарда IV — Генриха VIII, а с другой — подчеркивало необоснованность прав Ричарда III на престол. Путаница с именами здесь приобретает решающее значение. Напомним, что брак Эдуарда IV был объявлен Парламентом недействительным именно на основании предыдущей помолвки, которую каноническое право приравнивало к венчанию. Елизавета Люси появилась в «Истории...»,

так как она была признанной королевской фавориткой. Через замену имен Мор добивается почти комического эффекта — попытка герцогини Йоркской объявить невестой короля женщину, «которая недавно от него забеременела», превращает серьезные обвинения в фарс.

Томас Мор также заметно отклоняется от истины, описывая положение дел в Англии на начало 1483 г. Он отмечает, что «при кончине его [короля Эдуарда] любовь народа была больше, чем когда-либо при жизни... К концу его дней королевство пребывало в покое и процветании: ни враг не страшил, ни война не велась и не предвиделась, разве что никем не ожидаемая». Между тем престиж Эдуарда IV к концу его царствования заметно снизился, а состояние королевства оставляло желать лучшего. Дряхлеющий морально и физически король столкнулся с финансовыми трудностями, волнениями в графствах и, наконец, с серьезными внешнеполитическими проблемами. Ситуация вовсе не была катастрофической, но совершенно не вписывалась в созданный в «Истории...» образ идеального государя, поэтому Томас Мор предпочел ее «отредактировать» и описать короля, который ушел в иной мир в зените славы.

Если Эдуард IV выступал в «Истории...» как «добрый правитель», то Ричард III был превращен в «образцового» тирана. По всей видимости, Томас Мор искренне верил в то, что Ричард III был беспринципным властолюбцем, этаким символом кровавых усобиц второй половины XV в. К тому времени пропагандистская машина уже неплохо поработала над образом последнего из Йорков. И все же в создании мифа о «злом тиране Ричарде» Томас Мор идет дальше своих предшественников. На протяжении всего повествования он «подгоняет» историю реального короля под заранее разработанную модель.

Наиболее явно эта «подгонка» чувствуется не в повествовании о действиях Ричарда III, а в объяснениях и комментариях, в рассуждениях о том, что герцог Глостер думал и что он чувствовал. Мор постоянно подчеркивает чудовищное честолюбие и прочие

пороки Ричарда Глостера, постоянно говорит о его коварных планах и ненасытной жажде власти. Стоит подчеркнуть, что именно Томас Мор придумал удивительное по простоте объяснение внезапной перемене в образе действий Ричарда после смерти Эдуарда IV. Ричард Глостер якобы всегда был злодеем и властолюбцем, но удачно скрывал эти качества, дожидаясь удобного момента. Вплоть до XIX в. историки воспроизводили эту концепцию, рассуждения об «аморализме» Ричарда III можно обнаружить и в некоторых современных исследованиях.

Впрочем, Ричард Глостер Томаса Мора гораздо больше, чем обычный злодей, он — воплощение едва ли не всех мыслимых пороков и тирании. Не случайно описание характера Ричарда начинается словами: «Он был злобен, гневлив, завистлив с самого рождения и даже раньше. Сообщают как заведомую истину, что герцогиня, его мать, так мучилась им в родах, что не смогла разрешиться без помощи ножа, и он вышел на свет ногами вперед (тогда как обычно бывает наоборот), и даже будто бы с зубами во рту». Комментарии здесь, как говорится, излишни.

Внешность Ричарда Глостера в «Истории...» также сильно «приукрашена», в частности, именно Томас Мор первым описал Ричарда как горбуна. Нелицеприятный образ Ричарда Глостера еще более оттеняют подробно пересказанные слухи о его прошлых преступлениях. Томас Мор сообщает, что, «по слухам», Ричард III убил Генриха VI, «по слухам», он также приложил руку к смерти своего брата Джорджа Кларенса.

Вроде бы здесь автора «Истории...» не в чем упрекнуть. Он ничего не придумывает, более того, каждый раз оговаривается, что не может подтвердить эти факты, просто «люди говорят...». Однако этот прием используется так часто и с такими развернутыми пояснениями, что становится очевидно — сведения вовсе нацелены не на то, чтобы читатель принял самостоятельное решение.

Попробуем разобраться в «технологии» Мора более подробно. Прежде всего, пересказ любой политической сплетни в «Истории

Ричарда III» начинается со слов, призванных вызвать доверие читателей: «люди упорно говорят», «разумные люди полагают», «сообщают как заведомую истину», «я слышал правдоподобный рассказ» и т.д. Согласитесь, после такого предисловия трудно ожидать чего-то недостоверного.

Эффект правдоподобия усиливается тем, что Мор сообщает множество подробностей. Например, рассказывая об убийстве Генриха VI, автор пишет: «Люди упорно говорят, что он [Ричард Глостер] собственными руками убил заключенного в Тауэре короля Генриха VI после того, как он был лишен власти... злобно погрузив кинжал ему под ребро, он пронзил его и зарезал... причем даже без приказа и ведома короля, который, несомненно, решившись на такое, поручил бы это палаческое дело кому-либо другому, а не родному брату». По манере подачи материала это вовсе не пересказ слуха, а утверждение, дополненное эмоционально окрашенными эпитетами и речевыми повторами — Ричард «злобно погрузил кинжал... под ребро», «пронзил и зарезал» несчастного короля Генриха. Читатель невольно ужасается и начинает испытывать отвращение к убийце.

Впечатление жестокости происходящего еще более укрепляется оттого, что Мор подчеркивает — убийство совершилось «без ведома» доброго короля Эдуарда IV. Если предположить, что автор «Истории...» просто передает некие сведения, в справедливости которых он сомневается, то слова «даже без приказа и ведома короля, который... поручил бы это палаческое дело кому-либо другому» кажутся совершенно лишними — это уже не пересказ молвы, это предположение внутри слуха. Получается примерно следующие: те, кто говорят о виновности Ричарда Глостера, также говорят, что король Эдуард IV думал, что... Не лишним будет напомнить — Томас Мор писал свою «Историю...» спустя 42 года после смерти Генриха VI. Будучи здравомыслящим человеком, он вряд ли мог предполагать, что через столько лет в народе может циркулировать правдивая информация даже не о событиях, а о мыслях и намерениях полувековой давности. И тем не менее эта

информация не отвергается как заведомо недостоверная, а заботливо заносится на страницы «исторического» сочинения. Причина такой слабой критичности Томаса Мора понятна — автор подталкивает читателей к почти очевидной мысли — если «люди упорно говорят» о чем-то, значит, они правы.

Чтобы показать Ричарда III расчетливым интриганом, с самого начала стремившимся к захвату власти, Томас Мор отмечает, что Ричард «помогал разжигать давнюю вражду и пылкую ненависть между родней королевы и семьей короля». Современные событиям источники, напротив, свидетельствуют, что Ричард Глостер был далек от придворных интриг.

Для демонизации Ричарда III Мор также прибегает к искажению порядка событий. В «Истории...» указано, что сначала Ричард Глостер извлек младшего сына Эдуарда IV из убежища и только после этого состоялись знаменитый Совет в Тауэре и казнь лорда Гастингса. Искушенный политик действовал бы именно так. Логично было бы использовать влияние лорда Гастингса, чтобы заполучить в свои руки обоих принцев, а затем избавиться от слишком самостоятельного союзника. На самом деле Совет в Тауэре состоялся 13 июня, а выход из убежища младшего принца 16-го. Тем не менее предложенный Томасом Мором вариант развития событий кажется настолько психологически обоснованным, что вплоть до конца XIX в. историки воспроизводили именно эту датировку.

С той же целью Мор «изобретает» торжественную церемонию помещения принцев в Тауэр. Он пишет: «Тотчас [после извлечения младшего сына Эдуарда IV из убежища] они доставили его к королю, его брату, в епископский дворец у собора Св. Павла, а оттуда через весь город с почетом препроводили детей в Тауэр». Создается впечатление, что, только имея в своем распоряжении обоих принцев, Ричард Глостер решился перевести их из нейтрального епископского дворца в зловещий Тауэр. Все потенциальные читатели Мора знали, какая ужасная судьба постигла детей «доброго короля Эдуарда», и эти «почетные проводы» не-

избежно должны были вызвать ассоциацию с агнцами, которых ведут на заклание. На деле события развивались несколько иначе. Старший сын Эдуарда IV занимал королевские покои в Тауэре уже на протяжении пяти недель, а именно с 9 июня.

Помимо прочего, Мор приписывает Ричарду множество неназванных преступлений. Он пишет: «Все время, пока Ричард III был королем, убийства и кровопролития не прекращались до тех пор, пока его собственная гибель не положила всему этому предел». Такое добавление логически необходимо: тирания немыслима без многочисленных казней. Однако Томас Мор при всем желании не смог бы конкретизировать свои обвинения — политические казни в правление Ричарда III были редкостью. Несмотря на полную необоснованность, это «изобретение» Томаса Мора было подхвачено всеми историками второй половины XVI в. В историографии даже закрепилось словосочетание «кровавая тирания Ричарда III».

В произведении Томаса Мора есть еще одно направление «корректировки» фактов — это драматизация истории. Приведем лишь один пример. Для того чтобы в судьбе лорда Гастингса ярче прослеживалась мораль, Томас Мор «путает» дату казни родственников королевы. Он пишет — «когда... были схвачены и приговорены к смерти родственники королевы, это делалось с его [лорда Гастингса] согласия, и он сам велел их обезглавить в Помфрете, не зная, что в тот самый день его самого велено обезглавить в Лондоне». К слову сказать, Риверс, Грей и Воган были казнены не в Помфрете, а в Понтефракте, но эту деталь, видимо, следует отнести за свет невнимательности Томаса Мора.

Завершая разговор о достоверности «Истории Ричарда III», следует обратить внимание на необычайное для исторического труда количество деталей. Именно множество мелких подробностей придают произведению Томаса Мора такую убедительность. Если автор «Истории...» знал даже о том, какими словами слуги Ричарда Глостера прокомментировали смерть короля Эдуарда, его осведомленность заслуживает самого глубокого восхищения.

Однако огромное большинство этих деталей присутствуют только в «Истории Ричарда III», их попросту не удается подтвердить сведениями из других источников.

Например, Томас Мор приводит весьма назидательный разговор, состоявшийся утром 13 июня между лордом Гастингсом и его однофамильцем — королевским чиновником Гастингсом. Лорд Гастингс замечает, что «еще никогда в жизни он не был так весел и так далек от беды», и эти наивные слова дают Томасу Мору повод воскликнуть: «О милостивый Боже! Так слепа наша смертная природа... не прошло и двух часов, как он лишился головы». В данном эпизоде настораживает прежде всего путаница с должностями второго Гастингса. В английском варианте «Истории» собеседник злосчастного лорда назван «pursevant» (королевский гонец), а в издании 1565 г. «caduceatur» (королевский герольд). Историки потратили немало усилий, пытаясь отыскать в документах упоминание о загадочном втором Гастингсе, но ни королевского герольда, ни королевского гонца с фамилией Гастингс найти не удалось. По-видимому, и герольд Гастингс, и сам диалог были вымышлены для создания яркого драматического эффекта.

Томас Мор в подробностях пересказывает пророческие сны; воспроизводит реплики, которыми народ встречал то или иное политическое событие; рассказывает, какие доспехи надел Ричард Глостер после Совета 13 июня и почему; на каком бревне отрубили голову лорду Гастингсу и т.д. и т.п. Простая логика не позволяет допустить, что Томас Мор знал все это и в то же время ошибся, называя имя герцога Бэкингема. Думается, что значительная часть деталей, присутствующих на страницах «Истории Ричарда III», является всего лишь плодом фантазии.

Итак, при ближайшем рассмотрении «История Ричарда III» оказывается вовсе не историей, а литературно-философским произведением, построенном на использовании исторического материала. К такому выводу нас приводит прежде всего та свобода, с которой Томас Мор обращается с фактами. Воссо-

здание событий 1483—1484 гг. для него оказывается не целью, а средством донести до читателей свои политико-философские воззрения. Стремление как можно более рельефно обрисовать образ идеального тирана прослеживается буквально в каждой фразе «Истории Ричарда III». Более того, события «Истории...» настолько безупречно вписаны в авторскую концепцию, что становится невозможным разграничить правду и авторский вымысел, исторические факты и их нравоучительное истолкование. Поскольку в целом ряде случаев Томас Мор очень далеко отклоняется от истины, заслуживающими доверия можно считать только те сведения, которые можно подтвердить данными других источников.

Точно определить жанровую принадлежность «Истории Ричарда III», на наш взгляд, вряд ли возможно. Если бы это произведение писалось в начале XXI в., его определили бы модным словом «междисциплинарное». Наличие блестящих драматических сцен делает его похожим на трагедию, а превосходно выписанный портрет тирана сближает с философскими трактатами. Вероятно, труд Томаса Мора можно условно обозначить как нравоучительную драму.

Влияние «Истории...» на формирование образа Ричарда III трудно переоценить. Значительная часть «находок» Томаса Мора была воспринята историками XVI—XIX вв. Отдельные части «Истории Ричарда III» некритически цитируются до сих пор.

В первую очередь это относится к рассказу о судьбе «принцев в Тауэре». Эта часть «Истории Ричарда III» уже была проанализирована в предыдущей главе. Теперь рассмотрим ее более подробно.

Мы уже отмечали — Томас Мор якобы был знаком с предсмертной исповедью убийц принцев — Джеймса Тирелла и Джона Дайтона. Мор утверждает, что «когда Джемс Тирелл находился в Тауэре по обвинению в измене славнейшему своему государю королю Генриху VII [в 1502 г.], оба — Дайтон и он — были допрошены и признались на исповеди, что совершили убийство».

Правда, откуда тайна исповеди стала известна Томасу Мору, не понятно. В теории этого нельзя исключить. В то же время сложно допустить, что Мор, довольно легкомысленно относившийся к сбору материала для своего произведения, все же заполучил сенсационные, не известные гораздо более обстоятельным историкам данные.

В отношении Тирелла нельзя не отметить три обстоятельства. Во-первых, Тирелла казнили не за убийство принцев, а за поддержку заговора против Генриха VII. Во-вторых, публично Тирелл не исповедался. Это кажется довольно странным, так как в началеXVI в. приговоренные к смерти должны были поведать о своих преступлениях с эшафота, а списки их признаний рассылались по всей Англии. В-третьих, даже после казни Тирелла никакого официального заявления властей о его виновности в иных преступлениях не последовало. Существовали только расплывчатые слухи — Тирелл якобы признался в убийстве, совершенном по приказу Ричарда III. Необходимо подчеркнуть, что никаких деталей эти слухи не содержали, подробности преступления оказались известны только одному человеку — Томасу Мору. Но допустим, что это были истинные подробности.

Итак, Мор сообщает, что Ричард III замыслил избавиться от своих племянников во время коронационного турне. «Направив свой путь в Глостер... он и послал некоего Джона Грина, особо доверенного своего человека, к констеблю Тауэра сэру Роберту Брекенбури». Необходимо подчеркнуть, что если констебль Тауэра сэр Брекенбури — лицо вполне реальное, то доверенного придворного по имени Джон Грин, по-видимому, не существовало. Единственный дворянин по имени Джон Грин был не приближенным Ричарда III, а финансовым чиновником Ланкастерского герцогства. Вероятно, Томас Мор «домыслил» имя посланца короля Ричарда, действуя по методу наименьшего сопротивления. В Англии начала XVI в. назвать кого-то Джоном Грином было все равно, что в современной России сказать — это был Иванов Петр Иванович.

Впрочем, имя гонца не имеет решающего значения. Допустим, Томас Мор пишет, что некий придворный был послан к констеблю Тауэра «с письменным и устным распоряжением, чтобы этот сэр Роберт так или иначе предал смерти обоих детей. И этот Джон Грин, коленопреклонясь перед образом богоматери в Тауэре, передал Брекенбури такое поручение; но тот прямо ему ответил, что скорее сам умрет, чем предаст их смерти. С этим ответом и воротился Джон Грин к королю в Уорвик, когда тот еще находился в дороге». Данный пассаж вызывает сразу несколько возражений. Исследователи пока не смогли обнаружить документ, содержащий распоряжение об убийстве принцев. Ни одно из сохранившихся писем Ричарда III даже иносказательно не говорит о необходимости устранения детей короля Эдуарда. Более того, невероятным кажется сам факт написания изобличающего послания. Помимо логической нецелесообразности таких действий, необходимо учесть, что в XV столетии письма и письменные распоряжения носили исключительно публичный характер. Бумаге не доверяли не то что тайн, даже щекотливых новостей. Не случайно почти в каждом письме XV в. можно найти стандартную формулировку: «Об остальном тебе устно сообщит податель сего такой-то, которому ты можешь полностью доверять». Однако реалии XV в. были малознакомы гуманистам первой половины XVI столетия, для которых письменное слово уже стало святыней.

Второе несоответствие связано с ролью коменданта Тауэра. Роберт Брекенбури был честнейшим человеком, глубоко уважавшим рыцарские идеалы. Ричард III не мог этого не знать, так как до 1483 г. Брекенбури был его казначеем. Безусловно, получив подобное распоряжение, сэр Брекенбури должен был действовать именно так, как описывает Томас Мор. Удивительно другое — отказ констебля Тауэра помочь Ричарду III в столь щекотливом деле не повлек за собой никаких последствий. Уже после описанных Мором событий Брекенбури, в дополнение к основным обязанностям, был назначен на весьма доходную должность смотрителя нескольких королевских замков в Юго-Восточной Англии. Ро-

берт Брекенбури, в свою очередь, продолжал хранить верность последнему из Йорков — он принял самое активное участие в подавлении восстания Бэкингема, участвовал на стороне Ричарда III в битве при Босворте и погиб, защищая своего короля. Объяснить, почему чудовищное предложение Ричарда и гневный отказ Брекенбури только укрепили их взаимную симпатию, вряд ли возможно.

Вернемся к тексту Томаса Мора. «Услышав это, король впал в такое раздражение и раздумье, что той же ночью сказал своему доверенному пажу: "Ах, есть ли человек, которому можно довериться?.." — "Сэр, — ответил паж, — ...есть человек, который, я смею надеяться, может угодить вашей милости: трудно найти такое, от чего бы он отказался"». Разумеется, идентифицировать пажа, к которому Ричард III так откровенно обратился за помощью, историки не смогли.

По версии Томаса Мора, паж предложил королю обратиться к Джеймсу Тиреллу. «Это был человек выдающийся и по своим природным дарованиям... Сердце у него было гордое, и он страстно стремился пробиться наверх, но не мог возвыситься так быстро, как надеялся, ибо ему мешали и препятствовали сэр Ричард Ретклиф и сэр Уильям Кэтсби, не желавшие ни с кем делить королевскую милость... Король... позвал сэра Джеймса к себе. Тут он поведал ему тайно о своем преступном намерении, и тому оно показалось ничуть не странным... Впоследствии король за это [убийство] изъявил ему большую благодарность; некоторые даже говорят, что он тотчас был произведен в рыцари». Если Томас Мор действительно черпал сведения из исповеди Джеймса Тирелла, его осведомленность должна быть безупречной. И тем не менее этот краткий биографический очерк ошибочен от начала и до конца. Джеймса Тирелла никак не могли терзать бесплодные мечты о монаршей милости и посвящении в рыцари. Доверенным лицом Ричарда Глостера Тирелл был с 1473 г., а рыцарский пояс носил и того дольше — с 1471 г. К описанному в «Истории...» времени Тирелл являлся главным конюшим Ричарда III и занимал

столь же прочное положение, как упомянутые Мором Ретклиф и Кэтсби. О каких бы то ни было трениях между Тиреллом, Кэтсби и Ретклифом историкам также неизвестно. Указанное несоответствие позволяет усомниться в том, что Томас Мор знал о Тирелле больше, чем его современники. Скорее, он выглядит менее осведомленным.

Далее Мор сообщает, что «король поутру послал его [Тирелла] к Брекенбури с письмом, в котором предписывал передать сэру Джеймсу на одну ночь все ключи от Тауэра, чтобы он мог здесь исполнить королевскую волю в таком деле, о котором ему дано распоряжение. И когда письмо было вручено и ключи получены, сэр Джеймс избрал для убийства наступающую ночь, наметив план и подготовив все средства». Снова в «Истории Ричарда III» появляются письма, отправлять которые было не принято и даже опасно. И снова поведение сэра Брекенбури кажется необъяснимым. Сначала он заявляет, что «скорее сам умрет, чем предаст их [детей] смерти», а потом безропотно передает ключи от Тауэра. Томас Мор указывает, что принцы были убиты в ту же ночь. Наутро честнейший Брекенбури возвращается в Тауэр, обнаруживает пропажу принцев, и... ничего не происходит. Он не только сохраняет верность убийце, но и молчит о преступлении всю оставшуюся жизнь. Либо современники, наперебой восхищавшиеся душевными качествами Роберта Брекенбури, жестоко ошибались, либо ошибся автор «Истории Ричарда III».

Еще более подозрительно следующее обстоятельство. О передаче ключей Тауэра Джеймсу Тиреллу должен был знать не только комендант, но и служащие, то есть несколько десятков человек. Невозможно представить, что столько людей было практически посвящено в тайну исчезновения принцев и ни один из них не проговорился. Если верить Томасу Мору, Ричарду III удалось создать безупречный «заговор молчания», участники которого продолжали держать рот на замке даже после смерти тирана.

По мнению Томаса Мора, «Джеймс Тирелл решил умертвить их [принцев] в постелях. Для исполнения этого он назначил

Майлса Фореста, одного из их четырех телохранителей, парня, запятнавшего себя когда-то убийством; к нему он присоединил Джона Дайтона, своего собственного стремянного, головореза огромного роста, широкоплечего и сильного. Все остальные были от принцев отстранены». Пытаясь узнать хоть что-то о непосредственных исполнителях убийства, мы сталкиваемся с до боли знакомой проблемой — подтвердить сенсационные сведения Томаса Мора попросту нечем. Во второй половине XV в. в Англии действительно жил человек по имени Майлс Форест, но он не подходит под данную Мором характеристику. Исторический мистер Форест вовсе не был подозрительным типом с уголовным прошлым. Он занимал вполне мирную должность хранителя гардероба в Байнард Касл (замке, расположенном на Севере Англии). Обязанности хранителя гардероба в целом соответствовали функциям финансового управляющего и предполагали экономические, а не уголовные способности.

Что касается Джона Дайтона, то историки отыскали сразу двоих людей с таким именем. Первый из них в 1484 г. был бейлифом в Оксфордшире. Второй в мае 1487 г. получил от короля Генриха VII пожизненную пенсию. И все же никто из них не мог быть убийцей детей Эдуарда IV, так как оба эти человека занимали положение более высокое, что стременной — слуга, ухаживавший за лошадью дворянина и подававший ему стремя во время торжественных выездов. Кроме того, известно, что никого из Дайтонов в 1502 г. не арестовывали, а значит, никто из них не мог исповедаться в преступлении одновременно с Тиреллом.

Томас Мор сообщает, что Дайтон и Форест умертвили принцев в постелях, а затем, по приказу Тирелла, похоронили их «в земле под лестницей на должной глубине, навалив сверху груду камней». Далее Томас Мор рассказывает, что «священнику сэра Роберта Брекенбури приказано было вырыть тела и тайно похоронить их в таком месте, какое он один бы только знал, чтобы в случае его смерти никогда и никто не сумел бы его открыть». Иными словами, по мнению Мора, в Тауэре останков принцев

быть не должно, т.е. находка скелетов «принцев» в конце XVII в. свидетельствует против достоверности «Истории...»

В заключение Томас Мор останавливается на том, какая судьба постигла преступников: «Майлс Форест сгнил заживо в убежище св. Мартина; Дайтон доселе бредет по жизни, поделом опасаясь, что он будет повешен раньше, чем умрет; а сэр Джеймс Тирелл умер на Тауэр-Хилл, обезглавленный за измену». Если речь идет о том единственном Майлсе Форесте, судьбу которого можно проследить по документам, то умер он не в убежище, а в своей постели до сентября 1484 г., так как в этом месяце его вдове была назначена стандартная по размеру пенсия — в 5 марок в год. Тирелл, безусловно, был обезглавлен, а вот история жизни Дайтона откровенно противоречит логике. Если верить Томасу Мору, Джон Дайтон был арестован в 1502 г., признался в убийстве принцев, но по каким-то неведомым причинам был отпущен на свободу.

Таким образом, история гибели принцев, рассказанная Томасом Мором, изобилует ошибками и логическими противоречиями. Лучшим подтверждением тому, что этот рассказ не соответствует реальным фактам, является реакция властей, точнее, полное отсутствие какой бы то ни было официальной реакции. Хотя Томасу Мору вроде бы удалось обнародовать точные и даже сенсационные подробности убийства, их попросту проигнорировали. Не было начато никакого судебного процесса против живых участников трагедии, не было выпущено ни одной прокламации против мертвых. Молчали не только власти. Круг интеллектуалов, в котором вращался Томас Мор, также не воспринял его «дополнения» всерьез. В 1534 г. Полидор Вергилий закончил свой фундаментальный труд, в котором убийство принцев описывалось с гораздо меньшими подробностями.

Анализ рассказа Мора об убийстве принцев подтверждает сделанные ранее наблюдения и позволяет ответить на ключевой для историографии вопрос — насколько достоверна «История Ричарда III». Ответ оказывается обескураживающим для тех, кто отстаивает правдивость сочинения Томаса Мора. По-видимому,

Мор работал с информацией по следующей схеме — брал всем известные факты и придумывал для них драматическое обрамление, соответствующее цели его труда (на примере Ричарда III нарисовать портрет «идеального тирана»). Иными словами, «Историю Ричарда III» не имеет смысла воспринимать как источник сведений о правлении Ричарда III, это не история, а нравоучительная драма на исторический сюжет.

Главным доказательством литературного характера произведения Томаса Мора служит то, что современники не считали его версию истории заслуживающей доверия. Для того чтобы блестящая форма этого произведения и восхищение гениальным автором заслонили многочисленные неточности и искажения, должно было пройти время. Только после того, как ушли живые свидетели событий 1483—1484 гг., стало возможным считать «заведомой истиной» следующие обстоятельства:

Ричард III был горбатым сухоруким уродом.

Он буквально с колыбели был злобен, скрытен, двуличен и безмерно властолюбив

Как минимум с 1470 г. Ричард стремился к захвату короны, поэтому он собственноручно убил Генриха VI и подстроил казнь своего брата герцога Кларенса.

Вудвили и Гастингс были всего лишь невинными жертвами безмерного коварства Ричарда Глостера.

Едва придя к власти, Ричард III приказал убить собственных племянников.

Он совершил множество других неизвестных, но жестоких преступлений и убийств.

Впервые «История Ричарда III» с некоторыми купюрами была опубликована в 1543 г., т.е. почти через 60 лет после описанных в ней событий. Произведение Томаса Мора перепечатывалось в составе хроник Джона Хардинга, Эдуарда Холла, Джона Стоу, Рафаэля Холиншеда. В 1557 г. племянник Томаса Мора, известный гуманист Уильям Рэстел опубликовал англоязычные произведения своего великого дяди, в том числе «Историю Ричарда III»,

а в 1565 г. была издана латинская версия. Думается, именно с публикации произведения Томаса Мора начался «мифологический» этап восприятия Войн Роз.

Глава 11
ВНЕШНОСТЬ РИЧАРДА III, ИЛИ КАК СДЕЛАТЬ ИЗ ЧЕЛОВЕКА МОНСТРА

Обнаружение останков Ричарда III положило конец жарким дискуссиям о том, как выглядел последний монарх из династии Йорков. Теперь мы знаем, что Ричард вовсе не был отталкивающим горбуном. Как обычно, в основе чудовищной лжи лежало крохотное зерно истины. Спина Ричарда III действительно не была прямой, но сколиоз и горб — вещи совершенно разные. Лицо короля также не было уродливым. Исторического Ричарда III нельзя назвать писаным красавцем, но выглядел он вполне достойно. В этой главе мы попытаемся проследить, каким образом тюдоровской пропаганде удалось создать горбатого, кривобокого, сухорукого, хромого карлика из обычного в сущности человека.

В этом процессе существовала определенная динамика. С конца XV до середины XVII в. шел процесс «накапливания» физических недостатков, затем началось обратное превращение из монстра в человека.

Стоит отметить, что тема трансформации внешнего облика Ричарда III в XV—XVIII вв. изучена несколько односторонне. Обычно биографы восстанавливают внешний облик Ричарда Глостера и ограничиваются простым упоминанием об изменениях, внесенных в этот образ в тюдоровскую эпоху.

Для начала попробуем выяснить, что нам дают прижизненные изображения последнего монарха из династии Йорков; можно ли добавить что-то к данным, полученным на основании анализа останков Ричарда и пластической реконструкции. По иронии судьбы, в распоряжении историков имеются портреты и развер-

нутые словесные описания всех английских правителей XV в., за исключением Ричарда III. По-видимому, это положение вещей обусловлено ничтожно малым, по меркам Средневековья, сроком пребывания Ричарда III у власти. До государственного переворота 1483 г. Ричард Глостер не был, что называется, публичным политиком. Он мало появлялся при дворе, и большинство англичан попросту не знало о том, как он выглядит. Царствование Ричарда III продолжалось чуть больше двух лет, причем в Лондоне король провел не более трети этого срока.

Впрочем, единодушное молчание письменных источников о внешности Ричарда III само по себе достаточно красноречиво — оно свидетельствует о том, что Ричард Глостер ничем не выделялся из толпы. В XV столетии не было принято подробно описывать физический облик человека, если он не отклонялся от нормы. В частности, в переписке Пастонов, насчитывающей более 1500 писем, развернутое описание внешности встречается всего один раз и относится к гостю из Османской империи — человеку необычно маленького роста, очень смуглому и, на взгляд англичан, весьма экзотически одетому.

В этой связи логично, что единственный сколько-нибудь подробный словесный портрет Ричарда III оставил странствующий рыцарь из Силезии Николас фон Попплау, для которого Ричард Йорк был не «нашим добрым королем», а правителем далекой, чужой и не совсем понятной страны. Напомним, что Николас фон Попплау посетил Англию в 1484 г. Он писал: «Король Ричард… высокородный принц, на три пальца выше меня, но намного стройнее и гораздо уже в кости, а не такой коренастый как я; у него тонкие руки и ноги».

Иными словами, никаких дефектов во внешности Ричарда III Попплау не заметил. Вероятно, сколиоз монарха не так уж сильно бросался в глаза. О том же свидетельствует и молчание Филиппа де Коммина. При этом отсутствие упоминаний о физических недостатках Ричарда III в «Мемуарах» нельзя списать на нежелание Коммина распространяться о чьей бы то ни было

внешности. Филипп де Коммин отметил, что старший брат Ричарда король Эдуард IV в 1470 г. «был юн и прекрасен как никто другой в его время... а позднее он сильно растолстел», что король Кастилии был «некрасив» и т.п. Необходимо подчеркнуть, что у Коммина не было причин умалчивать о сколиозе Ричарда Глостера. Во-первых, герцог Глостер был последовательным сторонником возобновления Столетней войны, во Франции его воспринимали скорее как врага. Во-вторых, в «Мемуарах», законченных в 1514 г., т.е. уже в правление Генриха VIII Тюдора, трагическая судьба Ричарда III рассматривалась как наглядное воплощение принципа божественного воздаяния плохому правителю. Упоминание о кривой спине и задранном правом плече как нельзя лучше дополнило бы картину «божественного правосудия».

К сожалению, прижизненные изображения Ричарда III не дают возможности добавить что-то к словесным описаниям. Сохранилось несколько миниатюр в книгах и свитках XV в., однако запечатленные на них фигуры условны и практически лишены индивидуальных черт. В частности, на миниатюре, открывающей «Древние и новые хроники Англии» Жана де Варена, Ричард Глостер нарисован среди других придворных. Однако это изображение нельзя считать оригинальным, так как почти идентичные фигуры лордов иллюстратор «Древних и новых хроник» поместил и на миниатюру «Коронация Вильгельма Завоевателя».

Столь же схематично изображение, предваряющее сборник высказываний Аристотеля, изданный в 1477 г. Фигуры, позы и даже лица людей, окружавших Эдуарда IV, почти не отличаются друг от друга. Ричарда Глостера можно «узнать» лишь по горностаевой мантии, обозначавшей его принадлежность к царствующему дому. Схематичные изображения Ричарда III можно найти также в нескольких геральдических свитках.

Итак, прижизненных портретов Ричарда III не сохранилось. Однако в распоряжении историков имеются два изображения начала XVI в., которые, по-видимому, являются копиями с оригина-

лов, написанных во время правления Ричарда III, — это портреты, находящиеся в собрании Британского общества антикваров и в Королевской коллекции. Изначально[1] указанные изображения были довольно похожи — Ричарда III запечатлели по грудь; его лицо, плечи и руки выглядели вполне нормально. Тем не менее в данном случае отсутствие видимых физических недостатков не является основанием для однозначного суждения.

При анализе портретов конца XV в. необходимо учитывать два обстоятельства. Во-первых, оба портрета принадлежат кисти придворных художников, ведь чести запечатлеть образ короля удостаивались только приближенные к правителю живописцы. «Придворное» происхождение портрета из собрания Общества антикваров особенно очевидно. В той же коллекции имеется очень похожее изображение Эдуарда IV. Объединяющими моментами являются: одинаковый размер картины, почти идентичная техника, схожие позы и костюмы монархов. Наконец, анализ показал, что доски для портретов Эдуарда IV и Ричарда III были взяты из одного и того же дерева. Вероятно, указанные портреты были парными и создавались для того, чтобы подчеркнуть преемственность власти.

Во-вторых, изображать монархов «со всеми бородавками» в XV столетии было попросту не принято. Более того, официальные портреты в значительной степени оставались условными изображениями и далеко не всегда писались с натуры. Еще в конце XIV столетия в Нидерландах появился обычай тиражирования портретов коронованных особ и влиятельных сеньоров. Непосредственно с натуры выполнялся один, в крайнем случае, два портрета, с которых делалось произвольное число копий. Лицо на копиях оставалось неизменным, зато одежда, украшения и обрамление менялись, чтобы создать впечатление нового, оригинального полотна. Одним из самых распространенных приемов было создание копий, являвшихся зеркальным отображением

[1] Вскоре после написания оба портрета были «доработаны» с учетом распространившегося преставления об уродстве Ричарда III.

оригинала. Из этого логически следует, что изображением лица портрет XV в. и заканчивался. Все остальное, в том числе видимая часть фигуры, было лишено индивидуальных черт. Этот вывод подтверждается в том числе сравнением портретов Ричарда III и Эдуарда IV из Королевской коллекции. Декоративные медальоны в верхних углах изображений, позы монархов, их руки и силуэт плеч [1] почти идентичны. Однако известно, что братья имели разное телосложение — Ричард III был невысок и узок в кости, Эдуарда IV современники описывали как человека высокого, широкоплечего и к тому же не отличавшегося излишней худобой. Очевидно, что, при всей условности королевских портретов, руки и плечи этих монархов не могли выглядеть одинаково, если только они не воспринимались как часть живописного фона.

Таким образом, копии прижизненных портретов Ричарда III позволяют судить только о его лице — оно было приятным, но довольно обычным. Что касается возможных дефектов телосложения, то искать их на все еще условных портретах XV в. так же бессмысленно, как на миниатюрах геральдических свитков.

Первое описание Ричарда III, в котором содержится упоминание о его физических недостатках, относится к 1490 г. В труде священника и антиквара Джона Руза «История Английского королевства» говорится, что Ричард был человеком «хрупкого телосложения, с квадратным лицом и неравными плечами — правое выше левого». Руз видел Ричарда III как минимум однажды. В июле 1483 г. он вручил королю и его супруге Анне Невиль богато иллюстрированный список собственноручно составленной истории семьи Невилей (так называемый Йоркистский свиток), в котором родословное древо этой фамилии возводилось к мифическому Энею.

Существуют и другие подтверждения того, что у Ричарда Глостера были заметные проблемы с «плечевым поясом». Упоминание об этом можно найти в архивах города Йорка. В 1491 г. в пылу пьяной ссоры сторонников и противников графа Нортумберленда

[1] Речь идет, разумеется, о первоначальной версии портрета Ричарда III.

некий Джон Пейнтур якобы крикнул, что «Ричард III был лицемер и горбун, которого закопали в канаве как собаку». Эти слова попали на страницы официальных документов только потому, что стали последним «не силовым» аргументом в споре. Стоит отметить, что чиновник, вынужденный разбирать упомянутую пьяную драку, счел своим долгом отметить, что Джон Пейнтур солгал — король Ричард был достойно похоронен. Слова о горбе были оставлены без внимания. Очевидно, все части «речи» Джона Пейнтура содержали одинаковую степень преувеличения — после завершения битвы при Босворте тело Ричарда III действительно подверглось многочисленным издевательствам, но все же было захоронено; король страдал сколиозом, но определенно не был горбуном.

Итак, словесные описания и немногочисленные прижизненные изображения Ричарда III позволяют более-менее точно установить, насколько его сколиоз был заметен со стороны. Анализ останков короля показывает, что у него было сильное искривление позвоночника. Однако это не является определяющим фактором. Консультации с медиками и людьми, страдающими сколиозом, дают возможность утверждать — существует как минимум два способа, позволяющие сделать это заболевание менее заметным. Первый — это удачная одежда. Она, вне всякого сомнения, была доступна Ричарду, ведь любой портной посчитал бы за честь сшить камзол для герцога Глостера, и тем более для короля. Второй способ состоит в том, чтобы приподнимать плечо, которое из-за сколиоза оказывается ниже. Это неудобно, но со временем входит в привычку и, что гораздо важнее, дает возможность в значительной степени скрыть дефект телосложения. Мы уже выяснили — те, кто не знал Ричарда близко и не испытывал к нему неприязни, вообще не замечали, что у него проблемы со здоровьем. Вполне вероятно, что герцог использовал все средства, чтобы выглядеть как можно лучше. Только так можно объяснить кажущееся противоречие между данными археологии и других источников.

По-видимому, работа по «превращению» Ричарда III в монстра началась сразу же после его смерти. Разумеется, искажение внешнего облика последнего из Йорков было не целью тюдоровской пропаганды, а средством, позволявшим сделать образ Ричарда-тирана более объемным и достоверным. Напомним, что в те времена внешность человека воспринималась как зримое отражение его души, и любой недостаток считался неопровержимым доказательством некоей внутренней ущербности.

Около 1516 г. был написан портрет Ричарда III, находящийся в собрании Общества антикваров. Как уже отмечалось выше, это была копия с прижизненного оригинала. Проведенная в 2007 г. реставрация портрета показала, что вскоре после написания копия 1516 г. была изменена, вероятнее всего, по желанию заказчика, стремившегося сделать изображение более «достоверным»: линию рта и глаза заузили, чтобы придать лицу более твердое и решительное выражение. Показательно, что изменения были довольно незначительными и коснулись только лица. Судя по портрету 1516 г., политическая репутация Ричарда III уже была порядком подмочена, считалось, что «правильное» изображение этого монарха должно хотя бы намекать на его преступления. В то же время в картине нет и намека на существование горба или заметную разницу в высоте плеч. Очевидно, в первой четверти XVI в. эта часть тюдоровской легенды еще не пользовалась всеобщим доверием.

Новый шаг в демонизации внешнего облика Ричарда III был сделан во втором десятилетии XVI в., после того как в Англию по делам Римского папы прибыл известный итальянский гуманист Полидор Вергилий. Король Генрих VII предложил ему весьма хлебную должность придворного историка с тем, чтобы получить историю Англии, прославляющую правление новой династии. «Английская история» Вергилия в черновиках была завершена к 1513 г. Историографы отмечают, что Вергилий пользовался самым широким кругом источников и в целом стремился к достоверному отображению событий. Однако

в описании Войн Роз он был вынужден следовать воле своего венценосного заказчика.

Описывая внешность Ричарда III, Полидор Вергилий сообщает, что тот был «мал ростом, его тело было деформировано, одно плечо выше другого, с квадратным и грубым лицом, которое выдавало его злобу и ясно говорило о хитрости и лживости». Если сравнить это описание с присутствующем в тексте «Истории Английского королевства» Джона Руза, отличия окажутся минимальными — к уже имеющимся чертам Полидор Вергилий добавил только неопределенное словосочетание «corpore deformi» (деформированное, уродливое тело). Возможно, это был намек на слухи о горбе Ричарда III, которым обстоятельный итальянец не смог найти подтверждения.

Однако, как придворный историк Генриха VII, Полидор Вергилий был просто обязан придумать что-то новое. Его «изобретением» стала высохшая рука Ричарда III. Упоминание об этом недостатке появляется в тексте Полидора Вергилия лишь однажды — при описании заседания Королевского совета в Тауэре 13 июня 1483 г., на котором Ричард Глостер расправился со своими политическими противниками. Герцог Глостер якобы заявил, что уже несколько дней ему нет покоя ни днем, ни ночью, а его тело ослабло из-за чародейства королевы Елизаветы, и в доказательство продемонстрировал высохшую руку. Скорее всего, Полидор Вергилий попросту пересказал одну из сплетен, ходивших об этом зловещем событии. В данном случае важно другое — из текста «Английской истории» не следует, что рука герцога Глостера всегда находилась в столь плачевном состоянии, эта информация упоминается как бы вскользь и не влияет на дальнейшее изложение событий. Описание военных подвигов Ричарда III в битве при Босворте заставляет предположить, что по крайней мере в этот момент король не испытывал проблем со здоровьем.

Трудом Полидора Вергилия широко пользовался автор самого известного произведения о Ричарде III, созданного в XVI в., —

Томас Мор. К уже имеющимся физическим недостаткам Ричарда Глостера Мор прибавил пару новых черт. Он писал, что Ричард III был «мал ростом, дурно сложен, с горбом на спине, левое плечо намного выше правого, неприятный лицом — весь таков, что иные вельможи обзывали его хищником, а прочие и того хуже. Он был злобен, гневлив, завистлив с самого своего рождения и даже раньше. Сообщают как заведомую истину, что герцогиня, его мать, так мучилась им в родах, что не смогла разрешиться без помощи ножа, и он вышел на свет ногами вперед (тогда как обычно бывает наоборот), и даже будто бы с зубами во рту... левая рука ... совершенно высохшая и маленькая».

Таким образом, к неравным плечам и деформированности тела прибавляются горб и сухая левая рука. Горб, по-видимому, был перенесен в «Историю Ричарда III» из тюдоровской пропаганды. Высохшая рука является логическим развитием соответствующего эпизода «Английской истории» Полидора Вергилия. Томас Мор, как и Вергилий, упоминает об этом уродстве только в связи с заседанием Королевского совета 13 июня 1483 г. Он всего лишь доводит мысль своего предшественника до логического конца. «История Ричарда III» рассказывает, что герцог Глостер в доказательство колдовства «показал свою левую руку, совершенно высохшую и маленькую, но лишь потому, что она всегда такой и была». Принимая во внимание всем известные военные заслуги Ричарда Глостера, Мор счел необходимым конкретизировать — поражена была именно левая рука, что теоретически не исключало возможность участвовать в сражениях. Данный пример наглядно демонстрирует механизм создания тюдоровской легенды о «злом короле Ричарде» — почти случайное, основанное на слухах упоминание превращается в несомненный факт, который воспроизводят все историки XVI — первой половины XVII в.

Еще один момент, на который стоит обратить внимание при анализе нравоучительной драмы Томаса Мора — это путаница с высотой плеч Ричарда III. Как было отмечено выше, Руз

утверждал, что правое плечо Ричарда было выше левого; Полидор Вергилий, не вдаваясь в детали, замечает, что одно плечо короля было выше другого; Мор как бы «переворачивает» картинку и утверждает, что левое плечо Ричарда было выше правого. Объяснение этого несоответствия, на наш взгляд, следует искать в живописи. Томас Мор не имел возможности присмотреться к внешности Ричарда III, но он вполне мог видеть один из его «зеркальных» портретов.

Подводя промежуточные итоги, можно констатировать: фиксация физических недостатков Ричарда в исторических произведениях явилась следствием стремления Тюдоров опорочить память последнего короля из династии Йорков. Постепенное увеличение числа уродств логически вытекало из природы этого процесса — чем длиннее становился список преступлений Ричарда III, чем больше ужасных подробностей делалось достоянием публики, тем явственнее проступало дьявольское клеймо на внешности этого монарха.

Наилучшим доказательством распространения веры в тюдоровскую легенду служит «проникновение» физических недостатков Ричарда III в сферу изобразительного искусства. Начиная со второй четверти XVI в. портреты короля все более сближаются с его словесными описаниями; представление о том, что Ричард III был горбатым тираном, становится общепринятым.

Любопытным примером «доработки» визуального образа Ричарда III в соответствии с требованиями времени является история портрета, находящегося в Королевской коллекции. Этот портрет был создан не позднее 1529 г., т.е. уже после завершения трудов Вергилия и Томаса Мора. Изначально плечи короля были нарисованы равными, а его лицо почти не отличалось от изображенного на портрете из собрания Общества антикваров. Проведенные исследования позволили установить, что сразу же после написания полотно было существенно изменено. По-видимому, заказчик желал получить потрет, более соответствующий «исторической правде». В результате правое плечо Ричарда III было

завышено настолько сильно, что создалось впечатление не просто неравных плеч, а скрывающегося за ними горба. Лицо также подверглось корректировке: глаза и губы были заметно сужены, а нос, наоборот, расширен.

В середине — второй половине XVI в. с портрета из Королевской коллекции было сделано более 20 копий, сравнительный анализ которых демонстрирует заметное влияние историографии на восприятие внешности Ричарда III. Чем позже написана копия, тем больше она отличается от оригинала. Можно констатировать, что с течением времени горб Ричарда III постепенно увеличивался, а тонко очерченное привлекательное лицо превращалось в грубое и уродливое. Динамика этих изменений имеет первостепенное значение. Так, портрет, который историки искусства относят к 1560-м гг., мало отличается от полотна из Королевской коллекции, а для изображений, созданных в конце XVI в., характерны огромный горб и квадратное, почти простонародное лицо. Постепенность, плавность трансформации внешнего облика Ричарда III позволяет утверждать — тюдоровская легенда воспринималась обществом «медленно, но верно». В то же время в этом процессе не было скачков, ни публикация «Истории Ричарда III» в середине XVI в., ни выход в свет других произведений не привели к «прорыву».

Необходимо подчеркнуть, что, вопреки устоявшемуся мнению, живописцы далеко не во всем следовали за историками. Художники внесли свой вклад в трансформацию внешнего облика Ричарда III. Исторический Ричард погиб в возрасте 32 лет, и ни один историк не пытался сделать его старше. Живописцы же постепенно увеличивали видимый возраст короля, чтобы подчеркнуть его порочность, отобразить то, что можно поэтически назвать «старением души». Думается, свою роль сыграло и удлинение списка преступлений Ричарда III — чтобы все эти действия уместились в биографию одного человека, он должен был прожить гораздо дольше. В результате на портретах конца XVI в. Ричард выглядит примерно лет на сорок пять.

Многочисленные копии портрета из Королевской коллекции демонстрируют и еще одну любопытную тенденцию. Все они изображают Ричарда III с одинаковыми, здоровыми руками. Видимо, образ не прижился из-за очевидного несоответствия с военной славой Ричарда — горбун вполне может сражаться, а вот сухорукий рыцарь — это нонсенс. Единственным исключением является малоизвестный портрет Ричарда III с условным названием «Сломанный меч», созданный около 1550 г. Название портрета объясняется тем, что на нем Ричард действительно держит сломанный меч, символизирующий поражение в битве. По-видимому, портрет создавался непосредственно под влиянием произведения Томаса Мора. На нем левое плечо Ричарда III намного выше правого, и за ним угадывается горб; лицо короля кажется злым и отталкивающим; наконец, левая рука была нарисована гораздо короче и меньше, чем правая.

Как известно, формирование мифологического образа Ричарда III было завершено в «Исторических хрониках» Шекспира. Принято считать, что Шекспир не добавил от себя ничего нового, что он всего лишь воспроизвел как заведомую истину все штампы и слухи того времени, придав им драматическое напряжение и художественную завершенность. В отношении внешности Ричарда III это не совсем так. Шекспир не просто собрал воедино соответствующие наработки тюдоровской историографии, но и развил их, добавив новые черты. Наиболее наглядно это положение можно продемонстрировать, сравнив описание внешности Ричарда в нравоучительной драме Томаса Мора и в «Исторических хрониках».

Итак, если у Мора Ричард III «мал ростом, дурно сложен, с горбом на спине, левое плечо намного выше правого… левая рука… совершенно высохшая и маленькая», то в «Исторических хрониках» Шекспира драматизация дает принципиально иную степень уродства — перед нами уже не просто некрасивый и несимпатичный человек, а гротескный, потусторонний монстр, проклятый еще до рождения:

Я в чреве матери любовью проклят.
Чтоб мне не знать её законов нежных,
Она природу подкупила взяткой,
И та свела, как прут сухой, мне руку
И на спину мне взгромоздила гору,
Где надо мной, глумясь, сидит уродство,
И ноги сделала длины неравной.

Томас Мор передает слухи о том, что Ричард будто бы был рожден с зубами во рту. Шекспир усугубляет картину; по его мнению, новорожденный вообще не походил на человеческое дитя, это был какой-то «бесформенный, уродливый комок». Еще одной чертой, которую Шекспир прибавил к облику Ричарда III, была хромота и изломанность, искаженность всех частей тела:

Не создан я для игр и спорта,
Ни для любовного гляденья в зеркала;
Я слеплен грубо...
Искореженный, незавершенный...
До времени я послан в мир живых,
Составлен меньше, чем наполовину;
Такой хромой, увечный и нескладный,
Что лают псы, когда я прохожу.

В первой главе мы уже отмечали, что уродство шекспировского Ричарда III — это не просто совокупность физических недостатков, он выглядит настолько чудовищно, что внешность как бы отделяет его от других людей:

Раз небо мне дало такое тело,
Пусть ад и дух мой также искривит...
Нет братьев у меня — несхож я с ними.
И пусть любовь... живет в сердцах людей
Похожих друг на друга, — не во мне.
Один я.

Таким, образом, Шекспир радикально меняет смысловые акценты. В тюдоровской историографии уродство Ричарда III было всего лишь средством, которое делало его преступления более правдоподобными. В «Исторических хрониках» физическая ущербность Ричарда становится первопричиной его поступков. Именно невозможность жить, подобно другим людям, подталкивает Ричарда к исступленной жестокости и борьбе за корону. Собственно, только в драмах Шекспира «мифологический» Ричард обретает подлинную жизнь — это уже не ходульная фигура политических памфлетов, а кажущийся реальным персонаж с колоссальным отрицательным обаянием.

Анализ «Исторических хроник» Шекспира позволяет говорить о заметном влиянии изобразительного искусства на восприятие образа Ричарда III. Как было отмечено выше, живописцы со второй четверти XVI столетия постепенно завышали видимый возраст Ричарда Глостера. В «Исторических хрониках» эта тенденция получила дальнейшее развитие. Несмотря на то что в произведениях Шекспира даты практически отсутствуют, путем логического сопоставления можно установить примерный возраст шекспировского короля-злодея. В трагедии «Генрих VI» Ричард Глостер впервые появляется на поле при Блекхите, где в 1452 г. войска короля и Ричарда Йорка так и не вступили в сражение с армией короля. Исторический Ричард родился только через несколько месяцев после этих событий, сценический персонаж ведет себя как взрослый — он участвует в словесных перепалках и буквально рвется в бой. Таким образом, шекспировский герой должен быть старше своего прототипа самое малое лет на пятнадцать. Иными словами, возраст Ричарда Глостера из «Исторических хроник» примерно совпадает с видимым возрастом Ричарда III на портретах времен Шекспира.

Разумеется, в данном случае речь не идет о прямой зависимости. Делая Ричарда III участником всех событий Войн Роз, Шекспир руководствовался иными соображениями. По-видимому, в сознании англичан Ричард III уже превратился в некое олице-

творение смут и беспорядков второй половины XV в. Однако это превращение, скорее всего, произошло не без влияния живописцев. «Старение» портретов Ричарда III стало результатом переработки его образа «в умах народных» и одновременно зафиксировало, легализовало этот процесс. Каждый, кто видел портреты короля Ричарда или сделанные с них гравюры, мог сказать себе что-то вроде следующего: «Конечно же, этот человек сражался при Сент-Олбансе[1], ведь он захватил трон, когда ему было уже за сорок». Еще раз подчеркнем, в историографии возраст Ричарда III оставался неизменным, «старение» произошло только в сфере искусства.

Созданный Шекспиром великий злодей, в свою очередь, подтолкнул художников к дальнейшей работе над образом «горбуна Ричарда». Весьма любопытный материал предоставляет коллекция гравюр из фондов Национальной портретной галереи в Лондоне. Изображения первой половины XVII в. продолжают ранее наметившуюся тенденцию «старения» Ричарда III. Так, на гравюре Джодокуса Хондиуса видимый возраст Ричарда III составляет уже около 50 лет.

Гравюры Реджиналда Элстрека и Уильяма Фейторна заслуживают отдельного рассмотрения. Прежде всего, обе они изображают последнего из Йорков со сломанным скипетром. Это обстоятельство показывает, что к середине XVII в. образ «злодея и тирана Ричарда» стал настолько общепринятым и само собой разумеющимся, что художники сочли возможным символически вычеркнуть его из перечня законных королей Англии.

Кроме того, на указанных гравюрах присутствуют почти все физические недостатки, которые можно отобразить в поясном портрете: большой, хорошо заметный горб, неравные плечи и отталкивающее лицо. Реджиналд Элстрек изобразил Ричарда III еще и сухоруким.

Наконец, Реджиналд Элстрек и Уильям Фейртон доводят тенденцию к увеличению видимого возраста Ричарда III до логи-

[1] Битва при Сент-Олбансе (1455 г.) — первая битва Войн Роз.

ческого завершения — последний из Йорков кажется глубоким стариком с отвисшими щеками, запавшим ртом и изборожденным морщинами лицом. Особенно интересна в этом отношении гравюра Уильяма Фейторна, представляющая собой парное изображение Генриха VII Тюдора и Ричарда III. Генрих VII, скончавшийся в возрасте 52 лет, запечатлен молодым и полным сил мужчиной лет 30—35; Ричард III, погибший в 32 года, выглядит изнуренным дряхлым старцем, особенно по контрасту с улыбающимся основателем династии Тюдоров.

Можно утверждать, что к середине XVII столетия демонизация внешнего облика Ричарда III была завершена и в историографии, и в драматургии, и в изобразительном искусстве. Однако само существование столь чудовищного образа стало толчком к началу демифологизации. В 1619 г. была напечатана книга английского антиквара Джорджа Бака — первое исследование, в котором делалась попытка пересмотреть устоявшееся представление о Ричарде III. В том числе, Бак доказывал, что король Ричард вовсе не был уродом. Любопытно, что по признанию самого Бака, первопричиной его исследований послужило убеждение, что созданный Шекспиром монстр слишком ужасен для того, чтобы существовать в действительности.

Стоит отметить, что исследование Д. Бака не получило широкого признания. Одной из причин этого была политическая ситуация. Династия Стюартов возводила свою родословную к Генриху VII, соответственно, попытки пересмотреть роль Ричарда III неизбежно воспринимались как посягательство на авторитет короля. Вопрос потерял политическую актуальность только после «Славной революции».

Анализ изобразительных источников показывает, что заметный перелом в восприятии внешности Ричарда Йорка наступил в начале XVIII в. С этого времени художники, изображавшие Ричарда III, в основном более или менее свободно копировали портрет из Королевской коллекции. То есть единственным физическим недостатком, присутствовавшим на изображениях

Ричарда III первой половины XVIII в., оставался горб, который постепенно становился все меньше. На гравюрах середины XVIII в. уже трудно понять, хотел ли художник изобразить горб, или просто неравенство плеч. По-видимому, к середине XVIII в. полностью ушло представление о том, что король Ричард был сухоруким. В этот период уже упоминавшийся портрет «Сломанный меч» был подвергнут переделке — левая рука Ричарда III была написана заново и увеличена до нормальных размеров.

В данном случае изображения Ричарда III очень четко иллюстрируют историографическую ситуацию. В первой половине XVIII в. возник интерес к собиранию и изучению средневековых источников, в том числе документов и хроник времен Войн Роз. К середине столетия материала оказалось достаточно для аргументированного пересмотра оценки правления Ричарда III — вышло несколько апологетических работ. С мнением защитников Ричарда согласились далеко не все, но было одно положение, которое им удалось блестяще доказать — Ричард III не обладал никакими существенными физическими недостатками. С конца XVIII столетия изображения Ричарда III базировались исключительно на копиях прижизненных портретов, они показывают здорового, привлекательного мужчину.

Указанная тенденция достигла логического завершения в XIX в. Картины и гравюры конца XVIII — XIX столетий, изображающие Ричарда III, можно разделить на две группы. К первой относятся гравюры, копирующие современные изображения Ричарда из Солсберийского свитка, родословной Невилей и др. Ко второй группе можно причислить гравюры и картины, при создании которых художники опирались исключительно на собственное представление о Ричарде III. Все они изображают мужчину без каких бы то ни было физических недостатков, в большинстве случаев Ричард III запечатлен в доспехах в гуще сражения. Такого рода гравюры обычно создавались как иллюстрации к историческим книгам. Существование значительного числа изображений, вовсе не учитывающих портреты XVI—

XVIII вв., возможно, свидетельствует о существовании «обратной тенденции» в восприятии тюдоровского мифа — визуальный образ мифологического Ричарда III представлялся настолько далеким от реальности, что художники предпочитали или обращаться к прижизненным изображениям, или изобретать своего собственного Ричарда Глостера. В настоящее время «горбатый король Ричард» продолжает существовать только в сфере искусства — на театральных подмостках и на страницах классических исторических романов.

Подведем итоги. Исторический Ричард III отличался от людей с нормальным телосложением лишь незначительным неравенством плеч. Миф о его уродстве был создан сознательно и являлся одним из краеугольных камней тюдоровской концепции завершения Войн Роз. Чтобы выглядеть в глазах современников и потомков спасителями Англии, первым Тюдорам необходимо было сделать Ричарда III тираном, убийцей и т.п., а лучшим доказательством порочности Ричарда III, его преступлений должна была стать его якобы отталкивающая внешность — зеркало искореженной души. Недолгое царствование Ричарда облегчало эту задачу.

Работа по превращению Ричарда III в монстра началась сразу же после его смерти. Основой для деятельности пропагандистов стало то, что правое плечо Ричарда III было выше левого. Уже спустя несколько лет после битвы при Босворте появились первые работы, отмечающие ненормальность рождения Ричарда III, начали ходить упорные слухи о том, что последний монарх из династии Йорков был горбуном. К концу 1510-х гг. список предполагаемых уродств Ричарда III серьезно расширился; прибавились неправильное телосложение и сухая левая рука. В изобразительном искусстве трансформация визуального образа Ричарда III была постепенной, идеям пропагандистов и историков требовалось время для того, чтобы быть воспринятыми живописцами и их заказчиками. Шекспир придал легенде о «горбатом короле Ричарде» драматическую завершенность,

в «Исторических хрониках» Ричард Глостер превратился в некоего потустороннего монстра с огромным горбом, чудовищно деформированной левой рукой, кривыми ногами неравной длины и отталкивающим лицом. Завершающим штрихом стала «дьявольская» хромота Ричарда III.

В начале XVII в. этот жуткий образ стал общепринятым, но тогда же началось и обратное движение, появились первые исследования, оспаривающие пороки и уродство Ричарда III. Обратное превращение из монстра в человека происходило постепенно на протяжении XVIII столетия. К началу XIX в. отсутствие у Ричарда III заметных физических недостатков стало историографической нормой.

В процессе трансформации внешности Ричарда III ведущая роль, бесспорно, принадлежала не изобразительному искусству, а историографии и драматургии. Тем не менее можно констатировать, что имело место и взаимовлияние — в частности, именно распространением т.н. зеркальных портретов можно объяснить путаницу с тем, было ли левое плечо Ричарда выше правого или наоборот. Кроме того, живописцы далеко не во всем следовали за историографами. Художники крайне неохотно рисовали Ричарда III сухоруким, сколько-нибудь распространенными такие изображения были только в первой половине XVII в. Наконец, на протяжении XVI — первой половины XVII в. в изобразительном искусстве наблюдалась уникальная, не характерная для историографии, тенденция к увеличению видимого возраста Ричарда III. «Старение» Ричарда Глостера было вызвано в первую очередь тем, что он превращался в своеобразный символ Войн Роз. Начав изображать Ричарда Глостера человеком, разменявшим пятый десяток, художники как бы закрепили это положение вещей и дали свободу фантазии драматургов. Не случайно шекспировский Ричард активно участвует во всех сражениях и интригах Войн Роз.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что разрушение тюдоровского мифа о Ричарде III началось именно с изменения

представления о его внешности. Эта часть образа «мифологического» Ричарда оказалась наиболее уязвимой в силу очевидного противоречия с данными исторических источников. «Открытие» подлинного внешнего облика этого монарха в XVIII столетии не просто стало первым шагом на пути к демифологизации его правления, оно подтолкнуло и значительно ускорило указанный процесс.

Глава 12
РИЧАРД III В РОССИИ. ВСЕ ЕЩЕ ШЕКСПИРОВСКИЙ КОРОЛЬ?

Первые знания о Ричарде III пришли в Россию только в середине XVIII столетия. В 1759 г., т.е. всего через три года после открытия первого русского театра, актеры Волков и Дмитриевский самостоятельно перевели и поставили трагедию «Ричард III». Кстати, это была еще и первая постановка Шекспира в России. Мотивы, по которым Волков и Дмитриевский остановили свой выбор на этом произведении, почти очевидны — пьеса не слишком сложна для восприятия, в ней есть несколько весьма выигрышных ролей. К тому же спектакль был политическим реверансом в сторону императрицы Елизаветы. Шекспир создал настолько выразительный, сочный образ властолюбца, кровосмесителя и убийцы, что на его фоне любой монарх выглядел просто шикарно.

В течение XVIII столетия в России Ричард III оставался исключительно театральным персонажем. Активно ставили не только Шекспира, но и его переработки. Так, в 1779 г. в Петербурге прошла премьера «Ричарда III» немецкого драматурга Христиана Вейсе, а в 1780-х гг. шекспировская трагедия и пьеса Вейсе были переведены на русский язык. Для нас важно подчеркнуть — до начала XIX в. об историческом Ричарде III русскоязычная аудитория фактически ничего не знала. Этого короля представляли таким, каким его изобразил Шекспир.

Первая книга, в которой об историческом Ричарде III рассказывалось хоть сколько-нибудь развернуто, появилась в России только в 1802 г. Это был перевод французской брошюры с велеречивым названием «Свойства всех английских королей и королевен... взятые из сочинений Бюрнета, Кларендона, Ралина Смолетта, Гума, Макаулена и других славных историков, смешанные с Историческими анекдотами». По сути «Свойства» являлись довольно неряшливой компиляцией, неудивительно, что Ричард III описывается в них крайне противоречиво. Авторы отмечают, что последний из Йорков был горбатым и сухоруким, пришел к власти «мерзопакостнейшими ингригами», отличался «ненасытной скупостью... бесчеловечностью и вероломством». А всего несколькими строками ниже мы читаем, что «это был бы наилучший государь, если бы мог увериться в короне до такой степени, чтобы ему избавиться от страха бунтов... Октавиан Август подает нам пример такого исправления». Выпущенные малым тиражом, «Свойства» не могли сколько-нибудь заметно повлиять на восприятие Ричарда III. В информационном пространстве отечественной историографии они остались в качестве некоего курьеза.

В XIX — начале XX в. русскоязычная аудитория могла почерпнуть информацию о Ричарде III исключительно из обобщающих работ. На страницах учебников, энциклопедических словарей и общих исследований по истории Англии Ричард III выглядел крайне неприглядно. Ему по-прежнему приписывали «уродливое телосложение» шекспировского злодея, обвиняли в насильственном захвате регентства, узурпации престола, многочисленных казнях, убийстве принцев, в отравлении жены и намерении вступить в кровосмесительный брак с родной племянницей.

Еще раз подчеркнем — самостоятельным изучением Англии XV в. никто из русских историков не занимался. Все они основывались на трудах британских исследователей. Между тем, как раз во второй половине XIX — начале XX столетия в Англии появился целый ряд статей и монографий, полностью обелявших

Ричарда III. Не заметить этих изменений было попросту невозможно — на Британских островах шли настоящие историографические баталии. Например, дискуссия между главным «ричардианцем» М. Клементсом и его оппонентом Дж. Гарднером была настолько жаркой, что даже переросла в личную ссору.

Иными словами, русские исследователи имели возможность выбирать между работами, в которых Ричард III объявлялся красавцем, благороднейшим человеком и прекрасным королем, и более традиционной точкой зрения. Они также могли «без гнева и пристрастия» пересказать аргументы обеих сторон. На деле воспроизводилась только позиция «антиричардианцев». Более того, по количеству негативных эпитетов работы наших соотечественников превосходили большинство английских аналогов. Ричарда III называли «чернейшим из всех тиранов», писали, что он совершил «многие ужасные злодеяния и вероломства», «умертвил всех, кто стоял на его пути к трону». Авторы почти в один голос утверждали — действия Ричарда III «восстановили против него всех англичан», а воцарение дома Тюдоров было воспринято с восторгом, как счастливое избавление. Этой династии удалось прекратить гражданскую войну и повести англичан к спокойствию и процветанию. В учебнике под редакцией К.А. Иванова параграф, рассказывающий о событиях Войн Роз, имеет в высшей степени показательное название: «Начало дома Тюдоров в Англии».

Прежде чем выяснять причины столь удивительного совпадения взглядов, обратимся к позиции единственного историка, чей голос выбивался из общего хора — Тимофея Николаевича Грановского. В «Лекциях по истории Средневековья», прочитанных в 1846—1850 гг., Грановский отмечал: «Все новейшие исследования и источники приводят к следующему заключению: Ричард III был даровитейший и гениальнейший человек тогдашней Европы». Он был храбр, мудр, милостив и обаятелен. По мнению Т.Н. Грановского, Ричард вовсе не являлся кровавым тираном, напротив, этот король пользовался любовью простого

народа, а к казням приговаривал куда реже, чем другие государи того времени.

Ответ на вопрос, почему Грановский оценивал Ричарда III иначе, чем его коллеги, можно найти, выяснив особенности взглядов этого историка на эпоху Войн Роз. Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что в отличие от огромного большинства русских медиевистов, Т.Н. Грановский не испытывал ни малейшего пиетета перед династией Тюдоров. Он полагал, что Генрих VII «не совсем справедливо называл себя преемником ланкастерской династии... права его на престол были очень неясны». По мнению Грановского, своим воцарением Генрих был обязан простой случайности. «Что же касается злодеяний Ричарда III, то Генрих VII далеко превосходил его в этом отношении». Если смотреть на ситуацию шире, Т.Н. Грановский вообще не был государственником. Опять же в отличие от коллег, усиление королевской власти в конце XV—XVI в. не рассматривалось им как абсолютное благо.

Еще одно немаловажное отличие состоит в том, что при всей фундированности «Лекций» их главной целью была популяризация истории Европы. Именно это обстоятельство объединяет Т.Н. Грановского с британскими защитниками Ричарда III. Нельзя не заметить, что с легендой о горбуне и тиране боролись не маститые историки, а энтузиасты, иногда даже не имевшие исторического образования. Широта взглядов, способность не ограничиваться только официально одобренными Оксфордом и Кембриджем концепциями позволили Т.Н. Грановскому сослаться, например, на «Жизнь Ричарда III» Каролины Хелстед. Миссис Хелстед была женой викария; ей удалось найти и издать ряд новых источников, освещающих правление Ричарда III, однако по стилистике ее книга не вполне соответствовала строгим критериям научности.

Теперь вернемся к мнению большинства русских историков. По-видимому, здесь действовал целый ряд факторов. Одной из главных причин негативного отношения к Ричарду III были соображения не научные, а политические. Тюдоры, сумевшие укре-

пить королевскую власть, в России едва ли не автоматически воспринимались как «положительные персонажи», соответственно, их противники зачислялись в разряд отрицательных. Не стоит забывать и о том, что на официальном уровне в Британской империи существовал подлинный культ Тюдоров.

Еще одной причиной, по которой русские исследователи выбирали «антиричардианскую» точку зрения, был неравный научный вес участников дискуссии. «Противники» Ричарда III были титулованными историками, а его защитники далеко не всегда могли похвастаться академическими званиями.

Имело значение и эмоциональное отношение к источникам. Миф о Ричарде III создавался усилиями выдающихся английских гуманистов (самый яркий пример — это конечно же «История Ричарда III» Томаса Мора) и не менее выдающихся драматургов. Естественное почтение к их авторитетам не позволяло сколько-нибудь критически воспринимать «Историю Ричарда III» или произведения Шекспира.

Наконец, не последнюю роль играла инерция восприятия. Ричарда III было очень удобно описывать как «идеального тирана». Этот художественный образ успешно эксплуатировался и в морализаторских, и в политических целях. Шекспировский король был привычен, понятен и психологически комфортен. Неудивительно, что в русской историографии Ричард III превратился в символ «мрачного Средневековья».

В советскую эпоху картина не могла существенно измениться. Жесткие идеологические рамки делали попросту невозможным смягчение устоявшихся негативных характеристик любого монарха. Король всегда должен был рассматриваться как представитель «реакционных социальных сил». Переоценка личности и правления Ричарда III не могла произойти еще и потому, что до второй половины 1950-х гг. никто из советских историков не занимался изучением Англии XV в., а работы западных исследователей были практически недоступны.

Неудивительно, что в учебниках 20—50-х годов мы находим простое воспроизведение суждений XIX — начала XX в. Пере-

чень «преступлений» Ричарда III оставался все тем же, менялось лишь словесное обрамление. Именно в этом последнем отношении работы 1920—1950-х гг. представляют определенный интерес. Критикуя Ричарда III, советские исследователи иногда делали любопытные риторические находки. Так, в предисловии к полному собранию сочинений Шекспира 1957 г. Ричард назван «соединением кровавого феодала и блестящего хищника-авантюриста эпохи первоначального накопления». Еще раз подчеркнем — по сути Ричарда III продолжали воспринимать как воплощение мрачной эпохи Войн Роз, но сами войны трактовались уже несколько иначе — как «последний взрыв феодальной анархии перед установлением абсолютизма».

Напомним, что к середине XX столетия на Британских островах Ричард III был практически полностью реабилитирован. Исследования П.М. Кендалла и других историков окончательно развенчали тюдоровский миф о короле-тиране. В конце 1950-х гг., вероятнее всего под влиянием Оттепели, в советской историографии появились первые работы, посвященные Войнам Роз. Теоретически начало углубленного исследования истории Англии XV в. должно было привести если не к переосмыслению правления Ричарда III, то хотя бы к существенному смягчению оценок. Однако никакого благотворного перелома не произошло.

В кандидатской диссертации С.А. Сливко «Социальная борьба в Англии в конце XV в. и формирование английского абсолютизма» воспроизводилась концепция британских ученых рубежа XIX—XX вв. Е.В. Кузнецов пошел еще дальше. В своей монографии «Общественно-политическая борьба в Англии второй половины XV в.» он писал: «Историки Нового времени... немало потрудились, чтобы снять с исторического портрета Ричарда III ту густую черную краску, какой покрыли его современники. Но их усилия оказались бессильны перед логикой фактов». К давно устоявшимся обвинениям (горб, высохшая левая рука, политические убийства, «кровавый переворот» и т.д.) Кузнецов сумел добавить два новых пункта — «нарушение нормального

функционирования государственного аппарата» и «установление военного режима».

Столь радикальное отличие воззрений советских ученых от концепции британских коллег имеет несколько объяснений. Прежде всего, советской исторической науки никак не коснулись изменения в оценке достоверности источников. Авторитет Томаса Мора, Полидора Вергилия и др. оставался незыблемым. По-видимому, здесь действовали идеологические соображения. Томас Мор был провозглашен основоположником утопического социализма, и все его произведения автоматически воспринимались как правдивые.

Ярчайшим примером почтительного, едва ли не благоговейного отношения к историческим взглядам автора «Утопии» могут служить комментарии к переводу «Истории Ричарда III» на русский язык и сопроводительная статья Е.В. Кузнецова. Кузнецов настаивал, что «"Ричард III" Томаса Мора достоверен. Это не литературное, а историческое произведение, имеющее литературную ценность». «Сопоставляя "Историю Ричарда III" с... источниками, можно установить, что в ней нет ни одного факта, который не был бы известен другим историкам... Важно подчеркнуть, что никаких нарочитых искажений описываемых фактов... не существует».

Еще одной причиной «консервации» взглядов рубежа XIX—XX вв. в работах Е.В. Кузнецова является нехарактерная для медиевистов «количественная» методика работы с источниками. Анализ трудов этого историка показывает, что для доказательства или опровержения какого-то тезиса он обычно суммировал данные текстов второй половины XV — середины XVI в. Т.к. сочинений тюдоровской эпохи в несколько раз больше, чем источников, составленных современниками Ричарда III, результат неизменно оказывался не в пользу «кровавого тирана».

Традиционная точка зрения на личность и правление Ричарда III устойчиво воспроизводилась и в обобщающих трудах 70—80-х годов, в частности, в вузовской «Истории Средних ве-

ков» под редакцией С.Д. Сказкина и в учебнике В.В. Штокмар. Наиболее авторитетным источником по-прежнему считался Томас Мор, сохраняли актуальность идеологические соображения, комплектование библиотек англоязычной литературой все еще оставляло желать много лучшего.

Тем не менее возникший еще в конце 1950-х гг. интерес к истории Англии второй половины XV в. в 70-х привел к появлению нескольких работ, посвященных непосредственно Ричарду III. В статье Т.Г. Ложкиной «К вопросу о социальных и политических отношениях в Англии в период правления Ричарда III» была предпринята попытка исследовать царствование Ричарда III, исходя из первичности социально-экономических факторов. Для историка, руководствующегося марксистско-ленинской методологией, такой ракурс вполне логичен. Однако из-за «сопротивления материала» выводы получились самыми банальными. Т.Г. Ложкина подтвердила неоднократно отмечавшуюся британскими исследователями несбалансированность экономических мер 1483—1485 гг., «слабость социальной базы Ричарда III» и т.п. Оценка личности Ричарда — традиционно негативная, но из колоритного тирана Т.Г. Ложкина превращает его в удивительно скучного «выразителя тенденций».

Неизмеримо больший интерес представляют исследования Михаила Абрамовича Барга. В статье «Ричард III сценический и исторический» было проведено очень любопытное сопоставление шекспировского монстра и реального короля. Монография «Шекспир и история» рассматривает эволюцию тюдоровского мифа о Войнах Роз, причем фигура Ричарда III служит своеобразной точкой фокусировки этого масштабного историографического полотна. Непосредственно Ричарду III посвящена Глава VI «Хроники в зеркале истории».

Для советской историографии позиция М.А. Барга оказывается таким же приятным исключением, как и взгляды Т.Н. Грановского для историографии дореволюционной. Барга смело можно назвать убежденным ричардианцем, который рассказывает о сво-

ем герое едва ли не с любовью. В его работах Ричард III описан как талантливый полководец и превосходный администратор. По мнению М.А. Барга, Ричард совершил государственный переворот под давлением обстоятельств, но оказался неудачным королем, так как был слишком благороден и честен для того, чтобы вовремя распознать составленные против него заговоры. Барг полагает, что Ричард III не совершал ни одного из приписанных ему преступлений, в том числе он совершенно неповинен в смерти сыновей Эдуарда IV. Таким образом, Ричард оказывается не преступником, а жертвой изощренной политической пропаганды.

Стоит отметить, что М.А. Барг не просто оправдывает Ричарда III, он полностью переворачивает традиционную для отечественной историографии систему приоритетов. «Антигероем» его монографии оказывается не Ричард, а Генрих VII Тюдор. Барг прямо называет его «узурпатором... и мастером скрытой интриги»; отмечает, что Генрих «был трусоват, непомерно скуп... В плане человеческом он, конечно же, был гораздо мельче Ричарда, а жестокостью намного его превосходил: к своим жертвам он подкрадывался исподтишка и хватал их мертвой хваткой. Целые роды были вырублены под корень, конфискации владений достигли невиданных масштабов, неимоверно возросли налоги...»

Резкость процитированных формулировок отчасти можно объяснить желанием переломить устоявшуюся, закосневшую историографическую ситуацию. К тому же к моменту написания монографии М.А. Барг был настолько известным историком, что вполне мог позволить себе немного «пофрондерствовать». Если оставить без внимания полемический задор, позиция Михаила Абрамовича очень близка к взглядам П.М. Кендалл и других британских историков.

К сожалению, работы М.А. Барга очень мало повлияли на содержание обобщающих исследований. Особенно это заметно в ВУЗовских учебниках. В 80-х гг. на смену «Истории Средних веков» под редакцией Сказкина пришел учебник под редакцией Н.Ф. Колесницкого, но сказать, что рассказ о Ричарде III хоть

сколько-нибудь изменился, значит покривить душой. Единственный абзац, посвященный этому королю, едва ли не дословно повторяет соответствующие фразы из учебника Сказкина. В 80-е гг. студентов по-прежнему учили, что Ричард III, вне всякого сомнения, приказал умертвить «принцев в Тауэре». Последний из Йорков оказался настолько никудышным правителем, что аристократы вынуждены были пригласить на престол «одаренного реформатора» Генриха VII, который прекратил гражданскую войну и наконец навел в стране порядок.

Необходимость ликвидации разрыва между отечественной и зарубежной историографией и, соответственно, изменения привычных оценок, возникла лишь в начале 1990-х гг. В этот период историки нередко действовали по принципу «поклониться тому, что сжигал, сжечь то, чему поклонялся». Темы, в которых можно было применить эту максиму, неожиданно оказались актуальными и привлекли желающих сделать карьеру за счет ретрансляции западных идей. Красноречивым примером такого рода является статья Александра Армаисовича Петросяна «Ричард III: миф и реальность».

Стоит отметить, что ни до, ни после публикации в «Вопросах истории» Петросян не уделял внимания не только Ричарду III, но и истории средневековой Англии. Его статья, в сущности, является простым пересказом, даже конспектом исследований М.А. Барга и работ британских ученых, причем далеко не самых свежих. Так, словосочетанием «новейшие исследования» А.А. Петросян обозначает монографию А. Хенхем, опубликованную еще в 1975 г., т.е. за 17 лет до написания анализируемой статьи. Более того, из огромной англоязычной литературы Петросян опирался исключительно на монографии, и то лишь на те издания, которые можно было найти в московских библиотеках (это четыре книги, две из которых написаны в конце XIX столетия).

Статья А.А. Петросяна интересна не своим содержанием; ее стоит воспринимать как симптом изменения положения дел

в отечественной медиевистике, знак готовности отказаться от привычных, но давно устаревших оценочных суждений.

В последнем десятилетии XX в. ситуация действительно постепенно начала меняться. В 1995 г. вполне доброжелательная характеристика Ричарда III просочилась на страницы школьного учебника по истории Средних веков. Впрочем, это было весьма необычное учебное пособие — известнейшие историки А.Я. Гуревич и Д.Э. Харитонович создавали свой текст в русле «антропологически ориентированной истории». Удивительно живой, интересный и в то же время вполне научный рассказ об истории Средневековья в школьной среде не прижился (рискнем предположить, что он оказался слишком хорош). Учебник Гуревича и Харитоновича выдержал всего два переиздания и в настоящее время является почти библиографической редкостью.

Современным школьникам историю Средних веков преподают по морально устаревшему, буквально мумифицированному тексту Е.В. Агибаловой и Д.М. Донского. В 2012 г. этот сомнительный шедевр образовательной мысли был переиздан в 20-й раз, но, несмотря на громкие заявления авторов об очередной переработке и соответствии всем мыслимым стандартам, внутреннее наполнение осталось почти таким же, как в первом издании 1963 г.

Присутствующий в издании 2012 г. короткий рассказ о «Войне Алой и Белой розы» словно сошел со страниц учебников XIX в. Авторы с нажимом рассказывают об удивительной жестокости конфликта, якобы нацеленного на полное истребление аристократических родов. В этой кровавой саге Ричарду III почти не нашлось места. «Почти», так как имя короля не упоминается, но только к истории «принцев в Тауэре» можно отнести фразу: «в Войне Роз… убивали даже детей».

К сожалению, та же тяга к консерватизму характерна и для учебников высшей школы. В «Истории Средних веков» под редакцией С.П. Карпова (вне зависимости от года издания) до запятой перепечатывается текст Е.В. Гутновой из более ран-

него учебника под редакцией Сказкина. То есть. Ричард III по-прежнему описывается как убийца принцев и тиран. Такие оценки неприемлемы прежде всего потому, что не соответствуют современному уровню знаний об этом монархе. «Тиранию» Ричарда III в настоящее время можно воспринимать только как «ископаемую диковинку». Относительно истории «принцев в Тауэре» П.М. Кендалл еще в середине XX в. писал: «Для современного историка совершенно некорректно и даже стыдно говорить, что Ричард однозначно виновен, или пересказывать версию Томаса Мора». Подчеркнем — в данном случае дело не в позиции конкретного исследователя, а в отсутствии объективных данных о судьбе сыновей Эдуарда IV.

Что касается научных работ, в них Ричард III оценивается очень по-разному. Серьезных дискуссий не ведется, но нет и единства мнений. Встречаются исследования как апологетические, так и тюдорианские. Такое положение дел более чем естественно, «великий спор» о Ричарде III продолжается и в зарубежной историографии. Поставить точку в этой дискуссии в ближайшее время вряд ли удастся. От эпохи Войн Роз до нас дошло удивительно мало документов. Часть эпизодов правления Ричарда III, например, печально знаменитое заседание Королевского совета в Тауэре в пятницу 13 июля 1483 г., после которого Ричард отдал приказ о казни лорда Гастингса, оставляют место для самых разных, порой взаимоисключающих гипотез. В любом случае стоит подчеркнуть, что в конце XX — начале XXI в. фигура Ричарда III наконец перестала быть объектом историографических игр, ходульным символом тирании или реакционного социального строя.

Радикально изменилось и информационное пространство «ричардоведения». Оно стало более многогранным и заметно более благосклонным к Ричарду III. Нельзя не заметить, что в данном случае вполне солидные учебники отстают от популярных изданий и интернет-ресурсов. В частности, статья о Ричарде III в справочнике В.Г. Устинова «Столетняя война и войны Роз»

написана именно так, как должны писаться материалы такого рода — взвешенно и беспристрастно. Устинов перечисляет аргументы и сторонников, и противников монарха. Эпизоды, которые невозможно прояснить по имеющимся источникам (например, судьбу сыновей Эдуарда IV), охарактеризованы как историографическая проблема. Любопытно, что в монографии «Войны Роз. Йорки против Ланкастеров» Вадим Устинов высказывается гораздо более определенно. Его рассказ о правлении Ричарда III вполне мог бы украсить страницы британского журнала «Ричардианец».

Нельзя не отметить также рост числа материалов, предназначенных для «широкого круга читателей». Блестящий анализ истории возникновения и развенчания мифа о Ричарде III был дан Натальей Ивановной Басовской в программе «Все так» на «Эхо Москвы». В марте 2013 г. вышел посвященный Ричарду III номер популярного журнала «Дилетант». Рассказ Е.Д. Браун об истории создания тюдоровского мифа опубликован на популярном портале пост-наука.

Желающие почитать о Ричарде III что-то художественное получили возможность более не ограничиваться «Историческими хрониками» Шекспира, «Черной стрелой» Стивенсона или «Квентином Дорвардом» Вальтера Скотта, т.е. книгами, в которых горбун Ричард совершает множество преступлений. За последние годы на русский язык был переведен целый ряд романов, отражающих противоположную точку зрения. Отдельно стоит упомянуть о двух. В 1998 г. в России издали «Белого вепря» Мэриан Палмер, в котором Ричард III описан более чем благосклонно. А в 2010 г. на русский язык был переведен роман Джозефины Тей «Дочь времени». Главный герой этого произведения проводит историческое расследование «дела принцев в Тауэре» и устанавливает невиновность Ричарда III.

Информацию о Ричарде III можно найти на нескольких десятках интернет-сайтов. Разумеется, с научной точки зрения подавляющее большинство означенных материалов не выдер-

живают никакой критики. Гораздо важнее другое — в начале XXI в. российское интернет-пространство по структуре примерно повторяет западное, в нем есть именно то, чего недостает школьным и университетским учебникам — полифонии. Конечно же акценты расставлены несколько иначе, чем в англоязычных ресурсах — основную долю составляют публикации, которые сложно назвать комплиментарными. Для подавляющего большинства россиян Ричард все еще остается шекспировским злодеем. Тем не менее в рунете можно найти немало сайтов, оправдывающих этого короля. В современной России даже существует интерент-клуб поклонников Ричарда III.

Подытоживая, можно сделать следующие выводы. Ричард III «появился» в России в середине XVIII в. Вместе с первой постановкой одноименной трагедии Шекспира к нам пришли знания об убийце, предателе, узурпаторе и тиране, к тому же наделенном целым «букетом» физических недостатков. Во второй половине XVIII — начале XIX в. иных точек зрения попросту не существовало. Но и позднее, вплоть до 70-х гг. XX столетия историки тиражировали именно этот, шекспировский образ. В Российской империи Ричард III воспринимался как воплощение всех ужасов тирании и Гражданской войны. В Советском Союзе он не перестал быть тираном и предателем, но превратился еще и в «представителя реакционных феодальных сил». Причины почти единодушной нелюбви к Ричарду III следующие. Это и преклонение перед авторитетом главных создателей мифа о горбатом тиране (Томасом Мором и Шекспиром); и удобство использования фигуры «идеального тирана» как отрицательного морального образца; и чрезмерно трепетное отношение к династии Тюдоров (в которых видели прежде всего создателей сильного государства); и, наконец, популярность произведений Шекспира, помноженная на отсутствие специальных исследований.

Положение дел начало меняться в 1970-х гг. с появлением исследований М.А. Барга, но во многих сферах «отставание» от Запада сохраняется до сих пор. В Великобритании Ричард III

не просто реабилитирован, каждая постановка Шекспира обязательно предваряется ремаркой — события трагедии не соответствуют исторической действительности. В России ситуация принципиально иная — в профессиональном сообществе «проблемы Ричарда III» уже не существует, но для огромного большинства этот монарх все еще остается персонажем «Исторических хроник». Лакмусовой бумажкой в данном случае можно считать Интернет, в котором морально устаревшие тексты о короле-горбуне однозначно преобладают. Одной из причин столь исключительной живучести стереотипов является консерватизм учебников для средней и высшей школы, в которых Ричард III по-прежнему описывается в терминах рубежа XIX—XX вв.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Эта книга задумывалась как портрет на фоне эпохи. Однако по мере проработки материала выяснилось, что эти две части («портрет» и «эпоху») абсолютно невозможно отделить друг от друга. Ричард III не просто родился в год начала Войн Роз, он стал истинным сыном своего времени, в котором удивительным образом сочетались благородство и предательство; верность роду и готовность уничтожить любого, кто станет на пути к власти; роскошные пиры, блистательные турниры и стремление выжать из имений и должностей всё до последнего пенни.

Уже в три года Ричард узнал, что его отец сразился с войсками короля, в семь лет он попал в плен, в восемь — оказался нищим политическим эмигрантом, а всего два месяца спустя превратился в младшего брата короля. В двенадцать лет Ричард уже помогал Эдуарду IV собирать войска, в шестнадцать — руководил подавлением восстания, в восемнадцать — командовал авангардом армии Эдуарда IV и лично вел солдат в бой. Ричард участвовал в войне с Францией, почти самостоятельно управлял целым регионом и казался воплощением верности и чести. В тридцать лет герцог Глостер не выдержал испытания властью, предал племянников и захватил трон, но его корона отчасти напоминала терновый венец. Меньше чем через год он потерял сына, затем остался вдовцом — и уже в тридцать два нашел смерть на поле боя.

В своих предыдущих работах автор неизменно доказывал, что заканчивать Войны Роз битвой при Босворте не вполне корректно, ведь за ней последовал целый ряд сражений сторонников Генриха VII и тех, кто пытался возродить власть Йорков. Работа

над биографией Ричарда III позволила вглядеться в антропологическое измерение истории. Оказалось, что со смертью этого монарха ушла в прошлое целая эпоха, закончилась грандиозная «драма героев». В 50—80-х гг. XV в. за власть над Англией боролись личности поистине эпического масштаба — блистательный и беспринципный Создатель Королей Уорвик, властолюбивая, жестокая и несчастная королева Маргарита, «солнце Йорков» Эдуард IV. Ричард III — последняя фигура в этом ряду, с его смертью на смену «гигантам» пришли люди обычного роста. Могущественные магнаты не свергали королей и не восстанавливали их на престоле, королевы не бежали из плена, правители Англии не отдавали за переправу через Ла-Манш последнюю меховую накидку, а судьба короны больше не решалась в поединках. Генрих VII отправлял воевать своих генералов, скрупулезно подсчитывал доходы, хладнокровно избавлялся от политических противников. Этот правитель принадлежал уже не Средневековью, а Новому времени, он больше походил не на рыцаря, а на буржуа.

Любопытно, что мифологический Ричард III выглядит даже более реальным, чем настоящий король. «Сказку о злом горбуне Ричарде» начали сочинять сразу же после его смерти. Захватившему английский трон Генриху VII Тюдору было жизненно необходимо доказать, что он вовсе не узурпатор, а законный монарх, освободивший англичан от власти чудовищного тирана. Придворные историки принялись за работу, с готовностью изобретая все новые и новые кровавые подробности. Всего через несколько десятилетий им удалось создать гротескную, отталкивающую картину, приписать Ричарду III не один десяток убийств, предательств и клятвопреступлений. В произведениях Шекспира мифологический Ричард окончательно обрел кровь и плоть, превратился в зловещую, но удивительно живую фигуру с колоссальным отрицательным обаянием.

Человечество охотно верит в страшные истории, особенно если они хорошо заканчиваются. В «Сказке о злом короле Ричар-

де» есть все необходимые элементы жанра. Есть «добрый король» Эдуард IV, который умирает в самом начале «сюжета», оставив царство своим маленьким сыновьям (согласитесь, многие сказки начинаются именно так). Есть злой и уродливый младший брат короля — Ричард, вполне характерный сказочный злодей, который совершает преступление за преступлением, чтобы захватить власть и удержаться на троне. Есть целых две принцессы, первую из них — Анну Невиль — Ричард сначала обольщает, а потом убивает, на второй — Елизавете Йорк — он только планирует жениться. И, наконец, есть прекрасный принц — Генрих VII Тюдор. Принц, которого еще в детстве увезли в далекую страну, чтобы уберечь от врагов (опять классический сказочный мотив), и который, возмужав, возвращается на родину, чтобы отомстить врагам и освободить свою невесту — принцессу Елизавету Йоркскую. Завершается все и впрямь как в сказке — храбрый принц собственноручно убивает злодея, женится на принцессе, наводит в стране порядок и становится основателем великой династии Тюдоров.

Миф о Ричарде III необычайно хорош, ему попросту хочется верить. Создатели так грамотно использовали элементы исторической правды, так блестяще сыграли на особенностях человеческой психики, что для огромного большинства сказка и в самом деле «стала былью». Тем более что в создании тюдоровского мифа участвовали такие великие люди как Шекспир и Томас Мор.

Начиная данное исследование автор был убежден: исторический Ричард III и монстр, созданный пропагандой времен Тюдоров, не имеют почти ничего общего. В итоге оказалось, что они похожи в самом главном — и тот, и другой воспринимались как зримое воплощение Войн Роз. Мифологический Ричард III появился на свет благодаря сознательным усилиям придворных историков, но «рос и мужал» прежде всего потому, что менялось представление о его эпохе. Современники не улавливали связи между событиями 50—80-х гг. XV в. и не считали, что в Англии происходило что-то ужасное. Однако по мере удлинения исто-

рической дистанции Войны Роз все больше воспринимались как череда кровавых смут, а их «культовая фигура» Ричард III постепенно превращался в чудовищного тирана, в «урода, горбатого и телом, и душой».

Восстановление доброго имени последнего короля из династии Йорков — всего лишь часть «реабилитации» истории Англии второй половины XV в. Автору представляется, что последняя точка в «великом споре» о Ричарде III будет поставлена только тогда, когда мы перестанем преувеличивать бедствия эпохи Войн Роз и прекратим пугать друг друга страшной сказкой о «диком Средневековье».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Письменные источники

An English Chronicle of the Reigns of Richard II, Henry IV, Henry V, and Henry VI /Ed. by G. Davis. L., 1856.

Andrea B. Historia Regis Henrici VII / Ed. J. Gardner. L., 1858.

British Library Harleian Manuscript 433 /Ed. by R.E. Horrox and P.W. Hammond. In 4 vols.

Calendar of Charter Rolls. Vol 6 1427—1516. L., 1927

Calendar of Close Rolls. Edward IV I 1461—68. L., 1949. Edward IV II 1468—76. L., 1953. Edward IV, Edward V, Richard III 1476—1485. L., 1954.

Calendar of Entries in the Papal Registers relating to Great Britain and Ireland. Vol. 13 and Vol. 14. 1484—1492.

Calendar of Fine Rolls. Edward IV 1461—71. L., 1949. Edward IV — Richard III 1471—85. L., 1961.

Calendar of Letters, Despatches and State Papers relating to the Negotiations between England and Spain preserved in the Archives of Simancas and elsewhere edited by GA Bergenroth. HMSO 1862. Vol 1 Henry VII 1485—1509.

Calendar of Patent Rolls preserved in the Public Record Office. Henry VI 1451—61. L., 1896. Edward IV I 1461—67. L., 1897. Edward IV II 1467—77. L., 1899. Edward IV, Edward V, Richard III 1476—1485. L., 1901.

Calendar of State Papers and Manuscripts existing in the Archives and Collections of Milan edited by AB Hinds. Vol 1 1385—1618. L., 1913.

Calendar of State Papers and Manuscripts relating to English Affairs existing in the Archives and Collections of Venice and in other libraries of northern Italy edited by R Brown. Vol 1 1202—1509. HMSO 1864.

Chronicle of John Stone / Ed. by W.G. Searle. Cambridge, 1902.

Cotton VItellius A-XVI. Chronicles of London / Ed. Ch. Kingsford. Oxford, 1905.

Dictes des Philosophes. Lambeth Palace Ms. 263.

Fabian R. The new chronicles of England and France /Ed. by H. Ellis. — L.: Wilke and Robinson, 1811.

Four English Political Tracts of the Late Medieval Ages / Ed. by J.-P. Genet. L., 1977.

Historiae Croylandensis Continuatio // Rerum Anglicarum Scriptorum Veterum. Vol. 1. Oxford, 1684.

Historical Poems of the Fourteenth and Fifteenth Centuries / Ed. by R.H. Robbins. NY, 1959.

Jean de Waurin. Anciennes et Nouvelles Chroniques d'Angleterre. British Library Royal Ms. 15 EIV f 148.

Joannis Rossi Antiquarii Warwicensis Historia Regum Angliae. L., 1745.

John Benet's Chronicle for the Years 1400—1462/ Ed. by G.L. Harriss, L., 1972.

Lady Bessiye // Bishop Percy's Folio Manuscript. Ballads and Romances /Ed. J.W. Hales & F.J. Furnivall. In 3 vol. L., 1868. Vol. III.

Mancini D. De occupatione Regni Angliae / Ed. C.A. Armstrong. Oxford, 1936.

Masselin J. Journal des Etats Généraux de France tenus à Tour en 1484 / Ed. A. Bernier. Paris., 1835.

Mémoires de Philippe de Commynes // Mémoires: contenans l'histoire des rois Louys XI et Charles VIII, Tome 1. Paris, 1747.

More Th. The History of King Richard III. Online edition transcribed from W. E. Campbell's facsimile of the Rastell edition of 1557 by Richard Bear at the University of Oregon, January-March 1997. URL: http: //www.r3.org/bookcase/more/moretext.html.

Narrative of Robert Pylkington //Report on manuscripts in various collections /Ed. by W. D. Macray. Vol. II. L.: Mackie&Co.L.D., 1903. P. 28—56.

Niclas von Popplau. Reisenbeschreibung Niclas von Popplau Ritters burtig von Breslau / Ed. by P. Radzikowski. Wroclawiu, 1998.

Paston letters / Ed. J.Fenn & A. L. Ramsey. L., 1840.

Plumpton correspondence: a series of letters, chiefly domestic, written in the reigns of Edward IV, Richard III, Henry VII and Henry VIII / Ed. by Stapleton Th. Camden Society. L.: Camden Society, 1839. 687 p.

Political Poems and Songs Relating to English History /Ed. by T. Wright, Vol. 2. L., 1861.

Political Poems of the Reigns of Henry VI and Edward IV /Ed. by F Madden, L., 1862.

Polydore Vergil Anglica Historia (1555 version). /Ed. D.J. Sutton. Irvine, 2005. Liber XXIV—XXV.

Rastell J. The Pastime of People, or the Chronicles of divers Realms / Ed. T.F. Dibden. L., 1811.

Rotuli Parliamentorum /Ed. J Strachey & others. 6 vols. 1767—77. Vols 5—6.

Shakespeare W. Henry VI. Part III / Ed. M. Hattevey. Cambridge, 1993.

Shakespeare W. The Tragedy of Richard the Third. From Mr. William Shakespeares comedies, histories, & tragedies: published according to the true originall copies. L., 1623.

Stonor Letters and Papers 1290—1483 /Ed. by C. Carpenter. — Cambrige: Cambridge university press, 1996.

The Arrival, or the History of the Arrival of Edward IV in England and the Finall Recoverie of his Kingdoms from Henry VI // Three chronicles of the reign of Edward IV /With an introd. by R. Dockray. Gloucester: Sutton, 1988. P. 199—233.

The Ballad of Bosworth Field // Bishop Percy's Folio Manuscript. Ballads and Romances, ed. J.W. Hales and F.J. Furnivall. In 3 vols. London, 1868. Vol. III.

The chronicle of the Rebellion in Lincolnshire // Three chronicles of the reign of Edward IV /With an introd. by R. Dockray. Gloucester: Sutton, 1988. P. 136—198.

The Crowland chronicle continuations: 1459—1486 / Ed. by Nicholas Pronay a. John Cox. London: Richard III A Yorkist history trust, Cop. 1986.

The Great Chronicle of London / Ed. A.H. Thomas & J.D. Thornley L., 1938.

The most pleasant song of Lady Bessy. /Ed. Th. Heywood. L., 1829.

The Paston letters /Ed. by John Warrington. Vol. 1—2. L. — N-Y: Dent&Sons, 1956.

The Paston letters 1422—1509 A.D. A new ed. containing upwards of four hundred letters & hitherto unpublished / Ed. by James Gardner. Vol. 1—3. L: Clarendon Press, 1872—75.

The Stonor letters and papers / Ed. Ch. Kingsford. L., 1862.

Warkworth J. A chronicle of the first thirteen years of the reign of king Edward the Fourth by John Warkworth, master of St. Peter's College, Cambridge // Three chronicles of the reign of Edward IV /With an introd. by R. Dockray. Gloucester: Sutton, 1988. P. 8—135.

York Civic Records /Ed. by A Raine, Yorkshire Archaeological Society, Record Series 103, 1941.

York House Books 1461—1490 /Ed. by Lorraine C.Attreed, Stroud 1991.

Портреты и другие изображения Ричарда III

Beauchamp Pagent Family Tree (The Pageants of Richard Beauchamp. Earl of Warwick. Reprodused in facsimile from the Cottonian Ms. Julius EIV in the British Museum. Oxford: The Rorburche Club, 1901. P. LV);

The Rouse Roll (British Library, add. ms. 48976);

Salisbury Roll (In the collection of the Duke of Buccleuch & Queensberry, KT).

Portrait of Richard III by unknown artist. C. 1516, oil on panel (40 x 28cm). Society of Antiquaries;

Portrait of Richard III by unknown artist. C. 1520, oil on canvas (56.5 x 35.6 cm). Royal Collection, London.

Portrait of Edward IV by unknown artist. Late XV century, oil on panel (67.9 x 47.9 cm). Royal Collection, London.

Portrait of King Richard III (c.1575), oil on panel (42 x 57 cm), unknown artist, Historical Portraits Ltd, Private Collection Philip Mould

Portrait of King Richard III by unknown artist. Mid 16th century, oil on panel, (638 mm x 470 mm). National Portrait Gallery, London (далее NPG) №148.

Portrait of King Richard III by unknown artist. Late 16th century, oil on panel, (570 mm x 448 mm). NPG №4980(12).

Portrait of King Richard III by unknown artist. Late 16th century, oil on panel, (580 mm x 460 mm). Weston Park Foundation, Shrewsbury, England;

Portrait of King Richard III by unknown artist. Late 16th century, oil on panel, (570 mm x 448 mm). NPG №4980(12);

Portrait of King Richard III by unknown artist. C. 1675—1700. Oil on panel, (43.70 cm x 32.50 cm), UK, London, Government Art Collection, № 1389

Portrait of King Richard III by Jodocus Hondius. Published 1611, (65 mm x 65 mm), line engraving, NPG, №D21257.

Portrait of King Richard III prob. by Reginald Elstrack. Published 1638, (169 mm x 111 mm), line engraving, NPG, № D21255.

Kings Henry VII & Richard III prob. by William Faithorne. Early 1640s, (105 mm x 141 mm), line engraving, NPG, № D22809.

Portrait of King Richard III by George Vertue. Published 1732, (307 mm x 197 mm), line engraving, NPG, № D23812.

Portrait of King Richard III prob. by John Dixon. Published 1757, (115 mm x 98 mm), line engraving, NPG, № D23813.

Portrait of King Richard III by John Goldar. Late 18th century (24 mm x 192 mm), line engraving, NPG, № D23819).

King Richard III, possibly by Charles Grignion, after George Vertue. Late 18th century, (243 mm x 189 mm), etching, NPG № D23816.

King Richard III, Queen Anne, Edward Prince of Wales, Margaret Countess of Salisbury and Edward Earl of Warwick. Possibly early 19th century, (310 mm x 492 mm), etching, NPG № D23814.

Richard the III slain at the Battle of Bosworth field by Richard Grey. Line engraving. Published in: Richard III. L.: Paternoster-Row, 1814. P. 67.

Литература

Барг М.А. Ричард III сценический и исторический //Новая и новейшая история. 1972. — № 4. — С. 112—119.

Барг М.А. Шекспир и история. — М.: Наука, 1979.

Басовская Н.И. Столетняя война: леопард против лилии. — М.: АСТ, 2003.

Браун Е.Д. Представления о королевской власти англичан XV в. (на материале коронации Ричарда III) // Зеркало истории: личность в истории. Сб. статей участников кружка истории древности и Средневековья / РГГУ. — М., 2000. — С. 67—77.

Браун Е.Д. Войны Роз глазами джентри// Конфликты и компромиссы в истории мировых цивилизаций. Сб. статей. — М.: РГГУ, 2009. — С. 423—438.

Браун Е.Д. Создание мифа о Войнах Роз (от Ричарда Йорка до Шекспира) // История. Электронный научно-образовательный журнал / Институт всеобщей истории РАН, Центр истории исторического знания. Вып. 3 (11) 2012. — М.: ИВИ РАН, 2012. ISSN 2079—8784. Режим доступа: http: //mes.igh.ru

Браун Е.Д. Ричард III и «принцы в Тауэре»: рождение легенды // Одиссей. Человек в истории. 2012. — М.: Наука, 2012. — С. 113—138.

Браун Е.Д. Визуальный образ Ричарда III в XV—XVIII вв. // Человек и общество перед судом истории. — М.: РГГУ, 2013. — С. 115—144.

Гриффитс Р.А., Томас Р. Становление династии Тюдоров. — Ростов н/Д: Феникс, 1997. — С. 320 с.

Кузнецов Е.В. Общественно-политическая борьба в Англии второй половины XVв. (к проблеме возникновения английского абсолютизма). — М.: Наука, 1958. — 274 с.

Ложкина Т.Г. К вопросу о социальных и политических отношениях в Англии в период правления Ричарда III // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. — Вып. 2. — Л.: Изд. университета, 1978. — С. 50—55.

Малинин Ю.П. Филипп де Коммин и его «Мемуары» // Филипп де Коммин. Мемуары. — М., 1986. — С. 387—397.

Меркулова Т.Б. Английский Север: региональная специфика в эпоху Средневековья // Англия и Европа. Проблемы истории и историографии. — Улан-Батор: [б/и], 2001. — С. 79—86.

Меркулова Т.Б. Север Англии в политической жизни страны второй половины XV века. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Н. Новгород, 1999.

Минеева Т.Г. Конституционное развитие Англии в XIV—XV вв. — Арзамас: АГПИ, 2005.

Минеева Т.Г. Политика и власть. Англия трех Генрихов (1399—1471). — Н. Новгород, 2001.

Осиновский И.Н. Томас Мор и его время // Томас Мор. Утопия. Эпиграммы. История Ричарда III. — М.,1998. — С. 305—368.

Петросьян А.А. Ричард III: миф и реальность //Вопросы истории, 1992. — № 11—12. — С. 179—184.

Пивоваров Е.Г. Придворный историк Генриха VII о приходе Тюдоров к власти (Полидор Вергил у истоков тюдоровской историографии) // История и историография: зарубежные страны: Межвуз.сб. науч. тр. Вып. 10. — Брянск: Изд-во Брянского государственного университета, 2001. — С. 35—44.

Румянцев А.Г. Английская социальная элита в XV веке. Дисс... к.и.н. — СПб., 2003.

Сливко С.А. Социальная борьба в Англии в конце XV в. и формирование английского абсолютизма. Автореф. ...канд. ист. наук. — М.: Изд. Моск. гос. пед. ин-та им. Ленина, 1965.

Таланов Александр Александрович. Война Роз: Йорки или Ланкастеры. — Москва: Рейттаръ, 2001.

Устинов В.Г. Войны Роз. Йорки против Ланкастеров. — М., 2012.

Устинов В.Г. Столетняя война и Войны Роз. — М., 2007.

Чернова Л.Н. Правящая элита Лондона в XV—XVI вв. — Саратов, 2005.

Штокмар В.В. История Англии в Средние века. — М.: Высшая школа, 1973.

Abbot J. Richard III. N-Y — L., 1858.

Allan A. Yorkist propaganda: pedigree, prophecy, and the «English history» in the reign of Edward 1V// Patronage, pedigree and power in Later

Medieval England / Ed. by Ch. Ross. Gloucester — N-Y: St. Martin press, 1979. P. 171—189.

Armstrong Ch. A. J. Some examples of distribution and speed of news in England in the time of the Wars of the Roses // Studies in medieval history. Oxford: Oxford univ. press, 1948. P. 429—454.

Anderson J. H. More's Richard III: History and Biography // Biographical Truth: The Representation of Historical Persons in Tudor-Stuart Writing. New Haven, 1984. P. 75—109.

Baldwin D. Elizabeth Woodville Mother of the Princes in the Tower. Gloucester: History Press, 2010.

Baldwin D. Richard III. Gloucester, 2012.

Bean G. M. The financial position of Richard, duke of York // War and government in the Middle Ages. Cambridge: Totova, 1984. P. 182—198.

Beer B. L. Rebellion and riot: Popular disorder in England during the Reign of Edward IV. Kent — N-Y: St. Martin press, 1982.

Bennets P. The lords of Lancaster. N-Y: St. Martin press, 1973.

Bennett M. J. The battle of Bosworth. Gloucester: Sutton, 1985.

The Bones of a King Richard III Rediscovered. Leicester, 2015.

Bradfield M., Laver J. Historical costumes of England from the eleventh to twentieth century. L.: Harrap, 1938.

Britnell R. The closing of the Middle Ages?: England 1471—1529. Oxford: Blackwell, 1997.

Buck G. The History of the Life and Reigne of Richard the Third. L., 1647.

Burley P., Elliott M., Watson H. The Battles of St Albans. Barnsley: Pen & Sword Military, 2007.

Bullough G. The Uses of History // Shakespeare's World /Ed. J. Sutherland & J. Hurtsfield. N-Y, 1964.

Candido J. Thomas More. The Tudor Chroniclers and Shakepeare's Altered Richard // English Studies № 68, 1987. P. 137—141.

Carpenter Ch. The Wars of the Roses. Politics and the Constitution in England, c.1437—1509. Cambridge: Cambridge univ. press, 1997.

Carte Th. History of England to 1654 inclusive. 4 vols. folio. L. 1753.

Cheetham A., Fraser A. The Wars of the Roses. Berkeley-Los-Angeles: Univ. of California press. 2001.

Chrimes S.B. Lancastrians, Yorkists and Henry VII. L.: Harrap, 1964.

Clements M. Richard III — his life and character. Portway-Bath, 1968.

Clive M. This sun of York (A biography of Edward IV). L.: Harrap, 1973.

Desmond S. Richard III: England's Black Legend. L., 1983.

Dobson R.B. Richard III and the Church of York // Rings and nobles in the later Middle Ages. N-Y: St. Martin press, 1986. P. 130—154.

Dockray K. Richard III and the Yorkshire gentry. c 1471—1485 // Richard III: Loyalty, lordship and law /Ed. by P.W. Hammond. L.: Richard III and Yorkist History Trust, 1986. P. 38—49.

Dockray K. Richard III: Myth and Reality. L., 1992.

Dockray K. The political legacy of Richard III in Northern Ireland // Rings and nobles in the later Middle Ages. N-Y: St. Martin press, 1986. P. 213—222.

Drewett R., Redhead M. The Trial of Richard III. Gloucester: Sutton, 1984

Dufournet J. Angelo Cato et le Mémuires de Ph. de Commynes // Mélanges de langue et de literature médiévales offerts à Pierre Le Gantil. Paris, 1973. P. 213—222.

English court culture in the later Middle Ages. L.: Macmillan, 1983.

The English court: from the Wars of the Roses to the Civil War. L.: Harrap, 1987.

Fields B. Royal Blood: Richard III and the Mystery of the Princes. N-Y, 1998.

Gardner J. History of the Life and Reign of Richard the Third to which is added the story of Perkin Warbesk. Cambridge, 1898.

Gillingham J. The Wars of the Roses: Peace and conflict in fifteenth-century England. Baton-Rouge: Louisiana State university press, 1981.

Goodman A. The Wars of the Roses: Military activity and English society (1452—1497). L.: Harper, 1981. 294 p.

Gransden A. Historical Writing in England: c. 1307 to the early sixteenth century. L., 1996.

Grant P. Thomas More's Richard III: Moral Narration and Humanist Method // Language and the Discovery of Method in the English Renaissance. London, 1985. P. 19—47.

Griffiths R.A., Thomas R.S. The Making of the Tudor Dynasty. Gloucester, 1985.

Guth J. Richard III Henry VII and the City // Kings and nobles in the Later Middle Ages / Ed. by R.A. Griffiths & J. Sherbone.. N-Y: St. Martin press, 1986. P. 167—185.

Halsted C.A. Richard III as Duke of Gloucester and King of England. L., 1844.

Hampton W.E. Sir James Tyrell: with some notes on the Austin Friars London and those buried there // Ricardian, Journal of the Richard III Society. Vol. IV, No. 63. December 1978. P. 9—22.

Hanham A. Richard III and his early historians, 1483—1535. L., 1975.

Haswell J. The ardent Queen. Margaret of Anjou and Lancastrian heritage. L.: Davice, 1976.

Helmhelz R. N. The sons of Edward 1V: a canonical assessment of the claim that they were illegitimate // Richard III: Loyalty, lordship and law / Ed. by P.W. Hammond. L.: Richard III and Yorkist History Trust, 1986. P. 91—102.

Heneage J. Memoirs of King Richard the Third and some of his Contemporaries, with an historical drama on the Battle of Bosworth. In 2 vol. L.,1862.

Hicks M. Edward V. L., 2003.

Hicks M. Richard III and his rivals: Magnates and their motives in the Wars of the Roses. L., 1991.

Hicks M. Richard III. L., 2000.

Hicks M. Anne Nevile: Queen to Richard III. L., 2001.

Horrox R. Richard III: a study of service. Cambridge: Cambridge university press, 1989.

Hughes A. The origins and descent of the fourth resention of the English coronation // Coronations Barkley. Barkley: The north, 1990. P. 197—216.

Jenkins E. The princes in the Tower. L.: Arnold, 1978.

Kendall P. M. Richard III: the great debate. L.: Folio Society, 1965.

Kendall P. M. Warwick the kingmaker. L.: Arnold, 1957.

Kendall P. M. Richard the Third. L.: Arnold, 1972.

Kinney D. Kings' Tragicomedies: Generic Misrule in More's History of Richard III // Moreana. № 86, 1985. P. 128—150.

Lamb V. B. The betrayal of Richard III. L.: Knight, 1979.

Lander J. R. Government and community: England 1450—1509. L.: Arnold, 1980.

Lander J. R. The Wars of the Roses. Gloucester: Sutton, 2007.

Legge A. D. The Unpopular King: the Life and Times of Richard III. In 2 vol. L., 1885.

Marius R. Thomas More Harvard: Harvard University Press, 1999.

Pollard A.J. Richard III and the Princes in the Tower. Gloucester, 1991.

Pollard A.J. St. Guthbert and the Hog: Richard III and the country palatine of Durham, 1471—1485 // Kings and nobles in the Later Middle Ages / Ed. by R.A. Griffiths & J. Sherbone. N-Y: St. Martin press, 1986. P. 109—129.

Potter J. Good King Richard? An Account of Richard III and his Reputation 1483—1983 L.: Constable, 1983

Richard III: Loyalty, lordship and law. L.: Macmillan, 1986.

Richard III: A Medieval Kingship. L., 1993.

Richmond C. 1485 and all that, or what was going at the battle of Boswortd // Richard III: Loyalty, lordship and law /Ed. by P.W. Hammond. L.: Richard III and Yorkist History Trust, 1986. P. 172—191.

Rosental J. T. Patriarchy and families of privilege in Fifteenth-century England. Philadelphia: University of Pennsylvania press, 1991.

Roskell J.S. Parliament and politics in Late Medieval England. Vol. 1—2. L.: Macmillan, 1981.

Ross C. D. Edward IV. Berkley — N-Y: St. Martin press, 1974.

Rossiter A.P. Angel With Horns: The Unity of Richard III // Shakespeare: The Histories /Ed. E.M. Waith. Englewood Cliffs, 1961.

Rowse A. L. Bosworth field and the Wars of the Roses. L.: Macmillan, 1966.

Scofield C. The life and reign of Edward IV, king of England and France and lord of Ireland. In 2 vol. N-Y: St. Martin press, 1967.

Simons E. The reign of Edward IV. L.: Arnold, 1966.

Storey R. L. The end of the house of Lancaster. Gloucester: Sutton, 1986.

Sutton A. F. «A curious searcher for our weal public»: Richard III piety, chivalry, and the concept of the «good prince» // Richard III: Loyalty, lordship and law /Ed. by P.W. Hammond. L.: Richard III and Yorkist History Trust, 1986. P. 61—78.

Wagner J.A. Encyclopedia of the Wars of the Roses. Santa-Barbara: ABC-CLIO, 2001.

Walpole H. Historic Doubts on the Life and Reign of King Richard the Third. L.: J. Dobsley, 1768.

Walters G. Rewriting History: the Portrayal of Richard III. Gloucester, 2000.

Webster B. The Wars of the Roses. L.: UCL, 1998.

Weir A. The Princes in the Tower. L., 1992.

Williamson A. The Mystery of the Princes. Gloucester, 1978.

Wood Ch. T. Richard III, William Lord Hastings and Friday the Thirteenth // Kings and nobles in the Later Middle Ages / Ed. by R.A. Griffiths & J. Sherbone.. N-Y: «St. Martin press», 1986. P. 130—154.

Wood Ch. T. Queens, quaens, and kingship: An inquiry into theory of royal legitimacy in Late Medieval England and France // Order and innovation in the Middle Ages. Princeton: Princeton college, 1987. P. 409—431.

Хронологическая таблица

1438 г. — Свадьба родителей Ричарда — Ричарда Йорка и Сесилии Невиль.

Февраль 1452 г. — Отец Ричарда поднимает мятеж против короля. Начинаются Войны Роз.

2 октября 1452 г. — Рождение Ричарда в замке Фотерингей (Нортгемптоншир, Англия).

13 октября 1459 г. — Ричард вместе с матерью и братом Джорджем попадает в плен к сторонникам Ланкастеров.

Декабрь 1459 г. — Герцогиня Йорк с сыновьями передается под опеку ее сестры герцогини Бэкингем. Их принимают не слишком дружелюбно.

Январь—февраль 1460 г. — Ричард и его брат Джордж переезжают в дом дальнего родственника Йорков архиепископа Кентерберийского.

Сентябрь 1460 г. — После того как йоркисты одержали победы в нескольких битвах, Ричард и Джордж на время перебираются в Лондон.

10 октября 1460 г. — Герцог Йорк предъявляет права на корону Англии.

30 декабря 1460 г. — Отец Ричарда убит в битве при Уэйкфилде.

Февраль 1461 г. — Лондон осажден армией Ланкастеров. Мать отсылает Ричарда и Джорджа в Бургундию.

Март 1461 г. — Старший брат Ричарда Эдуард становится королем Англии.

Апрель 1461 г. — Ричард и Джордж возвращаются в Англию.

Ноябрь 1461 г. — Эдуард IV делает Ричарда герцогом Глостерским.

Конец ноября 1461 г. — Ричард отправляется ко двору своего кузена — Ричарда Невиля, герцога Уорвика (Создателя Королей) для завершения образования.

1462 г. — Десятилетний Ричард получает должность Адмирала Англии, Ирландии и Аквитании.

Весна 1464 г. — Ричард назначается ответственным за сбор войск в девяти графствах и впервые участвует в военной кампании.

Весна 1465 г. — Тринадцатилетний Ричард покидает дом Уорвика, его призывают ко двору.

Лето 1469 г. — Ричард назначается Лордом-констеблем Англии.

Ноябрь 1469 г. — Ричард Глостер успешно подавляет восстание в Уэльсе и в награду получает от короля фактическую власть над этим княжеством.

Июль 1470 г. — Герцог Глостер помогает королю подавить восстание в Йоркшире и назначается Хранителем границ.

Октябрь 1470 г. — Эдуард IV вынужден бежать в Бургундию. Ричард еще на несколько недель остается в Англии, чтобы собрать верных королю дворян и помочь им переправиться в Бургундию.

Весна 1471 г. — Ричард возвращается с континента с армией Эдуарда IV. Успешно командует авангардом в битвах при Барнете и Тьюкбери.

Май 1471 г. — По просьбе Эдуарда IV Герцог Глостер отказывается от своих полномочий в Уэльсе и взамен становится фактически наместником короля в северных графствах.

1472—1474 гг. — Ричард женится на Анне Невиль — младшей дочери Создателя Королей лорда Уорвика. После свадьбы вместе с женой уезжает на Север королевства, который брат вверил его попечению.

1474—1476 гг. — На свет появляется единственный законный ребенок Ричарда — Эдуард Мидлхем.

Лето 1475 г. — Герцог Глостер участвует в войне с Францией.

Июль 1477 г. — Ричард узнает, что его брату Джорджу Кларенсу предъявлено обвинение в государственной измене, и спешно приезжает в Лондон.

Январь—февраль 1478 г. — Ричард присутствует на сессии Парламента, где герцог Кларенс был признан виновным в государственной измене и приговорен к смерти.

Март 1478 г. — Герцог Глостер основывает два религиозных колледжа. Священники и хористы обязаны были возносить молитвы, в том числе за упокой души Джорджа Кларенса.

1478 г. — Ричард становится вторым лицом в государстве. К 1478 г. он занимал должности Главного камергера, Верховного судьи, адмирала Англии, лорда-констебля, хранителя границ, управляющего королевскими землями к северу от реки Трент, лорда-наместника Пяти портов.

1480—1481 гг. — Герцог Глостер успешно отражает вторжения шотландцев.

1482 г. — Ричард завоевывает для Англии Бервик. Английская армия под командованием Ричарда Глостера входит в Эдинбург. Граница с Шотландией отодвигается на 13 миль.

9 апреля 1483 г. — Умирает Эдуард IV. В своем завещании король назначает Ричарда Глостера протектором, тем не менее Вудвили пытаются захватить власть.

30 апреля 1483 г. — Герцоги Глостер и Бэкингем перехватывают Эдуарда V, которого спешно везли в столицу родственники королевы. Дядя короля Энтони Риверс и его брат Ричард Грей помещены под стражу.

1 марта 1483 г. — Королевский совет одобряет действия Ричарда Глостера.

4 мая 1483 г. — Кортеж Эдуарда V прибывает в Лондон.

10 июня1483 г. — Ричард посылает на Север за военной поддержкой против Вудвилей.

13 июня1483 г. — Печально знаменитый Совет в Тауэре. Протектор объявляет о «раскрытии заговора Вудвилей», приказывает казнить лорда Гастингса, арестовать лорда Стенли, епископов Мортона и Ротерхэма.

15 июня1483 г. — Посланец Ричарда Глостера — Ричард Ретклиф — прибывает в Йорк. Там начинают спешно собирать войска.

16 июня 1483 г. — Младший брат короля герцог Йорк покидает убежище в Вестминстере и присоединяется к своему брату в королевских покоях в Тауэре.

22 июня 1483 г. — Доктор Ральф Шей произносит речь, в которой дети Эдуарда IV провозглашаются незаконнорожденными, а Ричарда Глостера — единственным наследником короны.

25 июня 1483 г. — Дядю Эдуарда V — Энтони Риверса — и его брата Ричарда Грея казнят как государственных изменников.

26 июня 1483 г. — Депутация лордов, джентри, священников и горожан просит герцога Глостера принять корону.

6 июля 1483 г. — Коронация Ричарда III и его королевы Анны.

Лето 1483 г. — Коронационное турне Ричарда III и его супруги, окончившееся в Йорке дарованием их сыну Эдуарду титула принца Уэльского.

Осень 1483 г. — Восстание герцога Бэкингема.

25 декабря 1483 г. — В кафедральном соборе города Реймса, после рождественской службы, Генрих Тюдор торжественно обязуется

жениться на дочери Эдуарда IV Елизавете, когда станет королем Англии.

23 января 1484 г. — Открытие единственного Парламента Ричарда III. Парламент утверждает Ричарда королем, осуждает участников восстания Бэкингема, по настоянию короля принимает законы против коррупции, запрещает беневоленции, проводит ряд протекционистских мер.

Март 1484 г. — Елизавета Вудвиль примиряется с Ричардом III и вместе с дочерями покидает церковное убежище.

Апрель 1484 г. — Умирает единственный сын Ричарда III и Анны Невиль.

Лето 1484 г. — Ричард создает Совет Севера, отражает вторжение шотландцев, борется с пиратством в Ла-Манше, заключает соглашение с Бретанью и фландрскими городами.

Август 1484 г. — Ричард III назначает наследником престола своего племянника Джона де ла Поля, графа Линкольна.

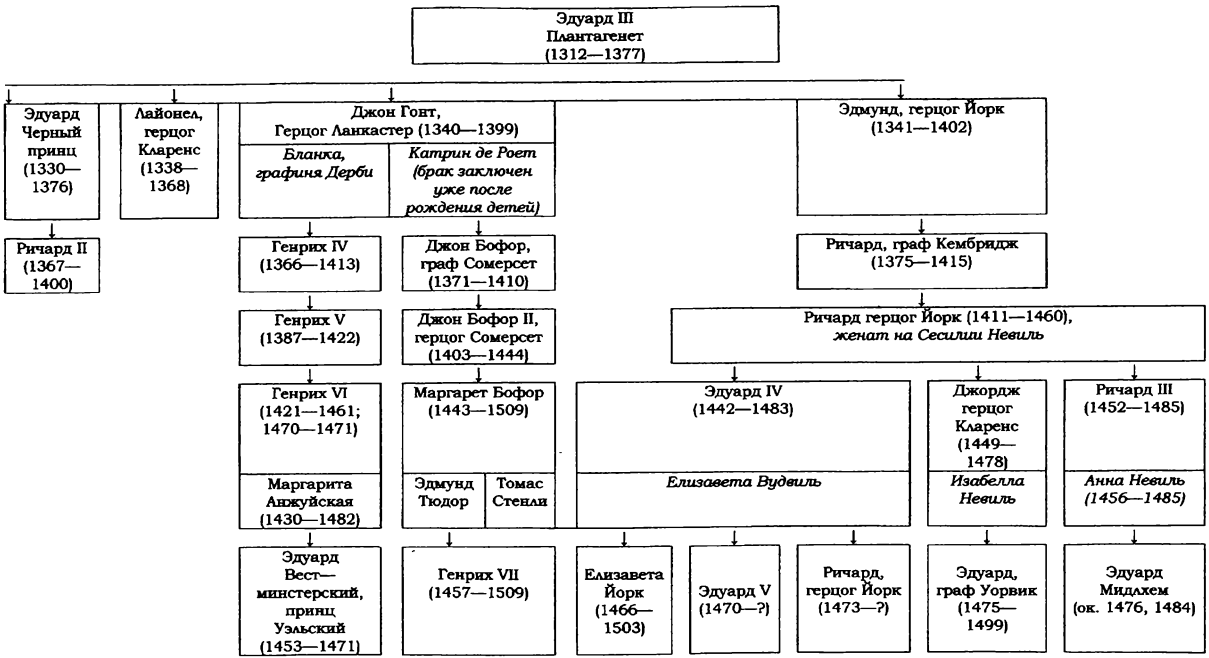
Осень 1484 г. — Заключается мирный договор с Шотландией на три года.

16 марта 1485 г. — Смерть супруги Ричарда III, королевы Анны.

7 августа 1485 г. — Войска Генриха Тюдора высаживаются в Уэльсе

22 августа 1485 г. — Битва при Босворте, Ричард III находит смерть на поле боя.

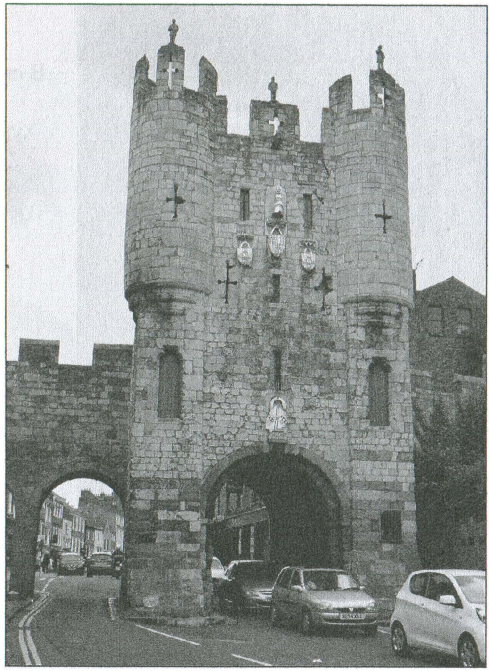
Генеалогическая таблица.
Ланкастеры, Йорки, Тюдоры



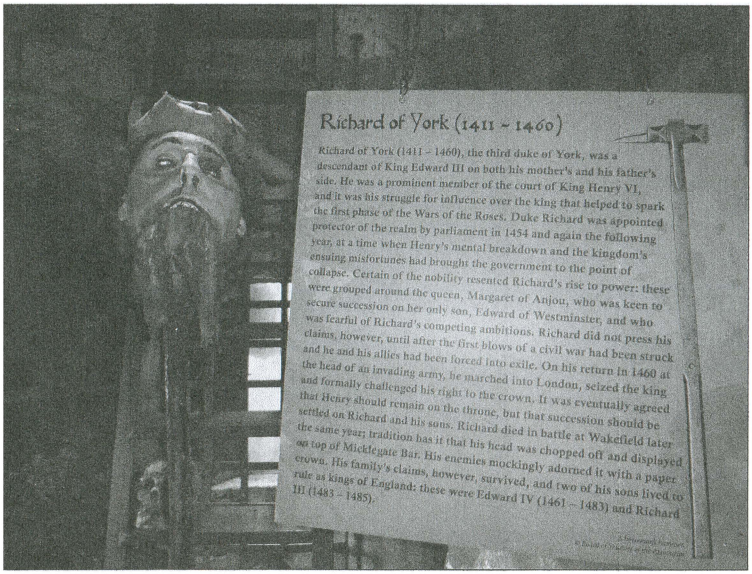
Ричард III.
Портрет, известный
под условным названием
«Сломанный меч».
Около 1550 г.

Ричард III.
Неизвестный
художник.
Середина XVIII в.

Ворота Миклгейт. Йорк. К ним в конце 1460 г. приколотили голову отца Ричарда III — Ричарда герцога Йорка. Фото Е. Браун

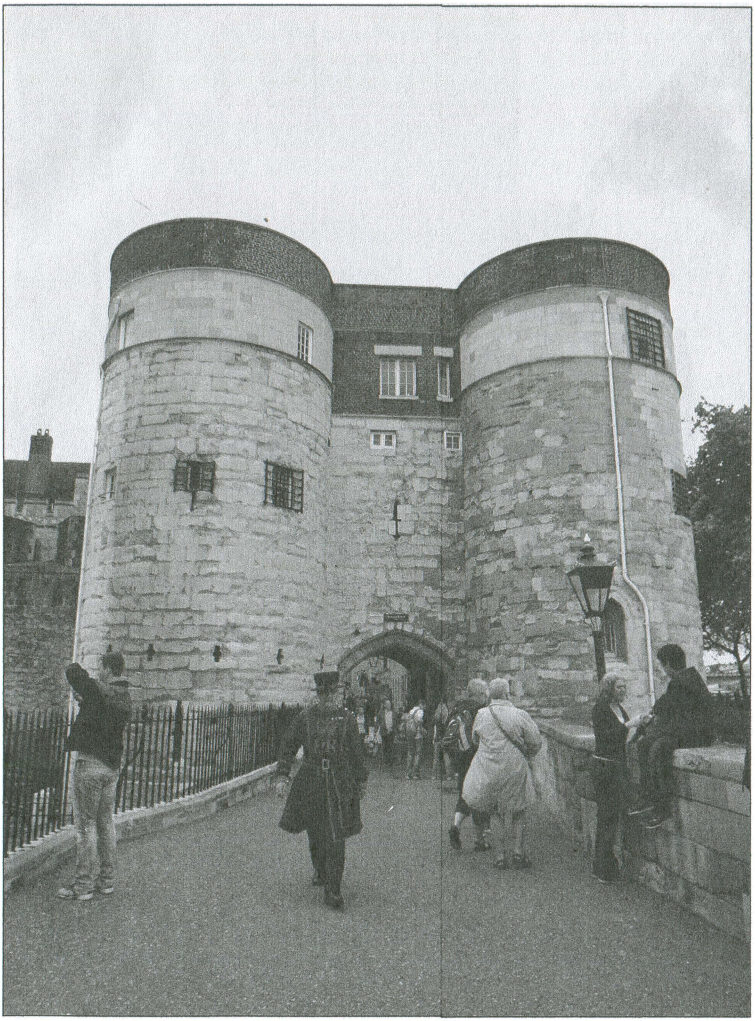


Сейчас в надвратном помещении музей, среди экспонатов которого есть восковая голова Ричарда Йорка



Герцог Бургундии
Филипп Добрый.
В его владения мать отослала
Ричарда в 1461 г.
Художник Р. ван дер Вейден

Генрих VI Ланкастер.
Неизвестный
художник



Лондонский Тауэр. 27 июня 1461 г. Ричард проехал по этому мосту в составе коронационного кортежа Эдуарда IV. Фото Е. Браун

Большой зал замка Мидлхэм. Фото Е. Браун

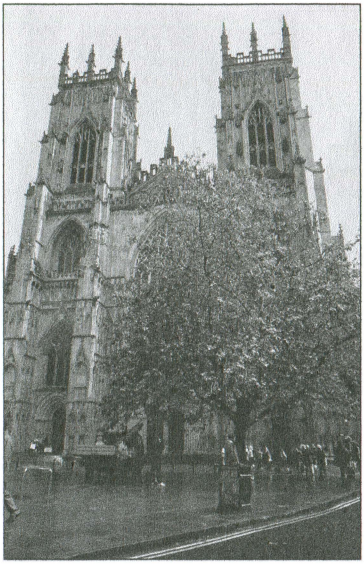
Памятник
Ричарду III
в замке Мидлхэм.
Фото Е. Браун

Замок Мидлхэм.
Ричард жил в нем
в 1461—1465 и
в 1472—1483 гг.
Фото Е. Браун

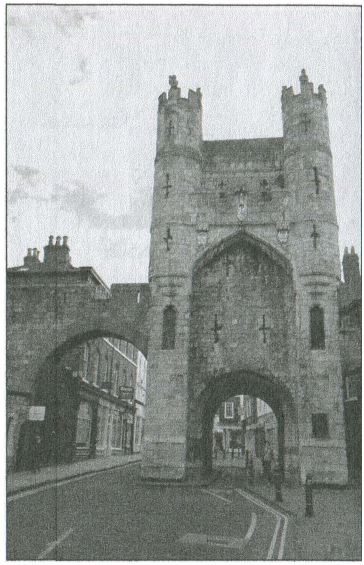
Герцог Бургундии Карл Смелый.
Неизвестный художник

Эдуард IV Йорк.
Неизвестный художник

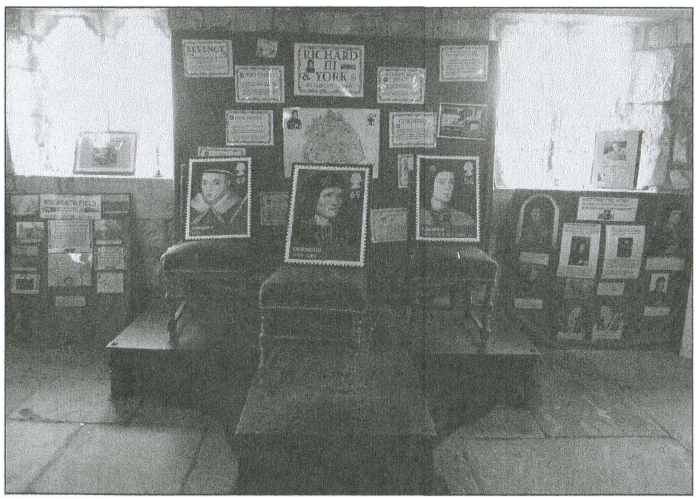
Елизавета Вудвиль,
супруга Эдуарда IV.
Неизвестный художник



Кафедральный собой Йорка еще помнит Ричарда III. Фото Е. Браун

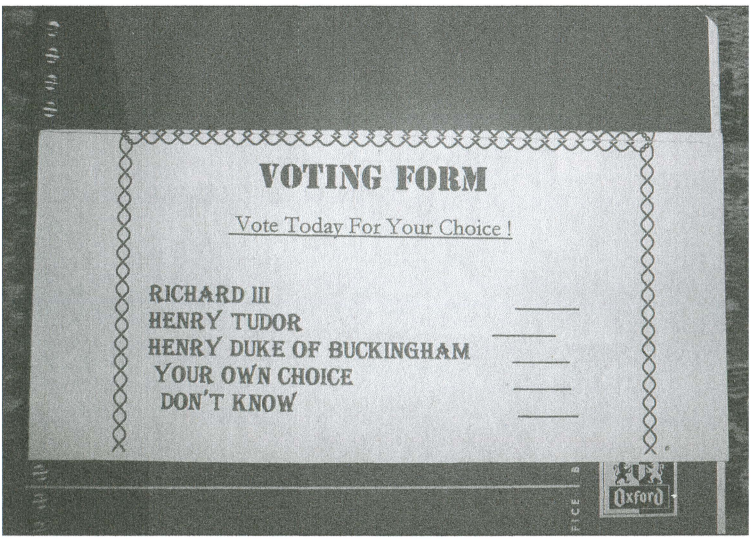


Башня Монк, Йорк. В настоящее время в башне находится музей Ричарда III. Фото Е. Браун

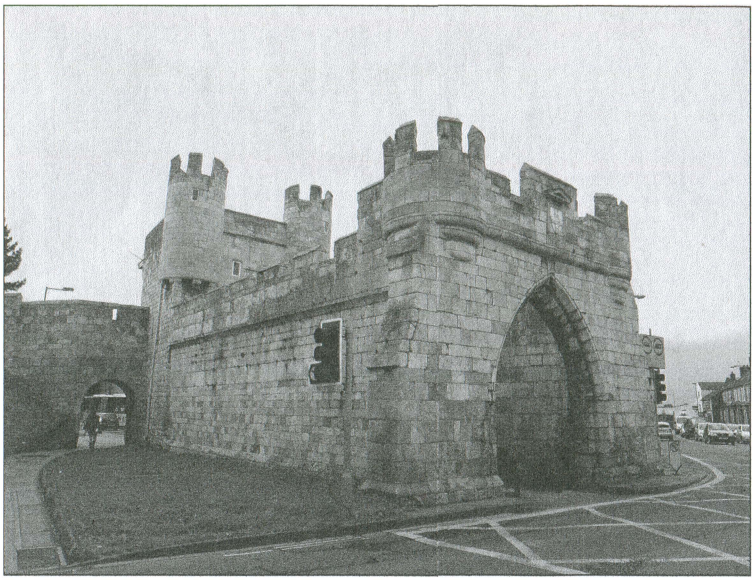


Музей Ричарда III, Йорк. Экспозиция музея построена как имитация суда над Ричардом III по обвинению в убийстве «принцев в Тауэре» Фото Е. Браун

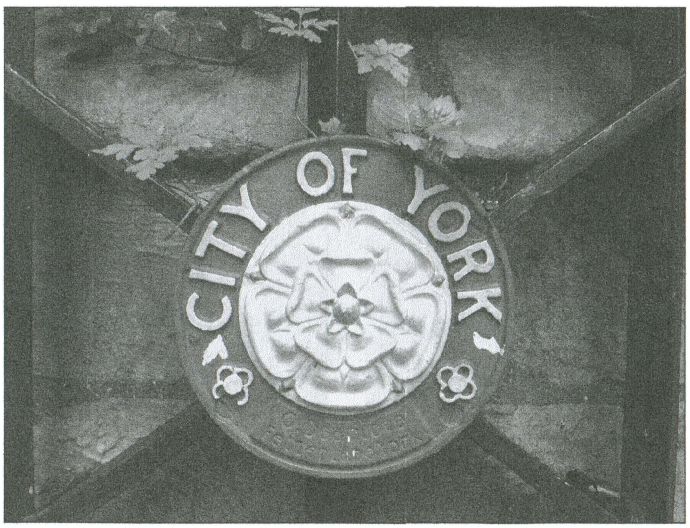
Посетители музея имеют возможность записать свое мнение о виновности или невиновности Ричарда III в специальных книгах и заполнить бюллетень для голосования. Фото Е. Браун



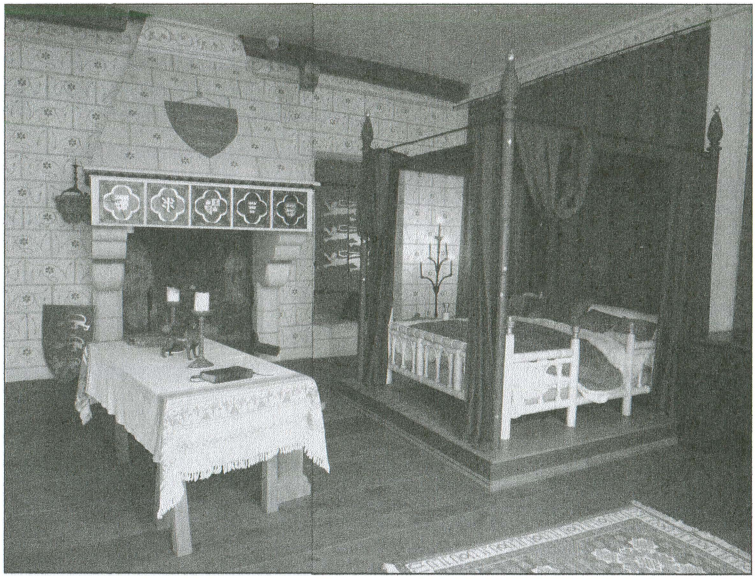
Бюллетень для голосования. Музей Ричарда III, Йорк



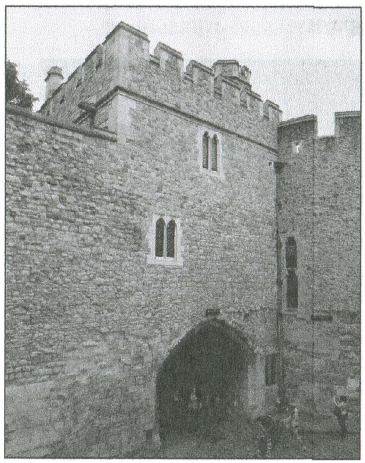
Башня Волмгейт, Йорк. Это единственная башня с сохранившимся со времен Ричард III предвратным укреплением — барбаканом. Фото Е. Браун



Решетка, запирающая вход на стены Йорка. Белая роза Йорков теперь стала эмблемой города. Фото Е. Браун

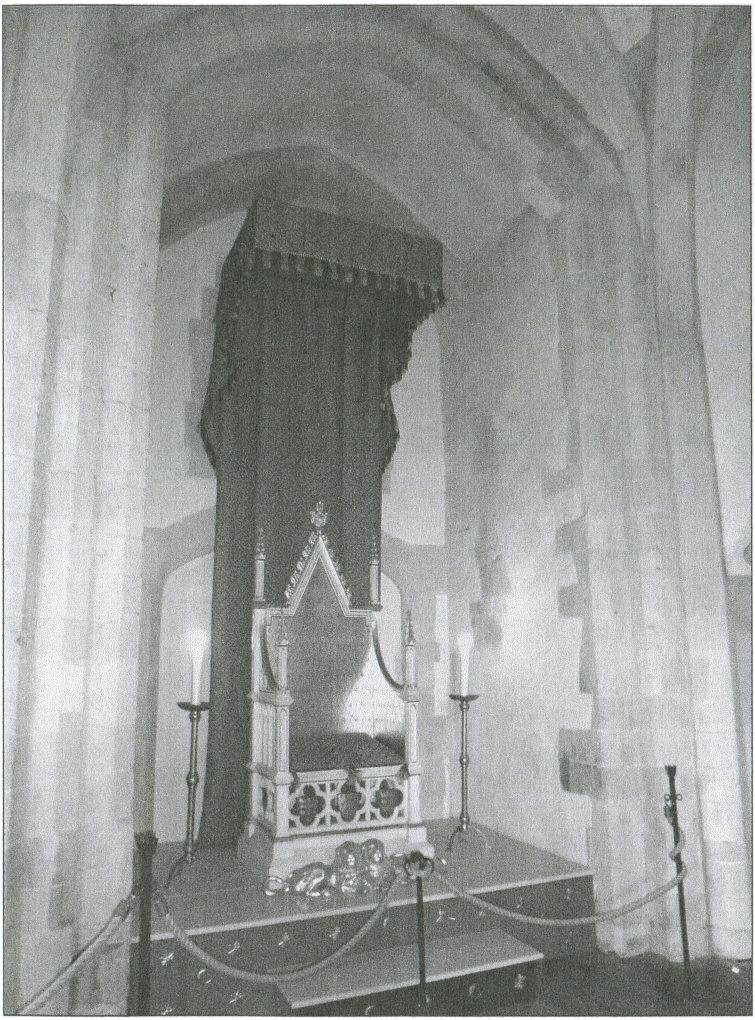


Королевские покои в Тауэре, XV в. Фото Е. Браун

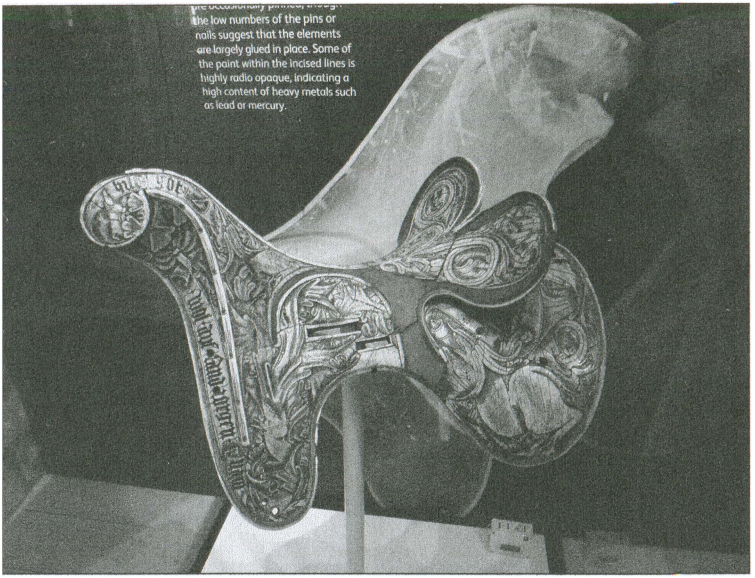


Кровавая башня, Тауэр. По легенде именно в этой башне были заключены сыновья Эдуарда IV. Фото Е. Браун

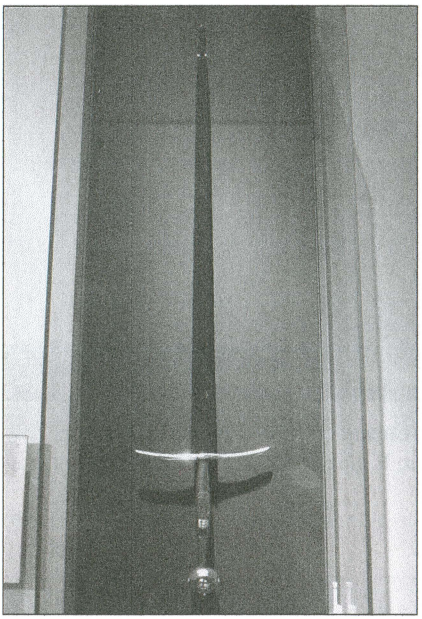
Белый Тауэр. Под лестницей, ведущей в капеллу св. Эдуарда, в XVII столетии нашли два детских скелета, которые сочли останками «принцев в Тауэре». Фото Е. Браун



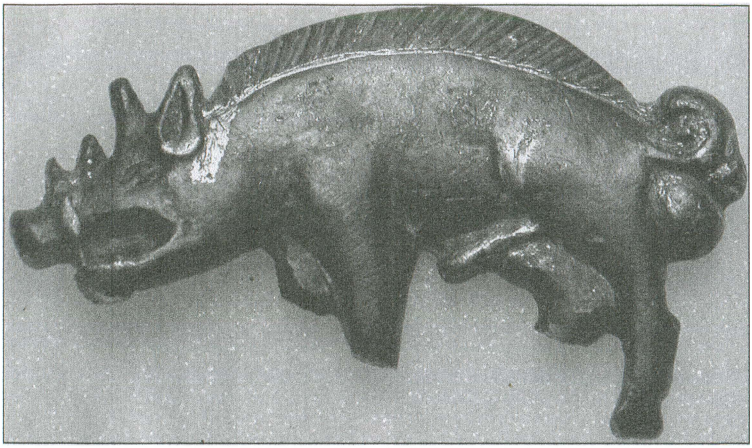
Трон, на котором, вполне возможно, сиживал Ричард III, Тауэр.
Фото Е. Браун



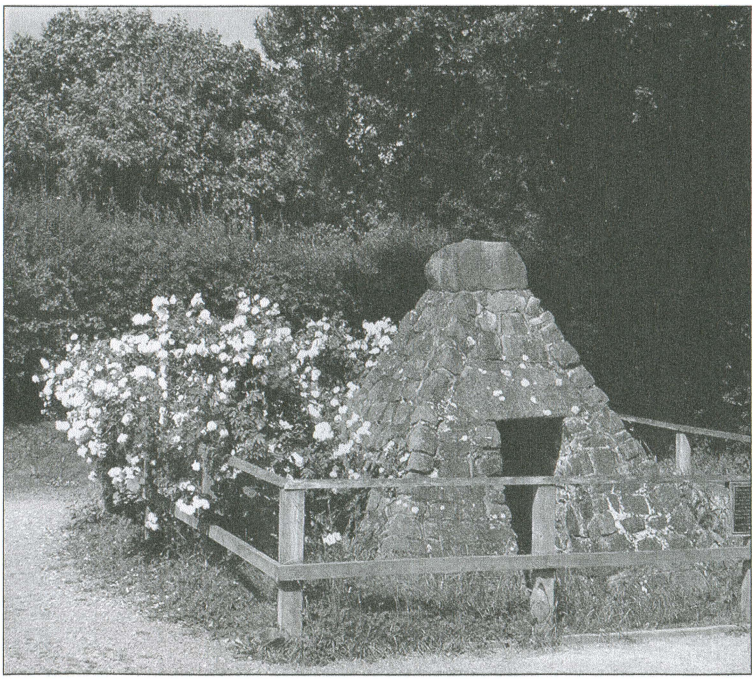
Парадное рыцарское седло XV в. Во время коронационного шествия Ричард III использовал почти такое же. Фото Е. Браун



Церемониальный меч, который Ричард III вручил своему сыну Эдуарду во время торжественного возведения в ранг принца Уэльского. Фото Е. Браун



Серебряная пряжка, украшавшая плащ кого-то из ближайших соратников Ричарда III во время битвы при Босворте

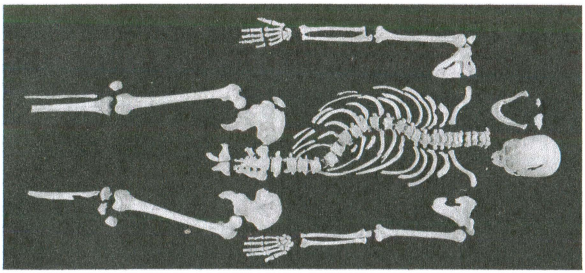


Поле битвы при Босворте. Королевский колодец. По преданию Ричард III пил из него перед решающей атакой на отряд Генриха Тюдора

Старшая дочь Эдуарда IV
Елизавета Йорк.
Неизвестный художник

Генрих VII.
Неизвестный художник

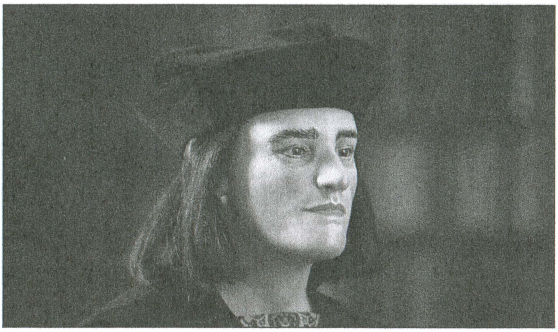
Маргарет Бофор,
мать Генриха Тюдора.
Неизвестный художник



Останки Ричарда III, найденные в Лестере в 2012 г.

Ричард III.
Гравюра Р. Элстрека.
1638 г.

Ричард III. Около 1516 г.
Из Собрания Британского Общества антикваров



Ричард III.
Пластическая реконструкция

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

Глава 1
«УРОД, ГОРБАТЫЙ ТЕЛОМ И ДУШОЙ».
РИЧАРД III В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ШЕКСПИРА 7

Глава 2
РИЧАРД ЙОРК И ЕГО СУПРУГА СЕСИЛИЯ
(1415—1452) 35

Глава 3
В БЕЗОПАСНОСТИ В ЗАМКЕ
ФОТЕРИНГЕЙ (1452—1459) 56

Глава 4
ДИТЯ ВОЙНЫ (1459—1461) 76

Глава 5
ВОСПИТАННИК ВСЕМОГУЩЕГО
УОРВИКА (1461—1464) 94

Глава 6
«ВЕРНОСТЬ СВЯЗЫВАЕТ МЕНЯ» (1465—1471) 111

Глава 7
РИЧАРД, АННА
И НАСЛЕДСТВО УОРВИКА (1471—1475) 154

Глава 8
ВТОРОЙ ПОСЛЕ КОРОЛЯ (1475—1483) 175

Глава 9
ПУТЬ К ТРОНУ (АПРЕЛЬ — ИЮНЬ 1483) 215

Глава 10
РИЧАРД III МИЛОСТЬЮ БОЖЬЕЙ КОРОЛЬ
АНГЛИИ (ИЮЛЬ 1483 — АВГУСТ 1485) 243

Глава 9
РИЧАРД III И «ПРИНЦЫ В ТАУЭРЕ»:
РОЖДЕНИЕ ТЕМНОЙ ЛЕГЕНДЫ 309

Глава 10
«ОН БЫЛ ЗЛОБЕН, ГНЕВЛИВ, ЗАВИСТЛИВ
С САМОГО РОЖДЕНИЯ И ДАЖЕ РАНЬШЕ».
НРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ ДРАМА ТОМАСА МОРА 332

Глава 11
ВНЕШНОСТЬ РИЧАРДА III,
ИЛИ КАК СДЕЛАТЬ ИЗ ЧЕЛОВЕКА МОНСТРА 359

Глава 12
РИЧАРД III В РОССИИ.
ВСЕ ЕЩЕ ШЕКСПИРОВСКИЙ КОРОЛЬ? 378

ПОСЛЕСЛОВИЕ 393

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 397

ПРИЛОЖЕНИЕ 413

Литературно-художественное издание

Всемирная история

Браун Елена

РИЧАРД III И ЕГО ВРЕМЯ
Роковой король эпохи Войн Роз

Выпускающий редактор *М.К. Залесская*
Корректор *Б.С. Тумян*
Верстка *И.В. Резникова*
Художественное оформление *Е.А. Забелина*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.
Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доб. 2213), 940-48-71.

Почтовый адрес:
129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:
129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru
http://www.veche.ru

Подписано в печать 30.10.2015. Формат $84\times108^{1}/_{32}$. Бумага офсетная.
Гарнитура «Петербург». Печ. л. 13,5.
Тираж 500 экз. Заказ 720.

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

Ричард III (1452—1485), пожалуй, самый известный и самый загадочный король Средневековья. Он захватил трон, отстранив от власти собственных племянников, но современники не видели в его действиях ничего особенного; однако уже через несколько десятилетий Ричарда III стали считать злодеем и предателем. Шекспир описал его как монстра, «урода, горбатого и телом, и душой», а уже в начале XVII в. у Ричарда III появились первые защитники. Историки спорят до сих пор: одни провозглашают его образцом добродетели, другие — двуличным выскочкой и убийцей. Каким Ричард III был на самом деле? Почему у него настолько скверная репутация? Ответы попытаемся отыскать в этой книге.

Всемирная история

ISBN 978-5-4444-3971-5

ВЕЧЕ